

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

манъёсю

(«СОБРАНИЕ МИРИАД ЛИСТЬЕВ»)

в 3-х томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

манъёсю

Перевод с японского,
вступительная статья и комментарии
А. Е. ГЛУСКИНОЙ

ТОМ
1

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор

Н. И. КОНРАД

Поэтическая редакция

Н. А. ПАВЛОВИЧ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Лучшее литературное наследие народов мира обладает непреходящей художественной ценностью и входит в нашу современность как вечно живой источник мыслей и чувств, обогащающий сокровищницу мировой культуры.

К такому литературному наследию наряду с другими бессмертными памятниками мировой литературы относится и японская антология VIII в. «Манъёсю», хранящая в себе поэтическое богатство своего народа, не утратившее живого звучания по настоящее время.

«Манъёсю» — это первый письменный памятник японской поэзии, ценнейший памятник древней культуры, составляющий национальную гордость японского народа. Это огромный особый поэтический мир, отражающий думы и чаяния, чувства и мысли, жизненный опыт ряда поколений; это подлинная энциклопедия жизни, живая история поэтического стиля. Это богатейший мир своеобразных художественных образов, сложной и своеобразной поэтики.

Здесь собраны песни многих поколений, датированные IV—VIII вв., а также жемчужины народной поэзии, уходящие далеко за пределы феодальной эпохи.

Около 500 авторов представлены в этом редком собрании, где наряду с песнями древних правителей, известных поэтов помещены песни пограничных стражей, рыбаков, землепашцев и других простых людей Японии. 4516 песен содержится в 20 книгах этого памятника, разнообразных по жанру, стилю и содержанию.

Храня в себе блестящую поэзию раннего средневековья — произведения лучших поэтов Хитомаро, Акахито, Окура, Табито, Якамоти и вместе с тем народные песни, предания, легенды и др., — памятник заслуженно считается сокровищницей японской литературы. Он является неиссякаемым источником, к которому обращалась на пути своего развития вся последующая японская литература.

Большая ценность этого памятника и в том, что содержание его не ограничено «специальной поэтической темой», как в дальнейшей классической японской поэзии; содержанием здесь служит сама жизнь во всем ее многообразии. Здесь одинаково воспеваются красоты природы и детали быта, старинные обычаи и обряды, исторические события и картины труда. Исключительное богатство образов и тематики особо повышает значение этой поэзии, а также дает важный материал для изучения древней культуры этого периода.

Художественные средства и приемы свидетельствуют о высоком поэтическом мастерстве, достигнутом в эпоху Нара (VIII в.).

Творческое освоение опыта корейской и китайской поэзии, философии, культуры лишь помогло расцвету глубоко самобытного искусства поэзии.

Наличие фольклорного материала составляет характерное отличие «Манъёсю» от всех позднейших японских антологий и придает ей особое историко-литературное значение, так как позволяет видеть пути, по которым шло становление литературной поэзии, выросшей на почве устного народного творчества.

То обстоятельство, что поэтические произведения антологии, подписанные порой именами императоров и других лиц, являются иногда просто записью народных песен, и то, что высокая поэтическая культура некоторых анонимных песен позволяет предполагать, что среди них есть песни знаменитых поэтов того времени, подпись которых, по тем или иным причинам, не сохранилась,— все это свидетельствует о том, что объем фольклорного материала выходит здесь за рамки анонимной поэзии, а произведений известных поэтов больше, чем принято считать.

Кроме того, фольклорный материал памятника позволяет видеть почти все жанрово-тематические разновидности народной песни, о которых известно в истории мирового фольклора, и уточнить особенности, присущие японской народной песне и обусловленные конкретными историческими условиями. А наличие наряду с этим лучших произведений поэтов того времени помогает видеть, как рожденная в труде песня передает богатство своего поэтического опыта литературной поэзии, создающейся на базе устного народного творчества.

На русском языке до сих пор были опубликованы лишь немногочисленные переводы с японского отдельных произведений из этого памятника в сборнике «Японская поэзия», изданном в 1954 г. и вышедшем вторым дополненным изданием в 1956 г.; в дореволюционное время были изданы отдельные песни, но почти все в переводе с западноевропейских языков.

В настоящем издании представлен впервые полный перевод памятника с японского языка, снабженный комментариями и приложениями.

Издание ставит целью ввести в широкий научный и культурный обиход весь богатейший материал этого редкого собрания, с тем чтобы помочь глубже понять особенности некоторых сторон японской действительности и, в первую очередь, литературного и культурного развития современной Японии.

Для перевода текста памятника использовано главным образом комментированное издание «Манъёсю-сосякю», в подготовке которого принимали участие крупнейшие современные японские филологи — исследователи «Манъёсю».

Однако наряду с этим в каждом отдельном случае были привлечены и другие комментированные издания, список которых дан в приложении.

В процессе работы над переводом мы выбирали всегда то, что ближе всего соответствовало реальному содержанию песни и той конкретно-исторической обстановке, в которой создавалась песня, ища подтверждения этому как в других сходных песнях антологии, так и во всем содержании и общей системе художественных образов, представленных в антологии в целом.

Основная задача комментария состояла в том, чтобы прежде всего раскрыть реальное содержание песни путем разъяснения условий, при каких создавалась песня, и объяснения реалий, лежащих иногда за пределами поэтического текста.

Там, где это возможно и необходимо, дается также разъяснение общего и частного значения некоторых художественных образов и их связи с народными истоками и последующей классической японской поэзией X—XIII вв. Однако ввиду грандиозности поэтического текста пришлось многое обобщить и перенести во вводную часть издания.

В комментариях и введении мы стремились также к уяснению национального своеобразия представленной здесь поэзии, т. е., другими словами, к уяснению своеобразия того вклада, который вносит японская поэзия этой эпохи в историю мировой поэзии и культуры.

Главными принципами перевода песен были точная (в адекватном, реальном, художественном смысле) передача поэтических образов, стремление по возможности не выходить за рамки художественной картины японского текста и придерживаться точной передачи его поэтического содержания.

Только в необходимых случаях, когда текст вызывает у японского читателя дополнительное художественное восприятие, подсказанное привычной ассоциацией или поэтической традицией, лежащей вне текста, т. е. когда требовалось раскрытие внутреннего или ассоциативного образа, переводчик позволял себе выражать это словесно, чтобы передать советскому читателю полностью художественно-эстетическое содержание песни и впечатление от нее во всем его объеме.

Часто это вызывалось внутренней игрой слов, дающей дополнительные образы и смысл, без раскрытия которых песня будет либо художественно обедненной, либо малопонятной. Например:

Зовут сосну «мацу».
«Мацу» значит «ждать».
Ждать придется долго мне.
По небу плывущее
Солнце клонится к концу,
Белотканые мои
Рукава
Влажны от слез.

В тех же случаях, когда дополнительные слова требовались из соображения ритма, они добавлялись из арсенала общей системы художественных образов, встречающихся в «Мантёсю».

То, что одни переводы имеют рифму, а другие — нет, третьи имеют скользящую рифму (чаще всего переводы нагаута), а пятистиший танка переданы в разных случаях разными размерами, вызвано следующими соображениями: в японской поэзии отсутствует рифма как поэтический прием, но в силу силлабического характера стихосложения и свойств самого языка в стихах-песнях встречаются и обычные, и анафорические, и внутренние, и внешние скользящие (т. е. несимметричные) рифмы и ассонансы.

Например: кому то ю мо	Скажешь мне: «Приду»,
кону токи ару о	И бывало не придешь,
кодзи то ю мо	Скажешь: «Не приду»,
кому то ва матадзи	Что придешь, уже не жду,
кодзи то ю моно о.	Ведь сказал ты: «Не приду».

На этом основании в переводах оставлена рифма, если она получается естественно при передаче на русский язык художественных образов произведения. Мы не вводили ее как один из принципов перевода, поэтому здесь нет одного определенного способа рифмования. Но и не изгоняли ее и не стремились к ней нарочито. Рифма в данном переводе, как и в японской поэзии, не установленный поэтический прием, а явление сопутствующее и обусловленное языковыми закономерностями.

При переводе танка использованы разные размеры. Это прежде всего было вызвано стремлением точно передать образы системой другого языка, но при этом учитывались, по мере возможности, особенности внутренней структуры, композиции и содержания поэтических произведений. Форма пятистиший всюду сохранена.

Особо следует отметить трудность перевода некоторых поэтических приемов японской поэзии, в частности макура-котоба, отождествляемых обычно с постоянными эпитетами. Однако исследование этого поэтического приема позволило прийти к заключению, что под этим названием, указывающим на формальную позицию макура-котоба в тексте стиха, объединяются разные поэтические приемы, а именно: постоянные зачины (общие и частные, живые и окаменевшие), постоянные эпитеты, постоянные сравнения и постоянные звукоповторы.

Соответственно эти различные приемы и переданы в переводе, за исключением звуковых повторов и игры на омонимах, передать которые другой системой языка оказалось возможным лишь в исключительных случаях.

В отличие от имевшихся отдельных западноевропейских переводов песен «Мантёсю», игнорирующих перевод макура-котоба (из-за трудности, а также из-за традиции, считающей их формальными элементами, не имеющими связи с основным текстом песни), мы, исходя из своего понимания макура-котоба как художественно-эстетического начала в древней поэзии, глубоко и органически связанного с художественной тканью каждой песни, пытались во всех случаях их перевести, считая, что в них отражена лаконически вся древняя история стиля и система образности, порожденная конкретно-исторической почвой и потому раскрывающая пути ее рождения. Даже там, где это окаменевший зачин, он, тем не менее, одним своим наличием уже придает особый аромат песне и входит в ее художественно-поэтическую ткань.

Поэтому оставлять макура-котоба без перевода — значило бы лишить эту поэзию специфического свойства и прелести древней эстетики и полноты художественного воплощения. Без перевода макура-котоба поэзия древности лишена была бы своих жизненных соков, источника, питающего ее образную систему.

Для нагаута не была искусственно выбрана какая-либо определенная форма. Принцип точной передачи художественной образности и внутренней ритмической цельности определил особую форму для передачи ритмического рисунка песни, не распадающегося на отдельные звенья, а обычно сохраняющего плавную цепочку от начала до конца песни.

Выделение строф допущено лишь для народных песен — баллад и поэм — там, где эти поэтические отрезки диктуются самим ритмом и содержанием песни.

Форма шестистишия — сэдока — сохранена, и в переводе к ней в полной мере относится все, что сказано о переводе танка.

В ту далекую эпоху поэзия органически входила в жизнь, в быт. Ее выразителями были не только одаренные поэты, но и простые люди, в силу традиции выражавшие свои мысли и чувства песнями, направ-

лявшие поэтические послания друзьям, возлюбленной, родителям и говорившие в песнях часто о самом обыденном и простом.

Поэтому среди бессмертных жемчужин блестящей поэзии лучших поэтов «Манъёсю» часто встречаются и посредственные песни. Переводчик старался их не приукрашивать, чтобы сохранить правдивую картину всего поэтического собрания, имеющего особую ценность именно в неравномерности поэтических качеств, помогающих за этими иногда и неискусными стихами видеть во всем объеме картину древнего быта, культуры, каждодневных дум и чувств и роли поэзии и поэтического творчества в жизни народа.

Учитывая большую численность песен и трудности самой работы над переводом, нельзя, разумеется, рассчитывать на одинаково удачное выполнение задач во всех случаях. Есть здесь, как и во всякой большой работе, и свои удачи, и свои недостатки, и последних, конечно, значительно больше. Однако, при всем этом, мы старались в меру сил и возможностей дать читателю хотя бы общее представление о многообразии и богатстве этой поэзии, ее специфической образности, о существе ее бытия, где главной мерой вдохновения была сама жизнь.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

1. При переводе памятника используется современное чтение и произношение японских слов, поскольку памятник именно в таком виде живет и бытует в Японии и, следовательно, данная работа, преследуя поэтологические цели, освобождена от необходимости обращаться к вопросам древнего фонетического строя и воспроизводить древнее произношение.

2. В географических названиях приводится традиционное чтение с окончанием -ну (например, Ёсину вместо Ёсино, Синану вместо Синано и т. п.). Поскольку задачи издания не преследуют специальных филологических целей, переводчик счел возможным не вносить в уже подготовленную к печати рукопись изменения в чтении соответственно некоторым последним японским изданиям (НКБТ и др.), где стали читать Ёсино вместо Ёсину, Синано вместо Синану и т. п. В указателе географических названий все разночтения приведены.

3. Географические названия для удобства читателя даны в слитном написании, т. е. Арэносаки вместо Арэ-но саки и т. д.

4. Для большинства названий деревьев, цветов и трав в переводе оставлены японские наименования. Перевод на русский язык дается лишь в тех случаях, когда это название на русском языке вызывает знакомый образ. Исключением является японская глициния — фудзи, которую мы сохранили в ее японском наименовании, поскольку в поэти-

ческом тексте она часто встречается в сочетании с такими географическими названиями, как Фудзии и Фудзиэ и т. п., и перевод в этих случаях аннулировал бы звуковые повторы в поэтическом тексте. Иногда японское наименование цветов сохраняется ввиду того, что на нем строится особый внутренний смысл стиха (померанцы — татибана и Татибана — знатный род, к которому принадлежит известный поэт Татибана Морозэ) и т. п.

5. В переводе имена и фамилии авторов даются не слитно, а раздельно (при этом опускается частица «но»). Например, «Какиномото Хитомаро» вместо «Какиномото-но Хитомаро», так как в этот период, судя по материалам памятника, имена и фамилии представляли уже самостоятельные лексические единицы, ибо в некоторых случаях они отделяются друг от друга указанием на чин или титул: «Какиномото-но асومي Хитомаро», а в других случаях употребляются самостоятельно: «Касуга-но ута» — «Песня Касуга» (Касуга — фамилия, опущено имя — Ою) или «Акахито-но ута» — «Песня Акахито» (Акахито — имя, опущена фамилия — Ямабэ).

Японские имена и фамилии даются в японском порядке: на первом месте — фамилия, на втором — имя.

6. В заголовках в нужных случаях дается перевод реального значения вместо текстуального, а текстуальный приводится в комментариях.

В прямых скобках уточняются имена и даты, отсутствующие в тексте памятника. Угловые скобки в заголовках песен означают, что имя автора или название сборника взяты из примечания к тексту. Отточие после первого стиха песни указывает на общий зачин. Отточие, обрамляющее стих внутри песни, указывает на местный зачин.

Переводы примечаний к песням, имеющиеся в тексте памятника, за исключением указаний на автора или сборник, откуда взяты песни, отнесены в комментарии.

В некоторых исключительных случаях в комментариях даются ссылки на примечание в сокращенном виде, когда для наших целей не требуется полного перевода примечания.

Издание состоит из 3-х томов.

В конце имеется ряд приложений: указатель авторов «Манъёсю»; указатель географических названий; указатель провинций, приведенных в «Манъёсю», показывающих территориальное бытование песен с обозначением префектур; таблица годов правления, охватывающая исторический период, приведенный в «Манъёсю», и др.

В заключение мы хотим прежде всего принести нашу глубокую благодарность академику Н. И. Конраду — нашему учителю, которому мы обязаны первым знакомством и изучением памятника еще в стенах Ленинградского государственного университета, а также академику Са-саки Нобуцуна, лекции которого о «Манъёсю» нам удалось слушать в свое время в Токийском императорском университете и которому мы

очень признательны за присланные им его труды, оказавшие нам большую помощь в работе.

Мы хотим также с благодарностью отметить, что многим обязаны коллективу Отдела Японии Института востоковедения АН СССР за постоянную товарищескую поддержку. К сожалению, мы не имеем возможности перечислить всех, кому обязаны, и поэтому приносим общую искреннюю благодарность всем, кто так или иначе содействовал выпуску в свет этой работы.

Хотелось бы надеяться, что издание памятника, особо ценного в Японии, будет способствовать укреплению дружеских связей и взаимопониманию советского и японского народов.

А. Глушкина

«МАНЪЁСЮ» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

VIII век, или так называемая эпоха Нара, эпоха раннего феодализма, заслуженно считается одной из самых блестящих страниц в истории японской литературы. Слава этого периода прочно связывается в исследованиях японских ученых с появлением первого письменного памятника японской поэзии «Манъёсю».

И действительно, поэтические достоинства антологии, ее историко-литературное значение позволяют считать нарский период основополагающим для всего дальнейшего развития японской литературы, и в первую очередь для поэзии. Именно в эту пору сложились национальные традиции поэзии, определились ее специфические качества и свойства, ее своеобразие — все то, что составило ее вклад в историю мировой поэзии.

Эту эпоху, явившуюся первым этапом в истории японской литературы, первой вершиной ее достижений, нельзя не отметить как период редкого подъема и расцвета японской поэзии и искусства.

Японские исторические музеи-храмы, знаменитая сокровищница Сёсоин в городе Нара хранят художественные и археологические памятники, предметы прикладного искусства, бронзу, лак, старинные зеркала, резные шкатулки, парчу и пр., которые свидетельствуют о высоких достижениях художественной культуры того времени. Среди этих изделий встречаются различные предметы обихода и искусства персидского, китайского, индийского, среднеазиатского и даже арабского происхождения. Такое явление не удивительно, если вспомнить, что ближайший сосед Японии — китайская империя уже имела в то время оживленные торговые связи с арабским халифатом, Индией, Персией и другими государствами.

Все это говорит о скрещении многих культур в пору первого расцвета литературы и искусства раннего японского средневековья и о разных источниках, питавших древнюю культуру Японии.

Исторические документы свидетельствуют об очень ранних связях Японии с материковой культурой, существовавших чуть не с I в. до

н. э.¹. История рассказывает нам, что к VIII в. Япония представляла собой централизованное государство, во главе которого стоял общеплеменной вождь или вождь общеплеменного союза, называемый в японских исторических хрониках «императором».

Государственный аппарат обладал уже сложным механизмом, построенным по китайскому образцу. К тому времени взамен обычного права появился кодекс Тайхорё (701 г.) — законодательство, охватывавшее и регламентировавшее все стороны государственной и общественной жизни.

Была создана и особая система просвещения, в основе которой лежала подготовка государственных чиновников с целью укрепления существующего государственного порядка. Изучение китайской литературы в широком смысле этого слова, пропаганда буддизма являлись основой системы просвещения. К тому времени уже была усвоена иероглифическая письменность Китая, интенсивно перенимались нравы и обычаи китайского двора. На основе китайской письменности была выработана собственная слоговая фонетическая азбука «кана».

Следует указать и на большой контакт с культурой древних княжеств Кореи, оказавшей немалое влияние на многие стороны жизни древней Японии, на ее язык, развитие материальной и духовной культуры, тем более что в VIII в. на японской земле существовали целые поселения корейцев в западной части о-ва Хонсю.

VIII век был веком относительного мира и спокойствия. Внешние войны не беспокоили страну. Отдельные придворные интриги и заговоры, местные восстания еще сохранившихся кое-где инородных племен не нарушали общего мирного хода событий.

Китайские и корейские переселенцы, буддийские монахи, приезжавшие из Китая и Кореи, немало способствовали всякого рода нововведениям в стране.

Именно в VIII в. из Японии систематически направлялись специальные посольства в Китай, ко двору Тан, и в корейское княжество Сираги. Это, в свою очередь, помогало развитию японских ремесел, наук, литературы и искусства.

Однако наряду со стремительным усвоением материковой культуры при дворе императоров нельзя упускать из вида и японского земледельца того периода с его примитивнейшим способом производства, с его полной зависимостью от стихийных сил природы, с его ограниченным мировоззрением, обожествляющим силы природы и пытавшимся бороться с ними при помощи различных магических обрядов.

Нельзя забывать, что и сам «император», насаждавший иноземную культуру, являлся в то же время верховным жрецом своего народа и

¹ Н. И. Конрад, *Лекции по истории Японии*, ч. 1, *Древняя история*, М., 1937, стр. 3.

«представителем богини солнца» на земле и в этом смысле и сам еще не отделим от всей этой системы магическо-религиозных верований. Синтоизм — национальная религиозная система, в основе которой лежит обожествление сил природы, и в частности культ солнца, а также игравший первостепенную роль в религиозном сознании японцев того периода культ предков еще занимали господствующее положение, несмотря на широкое покровительство буддизму при дворе, на пропаганду этических норм конфуцианских учений. По каждому поводу приносились на алтарь богов пышные дары. Еще бытовали старинные суеверия и приметы, гадания и заговоры, древние запреты, вера в магию слов и т. п., пользовались популярностью даосские легенды об эликсире бессмертия и других волшебных средствах, возвращающих молодость и продлевающих жизнь.

Внешние признаки роскоши, процветания, культурного расцвета сочетались с древнейшими пережитками бытового уклада, с нищетой и беспомощностью древнего земледельца. На трудных, опасных дорогах умирали от голода крестьяне, возвращавшиеся после отбытия трудовой повинности. Бедствовали семьи пограничных стражей, увезенных на далекий остров Кюсю, где в течение ряда лет они тянули лямку тяжелой службы. От непосильных оброков нищенствовали деревни. А в императорскую столицу плыли нагруженные жемчугом, рыбой рыбацьи челны, отвозя дань верховному правителю; тянулись повозки с «бесценным грузом — первыми колосьями риса», ежегодно приносимыми в дар императору — «божественному потомку богини солнца». Трудami рабов создавались блеск и роскошь императорской столицы.

Шло строительство великолепных дворцов и буддийских храмов, устраивались пышные пиры и увеселительные прогулки, объявлялись поэтические турниры, расцветали первые ростки литературной поэзии и искусства, которым суждено было в этот период достигнуть настолько совершенных форм, что слава о них сохранилась на всем протяжении японской истории.

Некоторые японские ученые склонны рассматривать высокую культуру этой эпохи как городскую, ограниченную рамками столицы и еще уже, придворными кругами. Однако вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что это было именно так, тем более что постройки великолепных храмов не ограничивались пределами столицы. Кроме того, многие из лучших и образованнейших представителей той эпохи — поэты-чиновники жили в провинциях и устраивали там поэтические турниры, т. е., другими словами, имели соответствующую культурную среду и в далеких провинциях.

Не в этом нужно искать объяснение тех сложных противоречий, которые характерны для нарского периода. Как известно, своеобразие исторического развития, выдвинувшее Японию в течение каких-нибудь 50 лет в начале XX в. в ряды крупных капиталистических держав, было обусловлено жадным и стремительным усвоением ею всех достижений

европейской культуры, опытом которой она воспользовалась, для того чтобы в максимально короткий срок осуществить свой рост как капиталистической державы.

Надо полагать, что и в те далекие времена то же самое было пережито ею при соприкосновении с материковой культурой, когда она, стремительно освоив богатый опыт соседних стран, проделала гигантский скачок в культурном развитии и, творчески используя этот опыт, достигла больших культурных высот в значительно более короткий срок, чем ей удалось бы это сделать в границах своих собственных усилий.

И если в XX в., в период ее расцвета как капиталистической державы, усвоившей достижения европейской техники, наличие феодальных пережитков в экономике и быте страны отмечалось как результат особенностей ее исторического развития, то неудивительно, что в этот далекий период волна материковой культуры, ускорившая процесс ее внутреннего роста, не могла сразу повлечь за собой целиком перестройку всей ее духовной и материальной жизни.

Что же касается больших достижений искусства и литературы в тот период и их полного несоответствия примитивному хозяйственно-экономическому укладу страны, то известное высказывание Маркса о греческом искусстве² только подтверждает на японской почве положение о неравномерности развития искусства, достигающего большой высоты на сравнительно низких ступенях развития общества.

А ярко выраженные в поэзии того времени черты гуманизма, разумеется, в своем особом историческом выражении, позволяют думать, что расцвет литературы и искусства в VIII в. и был тем «отраженным ренессансом», о котором говорится в новой теории мирового Ренессанса, выдвинутой Н. И. Конрадом в его статье «Шекспир и его эпоха»³.

Однако, так или иначе, эпоха раннего феодализма представляет собой сложный исторический период, полный внутренних противоречий, что не могло не получить отражения и в «Манъёсю».

Проблемы изучения этого памятника в Японии по-разному ставились в различные исторические периоды, и в этом отношении историю его изучения можно грубо разделить на четыре основных этапа.

На первом этапе в центре внимания были исключительно вопросы текстологии. На втором — наряду с вопросами изучения текста уделялось внимание и содержанию памятника. Появились сборники «Манъёсю» с комментариями к тексту песен. Желание проникнуть в реальное содержание антологии являлось основной целью исследователей этого периода.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 12, стр. 736.

³ Н. Конрад, Шекспир и его эпоха,— «Запад и Восток», М., 1966, стр. 282.

В дальнейшем одновременно с вопросами текстологии и комментирования, которые на протяжении всей истории японской литературы неизменно занимали внимание исследователей антологии, начался третий этап, когда исследования посвящались разрешению отдельных частных проблем. И, наконец, на четвертом этапе наряду с прежними проблемами в центре внимания стали вопросы социальной принадлежности антологии, вопрос признания ее величайшим памятником народного творчества, вопрос о литературном наследии.

В штудиях, связанных с этим памятником, и в истории его изучения немалую роль сыграла официальная идеология, опирающаяся на синтоизм с его культом богини солнца Аматаэрасу и с культом предков, в основе которой лежала исконная политическая концепция о «божественном происхождении» императорского дома, представители которого считались потомками богини солнца.

Использование древних памятников в подобных целях не является характерным только для Японии, это можно наблюдать и в истории других народов. Здесь важно лишь отделить роль мифологии в создании поэтических образов и в развитии поэзии от предвзятых тенденций их истолкования.

История памятника содержит много темных мест. Самые ранние рукописи антологии, сохранившиеся до настоящего времени, относятся главным образом к X—XII вв., т. е. к так называемой эпохе Хэйан.

Обычно выделяют пять известных рукописей:

Самая ранняя из них — «Кацурабон-Манъёсю», названная так за ее принадлежность к храму Кацура, богато оформленная рукопись на цветной бумаге с рисунками цветов, птиц и растений, содержит только кн. IV антологии и то неполностью.

Вторая рукопись — «Рансибон-Манъёсю», которая по времени идет за «Кацурабон-Манъёсю» и называется по сорту бумаги, на которой написана, содержит уже три книги антологии: почти всю кн. IX, кн. X и часть кн. XVIII.

Третья рукопись — «Канадзавабон-Манъёсю», называемая так по имени переписчика, содержит большую часть кн. II, полностью кн. III и IV и небольшую часть кн. VI.

Остальные рукописи, относящиеся к XII в., также не содержат полного текста антологии, состоящего из 20 книг. Одна из них, относящаяся к 1124 г. и известная под названием «Тэндзибон-Манъёсю», была создана в годы Тэндзи (1124—1125). Она содержит целиком кн. II, X, XIII и часть кн. XV.

Наиболее полное собрание представляет рукопись «Гэнряку-кохон-Манъёсю», фигурирующая часто под сокращенным названием «Гэнрякубон», названная так потому, что была написана в годы Гэнряку (1184 г.). В ней содержатся, за исключением кн. III, V, VIII, XV, XVI

и частично кн. XI, все остальные книги антологии, т. е. почти сорок пять книг, другими словами, почти три четверти всей антологии.

Рукопись, содержащая полностью двадцать книг, относится уже к XIII в. (периоду Камакура).

Все это в целом дает основание для разговоров и сомнений по поводу принадлежности «Манъёсю» в том виде, в каком этот памятник дошел до нас, к VIII в. Но мы не собираемся подвергать специальной дискуссии вопросы аутентичности, так как для нас они не имеют решающего значения. Этот первый дошедший до нас памятник письменной поэзии важен именно в том виде, в каком он сохранился, и оказывал влияние на все дальнейшее развитие японской литературы. Даже отодвинув его за рамки VIII в. мы вправе обращаться к нему и именно в нем искать истоки японской литературы.

Помимо того, имеется разнородный и богатейший материал самого памятника (содержание песен, поэтический язык и просто язык), свидетельствующий о наличии в нем разных исторических пластов, уходящих в конечном итоге в глубь истории, за пределы VIII в.

Насколько точно отражено в комментариях реальное содержание текста, это другой вопрос, ибо проблемы текстологии и комментирования представляли задачи очень большой трудности. Как известно, текст «Манъёсю» записан различными приемами транскрибирования японских слов китайскими иероглифами. Причем сложная и своеобразная система фонетического использования иероглифов широко известна в истории японской письменности и даже получила особое название — «манъёгана» — «слоговая азбука „Манъёсю“» или «транскрипция „Манъёсю“».

Первая и главная задача текстологической работы над памятником состояла в прочтении и восстановлении реального содержания текста на основе системы японской письменности, т. е. надлежало сопроводить иероглифический текст памятника знаками слоговой азбуки кана.

Первая разметка текста была проделана, насколько мы можем судить по современным сведениям, в 951 г. по приказу императора Мураками коллегией из пяти человек: Киёвара Мотоскэ, Ки Токибуми, Онакатоми Ёсинобу, Минамото Ситагау, Саканоэ Мотики, или так называемой пятеркой грушевого павильона (насицубо-но гонин), под каким названием они известны в истории японской литературы.

Эта разметка получила в истории изучения «Манъёсю» название «котэн» — «древней разметки» в отличие от «цугитэн» — «последующей разметки» (XI—XII вв.), сделанной Оэ Тадафуса, Со-Доинном, тремя представителями дома Фудзивара (среди них знаменитый Фудзивара Митинага) и другими.

Однако несмотря на две эти разметки, до XIII в. еще оставались 152 текстологически не расшифрованные песни.

Третью разметку, или «синтэн» («новую разметку»), сделал извест-

ный комментатор «Манъёсю» монах Сэнгаку. Он не только проставил слоговую азбуку к оставшимся песням, но и внес исправления в старую разметку. Так, в 1266 г. им была полностью завершена текстологическая работа над памятником. Этот единственный текстовой комментарий и разметка, содержащие полностью все 20 книг, и легли в основу текста «Манъёсю», которым пользуются современные исследователи и комментаторы.

Следующий этап в изучении памятника после текстологических штудий заключался в комментировании содержания текста. В этой области история изучения «Манъёсю» называет много известных имен.

Самое раннее комментирование отдельных песен антологии относится к XII в. Это «Манъёсю-сё» — древнейший из имеющихся комментариев. Автор его неизвестен, число песен невелико, комментирование примитивно. Он заслуживает внимания только как старейший комментарий к «Манъёсю».

Первой крупной работой была работа Сэнгаку — «Манъёсю-тсюяку» (или «Сэнгаку-сё»), состоящая из 20 книг и завершенная им в 1272 г. После этого до XVII в. ничего капитального нельзя указать.

В дальнейшем особое внимание к изучению «Манъёсю» проявляется в 40-х годах XVII в., когда начался процесс общего культурного подъема и расцвета японской классической филологии.

В 1643 г. (годы Канъэй) происходит существенное событие в истории памятника, когда, наконец, он был напечатан. Это издание — «Канъэйбон-Манъёсю» и легло в основу всех последующих публикаций текста.

К этому периоду относится большое число капитальных трудов по исследованию «Манъёсю». Целая плеяда крупнейших филологов посвящает свои работы изучению антологии.

Первой такой работой был труд Китамура Кигин (1618—1705) «Манъёсю-суйсё», представляющий собой полный комментарий к песням «Манъёсю».

Следует упомянуть также исследование другого крупного филолога, Симокобэ Нагару (1624—1686), — «Манъёсю-канкэн», в котором им давались комментарии к отдельным песням.

Эту работу продолжил известный комментатор «Манъёсю» монах Кэйто (1640—1701), комментировавший весь памятник. Его труд, состоящий из 31 книги «Манъёсю-дайсёки» (или «Манъё-дайсёки»), где основной комментарий занимает 20 книг, — считается одним из самых авторитетных и по настоящее время широко используется современными исследователями «Манъёсю». В истории изучения антологии эта работа была такого же эпохального значения, как работа Сэнгаку в области текстологического исследования памятника.

В дальнейшем, в XVIII в., наибольшей известности в работе над антологией достиг ученик Када Адзумамамаро — Камо Мабути (1697—1769). Его работа «Манъёсю-ко» пользуется большой популярностью и

считается одной из ценных работ по комментированию «Манъёсю». Сам Мабути комментировал только шесть книг антологии (I, II, XI, XII, XIII, XIV), которые он считал наиболее древними, комментарии же к остальным книгам представляют собой записи его объяснений, сделанные его учениками.

Вслед за Камо Мабути заслуживают специального упоминания следующие крупные филологи того времени: Татибана Тикагэ (1734—1808) и его «Манъёсю-рякугэ» с краткими эпизодическими комментариями, указывающими и разночтения. Эта книга была довольно популярна, после периода Мэйдзи (1868—1911) неоднократно переиздавалась и используется современными исследователями.

Из фрагментарных работ крупных филологов наиболее известны и чаще всего упоминаются в современных комментированных изданиях «Манъёсю-тама-но-огото» Мотоори Норинага (1730—1801), «Манъёсю-цуки-но-отиба» Аракида Хисаои (1748—1804) и «Манъёсю-мифугуси» Кимура Масакото (1827—1913).

Особого внимания заслуживает известный комментатор «Манъёсю» Камоти Масадзуми (1791—1858), создатель классического комментария «Манъёсю-коги», состоящего из 141 книги, одного из основных пособий для современных исследователей памятника.

В новейшую эпоху самым крупным знатоком «Манъёсю» считается Сасаки Нобуцуна, член Императорской Академии, бывший профессор Токийского императорского университета. Его перу принадлежат многочисленные работы, посвященные этому памятнику в самых различных аспектах. Под его руководством, а также с участием еще четырех филологов (Такэда Юкити, Хисамацу Сэнъити и др.) в 1924 г. было издано новое фундаментальное текстологическое исследование памятника «Кохон-Манъёсю», состоящее из 25 книг.

Широко известно его популярное издание текста антологии в переводе на современную систему японского письма с кратким указанием разночтений «Синкун-Манъёсю», которое было переиздано в 1954 г. Его перу принадлежит полное комментированное издание памятника, не говоря уже об избранных сборниках песен и многочисленных исследованиях по разным вопросам, связанным с антологией.

Одной из его последних завершающих работ был словарь-справочник «Манъёсю-дзитэн», делаая энциклопедия знаний о памятнике, включающая самые разносторонние сведения с подробнейшим аннотированным библиографическим указателем.

В период 20—30-х годов популяризация и изучение «Манъёсю» вырастают в особую отрасль филологической науки, появляется специальный термин «манъёгаку» («манъёведение»). В этот период выходят во множестве комментированные издания антологии, переводы ее на современный разговорный язык; с 1930 г. издается специальный ежегодный бюллетень «Манъёсю-кэнкю-нэмпо», регистрирующий все новые работы,

статьи, комментированные издания, посвященные памятнику и разным частным проблемам, связанным с ним.

Наконец в 1936 г. выходит в свет новое комментированное издание «Манъёсю-сосяку», в котором принимают участие почти все крупные современные филологи — исследователи антологии. Это авторитетное издание явилось как бы завершением всего предыдущего опыта изучения памятника.

Из современных комментированных изданий «Манъёсю», помимо работ Сасаки Нобуцуна, наиболее известны работы Коносу Морихиро, Такэда Юкити, Омодака Хисатака, Оригути Синобу, Кубота Уцубо, Цутия Буммэй. Из неполных комментированных изданий ценны работы Цугита Дзюн, Ямада Ёсио, Тоёда Ясоё. Из более ранних комментаторов известен еще Иноуэ Митиясу (Цутай), издавший в 1915—1927 гг. полный комментарий к антологии. Популярны также исследования Хисамацу Сэнъити, Моримото Харукити, Такаги Итиноскэ и др. Следует особо упомянуть здесь работу Нисимура Синдзи, посвященную исследованию «Манъёсю» как памятника культуры.

Из серийных изданий заслуживает внимания 22-томный труд «Манъёсю-тайсэй», как бы итоговое издание по разным вопросам, касающимся «Манъёсю», вышедшее в 1953—1956 гг. Из последних комментированных изданий — издание «Манъёсю» в серии «Японской классической литературы» («Нихон-котэн-бунгаку-тайкэй»), вышедшее в 1958 г. под редакцией Такаги Итиноскэ, Нисио Минору, Хисамацу Сэнъити и др.

Разумеется все, что приведено здесь, является далеко не полным и самым общим перечислением исследователей и их основных трудов, ибо работа, проделанная японскими филологами, огромна. Достаточно сказать, что десятки и десятки списков и фрагментов памятника изучены, сличены, проверены, что сотнями книг исчисляются исследовательские и комментаторские издания, чтобы представить себе гигантский объем этого труда.

Изучение памятника продолжается по настоящее время, но новые текстологические и комментаторские изыскания идут уже по линии частностей и во многом повторяют друг друга, так как главная работа по раскрытию содержания антологии завершена.

В западноевропейском японоведении работы, посвященные изучению «Манъёсю», не очень многочисленны и среди них преобладают работы обзорного порядка и переводы. Тем не менее эти работы в пределах поставленных ими задач сделали очень много, прежде всего они познакомили Запад с памятником.

Так, известное место уделено «Манъёсю» в антологиях и в общих работах по истории японской литературы у Л. Рони⁴, В. Г. Астона⁵,

⁴ Léon de Rosny, *Anthologie japonaise de poesies anciennes et modernes*, Paris, 1871.

⁵ W. G. Aston, *A. History of Japanese Literature*, London, 1899.

К. Флоренца⁶, М. Ревона⁷ и Д. Кина⁸. Переводы ряда песен встречаются в общих работах по японской поэзии у Б. Х. Чемберлена⁹ и А. Уэйли¹⁰. Отдельные фрагменты памятника переведены в работах А. Пфизмайера¹¹. Ряд переводов содержат работа Ф. В. Дикинса, Е. Майнера и др.¹²

Из специальных исследований известна работа Альфреда Лоренцена, посвященная изучению творчества Какиномото Хитомаро, в которой автором дан перевод всех песен поэта¹³.

Особо следует отметить фундаментальный труд голландского ученого Пирсона, выпустившего полный перевод книг «Манъёсю»¹⁴.

Необходимо указать, что популяризации «Манъёсю» в западном японоведении способствовали и сами японские ученые. Отдельные переводы песен на французский язык, сделанные Имамура Варау¹⁵ и Мацунами Масанобу¹⁶, появились еще в конце XIX в. Известен перевод на английский язык проф. Окада Тэцудзо¹⁷ 300 песен памятника, работы проф. Миямори Асаторо о японской поэзии, в которых содержится перевод свыше ста песен «Манъёсю»¹⁸.

Наконец, в 1940 г. японским научным обществом «Ниппон-гакудзю-синкюкай», в состав которого входила специальная комиссия из известных ученых — исследователей памятника, был издан перевод на английский язык избранных песен в количестве 1000, снабженных введением. В 1965 г. вышла книга Х. Хонда¹⁹. На немецком языке известны работы

⁶ K. Florenz, *Geschichte der japanischen Literatur*, Leipzig, 1904—1906 («Dichtergesänge aus dem fernen Osten», 1894).

⁷ M. Revon, *Antologie de la littérature Japonaise des origines au XIX-e siècle*, Paris, 1910.

⁸ D. Keen, *Anthology of Japanese Literature*, London, 1956.

⁹ B. H. Chamberlain, *The Classical Poetry of the Japanese*, London, 1880.

¹⁰ A. Waley, *Japanese Poetry — the uta*, Oxford, 1919.

¹¹ A. Pfizmaier, *Gedichte aus der Sammlung der Zehntausend Blätter Man-jo-siu*, Wien, 1872.

¹² F. V. Dickins, *Primitive and Mediaeval Japanese Texts*, Oxford, 1906; E. Miner, *An Introduction to Japanese Gourt Poetry, California*, 1968.

¹³ A. Lorenzen, *Die Gedichte Hitomaro's aus dem Man'yōshū*, Hamburg, 1927.

¹⁴ J. L. Pierson, *The Manyōsū*, Leyden, 1929—1964.

¹⁵ «„Man-jo-siu“. Five poems from it.», French translation by Imamura Warau, 1874 (Compte-rendu du Congrès international des Orientalistes à Paris en 1873, vol. I, pp. 273—279).

¹⁶ «Man-jo-siu» *Antique anthologie Japonaise* translated into French by Matsunami Masanobu («Mémoires de la Société des études jap. etc.», vol. IV (№ 1) pp. 5—16, vol. IV (№ 3), pp. 202—211), Paris, 1885—1888.

¹⁷ Tetsuzo Okada, *Three hundred Manyō poems*, Tokyo, 1935; 1938.

¹⁸ «Masterpieces of Japanese poetry» translated and annotated by Miyamori Asataro, Tokyo, 1936; 1956.

¹⁹ «The Manyōshū» one thousand poems, Tokyo, 1940; 1941; 1948. New York — London, 1969; H. Honda, *Stray Leaves from the Manyōshū; two hundred poems the Manyōshū*, Tokyo, 1965.

Окадзаки Томицу, посвященные изучению «Манъёсю», а также его переводы песен антологии ²⁰.

В русском японоведении в дореволюционное время были изданы отдельные песни «Манъёсю» главным образом в переводе с западноевропейских языков. В советское время ряд переводов песен с японского был опубликован в сборнике «Японская поэзия» ²¹.

Переходя к характеристике памятника, надо сказать, что несмотря на монументальные многотомные труды японских филологов, даже самые общие данные, касающиеся антологии в целом, все еще не потеряли дискуссионного характера. До недавнего времени даже транскрипция названия памятника была предметом особого обсуждения и спора. И только в 40-х годах комиссия по изданию «Манъёсю» при научном обществе «Ниппон-гакудзюцу синкокай» пришла к заключению считать установленной транскрипцию с двумя долгими гласными: «ё» и «ю». Эта транскрипция и является общепринятой.

До сих пор подвергается дискуссии вопрос о толковании названия антологии. Согласно толкованию Сэнгаку, оно означает «Собрание myriad листьев или лепестков [речи]» («ман» — «десять тысяч», в данном случае показатель множественности, «ё» в японском чтении иероглифа «ха» — «листья», «лепестки» ²² он рассматривал как сокращение «кото-но ха» — «листья», «лепестки речи», т. е. «слова», «сю» — «собрание», «сборник»). Этого толкования придерживались в свое время и Када Адзумама ро и Камо Мабути.

Кэйто, а за ним и Камоти Масадзуми придерживались другого толкования: «ё» в слове «Манъёсю» объясняется ими как «век», «поколение», а название толкуется как «Собрание многих поколений».

Впоследствии выявилось еще одно толкование «ё» — как «листьев [деревьев]» ²³, которое иногда объединяют с толкованием Сэнгаку, поскольку в обоих случаях «ё» толкуется как «листья», а не «века».

Среди современных комментаторов «Манъёсю» нет единого мнения. Такэда Юкити настаивает на толковании «ё» как «века», так как сочетание двух первых иероглифов названия «манъё», употребленных именно в таком смысле, встречается в старых китайских текстах. Одно время это мнение было признано наиболее авторитетным, но затем снова были выдвинуты доказательства в пользу толкования «ё» как «листьев». Мы переводим это название «Собрание myriad листьев» согласно обычному традиционному толкованию и переводу, исходя из того, что подобные

²⁰ Т. Okazaki, *Geschichte der Japanischen Nationallitteratur*, Leipzig, 1899; Т. Okazaki, *Manyoshu*, Leipzig, 1898.

²¹ «Японская поэзия», М., 1954; 1956.

²² Мацуока Сидзуо, *Нихон-кого-дзитэн*, Токио, 1953, стр. 431 (на яп. яз.).

²³ Сасаки Нобуцуна, *Манъёсю-дзитэн*, Токио, 1956, стр. 9.

метафорические обозначения для поэтических сборников были приняты в те времена, например цитируемый в «Манъёсю» сборник песен Окура назывался «Лес песен» («Карин») ²⁴.

Дискуссию вызывает и вопрос о дате появления памятника, а также, был ли памятник частным собранием или это были песни, собранные по приказу императора. Любопытно, что в одном и том же памятнике X в. — поэтической антологии «Кокинсю» приводятся разноречивые данные об этом.

В японском предисловии к антологии указано, что «Манъёсю» было составлено по приказу императора Хэйдзё (806—809), а следовательно, в начале периода Хэйан.

Однако в кн. XVIII «Кокинсю» помещена песня поэта Бунъя Арисуэ, исполненная им, как сказано в предисловии к песне, в ответ императору, который спросил его, когда было создано «Манъёсю». В песне говорится, что «славой покрыли дворец лепестки слов [периода] Нара и то древнее деяние (по другой версии «те древние слова» — А. Г.) и было это (т. е. «Манъёсю»). — А. Г.)».

...Нара-но ха-но
На-ни оу мия-но
фуру кото дзо корэ.

Таким образом из этой записи выясняются две вещи: «Манъёсю» было составлено в период Нара, и уже в IX в. точная дата составления была неизвестна. Можно, впрочем, толковать это и иным образом, а именно: что речь здесь идет не о составлении антологии, а о том, что эти песни были сложены в период Нара.

Говоря о дате составления, ссылаются на то, что в кн. 1 «Манъёсю» в рукописи 1184 г. указано: «5-й г. Тэмпё-сёхо», т. е. 753 г., и в памятнике XI в. «Эйга-моногатари» также написано, что «Манъёсю» было составлено в 753 г., однако последняя песня «Манъёсю» датирована 759 г.

В последнее время распространено мнение, что разные книги антологии были составлены в разное время, но в пределах конца VIII в., однако есть мнение, что антология была составлена к началу IX в.

Дискуссию вызывает вопрос и о составителе сборника. Существует до четырнадцати-пятнадцати различных версий. Из них основных пять: по первой версии считают, что инициатором составления антологии был император Хэйдзё, как написано в предисловии к антологии «Кокинсю»; по второй — составителем считают Татибана Морозэ, как указано в «Эйга-моногатари» и в рукописи 1184 г. «Гэнрякубон-Манъёсю». Этого мнения придерживался Сэнгаку.

По третьей версии, предложенной Кэйтю, составителем считается сын Отомо Табито — поэт Отомо Якамоти, и «Манъёсю» рассматривается как его частное собрание.

²⁴ Полное название — *Руйдзю-карин*.

Када Адзумамаро и Камо Мабути выдвинули четвертую версию, по которой составителями отдельных книг были разные лица: и Татибана Мороз, и Якамоти, и Окура и др.

И наконец, Такэда Юкити отстаивает пятую версию, по которой составитель неизвестен, и «Манъёсю» считается составленной после Якамоти. Среди составителей называют также Фудзивара Яцука, но эта версия малопопулярна.

Большинство мнений склоняется к тому, что основным составителем памятника был Отомо Якамоти, который объединил собранные до него разными лицами песни, присоединив к ним собственное собрание.

Предполагают, например, что восемь книг: III, IV, VI, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX были составлены Якамоти. Составление кн. V чаще всего приписывают Окура, иногда Якамоти, составление кн. IX — Такахаси Мусимаро, кн. I и II считают «тёкусэнсю» — книгами, составленными по приказу императора; по поводу остальных семи книг существуют разные мнения.

Различный характер отдельных книг памятника, встречающиеся иногда одни и те же песни в разных томах заставляют полагать, что составление памятника было делом не одного лица. Это подтверждается и материалами самого памятника, в котором много песен из сборников отдельных поэтов. Эти песни встречаются в разных томах с указанием сборника, откуда они взяты. Так, в «Манъёсю» помещены 371 песня из сборника Какиномото Хитомаро, 15 песен из сборника Каса Канамура, 32 песни из сборника Такахаси Мусимаро, 31 песня из сборника Танабэ Сакимаро, ряд песен из «Сборника старинных песен» («Кокасю»), составитель которого неизвестен. Встречаются отдельные песни, которые имеются и в других памятниках: «Кодзики», «Нихонги», «Фудоки». Цитируется также сборник песен поэта Яманоз Окура.

Некоторые факты из истории того времени позволяют считать, что эти сборники, а возможно и многие песни «Манъёсю» были собраны в свое время чиновниками различных провинций, которым официально вменялось в обязанность собирать материалы о праве и быте населения провинции. Известно, что по приказу императрицы Гэммё в 713 г. все губернаторы провинций обязаны были собирать всевозможные сведения о своих провинциях, в результате чего появились этногеографические и топографические записи, сохранившиеся в памятнике VIII в. — «Фудоки»²⁵. Возможно, тогда должны были также собирать и песни разных провинций. Как известно, в Китае в древние времена правительственным чиновникам вменялось в обязанность собирать народные песни, чтобы судить о настроениях народа, его нравах и обычаях²⁶. Возможно, и

²⁵ См. подробно К. А. Попов, *Фудоки*, в кн. «Китай — Япония. История и филология», М., 1961, стр. 182—199.

²⁶ Н. И. Конрад, *Шицзин*, — предисловие к кн. «Шицзин. Избранные песни», пер. А. А. Штукина, М., 1957, стр. 6.

здесь, в тех же целях чиновники провинций составляли такие сборники. Тем более что из примечаний к тексту песен в «Манъёсю» выясняется, что песни пограничных стражей собирались вербовщиками и передавались по начальству Якамоти, который служил тогда в военном ведомстве.

Известно также, в частности, что Такахаси Мусимаро, песни из сборника которого приводятся в «Манъёсю», служил под начальством Фудзивара Умакаи — губернатора провинции Хитати и принимал участие в составлении этногеографических записей этой провинции — «Хитати-фудоки». Поэтому вполне можно допустить, что многие анонимные песни памятника были собраны именно таким путем и впоследствии были объединены с фамильными сборниками, лирическими дневниками и другими песнями в единое собрание. Возможно также, что в составлении этого сборника принимал участие и Татибана Мороз, и другие лица, а Якамоти завершил эту работу, присоединив к собранным песням свое личное собрание.

Похоже, что главным составителем был все-таки Якамоти потому, что в «Манъёсю» очень много песен представителей дома Отомо и лиц, так или иначе связанных с ними, и кроме того около 500 песен принадлежат его перу, причем последние четыре книги антологии представляют собой его лирический дневник. Помимо того, как известно, род Отомо подвергся опале, а Отомо Якамоти даже посмертно был лишен всех рангов. Возможно, этим объясняется, что антология «Манъёсю», завершенная Якамоти, обрела права на существование значительно позже времени составления, когда инцидент стал предметом далекой истории, поэтому не сохранились первоначальные списки, и антология была обнаружена только благодаря сохранившимся значительно более поздним рукописям XII в. Во всяком случае такие предположения подкрепляются материалом.

В целом все перечисленные выше вопросы, являющиеся предметом дискуссий, не играют решающей роли при оценке существа антологии и ее значения для истории японской литературы.

Независимо от решений этих вопросов она остается для нас первым письменным памятником древней японской поэзии со всем значением содержащегося в нем материала и той роли, которую она сыграла в истории японской литературы, хотя наличие в ней песен из сборников отдельных поэтов указывает на то, что до «Манъёсю» существовали различные поэтические сборники, и, следовательно, называя ее первой, мы будем правы принять это только со сделанной выше оговоркой.

Исторические рамки материала, вошедшего в памятник, точно определить трудно. Большинство датированных песен относятся к периоду от 655 до 759 гг. и незначительная часть их — к периоду до 645 г.

Самой ранней песней считают песню императрицы Иванохимэ в кн. II антологии (IV в.), а самой поздней — песню Отомо Якамоти в

конце кн. XX (конец VIII в.). Между этими двумя песнями лежит период в 440 лет. Однако считать первую песню наиболее древней следует только относительно, так как эти данные основываются на датированных песнях и известных авторах.

Между тем из 20 книг антологии кн. VII, X—XIV содержат анонимные песни, которые составляют треть памятника, среди них есть записи старинных народных песен, и самые древние скорее всего нужно искать среди них. Кроме того, древность должна определяться и содержанием, и стилем, и формой, и всеми другими элементами песни, не говоря уже о языке песен.

Исходя из этого, известный филолог XVIII в. Камо Мабути считал, что первоначально памятник состоял из шести книг: I, II, XI, XII, XIII, XIV, которые и являются самыми древними. Теперь обычно к самым древним относят кн. I, II и XIII, к самым поздним — последние четыре книги памятника — XVII—XX.

Считают, что в основном антология содержит песни V—VIII вв., некоторые — III—VIII вв. Точно определить эти границы трудно, но несомненно, что в памятнике содержится не только поэзия раннего феодального периода, но и периода разложения родового строя с уже сильно развитым земледелием. Во всяком случае содержание песен позволяет сделать такие выводы.

Состав памятника очень разнороден. Помимо записей народных песен, старинных собраний анонимных песен неизвестного составителя и фамильных собраний и сборников песен он содержит образцы художественной поэзии, созданной лучшими поэтами эпохи, песни, сложенные на поэтических турнирах, многочисленные песни-послания и отдельные песни разных лиц, а также лирический дневник Отомо Якамоти, занимающий последние четыре книги памятника.

Все это песни не только разных исторических пластов, но и разных социальных слоев и территориального охвата. Большинство песен относятся к западным провинциям, главным образом к провинции Ямато. В кн. XIV и частично в кн. XX помещены песни восточных провинций, есть песни северных провинций, а также песни, связанные с островом Кюсю.

При периодизации антологии для японских исследователей обычно основным критерием является творчество наиболее известных поэтов. Первый период — до конца VII в. рассматривается как период примитивных песен, второй (687—708) считается периодом Какиномото Хитомаро, третий (708—749) — периодом расцвета творчества Ямабэ Акахито, Яманозэ Окура, Отомо Табито, наконец, четвертый период (745—759) именуется периодом Отомо Якамоти.

Однако здесь исторически было бы важнее иначе проследить ход литературного процесса, исходя из основополагающей роли народно-песенной традиции при формировании литературной поэзии.

Материал позволяет выделить период народно-песенного творчества; затем период ранней литературной поэзии, еще почти целиком связанной с народной песней; период расцвета литературной поэзии и появления в ней качественно отличных признаков от народной песни и, наконец, период окончательного сложения литературной поэзии как определенной художественной системы.

В поэзии, представленной в «Мантёсю», японская критика обычно различает два стилевых потока: стиль народной песни, лишенный индивидуальной окраски, и индивидуальное творчество отдельных поэтов. К первому она относит анонимные песни и песни пограничных стражей; ко второму — все остальные песни, обычно отмечая, что песни первого потока характерны только для данного памятника, а в последующих императорских антологиях их нет. Другими словами, речь идет о народной песне и литературной поэзии. Однако ими не учитывается наряду с художественными произведениями поэтов и народной анонимной песней еще одна категория песен, сочиняемая на поэтических турнирах, пирах, во время увеселительных прогулок и др., в которых принимают участие широкие круги придворных и чиновников, т. е. до известной степени дилетанты-любители. Для этой антологии, единственной из всех других антологий, характерно наличие очень широкого круга авторов, начиная с императоров и кончая простыми крестьянами, даже нищими и уличными женщинами.

Из японских поэтических жанров здесь представлены: тёка, или нагаута, буквально «длинная песня», которая в переводе на язык известных нам видов поэзии объединяет в себе и балладу, и поэму, и элегию, и оду; танка, что значит «короткая песня», пятистишие, впоследствии получившее широкую известность как излюбленный жанр средневековой японской лирики, которое в данном памятнике объединяет в себе лирическую песню, эпиграмму, мадригал, средневековую альбу и обрядовые песни, частушки и романсы и, наконец, жанр сэдока — шестистишие, представленное очень незначительным количеством стихов.

Все эти поэтические жанры строятся на определенном чередовании количества слогов. В нагаута свободное чередование пяти- и семислоговой строки, которое как бы составляет внутри двенадцатислоговые звенья, выраженные двумя строками и закрепленные в самом конце песни добавочной обособленной строкой из семи слогов.

В танка чередование количества слогов в классическом образце выражается следующим отношением: 5,7,5—7,7. Однако в «Мантёсю» эта форма еще нестабильна, бывают строфы типа 5,7,6—7,7 и 5,7,5—7,8 и т. п. Цезура, следующая в классической танка X в. после третьей строки, в песнях «Мантёсю» часто встречается после двух первых строк, а также перед последней строкой. Представляя собой ряд сложившихся различных исторических пластов и отражая в себе ход литературного процесса в различных его видах, антология, естественно, отражает про-

цесс постепенной стабилизации формы танка на пути к своему классическому выражению.

Жанр сэдока, явно вымирающий к этому времени, имеет несколько иную строфическую форму. Это шестистишие с правильным чередованием слогов, чаще всего в виде 5,7,7—5,7,7. О том, что этот жанр, совершенно исчезнувший впоследствии, начал отмирать уже в нарский период, выразительно свидетельствует очень небольшое число сэдока в антологии. Наиболее древние из них находятся в кн. VII.

Из 4496 песен «Манъёсю» (по подсчету Камоти Масадзуми) 4173—это танка, 262 — нагаута и всего 61 — сэдока. Эта статистика указывает также и на то, что нагаута играет неоспоримо меньшую роль в тот период, чем жанр танка, который значительным численным превосходством говорит о широкой популярности и поре своего безусловного расцвета.

Наиболее старые из нагаута находятся в кн. I, II, XIII. У них менее стабильная форма, чем у нагаута в других томах. Для нагаута более позднего периода характерно наличие ханка или каэси-ута — перепева или повтора, выраженного через примыкающую к нагаута танка, передающую основное содержание мысли или эмоции нагаута. Каэси-ута может быть несколько, чаще одна или две.

По тематике песни «Манъёсю» делятся на три основные группы: дзока, или кусагуса-но ута, — «разные песни», куда входят песни о странствованиях, об охоте, пирах, разлуке, много песен, посвященных грусти о старой столице и восхваляющих новую, песни, посвященные легендам и др.; вторая большая и наиболее древняя группа, с нашей точки зрения, — это сомон, или ангикоз-но ута, — песни-переключки или ситасими-ута — песни любви и, наконец, третья группа — песни-плачи — банка или канасими ута — песни печали, так как в эту категорию песен помимо плачей стали включать разные песни грустного содержания.

Кроме того, в кн. VIII и X имеются специальные разделы всех четырех времен года в двух вариантах, так называемые разные песни, посвященные временам года, так, например, хару-но дзока — разные песни весны, аки-но дзока — разные песни осени и т. п., хару-но сомон — весенние песни-переключки, аки-но сомон — осенние песни-переключки и т. п.

В кн. VIII среди разных песен есть песни мондо — песни вопросов и ответов, а в кн. III — татоз-ута — песни-аллегии. Затем в кн. XI и XII среди песен-переключек есть песни вопросов и ответов или песни-диалоги (мондо-но ута), затем песни о думах и чувствах, навеянных образами внешнего мира (моно-ни ёсэтэ оmoi-о нобуру ута) и песни о том, что лежит на сердце (тада-ни кокоро-но о-о нобуру ута). В кн. XX и XIV помещены сакимори-но ута — песни пограничных стражей, которые часто выделяются как особая категория песен.

Каждая из двадцати книг антологии имеет свою специфическую

окраску и только немногие из них содержат некоторые элементы сходства.

Так, кн. I объединяется обычно с кн. II и их принято рекомендовать как тома, отобранные по приказу императора. Песни в этих книгах в отличие от остальных расположены в хронологическом порядке. В кн. I содержатся только разные песни (16 нагаута, 68 танка). Авторы этого тома — главным образом императоры, члены императорского дома, придворная знать. Здесь собраны песни за 240 лет, включая 5-й год Вадо (712 г.). Содержание книги составляют разнообразные песни, отражающие придворный быт, события придворной жизни, отношения отдельных лиц из данной среды, обычаи и нравы двора.

Среди них известная песня императора Юряку (457—479), которой открывается книга, обращенная к простой крестьянской девушке, собирающей корни трав. Песня считается самой древней из авторских песен книги.

В этом же томе помещены: известная песня правителя Дзёмэй — ода, посвященная стране Ямато, элегия Хитомаро о заброшенной столице в Оми, его ода, восхваляющая красивейшее из мест провинции Ямато — Ёсину, и другие его произведения. Много стихотворений одной из лучших поэтесс «Мантёсю» Нукада: ее известное произведение «Прощание с горами Мива», славящимися своей красотой; ода осени, сочиненная на поэтическом турнире, где каждый из поэтов должен был стихами решить спор, что лучше — осень или весна. Здесь же в стихах раскрывается любовь к поэтессе двух братьев — правителей Тэндзи и Тэмму, выраженная аллегорически в поэме-легенде о трех горах провинции Ямато, и др.

Характерно, что многие песни кн. I являются перепевами или записями народных песен, как и в последующих трех книгах.

В кн. II содержатся песни-переключки, или послания, и плачи (19 нагаута, 131 танка).

Авторы те же, что в кн. I: императоры, придворная знать главным образом периодов Асука (673—686) и Фудзивара (686—710). Здесь помещены самые древние, с точки зрения японской критики, песни Иванохимэ. Вообще стиль песен считается древним.

В этой книге, чем она особенно и замечательна, помещены известные элегии Хитомаро. Это главным образом песни, посвященные разлуке с женой и оплакивающие утрату жены, плачи о гибели придворной красавицы, по случаю смерти принцев и принцесс двора. Здесь же помещена его элегия, написанная во время тяжелой болезни, выражающая грусть о быстротечности жизни.

Много песен-посланий, нечто вроде своеобразной поэтической переписки, отражающей взаимоотношения разных лиц придворной среды: переписка между известным государственным деятелем Фудзивара Каматари и его будущей женой принцессой Кагами — старшей сестрой поэтессы Нукада и др.

В ряде песен отражены древние обычаи, гадания, заговоры.

Кн. III состоит из разных песен, песен-аллегорий и плачей (23 нагаута, 227/229 танка) ²⁷.

Песни охватывают период с 582—628 по 744 г. Здесь много авторов из рода Отомо, поэтому она считается собранием Отомо Якамоти.

Эта книга несколько отлична от предыдущих. Она замечательна тем, что в ней содержится много стихотворений лучших поэтов того времени. Среди них знаменитая ода Акахито в честь священной горы Фудзи. Здесь же помещен ряд его песен, воспевающих природу, любовь к родине, старинные предания.

В этой же книге находится известный цикл песен о вине Отомо Табито. Есть здесь элегия одной из лучших поэтесс «Манъёсю» Отомо Саканозэ, а также элегии и любовная поэтическая переписка Отомо Якамоти со старшей дочерью Саканозэ, много песен-аллегорий.

Кн. IV целиком состоит из песен-посланий (7 нагаута, 301 танка, 1 сэдока). Песни относятся к VIII в. Очень много авторов, как и в предыдущей книге, из семьи Отомо. Поэтому составителем ее считается Якамоти. Обычно эта книга рассматривается вместе с кн. III как одно собрание.

Содержание книги представляет собой главным образом поэтическую переписку разных лиц, большей частью любовную. Особенно интересна переписка Отомо Табито, находившегося в ссылке на о-ве Кюсю, в Цукуси, со своими друзьями, а также любовная переписка его сына Отомо Якамоти. Очень много его песен, адресованных жене — старшей дочери Отомо Саканозэ, широко представлена его переписка и с другими лицами.

Кн. V содержит разные песни и песни-послания (10 нагаута, 104 танка, 2 китайских стиха и немного прозы, принадлежащей перу Окура). Здесь собраны песни за шесть лет (с 728 по 733). Одни считают составителем книги Якамоти, другие — Табито, большинство — Окура, так как здесь больше всего его стихов, часть из них представляет собой переписку Окура и Табито, которые жили в одно время на о-ве Кюсю, в Цукуси, и были связаны узами близкой дружбы. Этим, по-видимому, объясняется большое количество в книге их песен и песен их друзей.

Кн. V стоит особняком среди других книг и замечательна тем, что в ней помещена известная поэма Окура «Диалог бедняков». Здесь же помещены его произведения, посвященные горячо любимому сыну, которого он потом потерял. По случаю утраты сына Окура написал одно из лучших своих элегических произведений.

Есть здесь и песни поэтических турниров, в частности 32 песни, написанные на турнире в доме Отомо Табито на тему о цветах сливы. И Окура, и Табито были в свое время большими знатоками китайской

²⁷ В последнее число включены непронумерованные песни.

литературы и писали стихи на китайском языке. В этой книге помещены два стихотворения²⁸ и проза на китайском языке.

Среди песен этой книги есть песня о походе императрицы Дзингу в Корею и песни о принцессе Саёхимэ — верной, любящей жене.

В кн. VI помещены разные песни (27 нагаута, 132 танка, 1 сэдока).

Среди авторов много людей, близких Якамоти; все произведения относятся к периоду с 723 по 744 гг. Много тех же авторов, что в кн. III и IV. Составителем книги считают Якамоти. Много песен странствования, а также песен, посвященных столице.

По общему содержанию и характеру песен книга ближе всего к кн. III, IV и VIII. Она замечательна тем, что содержит ряд известных песен Акахито, написанных им во время путешествия по стране: оду, посвященную Ёсину, и песни, сложенные им во время путешествия по провинции Кии у о-ва Карани в бухте Минума, полные любви к природе и тоски по родине.

Здесь же помещены песни Отомо Табито, сочиненные им во время возвращения в столицу с о-ва Кюсю, где он долгое время находился в ссылке. Особенно много песен о путешествии. Есть застольные песни.

Кн. VII содержит разные песни, плачи и песни-аллегии (324 танка, 26 сэдока), среди них: песни, воспевающие небо, луну, платье и т. п. В отличие от первых шести книг, песни анонимные, но считается, что среди них много песен путешествовавших чиновников и придворной знати.

Песни отмечены датами от 686—696 гг. до 715—723 гг. (период Фудзивара до середины Нара).

Для книги характерна особая тематическая классификация песен и обилие сэдока, распадающихся на две части, представляющие собой вопрос и ответ — наследие двухстороннего хорового пения.

В этих шестистишиях получили отражение трудовые процессы, быт и нравы простых людей. Много песен из сборника Хитомаро, представляющих собой записи народных песен и их обработку. Считается, что среди этих песен есть и его собственные произведения.

Возможно, что здесь собраны и песни поэтических турниров на определенные темы, так как песни расположены главным образом тематически: цикл песен о дожде, о луне, об облаках, горах, реках, росе, цветах, травах, птицах, встречаются песни тоски по родине.

Затем следуют песни, сочиненные в определенных местностях: Ямасиро, Сэцу и Ёсину. За ними помещен новый цикл песен, сочиненных в пути, во время путешествия. Есть песни вопросов и ответов и др. Много песен-аллегорий, где сравнением служат платье, яшма, жемчуг,

²⁸ Переводы этих двух коротких китайских стихотворений, помещенных в тексте «Манъёсю» вне общей нумерации, мы опускаем, так как задача данного перевода памятника состоит в показе японской поэзии.

дерево, цветы, реки, море, нить, лук, музыкальный инструмент, горы, травы, рис, птицы, звери, облака, молния, дождь, луна, корабль и др. Заканчивается книга разделом плачей, однако последняя песня посвящена странствованию.

Книга интересна обилием образов, взятых из природы; богато рисует нравы, обычаи, отношение к природе.

В кн. VIII помещены песни времен года (6 нагаута, 236 танка, 4 сэдока). Написаны они в виде разных песен и песен-перекличек. В предисловиях всюду указаны автор и число песен.

Авторы — исключительно придворная знать. Здесь стихи лучших поэтов «Манъёсю»: Акахито, Окура, Якамоти и т. д.; среди поэтов много современников Якамоти.

Самая древняя песня книги — песня правителя Дзёмэй (629—641), самая поздняя — песня правителя Сёму (724—748). Песни относятся главным образом к периоду расцвета Нара (середина VIII в.). Много песен представителей семьи Отомо.

Составителем тома часто считают Якамоти.

Книга интересна тем, что дает представление о всей системе художественных образов в японской поэзии, связанных с природой, и показывает пути становления канонической поэтики классической поэзии X—XIII вв.

Кн. IX содержит разные песни, песни-переклички и плачи (22 нагаута, 125 танка, 1 сэдока). В ней есть и анонимные песни, и песни с указанием авторов.

Из произведений выдающихся поэтов здесь помещены песни Хитомаро. По исторической протяженности (не считая древних анонимных песен) песни охватывают период — за исключением песни императора Юряку (V в.) — от правления императора Дзёмэй (629—641) до 744 г. Здесь представлены все частные собрания: Какиномото Хитомаро, Такахаси Мусимаро, Каса Канамура, Танабэ Сакимаро, «Сборник старинных песен», сборник Окура, — в этом особенность кн. IX. Составитель ее неизвестен, некоторые называют Такахаси Мусимаро, так как книга содержит много легенд, а Такахаси был большим любителем народных преданий и легенд.

Многие предания и легенды, помещенные в кн. IX, подверглись литературной обработке в отличие от преданий в кн. XVI, которые приписывают устной традиции.

В кн. IX легенды и предания имеют форму нагаута, а в кн. XVI — ганка в обрамлении прозы.

По содержанию книга расценивается как одна из наиболее интересных и ценных в «Манъёсю».

В ней находится знаменитая легенда о рыбаке Урасима, полюбившем морскую царевну, и популярная легенда о народной красавице Тэкона, и сказ о красавице Тамана — поэма-легенда о любви двух юно-

шей к девушке Унаи. На последнюю тему имеется даже несколько вариантов. В этой же книге есть песни, посвященные легенде о любви двух звезд Волопаса и Ткачихи (Алтаир и Вега), разлученных Небесной Рекой (Млечным Путем) и встречающихся только раз в году. Об их любви много песен в разных книгах антологии.

Здесь же и песни, связанные с древними обрядами на священной горе Цукуба — месте старинных хороводов и брачных игр.

Кн. X составлена по типу VIII, в ней также представлена календарная поэзия. Она состоит из разных песен и песен-перекличек (3 нагаута, 532 танка, 4 сэдока), все песни анонимны, некоторые из них (из сборника Хитомаро) относятся к VIII в.

Распределение песен по отдельным разделам позволяет думать, что среди них есть песни поэтических турниров, написанные на определенную тему. Как и в кн. VII, песни расположены по циклам, воспевающим в разделе весны — птиц, снег, туман, ивы, цветы, луну, дождь, реки, дым, полевые игры; есть песни, выражающие радость встреч и сожаление о прошлом.

Среди весенних песен-перекличек есть песни-сравнения с птицами, цветами, инеем, туманом, дождем, сосной, облаками, плющем; песни о разлуке; песни вопросов и ответов или песни-диалоги.

В разделе лета следуют большие циклы песен о птицах и цветах; среди летних песен-перекличек встречаются песни-сравнения с птицами, травой, цветами, росой, солнцем.

Среди осенних песен, наиболее многочисленных в книге, следует большой цикл песен, посвященных легенде о любви двух звезд, разлученных Небесной Рекой. Затем следует цикл песен о диких гусях, олене, сверчках, лягушках, птицах, росе, горах, а также большой цикл песен на тему об алых листьях клена — достопримечательности осеннего пейзажа; песни о бамбуке, луне, ветре, дожде и об инее.

Среди осенних песен-перекличек много песен-сравнений с росой, ветром, дождем, сверчком, лягушкой, дикими гусями, оленем, журавлем, травой; очень много песен-сравнений с цветком, есть также песни-сравнения с горой, листьями клена, луной, ночью, платьем.

В разделе зимы, самом небольшом из цикла времен года, помещен ряд песен о снеге, цветах, росе, клене, луне. Среди зимних песен-перекличек есть песни-сравнения с росой, инеем, цветком, ночью и больше всего песен-сравнений со снегом. Как и в кн. VIII, здесь широко представлена лирика природы в ее наиболее характерных образах.

Кн. XI замечательна тем, что все песни в ней, как и в кн. XII, анонимные и являются фольклорным материалом. В ней восемь разделов: один раздел сэдока, два раздела «песен о том, что лежит на сердце», два раздела «песен о думах и чувствах навеянных образами внешнего мира, два раздела песен вопросов и ответов или песен-диалогов и один раздел песен-аллегорий. В целом же это песни-переклички, в основном

любовная лирика, иногда аллегорического содержания (473/480 танка, 17 сэдока).

Здесь много песен периода Асука (673—686) и Фудзивара (686—710).

Некоторые находят отдаленное сходство с кн. XIV с той разницей, что здесь представлены песни из провинции Ямато, а в кн. XIV песни восточных провинций.

Кн. XII и XI обычно рассматриваются как парные. Здесь также восемь разделов, а в целом это песни-переключки: два раздела «песен о том, что лежит на сердце», два раздела «песен о думах и чувствах, навеянных образами внешнего мира», два раздела «песен — вопросов и ответов» или «песен-диалогов», один раздел «песен, рассказывающих о чувствах и думах во время странствий» (таби-ни омой-о окосу ута), и один раздел «песен, в которых печалятся из-за разлуки» (вакарэ-о канасиму ута) (380/383 танка).

Авторы песен неизвестны, за исключением одной, где указано, что это сочинение принцессы Ки. Время составления книги не установлено, составитель также неизвестен. Омодака Хисатака считает их сравнительно поздними и высказывает предположение, что кн. XI и XII составляло одно и то же лицо, так как они очень сходны и по подбору песен, и по содержанию, кроме того, в заглавии их обозначено дзё и гз, т. е. части I и II.

Кн. XIII содержит разные песни, песни-переключки, песни вопросов и ответов, или песни-диалоги, песни-аллегии, плачи — всего пять разделов (66 нагаута, 60 танка, 1 сэдока).

В книге много нагаута, что говорит о том, что это песни старинного стиля и авторы — люди древних времен. Книга в основном содержит анонимные песни (за исключением трех). Есть песни из сборника Хитомаро, но неизвестно, его это песни или только собраны им.

Период составления в целом никак не датируется, но считается древним, составитель неизвестен.

По содержанию книга довольно разнообразна и интересна, хотя в ней можно найти и варианты на одну и ту же тему, и варианты песен из других книг. В ней много песен, отражающих древние обычаи, гадания, много песен о любви, разлуке с милым, плачей об утрате мужа, жены, о странниках, погибших в пути. Есть песни, описывающие красоту природы, тоску по родине; песни о тайных встречах, о людской молве, о сватовстве; песни, отражающие легендарные сюжеты.

Кн. XIV содержит песни восточных провинций, так называемые Адзума-ута. Принцип деления их географический, по провинциям. Книга состоит в основном из двух частей: песен с обозначением провинций и песен неизвестных провинций.

В первой части три раздела: дзока, сомон и хиюка; во второй — пять: дзока, сомон, сакамори-но ута, или «песни стражей», хиюка и

банка. Авторы неизвестны; все песни анонимные, написаны в форме танка (230/238 песен).

Песни считаются народными и лишь некоторые из них приписываются чиновникам — столичным жителям, приезжавшим в эти провинции. Есть здесь несколько песен из сборника Хитомаро, по-видимому, собранных им. Период написания песен точно неизвестен, составитель тоже.

В книге представлены различные жанры народной поэзии. Здесь можно встретить трудовые и обрядовые песни, песни семейно-бытового цикла, солдатские песни и большое количество лирических песен. Историко-литературное значение книги очень велико, так как она позволяет проследить общие закономерности развития народной поэзии и специфику, обусловленную конкретными историческими условиями.

Здесь собраны песни провинций Кадзуса, Симоса, Хитати, Синану, Тотоми, Суруга, Идзу, Сагами; Мусаси, Симодзукэ, Кодзукэ, Муцу. Много песен неизвестных восточных провинций.

Кн. XV не имеет специальных разделов. Первая половина ее состоит из разных песен: песен-посланий, сочиненных во время путешествия чиновниками — членами посольства, направляющимися в Сираги (древнее княжество Кореи), и их женами, возлюбленными, а также из старинных народных песен, собранных ими во время этого путешествия; вторая половина состоит из песен-посланий (5 нагаута, 200 танка, 3 сэдока).

Песни относятся к периоду Тэмпё (VIII в.). Первая половина книги относится к 736 г., а вторая — к 740 г. Составитель неизвестен.

Высоко оценивается переписка Накатоми Якамори во время его изгнания и ссылки в провинцию Этидзэн с его возлюбленной Сану Тигами.

Кн. XVI имеет два раздела: песни-предания (ёсиару ута) и разные песни (7 нагаута, 92 танка, 4 сэдока, 1 буссокусэки).

В первом разделе — песни, связанные с разными легендами, преданиями, рассказами, суть которых вкратце изложена в предисловии или в послесловии к песне. Второй раздел состоит, в свою очередь, из двух частей: шуточных юмористических песен (коккэйка) и народных песен.

Есть песни с указанием авторов, но большинство анонимные. Среди авторских песен есть песни Якамоти. Хронологически рамки этих песен ограничиваются концом периода Фудзивара (686—710) и серединой периода Нара (VIII в.). Составителем книги считают Якамоти. Песни объединены по принципу устной традиции. Эту книгу обычно относят к фольклорной части антологии.

Книга резко отличается от всех других богатством и разнообразием содержания. В ней большой цикл преданий. Среди них: предание о девушке Сакурааноко; предание о девушке Кадзураноко, представляющее собой вариант предыдущего; знаменитое предание о старике Такэтори,

который стал в дальнейшем героем классического произведения «Такэтори-могатари»; известное предание о находчивой красавице, умирившей разгневанного князя; о преданной любви жен; об изменчивости возлюбленного; о простолюдине, восхищенном своей собственной женой; о находчивом поэте и другие.

Здесь встречаются также песни северо-восточных провинций Эттю и Нотто: песенка раба, песни свадебного цикла и другие.

Наряду с этим помещены шуточные песни, написанные в форме диалога. Есть ряд песен, сочиненных на пиру по разным поводам, в частности песни-бессмыслицы, сложенные за денежное вознаграждение по заказу знатных вельмож, устраивающих такие конкурсы в качестве забавы на пирах. Есть также ряд песен на заданные слова типа буриме.

Резким контрастом всем этим песням являются четыре песни буддийского содержания, говорящие о бренности земного существования.

Широкая тематика, разнообразие образов, форм, жанров кн. XVI делает ее исключительно интересной для изучения поэзии тех отдаленных времен.

Кн. XVII—XX являются лирическим дневником Якамоти и представляют большую ценность для изучения его творчества.

Кн. XVII не имеет разделов (14 нагаута, 127 танка 1 сэдока), в ней кроме песен Якамоти много песен его современников, людей его круга. Составителем ее считают Якамоти.

Песни датируются 2—20 гг. Тэмпё (730—748). Особенно много песен относят к периоду после 17-го г. Тэмпё (745). Песни, в частности танка, отмечаются как образцы изящного стиля по теме и форме.

Книга ценна тем, что в нее включены известные нагаута Отомо Якамоти. Здесь помещены его песни, посвященные возлюбленной, разлученной с ним; элегия по поводу утраты любимого младшего брата; элегия по поводу быстротечности жизни, сочиненная на одре тяжелой болезни; есть песни, в которых он восхищается природой, грустит о разлуке с другом, мечтает о свидании с женой и др.

Кн. XVIII представляет собой продолжение кн. XVII (10 нагаута, 97 танка). Песни охватывают период 748—750 гг.

В книгу включены песни из его переписки с женой во время изгнания; песни, адресованные другу Отомо Икэнуси, и ответные песни. Много песен, связанных с пирами, развлечениями, увеселительными прогулками. Есть здесь и песни, являющиеся как бы переловами народных мотивов: о желании послать любимой в подарок яшму, жемчуг и т. п.

Особо следует отметить помещенную здесь песню вызывания дождя, сочиненную Якамоти 6 мая в 5-й г. Тэмпё-Кампо по случаю великой засухи.

В кн. XIX — 23 нагаута, 131 танка. В ней собраны песни за 750—753 гг., среди них встречаются старинные песни. Книга очень типична

для стиля дневника. Песни передают впечатление о природе, цветах; много песен посвящено кукушке; есть песни, где выражается грусть по поводу непрочности земного существования, мечты о рыцарской славе. Помещены здесь и песни из переписки с разными людьми, застольные песни, песни, связанные с народными празднествами, обычаями.

Книга XX содержит песни за 753—759 гг., это самые поздние песни «Манъёсю» (6 нагаута, 218 танка).

Здесь много застольных песен, сложенных на пиршествах в обществе друзей, есть аллегорические песни политического содержания. Особую ценность книги составляют песни пограничных стражей, или солдатские песни. Они представляют богатый материал для изучения нравов и быта древней Японии.

Несмотря на разнохарактерный состав отдельных книг памятника и отсутствие единой системы в подборе песен и их распределении, в целом песни памятника дают широкую и цельную картину поэзии периода разложения родового строя и складывания ранней формы государственности.

Они раскрывают необычайно широкий диапазон поэзии, весь сложный путь, проделанный песней за этот период, сопровождавшей вначале труд и обряд, глубоко проникнувшей в быт, в жизнь, выросшей затем в произведения высокого поэтического искусства большой художественной ценности и в определенной среде выродившейся в увеселительную игру. Рассмотрение этого материала позволяет видеть и общемировые закономерности в развитии данной поэзии и в то же время ее национальный облик.

В основном здесь представлены два песенных потока, взаимно связанных между собой и в то же время противопоставленных один другому, — древний фольклор и литературная поэзия, причем оба в большом разнообразии тематики и жанров.

Из сохранившихся записей народных песен наиболее достоверным материалом являются записи песен восточных провинций (Адзума-ута) в кн. XIV и частично XX. Они записаны на местном диалекте, и это позволяет считать, что они не подверглись литературной обработке, как песни западных и северных провинций памятника.

В «Манъёсю» представлены почти все жанры народной песни, о которых известно в истории мирового фольклора. Среди них: трудовые и обрядовые песни, календарная поэзия, заговоры, песни-гадания, плачи, семейно-бытовые песни, солдатские песни, народные лирические песни и т. д. Своеобразной разновидностью народной песни являются: песни-обеты, любовные клятвы, которыми обменивались возлюбленные перед разлукой, и песни-предания, где приводится ситуация, при которой была сложена песня, т. е. как бы ее история. Среди трудовых песен

нет примитивных «песен-возгласов», живущих главным образом за счет ритма, определяющего лишь темп работы. Здесь зафиксированы трудовые песни уже развитого типа, почти всегда связанные с любовной тематикой.

Трудовые песни связаны с рисосеянием, шелководством, с полевыми работами вообще, с сеянием проса, со сбором трав, с тканьем и окраской одежды и др. Особенность этих песен в том, что описание трудовых действий служит лишь поводом, своеобразным введением либо для обращения к любимому человеку, либо для выражения чувств. Лирическая направленность характерна в Японии для всех разновидностей народной песни. Этим отличаются и обрядовые песни.

Своеобразной чертой календарной поэзии в японском фольклоре является выделение циклов любовных песен, сопровождающих все времена года: любовные песни весны, любовные песни лета и т. д. Появлению этой особенности способствовали, по-видимому, обычаи брачных игрищ, имевшие прямое отношение к древнему земледельческому культу, которыми заканчивались старинные народные хороводы. Им приписывалось важное значение, поэтому и любовные песни, исполнявшиеся во время хороводов, получили широкое распространение и наложили печать на народную поэзию в целом. Отсюда, по-видимому, появление песен — любовных обетов.

В песнях весны чаще всего воспевается туманная дымка — главная примета весны, ива, играющая здесь роль русской березки, и больше всего цветы и птицы. Летом поют о птицах, в частности о кукушке, травах, цикадах, цветах. Осенью — об алых листьях клена, об оленях, росе, луне, рисовом поле, а зимой — больше всего песен о белом снеге и о цветах сливы. В песнях-перекличках или любовных песнях каждого сезона все эти образы используются уже в качестве сравнений, метафор, аллегорий при передаче чувств, переживаний.

В календарной поэзии недаром больше всего внимания уделяется птицам и цветам. По прилету птиц в древности японские земледельцы определяли срок полевых работ, по цветению и опаданию цветов судили о будущем урожае. Приметы каждого сезона были в центре внимания древнего земледельца, все подсказывало ему судьбу посевов, сроки полевых работ, результаты урожая. Здесь нет специальных сюжетов, описывающих обряд, либо носящих явно хозяйственный характер, все эти песни на первый взгляд носят несколько отвлеченный характер, если не считать, что за каждой деталью описываемой картины таится намек на сроки полевых работ, на ожидаемый урожай.

В любовных циклах, сопровождающих все времена года, переживания влюбленных тесно связаны с образами природы или передаются через образы природы того или иного времени года. Лирика природы и лирика чувств образуют гармоническое слияние, тонкое взаимопроникновение.

Несомненно, что в «Мантёсю» зафиксирована сравнительно поздняя пора в развитии этих песен, но так или иначе они несут в себе характерные особенности, присущие песням календарного цикла, и в этом их основное значение.

В памятнике календарный цикл встречается и в авторской поэзии, где это уже приняло характер определенного обычая. Таким образом календарная поэзия не только определила тематику турниров, но и образы, связанные с ней, что, в свою очередь, впоследствии определило канонические темы и образы более поздней поэзии X—XIII вв.

Из обрядовой поэзии разнообразны по содержанию и форме песни-заговоры, песни-запреты. О наличии в древности заговоров и запретов свидетельствуют сохранившиеся в песнях «Мантёсю» народные названия трав, раковин, гор и т. д. Таковы: «позабудь-трав», «не говори-трав», «трав», «скажи свое имя», гора «Утешу», раковины «позабудь любовь» и т. п.

Встречаются песни, связанные с хозяйственными запретами, есть дорожные заговоры или магические заклинания, связанные с дорогой. В литературной поэзии они приняли характер напутственных песен с пожеланием счастливого пути и счастливого возвращения. Есть заговоры против морской бури, заговоры с пожеланием долголетия, которые впоследствии приняли в литературной поэзии характер поздравительных и приветственных песен. Встречаются любовные заговоры.

По-видимому, много заговоров было связано с травами, раковинами. О них поется и в литературной поэзии, но многое используется в ней уже как художественный прием. Вначале, как у других земледельческих народов, вероятно, многое было связано здесь с хозяйственными запретами и заговорами, но впоследствии все больше стало захватывать сферу душевных переживаний, что и представлено в наиболее поздних песнях.

Стихийные бедствия (землетрясения, наводнения), характерные для природных условий страны, беспомощность древнего японского земледельца в борьбе с силами природы способствовали появлению всякого рода верований, к которым прибегали для защиты от различных бедствий и для получения хорошего урожая.

Отсюда и вера в магию слов — котодама, и значение песни в древнем быту.

Много здесь разнообразных песен, связанных с гаданием: древние гадания на лопатках оленя (сика-ура), на панцирях черепах (камэ-ура), на ростках риса (наэ-ура), на горных лилиях (ямасугэ-ура), гадание по снам (юмэ-ура), гадание на воде (мидзу-ура), на камнях (иси-ура), на иве (янаги-ура), гадание по шагам (а-ура) и особенно популярное в те времена гадание на перекрестках дорог (юкэ-тои). Часто упоминание гадания в песне служит лишь поводом для выражения душевных переживаний. Лирическая направленность и здесь составляет главную струю песен.

Песни о гаданиях встречаются и в литературной поэзии, но чаще как художественный прием.

Единичные песни в этой поэзии относятся к свадебному циклу. Зато плачи занимают специальные разделы в антологиях. Причины этого коренятся в религиозно-бытовом укладе того времени.

Судя по материалам памятника, браки носили довольно свободный характер. Обычай допускали во время брачных игрищ вступать в брак с чужой женой. Мужья обычно навещали жен в доме их родителей.

Браку уделяли мало внимания по сравнению с другими видами обрядности. Иное отношение наблюдалось к похоронному обряду: культ предков, имевший первостепенное значение в древних японских верованиях и национальной религии синто, обязывал к особому почитанию этих обрядов. В придворной среде они приняли даже характер пышных церемоний, и сочинение плачей поручалось знаменитым поэтам.

Как наиболее устойчивая форма обрядовой песни плачи имеют свою поэтику. Они обладают большой поэтичностью, тонкой лирикой, богатством образов, в том числе постоянных. Обычно эти образы соотносятся с образами природы: «отцвела, как клена лист», «навсегда ушла от нас, как уходит в даль текущая вода»... и т. п.

Характерны плачи о погибших странниках. Считается, что это погибшие от голода в тяжелом пути крестьяне, возвращающиеся домой после отбывания трудовой или воинской повинности. Такие случаи, по-видимому, были настолько частым явлением, что о них сохранились особые плачи со своей характерной композицией стиха.

...Здесь на берегу,
Где лишь плещется волна,
В бухте ты совсем один
Распластался на земле,
И не знать тебе пути больше в дом родной.

Это лишь обычный припев. Вначале идет описание места, где лежит погибший, косвенное обращение к нему, сожаление о нем, затем следует выражение сочувствия его семье или печали по поводу его гибели и различные припевы к песне, в виде приведенного выше пятистишия.

Из семейно-бытовых песен характерны песни возлюбленной или жены, оставленной дома. В народной среде разлука была вызвана необходимостью отбывания трудовой и воинской повинности, в придворной и чиновничьей среде — служебными разъездами.

Как в русском фольклоре, здесь есть своего рода рекрутские причеты. Это — песни пограничных стражей. Но среди них меньше песен жен и родных, оплакивающих своего кормильца, а больше всего песен самих стражей. Объясняется это условиями собирания песен. Их собирали надзиратели пограничных стражей, с тем чтобы, по-видимому, наблюдать за настроениями стражей, и передавали их в военное ведом-

ство, где одно время служил составитель антологии. Специфика этих песен в том, что в них проявляется особая забота и любовь к родителям. Последнее вытекало из всего религиозно-бытового уклада того времени; позднее, возможно, и здесь сказалось влияние конфуцианских этических норм.

Исторических песен в полном смысле этого слова здесь нет. В песне о походе императрицы Дзингу в Корею основное внимание уделяется чудодейственным камням, которые она взяла с собой в поход, чтобы отсрочить рождение ребенка до конца похода. Только в плаче о принце Такэти, уже в литературной поэзии, косвенно описывается сражение во время мятежа годов Дзинсин.

В литературной поэзии отражены главным образом события мирного времени: постройки дворцов, перемены резиденций правителей, посылки посольства в Китай, в Корею, нахождение золота в какой-либо провинции и т. п.

Среди записей народных песен характерны песни-предания. Это краткие своеобразные новеллы, рассказывающие о быте и нравах древней Японии. Обычно заголовок песни носит характер самостоятельного повествования о том, при каких условиях была сложена песня. Иногда это встречается в виде предисловия, иногда в виде послесловия или обрамления и представляет собой вместе с песней единое художественное целое. Дальнейшее развитие повествовательной части, в которую вплетены поэтические фрагменты, послужило началом развития песенно-повествовательного жанра в Японии — «ута-моногатари».

Эта особая разновидность японского фольклора объясняется местными условиями бытования песни. Песня была органически связана с жизнью, глубоко входила в быт, так как слагалась по всякому поводу.

Немалую роль в развитии поэзии на ранних ее ступенях сыграли легенды и мифы. Тесно связанные с древними верованиями и представлениями, они нашли отражение в поэзии, способствуя появлению в ней эпических элементов и лиро-эпических жанров: баллады, поэмы и т. д.

Есть легенды, по сюжету сходные с легендами других народов. Так, легенда об Урасима рассказывает о рыбаке, который попал в морское царство и полюбил дочь морского царя. Однако, загрустив о доме и родителях, он задумал вернуться на землю. Царевна дала ему волшебный ларец и взяла с него обещание не открывать его до своего возвращения в морское царство. Но в родном краю он не застал родителей в живых и понял, что прошло много времени и все переменилось. Надеясь вернуть прошлое, рыбак открывает ларец и сразу превращается в старца, а легкое облачко — символ души рыбака — уплывает из ларца в сторону страны бессмертия.

Излюбленным мотивом легенд служит рассказ о том, как двое или в другом случае трое юношей состязаются из-за любви к одной девуш-

ке; девушка, жалея их, кончает жизнь самоубийством. Очень популярна легенда о любви двух звезд — Ткачихе и Волопасе, — занесенная из Китая. Характерно предание о старике Такэтори, в котором проповедуется мораль, типичная для нравов того времени, о почтении к старшим, об уважении к старости.

В одном случае эпическая форма вылилась в балладу, в других — приняла форму песен-преданий с прозаическим обрамлением коротких пятистиший, где речь предоставлена самим героям.

Огромное место в народной песне принадлежит лирике. Лирическая песня широко отражает мир общечеловеческих чувств: здесь песни о любви, упреках в измене, о разлуке, сетовании на родителей, мешающих встрече, и т. д., выраженные в специфических образах. Особое место занимают любовные песни-клятвы, которые всегда соотносятся с образами природы: «Пока не перестанут течь воды реки, не перестану любить тебя» и т. п.

Широкое полотно народной жизни с печалью и радостями, трудом и заботами, обычаями и верованиями, со всеми переживаниями представляется в этих песнях, полных редкой любви к природе родной страны, к каждой травке и былинке.

Рожденная в условиях общинно-родового быта народная песня играла большую роль в жизни древней Японии. Это была еще синкретическая стадия в развитии поэзии, когда она еще не получила права на самостоятельное существование. Однако постепенно верхушка родовой знати выделилась из общей массы и образовала родовую аристократию, среди которой поэзия стала приобретать характер самостоятельного искусства. Создались и другие исторические предпосылки для развития литературной поэзии. Определенную роль сыграло влияние китайской культуры и буддизма, занесенного в Японию в VI в. Именно в эту пору насаждается школьное китайское просвещение. Особое внимание уделяется изучению китайской литературы, в частности поэзии. К тому же изучение поэзии мыслилось в специфическом плане: изучать поэзию значило уметь сочинять стихи. И нет ничего удивительного в том, что в VIII в. в Японии был составлен сборник китайских стихов «Кайфусо», в котором приняли участие многие известные поэты Японии, в том числе и авторы «Манъёсю».

Сочинение стихов не было занятием только поэтов, сочинять умели все. Но следует различать два истока этого явления: влияние внешних явлений и развитие собственных исконных традиций. Умели сочинять не только образованные люди, для которых это было признаком культуры и следствием полученного образования, но и простые люди. Объясняется это, по-видимому, тем, что песня, сопровождавшая труд, а затем обряд, была глубоко связана с древними верованиями, со всем бытовым укладом древнего общества. Сочинять песню значило иногда почти то же, что произносить молитву. Она охраняла урожай, оберегала жизнь,

сохраняла благополучие. Котодама — вера в силу души слова, т. е. вера в магию слова, — одно из основных верований того времени.

Песни сочинялись по всякому поводу. Условия их бытования сделали их поэзией экспромта, а это обусловило и закрепило, в свою очередь, первое место за танка, или мидзика-ута — короткой песней. Короткая песня лучше всего отвечала задачам экспромта. Длинные песни сохранились главным образом в виде од и плачей, что находит объяснение в нормах придворной жизни того времени. Оды вызывались требованиями придворного ритуала, плачи были связаны с пышной похоронной обрядностью.

Если в народной поэзии были представлены в то время почти все разновидности народной песни, то и в литературной поэзии поражает исключительное разнообразие жанров или видов лирической и лиро-эпической поэзии. Как было уже упомянуто, здесь встречаются оды, элегии, поэмы и баллады, средневековая альба и обмен любовными строфами, песни-послания, мадригалы и эпиграммы, романсы и шуточная поэзия, любовные обращения, напоминающие провансальскую канцону, а также игровая поэзия типа буримэ. Словом, почти все богатство жанров, характерных для ранней западной средневековой поэзии, к тому же в более раннюю пору, чем на Западе.

Характерно, что все разнообразие видов лирического и лиро-эпического жанра определяется здесь формой песни, причем чисто внешними признаками: «длинная песня» и «короткая песня».

Такие обозначения основаны на том, что в обоих случаях имеет место один и тот же метрический закон: чередование пяти- и семисложных стихов. Когда их пять — это короткая песня, когда их много — длинная песня. Такому определению способствовало, по-видимому, песенное начало поэзии, где основное значение имел ритм, в основе которого лежало чередование этих пяти- и семисложных стихов.

Пятистишие с его, казалось бы, однообразным чередованием определенных строк, тем не менее, является выразителем различных видов лирической поэзии. Это достигается и разнообразием поэтического синтаксиса, и внутренней мелодией, и лексическими средствами, и художественными приемами, в результате чего танка звучит и как народная песня, и как изысканный сонет в честь природы, и как шуточный мадригал, и как едкая эпиграмма, и как средневековая альба, и как трогательный романс, и как лирическая песня, и как торжественный обет.

Эта емкость короткого, лаконичного стиха тоже национальное своеобразие малой формы искусства, миниатюра, столь свойственная и другим видам японского искусства, являющаяся и его спецификой, и большим достижением.

Длительная поэтическая традиция, привычное поэтическое видение мира дает свой подтекст, подсказывает ассоциации и образы, лежащие вне текста, слушатель сам дополняет картину встречными эмоциями и

представлениями. Художественное восприятие складывается из услышанного и дополненного собственным воображением и чувством, из текста и подтекста, подсказываемого поэтической традицией.

Кроме внешней формы в танка живет их внутренняя форма, которая выражается в характере того или иного вида лирической песни и определяется содержанием ее, композицией, структурой, поэтикой.

Условия существования этой песни, а она почти всегда экспромт, слагаемый по любому случаю, определили ее краткость; ее полнокровная связь с разными сторонами жизни определила ее жанровое разнообразие, а длительная поэтическая традиция обусловила ее художественную емкость.

Расцвет литературной поэзии относится к VIII в. Сравнительно мирная нарская эпоха способствовала необычайному расцвету лирической поэзии. Литературная поэзия, хотя и получила в это время письменное выражение, но по-прежнему исполнялась и складывалась всегда экспромтом.

Она по-прежнему называлась ута — песня, потому что порой исполнялась под музыку, но и даже без музыки сохранила песенную интонацию. Кстати, танка и теперь исполняется несколько нараспев, и название ута навсегда сохранилось за этим жанром. На первых порах литературная поэзия обнаруживает большую близость к народной песне и в другом отношении.

Условия жизни, породившие литературную поэзию, еще во многом сохранили народные традиции, это, в свою очередь, обусловило характер ее содержания, а отсюда и использование ею народных поэтических приемов и художественных средств.

Вариантность, наличие постоянных сюжетов, мотивов, тем, постоянных образов, сравнений, постоянных эпитетов, общих концовок, общих зачинов, готовых поэтических формул являются характерной чертой ранней литературной поэзии. Наблюдаются черты сходства не только между анонимными и авторскими песнями, но и между авторскими песнями великих поэтов того времени. Наличие этого сходства не случайное явление, а определенная система, оно обусловлено характером самого творческого процесса и свидетельствует о законах преемственности народно-песенной традиции в начале формирования литературной поэзии.

Черты сходства, наблюдаемые между авторскими песнями, часто заставляют комментаторов «Манъёсю» оспаривать то или иное авторство, спорить о принадлежности песни перу того или иного поэта. Между тем в основе этого явления лежит метод устного народного творчества, который продолжает до известной степени действовать на первом этапе развития литературной поэзии. Материал «Манъёсю» позволяет видеть не только процесс становления литературной поэзии, но и диалектический характер процесса. При всем несомненном качественном отличии литературной поэзии от народной песни сопоставление произведений лучших

поэтов VIII в. и народных песен позволяет видеть, что в конечном итоге поэзия их создана силой гения самого народа.

Знакомство с содержанием двух песенных потоков, заключенных в памятнике, удивляет, насколько еще жива в придворной чиновничьей среде система религиозно-магических представлений и верований, сколько еще не изжито обычаев древнего бытового уклада наряду с новшествами, возникшими в новой среде.

Эти неизжитые черты древнего бытового уклада и система религиозно-магических представлений и верований, в свою очередь, определили наличие в них общих постоянных сюжетов, тем, мотивов и образов. Среди них можно отметить темы, сюжеты, мотивы, связанные с наблюдением природы, с бытом, обычаями, обрядами, верованиями, суевериями, приметами, ряд сходных любовных мотивов. Таковы темы о поисках трав, раковин, плодов, жемчуга для возлюбленной или жены, которые стремятся поднести в качестве подарка. В литературной поэзии еще посылают цветы. Таковы сюжеты, где описываются трудности поисков подарка, чтобы подчеркнуть силу любви. Появление письменной поэзии способствовало возникновению нового обычая — прилагать к подарку песню.

Часто поют об обычае дарить одежду любимому человеку или обмениваться с ним одеждой, о том, как завязывают заветный шнур у одежды перед разлукой с любимым в знак верности с тем, чтобы не развязывать его до будущей встречи; об обычае нанизывать в мае на нить, как жемчуг, плоды и лепестки лекарственных трав. Отсюда постоянный образ «майского жемчуга».

Во многих песнях поют о том, как завязывают стебли трав и веток сосны с мольбой о долголетию, о счастливом пути и возвращении, о счастье, любви.

Постоянным мотивом является тема цума-арасои — спора из-за жены, когда двое или трое юношей состязаются из-за любви к одной красавице, а также окрашивание платья любимому цветами, травой, красной глиной на память о любви. Характерен мотив любви к чужой жене. Возможно, это связано с обычаями брачных игр, когда разрешалось брать в жены чужую жену.

Постоянным сюжетом является обращение к девушке с просьбой назвать свое имя. Часто встречаются песни, в которых возлюбленная или жена, тоскуя и беспокоясь о находящемся в пути любимом человеке, хочет дать ему свою одежду, просит ветер не дуть, дождь не лить, чтобы он благополучно вернулся домой или прибыл до места своего назначения.

Много поют о срезании водорослей. Этот мотив широко проходит через народную и литературную поэзию. В народной поэзии это картина труда, обычное занятие рыбаков и рыбачек, добывающих водоросли для пищи и других надобностей, иногда для подарка. В литературной поэзии

это вид развлечения в придворной либо чиновничьей среде; иногда срезают водоросли для подарка; иногда срезание водоросли — деталь пейзажа, которым любуются. И в других случаях картина труда в народной поэзии, как, например, рыбная ловля, — в литературной — лишь деталь пейзажа.

Популярный мотив — желание видеть любимого человека во сне. В литературной поэзии к этому прибавляется мольба к богам, дары богам. Отсюда постоянный образ жемчужной перевязи, которую надевают, совершая молебствие, моля о любви.

Тяжелые условия передвижения по стране создали песни, связанные с проводами близких людей в далекий путь. В литературной поэзии проводы часто связаны с обращением к богам и дарами, пожеланиями счастливого пути, которым приписывалось магическое значение, так как и в придворной среде не была изжита вера в магию слов.

Обычным мотивом являются: просьба к цветам, деревьям не опадать до возвращения, подождать прихода любимого; просьба к дождю не лить, к ветру не дуть. В народной поэзии это было продиктовано боязнью неурожая, в литературной — эстетическими устремлениями, желанием показать любимому красоту кленов, цветов и т. п. Популярным мотивом является также желание сорвать цветы, листья клена, чтобы дать полюбоваться любимой или любимому. Это носит характер обычая любоваться вместе с другом, с любимым человеком красотой цветов, луной, пейзажем и т. п.

Во многих песнях поют о том, как плетут венки и украшаются ими. Этот народный обычай, связанный, как и у других народов, с земледельческим культом, в придворной поэзии приобрел эстетическую окраску, так как украшать себя венками во время пира и других увеселений было одним из развлечений.

Поят о желании снова вернуться в красивые места и любоваться ими. Вообще с воспеванием природы связано много постоянных мотивов: просьба к облакам не заслонять луну, чтобы любоваться ею или чтобы любимый мог ею любоваться; желание любоваться вместе с любимым цветами, кленом, снегом, луной, волнами и т. п.; сожаление о том, что опадают цветы, тает снег, роса, а любимый человек не успел ими полюбоваться; приглашение друга или любимой прийти полюбоваться на цветы, стремление найти утешение от горя, тоски в природе, в любовании ее красотой и т. п.

В этих песнях поется о многих обычаях старины: о девушках и женах, ожидающих у ворот прихода возлюбленного или возвращения мужа, о белотканых рукавах, которыми машут, провожая любимого или стремясь его остановить, и которые кладут в изголовье возлюбленному или подносят к глазам, вытирая слезы в разлуке. Отсюда рукав — постоянный образ песен разлуки.

Часто поют также о старинном обычае сажать цветы вместе с лю-

бимым, загадывая о судьбе, о любви, о благополучном пути. Много старинных поверий и верований можно найти в этих песнях. Подует ветер — значит милый тоскует, любит, придет. Если снится во сне, значит тоскует. Если увидишь во сне рядом меч, увидишь милого; если возьмешь во сне в руки зеркало, встретишься с милой (так как меч — главный атрибут мужчины, а зеркало — женщины). Если вывернуть рукав и положить в изголовье, приснится милый. Если чешется бровь, увидишься с любимым и т. п.

В поэзии встречаются вмонтированные в ткань стиха народные поговорки: «Будешь ждать — вернется», «И во лжи есть доля правды», «Кто терпеть умеет, тому и годы нипочем», «В рану, что и так болит, жгучую насыплют соль», «На тяжелый выюк бедной лошади опять и опять добавляют груз» и др.

Однако при всей своей близости к народной песне литературная поэзия была качественно новым явлением. Главное различие этих двух песенных потоков сказывается прежде всего в характере и функции поэтического творчества.

Если раньше песня была связана с трудом, обрядом и основное значение имело содержание, то в литературной поэзии песня стала связана в основном уже с эстетическими устремлениями, и важное значение приобретала и форма, в которую облечено содержание; стремление к единству формы и содержания способствовало появлению и совершенствованию мастерства.

Кроме того, устная песенная традиция, тесно связанная с хозяйственной деятельностью, не выходила еще целиком из своей синкретической стадии и развивалась в близкой связи с другими видами искусства. Появление же литературной поэзии и письменное выражение создаваемых произведений превращало их в качественно отличный, изолированный от других, особый вид искусства, а поэзию — в самостоятельную культурно-историческую форму со своими особыми задачами и целями.

Характерно появление специальных поэтических турниров, связанных часто с обычаями любования природой, где складывались песни на заданные темы. Они во многом повторяли тематику народных песен, в частности песен, посвященных временам года, но в них все было подчинено чисто эстетическим целям. Основное значение имело мастерство автора. Песня оценивалась всегда в связи с ситуацией, по поводу которой она была сложена. Это был непреременный критерий в оценке поэзии, создавшийся не без влияния народно-песенной традиции, где значение песни обычно определялось конкретными целями, которым она служила.

Новая среда вызвала к жизни и новые темы. Пирры способствовали появлению новых циклов застольных песен, в которых было принято восхвалять пир, хозяина, его дом, сад, приветствовать друзей. Обычай устраивать проводы вызвали к жизни цикл напутственных песен с по-

желанием благополучного пути и возвращения. Песня — привычный способ общения, предмет увеселения, дань эстетическим потребностям.

Песни-переключки в народной поэзии приняли характер переписки. Песнями-посланиями широко обмениваются друзья, родные, возлюбленные. Иногда это просто обмен песнями в разной обстановке между двумя лицами. Начинают писать лирические дневники, составляют частные сборники песен, куда записывают свои, чужие, а также старинные песни. Обмениваются веселыми едкими эпиграммами, сочиняют мадригалы, на веселых пирах слагают песни-забавы. Деньгами одаряют слуг, сочиняющих по заказу хозяина песни, иногда специально песни-бессмыслицы. Сочиняют песни на заданные слова, устраивая нечто вроде игры в буриме.

Получают распространение, как всюду в придворной среде, оды. Большое место занимают плачи, часто сложенные лучшими придворными поэтами по приказу императора на смерть знатных лиц, императорских особ, придворных красавиц.

Восхваляются новые столицы, в грустных элегиях выражается сожаление о покинутых столицах. Это тоже свои постоянные темы придворного быта. Поют о постройке дворцов, о посылке посольств; самые различные чувства, душевные переживания находят отражение в этой поэзии. Больше всего песен посвящено любви и восхвалению красоты родной природы, славы родной страны. Наряду с этим в отличие от народной песни слышатся иногда отголоски буддийских представлений, сожаление о бренности земного существования. Получили отражение и идеи конфуцианства и даосизма. Конфуцианские понятия основных отношений в обществе: между подданными и государем, между мужем и женой, родителями и детьми, старшими и младшими братьями, друзьями и вытекающими отсюда социальными обязанностями, а именно, долг для отца, забота для матери, дружба для старшего брата, послушание для младшего и сыновняя почтительность для детей — все это представлено в песнях поэтов VIII в. Говорится в них и об «эликсире бессмертия», о «волшебном зелье», возвращающем молодость, о жемчуге, дарующем бессмертие, т. е. о том, что характерно для даосских представлений.

Однако, если и встречаются отдельные стихотворения, проникнутые даосскими представлениями, буддийскими настроениями и конфуцианской моралью, отзвуки даосизма и особенно буддизма и конфуцианства вносят лишь отдельные элементы философского раздумья и дидактики в эту поэзию, в целом же поэзия памятника остается глубоко лирической и жизнеутверждающей.

Разнообразие и богатство содержания памятника, представляющие неисчерпаемый материал для изучения истории, этнографии, культуры страны в целом, находят отражение в богатстве и разнообразии художественных средств.

Поэзия, представленная в «Манъёсю», свидетельствует о высокой поэтической культуре, о длительном поэтическом опыте, о большом мастерстве.

Здесь следует, разумеется, различать поэтические стили и степень мастерства, поскольку материал неоднороден и объединяет в себе и искусство поэтов, и искусство любителей поэзии.

Так как в этот период еще не существовало границ поэтической темы, поэзия отличается исключительным богатством образов и тематики, почерпнутых из самых различных источников. Наряду с мифологией такими источниками широко служат сферы быта, труда, жизнь простого народа. Здесь одинаково воспеваются и «живая вода божества луны», и «лопатка для добывания корней трав», «любование осенней луной» и «толчение риса», «император, развлекающийся охотой» и «простой рыбак, занимающийся рыбной ловлей».

Историческая протяженность представленных здесь поэтических произведений позволяет проследить литературные процессы, которые привели к созданию определенной художественной системы, способствовавшей впоследствии установлению канонической поэтики более поздней классической поэзии. Здесь можно видеть, как внимательное наблюдение над явлениями природы, временами года, позволяющее определить время посева и жатвы, вызывало к жизни календарную поэзию, где каждое из четырех времен года выражается в целой цепи связанных между собой явлений и образов, дающих в целом поэтическую характеристику данного времени года.

С одной стороны, это повело к созданию определенных тем и канонических образов в позднейшей классической поэзии для весны, лета, осени, зимы, а с другой стороны, обусловило появление особого художественного приема в японской поэзии — энго, который состоит в использовании образов по ассоциации.

Этот специфический прием японской поэзии представляет по существу своеобразную взаимосвязь образов.

Если в тексте стихотворения встречается «гора свиданий», то дальше непременно встретится образ «плюща — влюбленных лежа»; если «ущелья гор» или «осенние горы», то обязательно «алые листья кленов», «плачущий олень»; если «осеннее поле», то «сторожка», «колосья риса»; если в стихотворении зачин «равнина вод», то дальше следует определенная цепь образов: «разбросанные острова», «челн рыбака» или «белые волны на взморье» и т. п.

Отсюда и появление в песнях парных образов: олень и цветы хаги, кукушка и цветы померанцев, кукушка и цветы унохана и др.

Многие образы для времен года, встречающиеся в «Манъёсю», стали каноническими в японской классической поэзии X—XIII вв. Только здесь эти образы гораздо богаче — сюда вошла вся флора и фауна, характерная для данного времени года, все отличительные признаки его,

которые могли быть замечены лишь внимательными глазами древнего японского землепашца, фиксирующего связь явлений природы и все их признаки для успешной жатвы, рыбной ловли, охоты. Все это, видимо, подсказано было опытом и потребностями живущего дарами природы человека. И только в дальнейшем эстетически переосмысленные отдельные образы вошли в литературную классическую поэзию.

Чрезвычайно распространенным поэтическим приемом в «Манъёсю» является дзё — «предисловие», своеобразное поэтическое введение к основному содержанию песни. По сути дзё — это различные виды образного параллелизма, приема, характерного для народной поэзии. Неудивительно поэтому, что он часто встречается в поэзии «Манъёсю», выросшей непосредственно из народной песенной стихии, и редко встречается в классической поэзии в дальнейшем. Здесь этот прием представлен в разных видах на различных ступенях своего развития, вплоть до перерастания его в распространенное сравнение, в распространенную метафору. Особенно часто он встречается в народных песнях:

В Камицукэну,
Где гора Асояма, там, где травы
цудзура,
Широко поля лежат,
И любовь, что разрослась,
Не порвется никогда.
(из народных песен восточных провинций)

Как в Адатара
Среди гор тоскующий олень
Постоянно на траве лежит,
Постоянно я стремлюсь к тебе,
Ложь наше ты не покидай.
(из народных песен восточных провинций)

Это наиболее общие примеры приема. Исчерпать все его нюансы можно только в специальной работе. Дзё занимают в нагаута иногда большое количество строк, а в одной из нагаута Хитомаро дзё составляет всю песню, за исключением последней строки, где выражен основной смысл песни.

Но, пожалуй, самым специфическим и сложным явлением в японской поэтике является прием макура-котоба, буквально «изголовье-слово» или «подушка-слово». Часто его отождествляют с постоянными эпитетами, но такое определение не исчерпывает полностью характеристики этого сложного стилистического явления. Кроме того, постоянные эпитеты существуют в японской поэзии и вне обозначения их этим названием: это те слова, где эпитет вместе с определяемым является как бы единым целым, образуя компаунд типа сиракумо «белые облака», сиранами «белые волны», аояги «зеленая ива», акамо «красное платье» и т. п., широко распространенные в поэзии «Манъёсю».

Что касается макура-котоба, то они выступают в различных и очень сложных формах, требующих специального рассмотрения. Среди макура-котоба имеются действительно постоянные эпитеты, что и дало основание так их назвать, например: «извечное» (о небе), «распростертые»

(о горах), «белотканое» (о платье, рукавах) и т. п. Часто макура-котоба выступают в поэтическом тексте в качестве постоянного зачина, иногда в виде постоянных сложных метафорических сравнений, как например, «быстротающая жизнь, как утренняя роса», «дева, склоняющаяся, как морские водоросли», «любимый, ненаглядный, как сияющий месяц», «любимая, далекая, как звук ветра», «седые волосы, как падающий снег». Часто макура-котоба несет след окаменевшей связи, подсказанной постоянными или, вернее, закономерно повторяющимися явлениями в труде, обряде, быте, жизни. Так, «осеннее поле» — макура-котоба к слову «жать», «грубая одежда» (фудзи) — к названию растения, из волокон которого ее делают, «зеленая ива» — к слову «венки», так как обычно венки чаще всего плели из веток ивы, «утренний туман» — к словам «весенний день», «роса и иней» — к слову «осень» и т. п. Встречаются макура-котоба, связанные с исторической традицией и мифологическими представлениями, как, например «указывающий день полевых работ» — макура-котоба к слову «храм», «дворец»; «ветер богов» или «гнев богов» к Исэ — названию провинции, где находится главный храм богини солнца Аматэрасу. Иногда в макура-котоба выражается характеристика местности: «хороша полотняными платьями» — макура-котоба к Ки — провинции, которая ими славится, «осыпаются тростники» — к Нанива — названию бухты, где они растут в изобилии. Иногда макура-котоба носят характер пояснительного эпитета, как, например, «белояшмовый» — к слову «дитя», «государь», «любимый» и значит «прекрасный», «красивый», «достойный».

Таким образом, макура-котоба часто в сокращенном виде дают целую картину природы, быта, обряда, характеристику местности, перерастают в метафорическое сравнение, пояснительный эпитет и т. д. Трудно перечислить все богатство и разнообразие характера и содержания этого поэтического приема, который в пределах памятника представлен в разных фазах своего развития, вплоть до полного его перерождения в совершенно новое явление, а именно явление звукового повтора, присоединяясь к определенному слову на основе только звуковой связи, лишенной всякого смыслового содержания. Так Икага-яма (гора Икаго) является макура-котоба к слову икага («как», «каким образом») и т. п.

Характерно, что под наименованием макура-котоба объединяются различные художественные приемы: постоянные звукоповторы, что вызвано, по-видимому, песенным началом поэзии, где постоянное словосочетание имело значение зачина. То, что макура-котоба составляют пятисложный стих, каким обычно начинается песня (а не семисложный), подтверждает ее роль как зачина, впоследствии же она стала, по-видимому, употребляться в разных частях песни и как местный зачин и в функциях постоянного сравнения и постоянного эпитета. С точки зрения языка это были постоянные словосочетания, с точки зрения песни —

зачины, с точки зрения художественных приемов поэзии — не только зачины, но и постоянные сравнения, и постоянные эпитеты, и постоянные звукоповторы. Из примеров макура-котоба общего типа можно привести следующие.

Макура-котоба встречается как зачин:

Словно ясеневый лук, Прогудев, спустил стрелу...	В ворота милой входят и уходят... «Когда увидимся» зовется
Даже я, что мало знал, Я, что мельком лишь видал Красоту ее, Как скорбеть я стал о ней...	здесь река, На камнях у нее, покрытых мохом, Не стаял снег... Там до сих пор зима...
(местный зачин в нагаута)	(общий зачин в танка)

Птица белая цапля...
На горе «Кручи цапли»
Приютиться б скорее
Под сенью сосны,—
Ведь становится ночь с каждым
часом темнее...

(Общий зачин в танка имеет особую связь с горой, так как существует легенда, что герой, превратившись в белую цаплю, ночевал на этой горе).

Макура-котоба является постоянным эпитетом:

...Женщине привычно что?
Жемчуг дорогой
Из чужих краев надеть,
Любоваться им.
Белотканым рукавом
другу помахать
в ответ...
(из нагаута)

Макура-котоба выступает в качестве постоянного сравнения:

Когда ночь наступает,
Ночь, как черные ягоды тута,
Там, на отмели чистой,
Где деревья хисаги,
Часто плачут тидори...

Характерным поэтическим приемом является также какэкотоба — игра на омоиимах, когда слово используется в стихотворении в двух

смыслах. Например, мацу значит и «сосна» и «ждать», и в тексте стиха используются оба значения. В одном значении слово относится к предыдущему тексту, в другом — к последующему. Иногда игра слов выражается повторением в каждой строке танка одного и того же слова.

Таково известное стихотворение Тэндзи-тэнно, где все время повторяются слова «хороший» и «хорошо»: «Хорошие люди, говоря: „хорошо“, умели смотреть хорошо и хорошим назвали хорошее поле — Ёсину, хорошо же смотри на него; хорошие люди умели смотреть хорошо».

Для стиля народных песен характерны постоянные зачины в виде географических названий: провинции, местности, селения, горы, поля. Эта одна из типичных черт поэтики народных песен оказала влияние и на литературную поэзию, отличающуюся также обилием географических названий, своеобразной фактографичностью изложения. Прием сужения образов, типичный для народной песни, часто встречается и в литературной поэзии. Характерны определительные конструкции предложений, вызванные соображением ритма.

Близость поэзии «Манъёсю» к народным истокам определила наличие в ней большого количества словесных и звуковых параллелизмов, простых звуковых повторов.

...О, если б ты был яшмой драгоценной,
Я на руки надела бы тебя,
О, если б ты был шелковой одеждой,
Ее бы не снимала никогда...
(из плачей литературной поэзии)

...Я стою,
И небо дум
Неспокойно в этот миг,
Небо горестей моих
Неспокойно в этот миг...
(из собраний старинных песен)

...О, когда бы мне ладью,
Крашенную в красный цвет,
О, когда бы мне весло
В белых жемчугах!..
(из собрания старинных песен)

...О, когда же,
О, когда? —
Думал я, и в этот миг
Возле дома моего
Среди множества ветвей
Померанцы расцвели...
(из песен Якамоти)

...Люди, поглядев кругом,
Скажут, что залива нет,
Люди, поглядев кругом,
Скажут, отмели там нет.
Все равно прекрасно там,
Даже пусть залива нет,
Все равно прекрасно там,
Пусть и отмели там нет...
(из песен Хитомаро)

Однако здесь также трудно дать все примеры повторов, среди которых многочисленны и единоначатия, и концовки, и сплетения.

В песнях часто встречается аллитерация. Рифмы, как поэтического приема, в песнях нет. Наличие же порой начальной, внутренней, скользящей (несимметричной), а также и конечной рифмы обусловлено здесь целиком самой силлабической системой языка.

Очень распространенным приемом является иносказание, аллегория, метафора. Народная символика создала особую категорию песен-аллегорий. Это большей частью любовные песни. Образы их связаны с бытом, обычаями, трудом. Эта символика создала также огромное богатство различных метафор: возлюбленная это водоросль, молодой росток риса, жемчужина, яшма, поле, река, цветов и т. п.; корабль, олень — метафора юноши; метафорой могут служить и предметы быта: платье и шляпа — метафора красавицы. Язык иносказаний перешел частично и в литературную поэзию: нанизать жемчуг на нить — сделать своей женой, сеять просо — встречаться с любимым человеком, окрасить платье — сделать своей женой, надевать платье алого цвета — обмениваться любовными клятвами, лепестки бы не облетели — как бы не бросил милый, цветы не станут плодами — любовь не кончится браком и многие, многие другие. Больше всего иносказаний связано с образами трав, цветов, одежды.

Материал памятника позволяет видеть почву, на которой возникли различные поэтические образы в литературной поэзии. Так, ветер и волны, которые служили помехой японскому земледельцу при рыбной ловле, стали символом преград и помех в песнях. Эти образы перешли в литературную поэзию в виде отвлеченного представления о разного рода препятствиях в жизни, в любви. В литературной поэзии большой корабль среди волн — постоянный образ сильного душевного волнения. Знак запрета — священная рисовая веревка, которую вешают на рисовом поле для его охраны, становится постоянным метафорическим образом в литературной поэзии: повесить знак запрета означает обручиться с возлюбленной, обменяться любовной клятвой, т. е. наложить запрет для других, и т. п.

Здесь мы находим все сравнения и образы, ставшие каноническими в классической поэзии; сравнение белого снега с белыми лепестками цветов, белых цветов со снегом и белой пеной волн, а белой пены волн с белыми цветами. Встречается и образ плачущего оленя и осенних хаги; образ росинки, сравниваемых с жемчугом, с яшмой; и снег — символ седины, роса — символ непрочности жизни, яшмовая или жемчужная нить — символ брэнной жизни и т. п.

Однако круг образов неизмеримо богаче и обширней узких рамок классической поэзии. Исключительно богато представлена флора и фауна страны. Поражает обилие в стихах названий различных трав, растений, особенно в народных песнях. Много внимания уделено утру, весне, солнцу, что говорит о жизнеутверждающем характере этой поэзии, хотя влияние буддийских учений и внесло в нее немного грусти уже в этот

период, заставляя думать о быстротечности жизни и непрочности всего земного.

Исторические условия, создавшиеся к VIII в., способствовали, кроме всего, широкому развитию индивидуального творчества.

Обычно выделяют пять знаменитых поэтов антологии: Хитомаро, Акахито, Окура, Табито, Якамоти. Из них наибольшую славу сохранили Хитомаро и Акахито. Их обычно называют «гениями японской поэзии», оба они были впоследствии обожествлены.

Хитомаро — первый великий поэт Японии жил во второй половине VII в., умер в начале VIII в., о нем почти не сохранилось никаких сведений. Известно лишь, что он занимал скромную должность при дворе и последние годы жизни провел в провинции Ивами, вдалеке от столицы.

Хитомаро прославился своими одами и элегиями, слыл лучшим мастером нагаута. Замечательны и его короткие песни. Будучи придворным поэтом, в своих одах он воспевал всегда не личные достоинства императоров, а величие и красоту страны, которой тот правил «по повелению богов».

Для его од характерно восхищение красотой и величием мироздания, для элегий, главным образом плачей,— грустное раздумье о невечной жизни, печаль, постоянно обращенная к природе, выраженная через образы природы.

Идеалами возвышенной любви проникнуты его песни, посвященные возлюбленной, затем жене. Песни из его сборников, включенные в «Манъёсю», донесли в большом количестве записи народных песен и доработанные им варианты до последующих поколений.

Его поэзия унаследовала многое от традиций народной песни. Она любима японским народом, потому что выразила характерные черты его духовного облика, говорила образами и приемами, близкими ему. Народная песня обогатила его поэзию образами и сравнениями, народная символика легла в основу его метафор, приемы параллелизма, повторы характерны для его поэзии, напевность народной песни постоянно звучит в его стихах.

*Из народных песен восточных
провинций:*

Как в Мусаси на лугах
Долу клонится трава
В эту сторону и ту,
Так желаньям сердца твоего
Подчиняюсь я, любимый мой.

Из песни Хитомаро:

...Как жемчужная трава
Клонится у берегов
В эту сторону и ту,
Гнется и к земле прильнет
С набегающей волной,
Так спала, прильнув ко мне
Милая моя жена...

*Из народных песен (плачей)
провинции Ки:*

Тяжко мне, когда взгляну теперь
Я на берег одинокий, где гулял,
За руки держась, когда-то с ней,
Что покинула меня навек,
Отцвела, что клена алый лист...

Из плачей Хитомаро:

Словно средь осенних гор
Алый клен,
Сверкала так
Красотой она.
Словно стебель бамбука,
Так стройна она была...

Из плачей Хитомаро:

...Но как меркнет в небесах
Солнце на закате дня,
Как скрывается луна
Между облаков,
Будто водоросль морей,
Надломилась вдруг она,
Будто клена алый лист,
Отцвела навек...

...Говорят,
Что лишь роса
Утром рано упадет,
А под вечер нет ее,
Говорят,
Что лишь туман
Встанет вечером в полях,
А под утро нет его...

Однако образам и сравнениям, унаследованным от народной песни, он придал отточенность и мастерство художественного приема. Он явился создателем лучших од и элегий, которые благодаря ему приобрели законченную художественную форму, свой определенный стиль, композицию, образную систему. В его стихах уже можно видеть художественное мастерство, поэзию как искусство.

Его ближайший современник Акахито при всей его общей близости с Хитомаро к народной песне представляет собой иную индивидуальность как поэт. Поэзия Акахито прежде всего живописная поэзия, это поэзия японского пейзажа, поэзия необыкновенно тонкого художника.

Если Хитомаро выступает главным образом как мастер торжественных од и элегий, то Акахито прославлен как мастер малой формы, мастер танка. Известно лишь, что он жил в первой половине VIII в. и умер якобы в 736 г.

Он занимал при дворе незначительную должность и сопровождал императора в его путешествиях по стране, которые и воспел в своих песнях.

Особенно знаменита его песня, посвященная священной горе Фудзи. Искусно передает он величие горы вне ее непосредственного описания:

...И вот, когда я поднял взор
К далеким небесам,
Она, сверкая белизной,
Предстала в вышине.

И солнца полуденный луч
Вдруг потерял свой блеск,
И ночью яркий свет луны
Сиять нам перестал.
И только плыли облака
В великой тишине,
И забывая счет времен,
Снег падал с вышины...

Особой самостоятельной славой пользуется каэси-ута к этой песне.

Когда из бухты Таго на простор
Я выйду и взгляну перед собой:
Сверкая белизной,
Предстанет в вышине
Вершина Фудзи в ослепительном снегу.

Манера письма Акахито в его танка проста и непосредственна. Все в его поэзии предельно живописно и отчетливо. Она лишена излишних стилистических украшений и в то же время необыкновенно тонка и поэтична:

Я не могу найти цветов душистой сливы,
Что другу показать хотела я.
Здесь выпал снег,
И я узнать не в силах,
Где сливы цвет, где снега белизна...

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых,
И поля
Показались так дороги сердцу,
Что всю ночь там провел среди цветов до рассвета...

Часто он как художник несколькими штрихами дает точную живую зарисовку пейзажа:

В этой бухте Вака
Лишь нахлынет прилив,
Вмиг скрывается отмель,
И тогда в камыши
Журавли улетают крича...

Простота и непосредственность его поэзии, ее образы сближают ее с народной песней.

Большой любовью проникнуты его произведения, обращенные к родной стране.

На острове Абэ,
 У скал, где бакланы,
 Бегут непрестанно у берега волны.
 И я эти дни беспрестанно тоскую,
 Исполненный дум о далеком Ямато.

Красноречиво свидетельствует о близости поэзии Акахито к народной песне следующий пример:

Из народных песен:

Там, где птицы мисаго,
 У скалистого берега
 Зелены травы «скажи свое имя»,
 И пусть так случится, скажи свое
 имя!
 Пусть даже родители знают об этом!

Из песен Акахито:

Там, где птицы мисаго,
 В изгибах прибрежных,
 Зеленые травы «скажи свое
 имя»,
 И ты их послушай, скажи свое
 имя!
 Пусть даже родители знают
 об этом!

Его поэзия, близкая народной песне своей простотой и искренностью, образами и сюжетами, в то же время приобрела отточенность мастерства и художественную завершенность.

Совсем другой стиль поэтических произведений свойственен Окура (659—733).

Это был широко образованный человек, он знал китайский язык, прекрасно знал китайскую литературу и философию, писал стихи на китайском языке. Одно время Окура жил в Китае. Большинство его произведений написано было на о-ве Кюсю, в южной части Японии, где он занимал должность провинциального чиновника. Только под конец жизни он вернулся в столицу Нара, где и умер. Это был певец иного склада, чем Акахито и Хитомаро. Он прославился, как уже упоминалось выше, поэмой «Диалог бедняков». Он был первым поэтом-гражданином в истории японской поэзии, в произведениях которого зазвучали социальные мотивы.

...Земли и неба широки просторы,
 А для меня
 Всегда они тесны.
 Всем солнце и луна
 Сияют без разбора,
 И только мне их света
 не видеть.
 ...Сравню себя с людьми —
 Таков же, как и все:

...Не видно больше
 Дыма в очаге,
 В котле давно
 Повисла паутина,
 Мы позабыли
 Думать о еде,
 И каждый день
 Один и тот же голод.
 ...Недаром говорят,

Где тонко — рвется,
Где коротко —
Еще подрежут край...

Много платьев у ребенка богача,
Их вовек ему не износить,
У богатых в сундуках
Добро гниет,
Пропадает драгоценный шелк.

Поэзия Окура содержит также и некоторые философские размышления о быстротечности жизни. Здесь сказалось и влияние буддийских учений. В своих песнях он использует и «общие» мотивы поэзии того времени, ему близки и народные сюжеты. Песни о погибшем рыбаке Арао, легенда о любви двух звезд — все это находит отражение в его произведениях. Его песни посвящены также любви к детям, своему любимому сыну. Великий гуманист, «социальный поэт» Окура заложил основы гражданской поэзии в ту эпоху. В этом его главная выдающаяся заслуга.

Его друг — Табито (665—731) — один из знаменитой пятерки поэтов эпохи Нара, представитель знатного рода Отомо. Он занимал высокие должности при дворе, но подвергнулся опале и много лет прожил в изгнании на о-ве Кюсю и только под конец жизни вернулся в столицу. Он, как и Окура, был образованным человеком, знал китайскую литературу, философию.

Знакомство с китайской литературой и философией оставило некоторый след в творчестве Табито, но в то же время не лишило самобытности его поэзию, так как она прежде всего была органически связана с окружающей его действительностью и многое унаследовала в сюжетах, образах и приемах от народной песни.

Из его произведений наибольшей известностью пользуется цикл стихов, посвященных вину, перекликающийся с аналогичными темами китайской поэзии, тем не менее глубоко свой, специфический по решению темы; образы, взятые из буддийской и китайской литературы, следует рассматривать только как следствие его большой эрудиции, как эпизодические реминисценции. Высмеивание в этих песнях конфуцианских и буддийских схоластов, пользовавшихся покровительством двора, было до известной степени критикой самого двора. В этом отношении стихи можно рассматривать в какой-то степени как зачатки сатиры.

До чего противны мне
Те, что корчат мудрецов
И вина не пьют.
Ты вблизи на них взгляни —
Обезьянам все сродни.

Лишь бы на земле	Суемудрых не люблю,
Было счастье суждено.	Пользы нет от них ничуть.
А в иных мирах —	Лучше с пьяницей побудь:
Птицей или мошкой стать,	Он хотя бы во хмелю
Право, все равно.	Может искренне всплакнуть.

В целом поэзия Табито глубоко индивидуальна и открывает путь для дальнейшего развития определенного направления поэзии.

Сын его Отомо Якамоти (718—783) едва ли не самая значительная фигура по своей роли в формировании поэзии позднейшего периода VIII в.

Он служил при дворе, занимал высокие должности, но не раз впадал в немилость и подолгу жил вне столицы, в различных провинциях. В песнях кн. XX, воспевающей образы природы, он аллегорически выражает сочувствие заговорщикам против императора.

Некоторые песни его лирического дневника нуждаются в специальном исследовании, так как, возможно, многое в этих песнях, посвященных природе, имело в те времена аллегорический смысл, понятный лишь его современникам.

Якамоти оставил по себе славу не только составителя «Манъёсю», но и лучшего певца любви.

Характерные основные черты более поздней классической поэзии X—XIII вв. уже обрели свою форму именно в поэзии Якамоти. В этом особое значение его поэзии.

Как гуси дикие, что вольной чередой
Несутся с криком выше облаков,
Ты далека была...

Чтоб встретиться с тобой,
О, как скитался я, пока пришел.

Как будто отголоски дальней бури,
Что с цвета слив сорвала лепестки,
Так слухи о тебе...
И вот люблю я снова,
И счастлив я, и больше нет тоски.

Всегда перед зарей, прислушаться лишь надо,
Предутренней порой,
Едва забрезжит день,
Здесь, сотрясая гор простертые громады.
В тоске рыдает осенью олень.

Помимо этой известной пятерки поэтов антология сохранила много других талантливых имен: Каса Канамура, Такахаси Мусимаро и многие другие.

В ту пору появились и замечательные поэтессы — Нукада, Отомо Саканоз, Каса и др. Нежной лирикой проникнуты их песни, посвященные любви, высоким идеалам чувств.

Достоинства поэзии этой эпохи трудно переоценить. Прежде всего она замечательна тем, что в ту пору сложились традиции национальной японской поэзии. Сформировался основной поэтический жанр танка. Именно отсюда повели начало песенно-повествовательные жанры ута-моногатари, а также жанры лирических дневников, сложились почти все виды японской лирической поэзии.

Таким образом, поэзия «Манъёсю» явилась не только итогом всего предшествующего поэтического опыта, но одновременно и началом нового этапа, т. е. фактически первым этапом в истории развития литературной поэзии. Именно в это время возникли различные направления в поэзии, проявившиеся впервые в творчестве ее главных поэтов; определились характерные черты японской национальной поэзии: ее лаконичность, выразительность, умение в малом высказать многое, ее глубокая ограниченная связь с жизнью, бытом, постоянный поэтический подтекст, рассчитанный на слушателя, на читателя, на его ответную реакцию, дополняющую стих; конкретность образов и в то же время незаконченность поэтической мысли и художественного изображения, вызывающая к дополнительной реакции со стороны.

Значение «Манъёсю» для истории японской литературы огромно. Эта антология оказала влияние не только на дальнейшее развитие поэзии, но вся последующая феодальная литература, включая и повествовательные жанры, и драматургию, так или иначе испытала ее влияние.

Более того, ее песни или фрагменты песен, ее образы, сравнения вплетены в художественную ткань не только песенно-повествовательных жанров «Ямато-моногатари», «Исэ-моногатари», но и знаменитого романа «Гэндзи-моногатари», классических драм ёкёку, сказов дзёрури, они встречаются и в известных дневниках — никки, в эссе — дзуйхицу (Макура-соси и др.), в рассказах периода позднего средневековья (периода Эдо). Эта поэзия живет до сих пор в национальных жанрах современной японской поэзии. Редкая любовь к природе родной страны, тонкое понимание прекрасного, гуманизм, свойственные этой поэзии, навсегда отметили своей печатью все лучшие произведения японской поэзии и феодального прошлого, и современности.

Нельзя не отметить значения антологии «Манъёсю» как литературного памятника и для истории мировой поэзии.

Она вносит в сокровищницу мировой литературы особый поэтический мир, огромное лирическое богатство высокой поэтической культуры в особой выразительной форме, где представлены самобытная художественная система, своеобразная поэтика, богатство художественных образов, поэзия, поднимавшая обыденную жизнь до высоты художественного воплощения, поэзия, где главным критерием эстетики являлась сама жизнь.

Отличительной чертой всего этого поэтического богатства является исключительная роль природы как источника поэтической мысли, воображения и чувства. Грустит ли поэт о чем-либо, радуется ли он, мечтает ли о подвигах и славе, тоскует ли о любимой или друге, сожалеет ли о бренности земного существования, выражает ли любовь — все чувства и переживания он передает через образы природы. Каждая травка, былинка, цветок, дерево, птицы, различные явления природы: ветер, луна, облака, дождь, роса, иней — все они служат предметом воспевания, особыми поэтическими темами.

Характерно, что самым постоянным определением к возлюбленной служит не внешняя ее красота или внутренние качества, любимая — это всегда «та, с которой вместе любовались» (луной, цветами, листьями клена, видом природы и т. п.).

Поэзия памятника — подлинный апофеоз природы, который является не только выражением внешних поэтических восприятий или личных переживаний, не только удивительно тонким ощущением и пониманием красоты родной природы, но и выражением глубокой, проникновенной любви к своей родине, к своей стране.

Богатство поэзии памятника, ее высокоразвитую культуру питали разные источники.

Основным источником было прежде всего народное творчество, на почве которого выросла блестящая литературная поэзия эпохи Нара, что можно легко проследить на материалах самого памятника.

Очень важным источником была и богатая опытом древняя поэти-

ческая культура Китая, а также культура Кореи. К ним обращались лучшие представители нарской поэзии и заимствовали этот опыт, чтобы творчески претворить его, используя внутренние возможности своей собственной культуры. Влияние китайской и корейской поэзии, философии и культуры в целом только помогло расцвету собственных творческих сил японского народа, создавшего свое глубоко национальное самобытное и прекрасное искусство поэзии.

И эта замечательная поэзия близка нам и теперь как живой отголосок далекого бытия в его вечном выражении общечеловеческих чувств, дум и чаяний.

А. Глушкина

КНИГА ПЕРВАЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ЮРЯКУ

[457—479]

1

Песня, сложенная императором [Юряку]

Ах, с корзинкой, корзинкой прелестной в руке
И с лопаткой, лопаткой прелестной в руке,
О дитя, что на этом холме собираешь траву,
Имя мне назови, дом узнать твой хочу!
Ведь страну Ямато, что боги узрели с небес,
Это я управляю и властвую я!
Это я здесь царю и подвластно мне все,
Назови же мне дом свой и имя свое!

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ДЗЁМЭЙ

[629—641]

2

*Песня, сложенная императором [Дзёмэй] во время
восхождения его на гору Кагуяма, откуда он любо-
вался страной*

В стране Ямато
Много разных гор,
Но выделяется из них красой одна
Гора небес — гора Кагуяма!
Когда на эту гору ты взойдешь
И там просторы взором обведешь,—
Среди равнин страны
Восходит дым густой,
Среди равнин морей
Взлетает чаек рой,

О, вот она — чудесная страна,
Заветный край мой — Акицусима!
Как крылья стрекозы, простерты острова,
Страна Ямато — вот она!

3

Песня Хасихито Ою, сложенная и преподнесенная по повелению императрицы [Когёку], когда император [Дзёмэй] охотился на полях Утину

Раздается тетивы
Отдаленный звук,
Словно ясеновый лук,
Прогудев, спустил стрелу,
Лук, что держит при себе
Мирно правящий страной
Наш великий государь,
Лук, что рано поутру
Обнимает он рукой,
Лук, что поздно ввечеру
Он берет всегда с собой
Верно, на охоту он
Выходит поутру,
Верно, на охоту он
Выходит ввечеру,
Словно ясеновый лук,
Что он держит при себе,
Прогудев, спустил стрелу,—
Раздается тетивы
Отдаленный звук...

4

Казси-ута

На сверкающих яшмой широких полях Утину,
В ряд построив коней,
Выезжает охотиться он поутру,
И, наверное, кони безжалостно топчут
Эти густо заросшие свежей травой поля...

Песня, сложенная принцем Икуса, когда он любовался горами во время путешествия в свите императора [Дзёмэй] по провинции Сануки, в уезде Ая

Поднимается туман.
 Долгий день весны
 Клонится уже к концу —
 Незаметна эта грань...
 словно на куски
 Печень вся разбита —
 Сердце у меня
 Горестно болит.
 Птицей нуэко
 Громко плачу
 В тайниках сердца своего.
 В те минуты хорошо
 Перевязь жемчужную
 На себя надеть,
 Помолиться бы о том,
 Чтоб вернуться нам домой!
 Но в полях, где путь вершит
 Наш великий государь —
 Бог, что так далек от нас,—
 Ветер злой, что дует с гор,
 Поутру и ввечеру
 Треплет рукава мои
 Здесь, где я томлюсь один...
 Оттого затосковал
 Даже я, который мнил
 Храбрым рыцарем себя.
 Находясь сейчас в пути,
 Где зеленая трава
 Изголовьем служит мне,
 Я не знаю, как мне быть,
 Как тоску мне разогнать?
 Так же, как из трав морских
 В бухте Ами в тишине
 Выжигают на кострах
 Соль рыбачки,
 Так тоска,
 О, как жжет она меня
 В сердца тайной глубине!

6

Каэси-ута

Прилетевший с гор холодный ветер
Дует необычною порой...
Каждой ночью, спать ложась в разлуке,
О любимой, что осталась дома,
Полон я заботы и тоски!

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ КОГЁКУ
[642—644]

7

Песня принцессы Нукада

Все думаю о временном приюте
В столице Удзи,
О ночах былых
Под кровлей, крытою травой чудесной,
Что срезана была на золотых полях...

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ САЙМЭЙ
[655—661]

8

Песня принцессы Нукада

В Нигитацу в тот час, когда в путь
Собирались отплыть корабли
И мы ждали луну,
Наступил и прилив...
Вот теперь я хочу, чтоб отчалили мы!

Песня, сложенная принцессой Нукада во время путешествия императрицы [Саймэй] к горячим источникам в провинции Ки

На ночную луну
Подняла я свой взор и спросила:
«Милый мой
Отправляется в путь,
О, когда же мы встретимся снова?»

10—12

Песни, сложенные императрицей [Когёку-Саймэй] во время путешествия к горячим источникам в провинции Ки

10

О, долгод будет ли твой век
И мой, я знать хочу!
В Ивасиро, где скалы долговечны,
Завяжем на холме
На счастье стебли трав!

11

Мой любимый
Мастерит шалаш,
Если мало будет тростника,
Под сосною маленькою здесь
Накоси траву, прошу тебя!

12

Берег Нудзима, о котором мечтала,
Ты дал мне увидеть,
А вот жемчуг,
Что в бухте Аконэ, где дно так глубоко,
Жемчуг ты не нашел...

Песня принца Накацуоинэ о трех горах

Вот гора Кагуяма,
 Гору Унэби любя,
 С Миминаси жаркий спор
 Завела с древнейших пор.
 Со времен еще богов,
 Верно, был закон таков
 И решались так дела
 Даже в древние года.
 Потому и смертный из-за жен
 Нынче тоже спорить принужден!

14—15

Каэси-ута

14

Вот долина Инамикунибара,
 Где гора небес — гора Кагуяма
 Начала с горою Миминаси спор,
 И сошел с небес великий бог Або,
 Чтобы посмотреть на этот спор.

15

Над водной равниной морского владыки,
 Где знаменем пышным встают облака,
 Сверкают лучи заходящего солнца...
 Луна, что появится ночью сегодня,
 Хочу, чтобы чистой и яркой была!

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ТЭНДЗИ

[662—671]

16

Песня, которой принцесса Нукада ответила, когда император повелел министру двора Фудзивара [Каматари] устроить спор о том, что лучше — прелесть множества цветов в весенних горах или краски тысячи листьев среди осенних гор

Все засыпает зимою.
А когда весна наступает,
Птицы, что раньше молчали,
Начинают петь свои песни.
Цветы, что невидимы были,
Цвести начинают повсюду,
Но их сорвать невозможно:
Так в горах разросся кустарник.
А сорвешь — нельзя любоваться:
Такие высокие травы.
А вот осенью — все иное:
Взглянешь на кучи деревьев,
Алые клены увидишь,
Листья сорвешь, любуясь.
А весной зеленые листья,
Пожалев, оставишь на ветке.
Вот она — осени прелесть!
Мне милей осенние горы!

17

Песня, сложенная принцессой Нукада во время ее отъезда в провинцию Оми

Сладкое вино святое,
Что богам подносят люди...
Горы Мива!
Не сводя очей с вершины
Буду я идти, любуясь,
До тех пор, пока дороги,
Громоздя извилин груды,
Видеть вас еще позволят,

До тех пор, пока не скроют
От очей вас горы Нара
В дивной зелени деревьев.
О, как часто,
О, как часто
Я оглядываться буду,
Чтобы вами любоваться!
И ужель в минуты эти,
Не имея вовсе сердца,
Облака вас спрятать могут
От очей моих навеки?

18

Каэси-ута

Горы Мива!
Неужели скроетесь теперь навеки?
О, когда бы в небе этом
Облака имели сердце,
Разве скрыли б вас от взора?

19

*Песня принцессы Иноэ, сложенная в ответ [на песню
принцессы Нукада]*

Как осенние хаги, растущие в поле,
У самой опушки лесов в Хэсогата,
Оставляют узоры на шелковой ткани,
Так все время стоит пред моими глазами
Неотступно мой милый!

20

*Песня, сложенная принцессой Нукада, когда импе-
ратор [Тэндзи] охотился на полях Камо*

Иду полями нежных мурасаки,
Скрывающих пурпурный цвет в корнях,
Иду запретными полями,
И, может, стражи замечали,
Как ты мне машешь рукавом?

Песня, сложенная в ответ наследным принцем [О-ама]

Когда б любимая, что так собой прекрасна,
 Как мурасаки ароматные цветы,
 Была б уродливой,
 Из-за чужой жены
 Я разве тосковал бы здесь напрасно?

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ТЭММУ

[673—686]

*Песня, сложенная старой служанкой Фубуки при
 виде скал горной цепи Ёкояма в Хата во время па-
 ломничества принцессы Тоти в священный храм
 провинции Исэ*

Над рекой прозрачной
 Мхом не зарастает
 Ни одна священная скала.
 Пусть бы вечно ты была прекрасна,
 Пусть бы вечно юною была!

*Песня, сложенная неизвестным, скорбевшим о прин-
 це Оми, когда принц был сослан на остров Ираго в
 провинцию Исэ*

О конопля, что треплют!
 Бедный принц мой Оми,
 Да разве ты простой рыбак,
 Чтоб жить на Ираго — на острове далеком
 И жемчуг-водоросли на море срезать?

*Песня принца Оми, в печали сложенная им в ответ
на услышанную песню*

За жизнь непрочную и жалкую
Цепляясь,
Весь вымокший в волнах у Ираго,
Кормиться буду я теперь, срезая
Лишь жемчуг-водоросли возле берегов!

Песня, сложенная императором [Тэмму]

Там, где Ёсину,
Среди пиков Мимига,
Ах, без времени
Падает на землю снег,
Ах, без отдыха,
Постоянно льют дожди.
И как этот снег,
Как и он, без времени,
И как этот дождь,
Как и он, без отдыха,
По извилинам дорог
В думы погружен иду
Этой горною тропой!

Из неизвестной книги

Там, где Ёсину,
Там, где горы Мимига,
Говорят, без времени
Падает на землю снег,
Говорят, без отдыха,
Постоянно льют дожди.
И как этот снег,
Как и он, без времени,
И как этот дождь,

Как и он, без отдыха,
По извилинам дорог
В думы погружен иду
Этой горною тропой...

27

*Песня императора [Тэмму], сложенная им во время
пребывания во дворце Ёсину*

Хорошие люди, говоря: «Хорошо!»,
Умели смотреть хорошо,
И хорошим назвали хорошее поле — Ёсину.
Хорошо же смотри на него!
Хорошие люди умели смотреть хорошо!

**ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ДЗИТО [687—696]
И ИМПЕРАТОРА МОММУ [697—707]**

28

Песня, сложенная императрицей [Дзито]

Проходят быстро дни весны,
Как видно, летняя пора настала,
Там, где гора небес — Кагуяма,
Одежда белотканая видна,
Что сушится, сверкая белизною.

29

*Песня Какиномото Хитомаро, сложенная им, когда
он проезжал заброшенную столицу в Оми*

Возле склонов Унэби,
Той горы, что звал народ
Девой чудной красоты
В перевязях жемчугов,
В Касивара, со времен
Славных древних мудрецов,

Понимавших солнца знак,
Боги здешней стороны,
Что рождались на земле,
Каждый, каждый сын богов,—
Так же, как растут в веках
Ветви дерева пуга,
Друг за другом вслед,—
Друг за другом во дворце
Правили из века в век.
Но покинуть довелось
Нам Ямато — милый край,
Что узрели в небесах
Боги в ясной высоте;
Перейти нам довелось
Горы Нара, что стоят
В дивной зелени листвы.
Почему изволил он
Так задумать и решить?
Дальним, словно неба свод,
Было новое село,
Но решил он управлять
Поднебесной во дворце
В Оцу, в Садзанами, здесь,
В Оми, дальней стороне,
Где со скал бежит поток.
И хоть слышу: «Это здесь
Был прославленный дворец
Внука славного богов,
Управителя земли»,
И хотя мне говорят:
«Это здесь дворец царей»,—
Но, когда взгляну кругом
На места, где был дворец,
А теперь один туман
Заслоняет солнца луч
В дни весны,
И все вокруг
Густо, густо заросло
Свежей вешнею травой,
Как душою я скорблю!

30—31

Каэси-ута

30

В Сига, в Садзанами,
Карасаки мыс
Мирно процветает и теперь,
Все же с царской свитой кораблей
Он не сможет больше встретить здесь!

31

В Сига, в Садзанами, где большой залив,
Всюду заводь тихая легла,
Что же, пусть! —
Людей былых времен
Никогда ей больше не видать!

32—33

Песни Такэти Фурухито, сложенные в пещерах при виде старых развалин в провинции Оми

32

Не потому ли, что сам я
И немощный нынче, и старый,
Мне стало так грустно,
Когда я взглянул в Садзанами
На старую эту столицу!

33

Грустно мне стало, когда я увидел столицу,
Что брошена всеми,
Оттого, что разгневался бог,
Охранявший страну
В Садзанами!

Песня принца Кавасима, сложенная во время путешествия императрицы [Дзито] в провинцию Ки

На ветвях сосен возле берегов,
Где приливают в белой пене волны,—
Дары богам...
О, сколько же веков,
Как много лет прошло здесь перед ними!

Песня принцессы Абэ, сложенная ею, когда она переходила гору Сэнояма

Вот она,
Гора страны Ямато!
Та, что имя мной любимого взяла,
Та, что на путях в Кии видна,
Знаменитая гора Сэнояма!

36—39

Песни Какиномото Хитомаро, сложенные им во время пребывания императрицы [Дзито] во дворце Ёсину

Мирно правящая здесь
Государыня моя!
В Поднебесной, на земле,
Где правление вершишь,
Много есть чудесных стран.
Но страна, где хороши
Виды чистых рек и гор,
Что влечет сердца, одна,—
Это Ёсину страна!
В Акицу, где на полях
Осыпаются цветы,

Ширятся и ввысь идут
У дворцов твоих столбы.
Сто почтеннейших вельмож —
Люди славные твои
Утром по реке плывут,
И, построив в ряд ладьи,
Состязаясь меж собой в гребле,
Снова в час ночной
На ладьях они плывут.
Эти реки, что текут
И не ведают конца,
Эти горы, что стоят,
Величаво глядя ввысь,
И дворец, где водопад,
Где со скал бежит вода,
Взор пленяют красотой.
Сколько ни любуйся ты,
Любоваться той страной
Не устанешь никогда!

37

Каэси-ута

Ах, сколько ни гляжу, не наглядеться мне!
Прекрасны воды рек, что в Ёсину струятся,
Конца не зная...
Так же без конца
К ним буду приходить и любоваться.

38

Мирно правящая здесь
Государыня моя!
Божеством являясь, ты
По велению богов
Здесь правление верша,
Возле славных берегов,
Где стремительно текут
Воды Ёсину-реки,
Ты построила дворец,
Что вознесся в даль небес,

И поднявшись,
С высоты
Ты любишь страну!
И когда оглянешь даль,—
Громоздятся пред тобой
Изумрудною стеной
Горы в зелени листвы,
И как дань богов тех гор,
Лишь настанет там весна,
Украшают их цветы.
А лишь осень настанет,
Клена алою листвою
Украшаются они,
И как дань богов реки,
Что течет у берегов,
Преподносится тебе
Дань божественной едой.
В струи верхние воды
Посылается баклан,
В струи нижние воды
Сеть заброшена для рыб.
Реки, горы — и они,
Чтя тебя, приносят дань,
О достойный век богов!

39

Каэси-ута

Реки, горы — и они,
Чтя тебя, приносят дань,
По велению божества
На средину быстрых рек
Выплывают корабли...

*Песни Какиномото Хитомаро, которые он
сложил, оставаясь в столице в то время,
когда императрица [Дзито] совершала путе-
шествие в провинцию Исэ*

40

В бухте Ами далекой,
Наверное, в море ладьи vyplывают...
И, возможно, у девушек юных
Затопило приливом
Подолы одежды жемчужной?..

41

Рука в запястье драгоценном...
Наверное, у мыса Тафуси
Сегодня тоже
Люди царской свиты
Срезают водоросли-жемчуга...

42

У Ираго далеких берегов
В прилива час, когда шумит волна,
На корабле, плывущем одиноко,
Не едет ли и милая жена,
Кружа у островов, заброшенных и диких?

43

Песня, сложенная женой Тагима Маро

О милый мой, куда, в какие дали
Направился ты, скрывшись с глаз моих,
Как водоросль на дне? —
Не горы ли Набари
В дороге дальней переходишь ты сейчас?

*Песня царедворца Исоноками, сложенная им, когда
он следовал за паланкином императрицы [Дзито во
время ее путешествия в провинцию Исэ]*

Когда увидимся, любимая моя?
Не потому ль, что Идзами-гора высоко
Свою вершину в небо подняла,
Страна Ямато мне отсюда не видна?
А может потому, что та страна далеко?

*Песня, сложенная Какиномото Хитомао во время
ночлега принца Кару в полях Аки*

Мирно правящий страной
Наш великий государь,
Ты, что озаряешь высь,
Солнца лучезарный сын!
По велению богов
Богом став,
Когда вершить
Начал ты свои дела,
Из столицы, что стоит
Величава и прочна,
Ты отправился в страну,
Скрытую в горах глухих,
В Хацусэ.
И проходя
Меж безлюдных диких скал,
Где деревья поднялись
Хиноки,
Идя тропой,
Ты сгибал к подножью скал
Ветви на своем пути.
Поутру, когда летят
Над заставой стаи птиц,
Ты проходишь по горам.
И лишь вечер настает,
Белым жемчугом блестя,
В поле Аки, где теперь

Падает чудесный снег,
Ты, сгибая стебли трав,
Флаги пышных сусуки,
Низкий высохший бамбук,
Остаешься на ночлег,
Где подушкой в пути
Служит страннику трава,
И тоскуешь о былом...

46—49

Каэси-ута

46

В поле Аки далеко
На ночлег здесь оставшийся странник печальный,
Пригибая растущие травы к земле,
Вряд ли сном позабыться сумеет сегодня,
Вспоминая с тоской о величье былом...

47

Хоть это и заброшенный пустырь,
Где скошена прекрасная трава,
Сюда пришли мы в память о тебе,
Что нас теперь покинул навсегда,
Отцвел навек, как лист пурпурный клена...

48

На полях, обращенных к востоку,
Мне видно, как блики сверкают
Восходящего солнца,
А назад оглянулся —
Удаляется месяц за горы...

Наступило опять время царских забав:
 Принц наследный светлейший Хинамиси
 В этих полях,
 В ряд построив коней,
 Выезжал развлекаться охотой.

Песня, сложенная людьми, отбывавшими трудовую повинность на постройке дворца Фудзивара

Мирно правящая здесь,
 Государыня моя!
 Ты, что озаряешь высь,
 Солнца дивное дитя!
 Оглядев свою страну,
 Где правление вершишь,
 Ты решила, чтоб дворец
 Возвышался ныне здесь,
 В Фудзивара,
 Где цветут
 Вишен пышные цветы,
 Где из тонких волокон фудзи
 Ткется полотно.
 Ты, являясь божеством,
 Так решила.
 Оттого
 Боги неба и земли
 Были заодно с тобой!
 В Оми — дальней стороне,
 Где со скал бегут ручьи,
 Есть деревья хиноки,
 Что приносят счастье всем,
 На горах Танаками
 Расстилаются леса,
 С двух сторон спускаясь вниз,
 Как у платья рукава.
 Вот, с горы сплавляют лес
 По течению реки
 — Удзигава,
 Где живет

Воинов несметный род.
Будто бы плывут в воде
Водоросли-жемчуга,
По течению плывет
Лес, что велено сплавливать.
И, сплавливая этот лес,
Там шумит рабочий люд.
Дом родной свой позабыв,
Не щадя последних сил,
Словно утки, целый день
Не выходят из воды.
И к светлейшему дворцу,
Что теперь мы строим здесь,
Из неведомых нам стран
По дорогам из Косэ
Будут люди прибывать,
И родимая страна
Превратится в вечный рай!
Знаки вещие храня,
Черепаша нам сулит
Новый, благодатный век!
И деревья хиноки
По течению плывут
Быстрой Идзуми-реки.
Сбив плоты,
Сплавливают лес
Волоком и по реке
На постройку гонят лес.
И когда посмотришь ты,
Как старается народ,
То увидишь, что и впрямь
Волю он вершит богов!

51

*Песня принца Сики, сложенная им после перенесения
столицы из Асука в Фудзивара*

Ах, унэмэ прелестных рукава
Ты развевал всегда, здесь пролетая,
О ветер Асука!
Столица далека,
И ты напрасно дуешь ныне!

О священных колодцах дворца Фудзивара

Мирно правящая здесь
Государыня моя!
Ты, что озаряешь высь,
Солнца светлое дитя!
Там, где ткут простую ткань,
На долинах Фудзии,
Ты впервые начала
Строить славный свой дворец.
И когда ты смотришь вдаль,
Встав на насыпи крутой,
У пруда Ханяису,
Дивный вид
Со всех сторон
Открывается тебе:
На востоке у ворот,
Где восходит солнца свет,
Где Ямато — милый край,
Там в лазури пред тобой
В зелени густой листвы
Поднимается гора,
То гора Кагуяма,
Что зовут горой весны.
А у западных ворот,
Где заходит солнца свет,
Свежей зелени полна
Встала Унэби-гора,
Величаво, гордо ввысь
Поднимается она,
И зовет ее народ:
«Юной прелести гора»!
А у ближних к ней ворот,
Там, где севера страна
Миминаси поднялась.
Вся в зеленых камышах,
Красотой лаская взор,
Божеством встает средь гор!
А на юге у ворот,
Там, где солнца сторона,
Нежной прелести полна
Встала Ёсину-гора!
Ах, в колодце облаков

Далека от нас она.
А в тени дворца парей,
Что поднялся высоко,
Заслоняя небеса,
А в тени дворца парей,
Что уходит в даль небес,
Заслоняя солнца свет,
Дивная течет вода!
Вечно будет жить она,
Здесь в источниках священных —
Чистая вода!

53

Каэси-ута

Как завидую я
Свите девушек юных,
Что родятся, сменив нас,
И будут служить после нас
При великом дворце Фудзивара!

54—56

*Песни, сложенные во время путешествия
экс-императрицы [Дзито] в провинцию Ки
осенью первого года Тайхо [701], в девятом
месяце*

54

<Песня Сакато Хитотари>

На горах здесь, в Косэ,
Много, много камелий везде!
Долго, долго
Смотрю я на них, и все думаю я:
«А какие весной поля здесь, в Косэ?»

<Песня Цуки Оми>

Полотняные там платья хороши!
 Поселянам я завидую из Ки.
 И гора там Мацуги,— кто ни пройдет,
 От нее никак очей не ответит,
 Поселянам я завидую из Ки.

Из неизвестной книги
 <Песня Касуга Ою>

Возле этой реки
 Ряд за рядом камелии цветут,
 Долго, долго смотрю,
 Но никак не могу наглядеться
 Я на поле весною в Косэ!

57—58

*Песни, сложенные во время путешествия
 экс-императрицы [Дзито] в провинцию Ми-
 кава во втором году Тайхо [702]*

<Песня Нага Окимаро>

О, средь полей далеких Хикуману
 Долина хаги вся в благоуханье,
 Пойди туда и пусть твоя одежда
 Впитает аромат
 На память о скитаньях!

<Песня Такэти Курохито>

В каких краях,
 Куда причалит он,
 Беспомощный и малый этот челн,
 Что обогнул тот мыс
 Арэносаки?

Песня, сложенная принцессой Ёса

Когда, не прекращаясь, дует ветер
 И треплет полы длинные одежд,
 Холодной ночью,
 О, супруг мой милый,
 Едва ли ты уснешь один!

Песня принца Нага

Ночами встретишься с тобой, бывало,
 А утром спрячешься — увидеть невозможно.
 Стыдишься, прячась,
 Не в полях ли Прячась
 Живешь так долго в шалаше дорожном?

Песня девицы из рода Тонэри, сложенная во время следования за паланкином экс-императрицы [Дзито]

Рыцарь доблестный,
 В руках сжимая стрелы счастья,
 Целится, стреляя в цель перед собой.
 Эта бухта Цель, когда согласишься,
 Отличается кристальной чистотой!

Песня Касуга Ою, сложенная во время отплытия Мину [Окамаро] в Китай

Пролив минуя у берегов Цусима,
 Меж диких скал
 Свой путь держа морской,
 Ты принеси дары богам с молитвой
 И возвращайся поскорей домой!

*Песня Яманэ Окура, сложенная в тоске по родине
во время пребывания в Китае*

Итак, друзья, скорей в страну Ямато,
Туда, где сосны ждут на берегу!
В заливе Мицу,
Где я жил когда-то,
О нас, наверно, память берегут!

*Песня принца Сики, сложенная во время пребывания
императора [Момму] во дворце Нанива в третьем году
Кэйун [706]*

На крылья уток, что стремятся к берегам,
Где тростники растут,
Ложится белый иней,
И я вечернею холодною порой
Тоскую о Ямато с новой силой!

Песня принца Нага

Падает, грохочет град...
На леса сосновые, что зовутся «Град».
В Суминоэ
На девицу Отои
Мне не наглядеться, сколько ни гляжу!

*Песни, сложенные во время путешествия
экс-императрицы [Дзито] во дворец Нанива*

66

<Песня Окисомэ Адзумахито>

Корни сосен берегов Такаси
Здесь, в Отомо, сделав изголовьем,
Хоть и спать ложусь,
Но не усну я —
Все с тоскою думаю о доме!

67

<Песня Такаясу Осима>

В странствии дальнем
Тоскою полны мои думы,
И если б не слышал
Я криков родных журавлей,
Я б умер, наверно, тоскуя о доме далеко...

68

<Песня принца Мутобэ>

О раковины «позабудь»
На славных Мицу берегах
В Отомо,
Любимую, что там осталась дома,
Навряд ли я сумею позабыть!

*<Песня девушки из Суминоэ, преподнесенная
принцу Нага>*

Когда бы знала,
Что уходишь в дальний путь,
Где травы служат изголовьем,
Цветною глиной этих берегов
Окрасила бы я твои одежды.

*Песня Такэти Курохито, сложенная во время путеше-
ствия экс-императрицы [Дзито] во дворец Ёсину*

Верно, в Ямато
Петь она будет —
Птица ёбукодори —
И зовет за собою, надо мной пролетая,
Среди гор у вершины Киса!

71—72

*Песни, сложенные во время пребывания им-
ператора [Момму] во дворце Нанива*

<Песня Осакабэ Отомаро>

Тоскою полный по стране Ямато,
Спокойным сном уснуть
Не в силах я.
Как могут так безжалостно на море
Звучать у мыса крики журавлей!

<Песня министра церемоний Фудзивара Умакаи>

Туда, где срезают жемчужные травы морские,
Вряд ли мой челн выйдет в дальнее плавание ныне...
Ту, что лежит на моем изголовье
На шелковой ткани,
Я позабыть и оставить не в силах...

Песня принца Нага

Возлюбленную милую мою
Так хочется увидеть мне скорей!
Прибрежный быстрый ветерок, лети же к ней,
К цветку камелии, что ждет меня в Ямато,
И, навестив ее, скажи об этом ей!

74—75

*Песни, сложенные во время путешествия
императора [Момму] во дворец Ёсину*

[Неизвестный автор]

Такой холодной порою,
Когда бушует буря среди гор,
Здесь, в Ёсину,
И этой ночью, снова,
Ужели спать придется одному?

<Песня принца Нагая>

Возле Удзима-гор
Утром холоден ветер,
Я в пути нахожусь,
Нет любимой жены,
Что могла бы мне дать на дорогу одежду!

[ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЭММЁ
(708—714)]

76

*Песня императрицы [Гэммё], сложенная в первом году
Вадо [708]*

Слышны звуки стрел, разящих панцирь
Храбрых и отважных рыцарей моих.
Славных воинских родов лихие полководцы,
Верно, в бой стремятся,
Выставив щиты!

77

*Песня принцессы Минабэ, преподнесенная в ответ
императрице*

О государыня великая моя!
Не беспокой себя заботой новой,
С тобою я,
Что волею богов ниспослана сюда,
Чтоб быть тебе надежною опорой!

78

Песня императрицы [Гэммё], сложенная весной третьего года Вадо [710], во втором месяце, когда она переезжала из дворца Фудзивара во дворец Нара и по дороге, остановив паланкин в Нагаянохара, оглянулась на [покидаемые ею] родные места

Если Асука-селенье,
Где летают в поднебесье птицы,
Я покину и уйду отсюда,
Те места, где ты остался, мой любимый,
Неужели больше не увижу?

*Из неизвестной книги
Песня, сложенная при перенесении столицы из Фу-
дзивара в Нара*

Государыня моя
Приказала...
Чтя приказ,
Сердцу близкий дом родной
Я покинул и ушел...
В скрытой среди гор стране,
В Хацусэ
По глади вод
Долго плыл на корабле.
У извилин быстрых рек,
По которым плыл тогда,
У извилин быстрых рек,
Не минуя ни одной,
Все оглядывался я
На далекий край родной,
Много раз, несчетно раз
Оборачивался я...
И дорогой проходя,
Что отмечена давно
Яшмовым копьём,
Я достиг в конце пути
Берегов реки Сахо
Возле Нара, что стоит
В дивной зелени листвы.
И на платье, что стелил
Вместо ложа на земле,
Падал чистым серебром
Свет предутренний луны.
Тканью яркой белизны
Ночью иней выпадал,
Будто ложе горных скал,
Льдом подернулась река,
И холодной ночью там
Устали не знали мы
И ходили взад-вперед,
Чтоб тебе построить дом!
Будешь ты в нем пребывать

Тысячи веков,
Буду приходить и я
Без конца к тебе!

80

Каэси-ута

В твой дом, воздвигнутый в столице Нара,
Прекрасной в зелени листвы,
Я тысячи веков
К тебе являться буду,
Не думай, что тебя смогу я позабыть!

81—83

*Песни принца Нагата, сложенные в горах
у священного колодца, когда он летом пя-
того года Вадо [712], в четвертом месяце
направлялся в священный храм провинции
Исэ*

81

Когда любовался колодцем священным
Средь местности горной,
Я дев молодых увидал
Из страны, что зовется Исэ и слывет очень древней,
Из страны, охраняемой ветром могучих богов!

82

Опустошенное
Сердце мое наполняется грустью,
Когда я смотрю,
Как из вечных небес
Мелкий дождик идет и идет беспрестанно...

С дна морского
 На взморье волна в белой пене встает —
 Предо мною гора на далеком пути.
 О, когда склоны Тацута я перейду
 И увижу места, где моя дорогая живет?

ДВОРЕЦ НАРА

*Песня, сложенная, когда принц Нага и принц Сики
 пировали вместе во дворце Саки*

<Песня принца Нага>

Вот и теперь мы видим каждый раз,
 Лишь только осень наступает,
 Тоскуя по жене,
 В горах олень рыдает
 Вблизи равнины Таканохара.

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕСНИ-ПОСЛАНИЯ (ПЕСНИ-ПЕРЕКЛИЧКИ)

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА НИНТОКУ

[313—399]

85—88

*Четыре песни императрицы Иванохимэ,
сложенные в тоске об императоре-супруге*

[Из сборника «Руйдзю-карин»]

85

Так много дней прошло,
Как ты ушел, любимый,
Пойти ли в горы мне тебя искать,
Спешить ли мне к тебе навстречу,
Иль оставаться здесь и снова ждать и ждать?..

86

Чем так мне жить,
Тоскуя о тебе,
О, лучше б умереть,
Чтоб изголовьем стало
Подножие высоких этих гор!

87

Пока живу, я буду ждать, любимый,
Я буду ждать, пока ты не придешь,
О, долго ждать!
Пока не ляжет иней
На пряди черные распущенных волос...

Тот утренний туман, что дымкой заволок
 Колосья риса на осеннем поле,
 Исчезнет, уплывая вдаль...
 А вот любовь моя?
 Куда она исчезнет?

Из неизвестной книги

Всю ночь, пока не рассветет,
 Я буду ждать тебя, любимый,
 Пока ты не придешь, —
 Пусть даже ляжет иней
 На пряди, ягод тутовых черней...

<Песня принцессы Сотоори>

Так много дней прошло,
 Как ты ушел, любимый...
 Ведь тянется у яматадзу лист к листу,
 И я пойду к тебе скорей навстречу,
 Все ждать и ждать — я больше не могу!

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ТЭНДЗИ

[662—671]

*Песня императора [Тэндзи], посланная принцессе
 Кагами*

Дом, где живет любимая моя,
 Хотел бы видеть я все время!
 Как было б хорошо,
 Когда бы этот дом
 В Ямато был на пиках гор Осима!

*Песня принцессы Кагами, сложенная в ответ на
песню императора [Тэндзи]*

Средь гор осенних
Скрытая листвою
Течет вода незримо в глубине...
Так знай, что я еще сильнее тоскую,
Чем ты тоскуешь обо мне!

*Песня принцессы Кагами, посланная министру двора
Фудзивара Каматари, когда он просил ее стать его
женою*

Ларчик дорогой закрыть, открыть — легко!
На рассвете ты уйдешь к себе спокойно,
Славен, как и был,
А имя бедное мое
Станет после жалости достойно!

*Песня министра двора Фудзивара Каматари, послан-
ная в ответ принцессе Кагами*

Я увижу ларчик дорогой!
В Миморо средь гор зеленый плющ растет,
Для влюбленных служит ложем он,
Если нам с тобой на нем не спать,
Я не в силах буду больше жить!

*Песня министра двора Фудзивара Каматари, сло-
женная, когда он взял в жены унэмэ Ясумико*

Вот ведь я каков!
Завладел Ясумико.
Той, что, говорили все,
Очень трудно завладеть,
Завладел Ясумико!

*Пять песен, сложенных во время сватовства
Кумэ Дзэндзи к девице из дома Исикава*

96

<Песня Кумэ Дзэндзи>

Дивная трава срезается в Синану...
Из Синану лук когда б я натянул
И тебя позвал идти с собою,
Притворившись знатною особой,
Разве ты ответила бы «нет»?

97

<Ответная песня девицы из дома Исикава>

Дивная трава срезается в Синану...
Из Синану ветку не согнув дугой,
Не слышал никто, что тетиву натянут,—
Ты меня ведь не зовешь с собою,
И не знаю я, пойду ли за тобой...

98

<Песня девицы из дома Исикава>

Когда б ты натянул
Свой ясеновый лук,
Возможно, я твоей бы подчинилась воле,
Но как узнать заранее, мой друг,
Останется ли после верным сердце?

99

<Ответная песня Кумэ Дзэндзи>

Тот человек, что ясеновый лук
Возьмет и тетиву на нем натянет,
Тот человек,
Зовя тебя, мой друг,
Уверен в том, что верным будет сердце!

<Песня Кумэ Дзэндзи>

Крепок шнур у священного груза,
 Шнур на ящиках с даром заветным —
 Колосьями первого риса от людей из восточного края.
 Крепко сердцем моим ты владеешь,
 Подчиняя его своей воле!

Песня Отомо [Ясумаро], сложенная им, когда он сватался к девице из дома Косэ

На плюще жемчужном нет плодов.
 Говорят, что боги грозные коснулись
 Тех деревьев, на которых нет плодов,
 Всех деревьев,
 На которых плод не зреет!

Песня девицы из дома Косэ, посланная в ответ

У жемчужного плюща
 Расцветают лишь цветы,
 Нет плодов на нем.—
 Чья любовь слывет такой?
 Я люблю тебя иначе, милый мой!

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ТЭММУ

[673—686]

Песня императора [Тэмму], посланная супруге из дома Фудзивара

В моем селе
 Глубокий выпал снег,
 А в Охара,
 В селе заброшенном и старом,
 Такого снега нет, он выпадет потом...

Песня супруги [императора Тэмму] из дома Фудзивара, посланная в ответ

Этó, верно, приказали боги,
 Что живут у моего холма,
 Чтоб в селе у вас
 Рассыпать по дороге
 Жалкие остатки снега моего!

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ДЗИТО [687—696]
 И ИМПЕРАТОРА МОММУ [697—707]

105—106

*Две песни принцессы Оку, сложенные ею,
 когда принц Оцу после тайного отъезда
 в храм Исэ возвращался в столицу*

105

Говорят, в страну Ямато отправляют
 Брата дорогого моего.
 Ночь спустилась,
 И в росе рассветной
 Я стою, промокшая насквозь...

106

Вдвоем — и то
 Нелегко этот путь!..
 Осенние в багряных кленах горы
 Как, милый мой,
 Один ты будешь проходить?

107

Песня принца Оцу, посланная девице из дома Исикава

Когда я любимую ждал
Под капелью лесною в горах,
Распростертых вокруг,
Я все время стоял и промок весь насквозь
Под капелью лесною в горах...

108

Песня девицы из дома Исикава, сложенная в ответ

Когда ты меня ожидал,
Ты, кажется, вымок насквозь.
Как хотела бы стать, дорогой.
Той капелью в горах,
Распростертых вокруг...

109

Песня принца Оцу, сложенная, когда он тайно встречался с девицей из дома Исикава, а Цумори Тору раскрыл это в гадании

Большие корабли заходят в гавань...
Я точно знал,
Что скажет обо всем
В гадании своем Цумори...
И все же ночи проводил с тобой...

110

Песня принца Хинамиси, посланная девице из дома Исикава

Онако, тебя
На краткий даже миг,
На миг, как расстоянье меж стеблями
В охапке камыша,
Могу ли я забыть?

111

*Песня принца Югэ, посланная принцессе Нукада,
когда он прибыл во дворец Ёсину*

Не та ли птица, что тоскует о былом,
На зелень вечную юдзуруха лишь взглянет
И над колодцем,
Где цветут цветы,
С печальным плачем мимо пролетает!

112

Песня принцессы Нукада, сложенная в ответ

Та птица, что тоскует о былом,—
Ведь это бедная кукушка!
Боюсь, что это плакала она,
Совсем как я,
Что о былом тоскую...

113

Песня принцессы Нукада, сложенная в ответ принцу [Югэ], когда он прислал ей из Ёсину сорванную им ветку старой сосны

О ветка, сорванная у сосны жемчужной
В прекрасном Ёсину,
Как дорога ты мне!
Приносишь ты с собою неизменно
Привет от друга дорогого моего!

114

Песня принцессы Тадзима, сложенная в думах о принце Ходзуми, когда она находилась во дворце принца Такэти

Как на полях осенних колос риса
Склоняется всегда
К одной лишь стороне,
Так я хочу к тебе, мой друг, склониться,
Пусть даже не дает молва покоя мне!

Песня принцессы Тадзима, сложенная во время ссылки [ее возлюбленного] принца Ходзуми в горный храм в Сига в провинции Оми согласно императорскому приказу

Чем здесь остаться мне
И жить одной в тоске,
О, лучше я пойду вслед за тобой.
На каждом повороте на пути
Оставь мне знак свой, друг любимый мой!

Песня принцессы Тадзима, сложенная, когда она тайно встречалась с принцем Ходзуми, находясь во дворце принца Такэти, и все это стало известно

Как густые заросли молва людская...
Оттого, что тяжело терпеть молву,
Через реку утром я плыву, —
В жизни никогда еще со мной
Случая такого не бывало.

Песня принца Гонэри

Все печалюсь о том, вряд ли рыцарь отважный
Будет так же любить безнадежно, как я,
Об ответе и думать не смея,
И все же, печалюсь, я — рыцарь негодный
Люблю все сильнее и сильнее.

Песня девицы из рода Тонэри, сложенная в ответ

Оттого-то, что любит меня
 Этот рыцарь отважный
 И горюет все время, что меня полюбить довелось,—
 На моих волосах из лилового шелка повязка
 Вся влажна и промокла насквозь...

119—122

*Четыре песни принца Югэ, сложенные
в думах о принцессе Ки*

119

Быстро мчится Ёсину-река,
 Беспреданно воды чистые струятся,
 Ни на миг не остановятся они.
 Пусть бы так же наши встречи продолжались,
 Становилась бы сильнее любовь...

120

Чем жить, тоскуя о тебе все время,
 Любимая моя! О, лучше бы я стал
 Цветком простым
 Осенних хаги,
 Что, отцветя, на землю упал!

121

Когда придет вечерняя пора,
 Наверное, прилив на берега нахлынет,
 О, так мечтаю срезать я
 Те водоросли-жемчуга
 В заливе Асака, в прекрасном Суминоэ...

Подобно кораблю большому,
 Что в гавани стоит, качаясь на волнах,
 Утратил я покой
 И полон я тоскою
 Из-за любви к чужой жене!

123—125

*Три песни, сложенные во время болезни
 Миката Сами после его свидания с до-
 черью Соно Икуха*

123

<Песня Миката Сами>

Их зачешешь вверх — рассыплются они,
 Не зачешешь их — такие длинные
 Волосы возлюбленной моей...
 И теперь, когда я не люблюсь ими,
 Верно, в беспорядке волосы лежат...

124

<Песня дочери Соно Икуха>

Говорят мне все,
 Что ныне длинные они,
 Говорят мне: «Вверх их подбери!»
 Но ведь ими любовался ты,
 Пусть же будут в беспорядке волосы мои!

125

<Песня Миката Сами>

Как та дорога, где проходят люди
 Под тенью померанцевых цветов,
 На множество дорог дробится,
 Вот так в тоске мои дробятся думы
 Без встреч с тобой, любимая моя...

*Песня придворной дамы Исикава, посланная Отомо
Тануси*

Я слышала, что называли
Учтивым кавалером вас,
А вы приюта мне не дали,
Меня домой вы отослали.
Какой же вы учтивый кавалер?

Песня Отомо Тануси, посланная в ответ

Я был всегда
Учтивым кавалером.
И тем, что даме я в приюте отказал
И вас домой обратно отослал,
Я доказал, что я учтивый кавалер!

*Песня той же придворной дамы Исикава, посланная
Отомо Тануси — Тьюро*

Оказались правильными слухи,
Что дошли о друге до меня:
Неокрепшие верхушки камыша слабы, гнутся.
Слабы ноги у тебя.
Надлежит тебе быть осторожным, милый!

*Песня, посланная Отомо Сукунамаро придворной да-
мой из рода Исикава, состоявшей на службе во двор-
це принца Оцу*

Не старая ли это здесь старуха,
Иль, может, вовсе не старуха я?
Так погрузиться глубоко
Душою в чувство
Ведь может только дева юных лет!

Песня принца Нага, обращенная к младшему брату

Через реку Ниу
 Не пройти —
 Полон нерешительности я.
 Мой, до боли мной любимый брат,
 Я хочу, чтоб ты пришел сюда!

131—139

*Песни Какиномото Хитомаро, сложенные,
 когда он, уезжая в столицу, покидал страну
 Ивами и расставался с женой*

131

Там, в Ивами, где прибой
 Бьет у берегов Цуну,
 Люди, поглядев кругом,
 Скажут, что залива нет,
 Люди, поглядев кругом,
 Скажут — отмели там нет.
 Все равно прекрасно там,
 Даже пусть залива нет,
 Все равно прекрасно там,
 Пусть и отмели там нет!
 У скалистых берегов,
 В Нигитадзу, на камнях,
 Возле моря, где порой
 Ловят чудище-кита,
 Водоросли взморья там,
 Жемчуг-водоросли там,
 Зеленея, поднялись.
 И лишь утро настает,
 Словно легких крыльев взмах,
 Набегает ветерок.
 И лишь вечер настает,
 Словно легких крыльев взмах,
 Приливают волны вмиг.
 Как жемчужная трава
 Клонится у берегов
 В эту сторону и ту,

Гнется и к земле прильнет
С набегающей волной,
Так спала, прильнув ко мне,
Милая моя жена.
Но ее покинул я.
И по утренней росе,
Идя горною тропой,
У извилин каждый раз
Все оглядывался я,
Много раз, несчетно раз
Оборачивался я.
И все дальше оставлял
За собой родимый дом.
И все выше предо мной
Были горы на пути.
Словно летняя трава
В жарких солнечных лучах,
От разлуки, от тоски
Вянет милая жена.
На ворота бы взглянуть,
Верно, там стоит она!
Наклонитесь же к земле
Горы, скрывшие ее!

132—133

Каэси-ута

132

Там, в Ивами,
Возле гор Такацуну,
Меж деревьями густыми вдалеке,
Видела ли милая моя,
Как махал я ей, прощаясь, рукавом?

133

По дороге, где иду
На склонах гор,
Тихо-тихо шелестит бамбук...
Но в разлуке с милою женой
Тяжело на сердце у меня...

Там, в Ивами,
 Возле гор Такацуну,
 Меж деревьями густыми вдалеке,
 О, увидит ли любимая моя,
 Как махать ей буду рукавом?

Обвита плющем скала...
 В море, в Ивами,
 Там, где выступает мыс
 Караносаки...
 На камнях растут в воде
 Фукамиру-водоросли,
 На скалистом берегу —
 Жемчуг-водоросли.
 Как жемчужная трава
 Гнется и к земле прильнет,
 Так спала, прильнув ко мне,
 Милая моя жена.
 Глубоко растут в воде
 Фукамиру-водоросли,
 Глубоко любил ее,
 Ненаглядную мою.
 Но немного мне дано
 Было радостных ночей,
 Что в ее объятьях спал.
 Листья алые плюща
 Разошлись по сторонам —
 Разлучились с нею мы.
 И когда расстался я,
 Словно печень у меня
 Раскололась на куски,
 Стало горестно болеть
 Сердце бедное мое.
 И в печали, уходя,
 Все оглядывался я...
 Но большой корабль
 Плышет...
 И на склонах Ватари

Клена алая листва,
Падая, затмила взор,
Я не смог из-за нее
Ясно видеть рукава
Дорогой моей жены...
Дом скрывает жен от глаз...
И хоть жалко нам луну,
Что плывет средь облаков,
Над горами Яками,
Но скрывается она —
Скрылась и моя жена...
Вскоре вечер наступил,
И, плывя по небесам,
Солнце на закате дня
Озарило все вокруг,
У меня же, что считал
Храбрым рыцарем себя,
Рукава, что я стелю
В изголовье,
Все насквозь
Вымокли от слез моих...

136—137

Каэси-ута

136

У вороного моего коня
Так бег ретив, что сразу миновали
Места, где милая моя живет.
Как в небе облака,
Они далеки стали.

137

Несущиеся вихрем листья клена среди осенних гор,
Хотя б на миг единый
Не опадайте, заслоняя все от глаз,
Чтоб мог увидеть я
Еще раз дом любимый!

Из неизвестной книги

Там, в Ивами, где прибой
Бьет у берегов Цуну,
Люди, поглядев кругом,
Скажут, что залива нет,
Люди, поглядев кругом,
Скажут: отмели там нет.
Все равно прекрасно там,
Даже пусть залива нет!
Все равно прекрасно там,
Пусть и отмели там нет!
У скалистых берегов,
В Нигитадзу, на камнях,
Возле моря, где порой
Ловят чудище-кита,
Водоросли взморья там,
Жемчуг-водоросли там,
Зеленая, поднялись.
И лишь утро настает,
Приливает вмиг волна,
И лишь вечер настает,
Набегают ветерок.
Как жемчужная трава
Клонится у берегов
В эту сторону и ту,
Гнется и к земле прильнет
С набегающей волной,
Так спала, прильнув ко мне,
Милая моя жена.
Рукава ее,
Что стелила мне она
В изголовье
Каждый раз,
Я оставил и ушел.
И по утренней росе,
Идя горною тропой,
У извилин всякий раз
Все оглядывался я,
Много раз, несчетно раз
Оборачивался я.
И все дальше оставлял

За собой родимый дом,
И все выше предо мной
Были горы на пути.
Ненаглядное дитя —
Милая моя жена,
Словно летняя трава
В жарких солнечных лучах,
От разлуки, от тоски,
Верно, вянет там она
И горюет обо мне.
На село взгляну Цуну,
Где осталася она,
Наклонитесь же к земле,
Горы, скрывшие ее!

139

Каэси-ута

Там, в Ивами,
Возле гор Такацуну,
Меж деревьями густыми вдалеке,
Видела ли, милая моя,
Как махал я ей, прощаясь, рукавом?

140

*Песня Ёсами — жены Хитомаро, сложенная при рас-
ставании с ним*

Не тоскуй, — ты говоришь.
Но я могу ль
О тебе не тосковать, скажи,
Разве знаем мы с тобою час,
Когда снова встретимся теперь?

ПЛАЧИ

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ САЙМЭЙ
[655—661]

141—142

*Две песни принца Арима, сложенные им,
когда он, печалясь о своей участи, завязывал
ветви сосны*

141

Ветви пышные сосны прибрежной
Здесь, в Ивасиро, я завяжу узлом,
Если счастлив буду я в судьбе мятежной,
Снова к ней вернусь
И на нее взгляну!

142

Если был бы я дома,
Я еду положил бы на блюдо,
Но в пути нахожусь я,
Где трава изголовьем мне служиг,
Потому и еду я кладу на дубовые листья.

143—144

*Две песни, сложенные Нага Окимаро в
печали при виде связанных веток сосны*

143

Тому, кто здесь на берегу,
В Ивасиро, связал у сосен ветви,
Удастся ли опять
Прийти сюда
И вновь увидеть сосны эти?

144

С ветвями, связанными вместе,
 Стоит в полях Ивасиро
 Сосна...
 Не развязать и мне узла на сердце,
 Когда я вспоминаю старину...

145

*Песня Яманоз Окура, сложенная позднее в ответ на
 эти песни*

Подобно птицам, что летают в небе,
 Быть может, он являлся здесь потом
 И видел все,
 Не знают только люди,
 А сосны, может, ведают про то!

146

*Песня, сложенная при виде связанных веток сосны во
 время путешествия императора [Момму] по провинции
 Киу в первом году Тайхо*

<Из сборника Какиномото Хитомаро>

Сосны зеленой ветки молодые,
 Которые ты завязал узлом
 В Ивасиро,
 Сказав: «Потом увижу»!
 Увидел ли ты снова их потом?

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ТЭНДЗИ
[662—671]

147

Песня императрицы [Яматохимэ], сложенная во время болезни императора

Когда взглянула вверх
И взором обвела
Широкую небесную равнину,
Я увидала: жизнь твоя длинна,
Все небеса она заполнила собою!

148

Из неизвестной книги

Песня, сложенная императрицей [Яматохимэ], когда болезнь императора Оми стала опасной для жизни

Хотя глазам моим казаться будет,
Что ты витаешь в вышине
Над Кохата в зеленых флагах,
Но все равно наедине
Нам никогда не быть с тобою!

149

Плач императрицы [Яматохимэ], сложенный ею, когда скончался император [Тэндзи]

О, людям хорошо —
Печаль у них пройдет!
Пусть так, а я тебя не позабуду
И видеть образ твой все время буду
В сверканье жемчуга твоих венков!

*Плач, сложенный придворной дамой, когда скончался
император [Тэндзи]*

Я мира бренного лишь человек простой,
И так как мне не быть с богами,
Легла преграда между нами.
И по утрам скорблю, любимый мой, —
В разлуке мы с тобой,
Мой государь любимый!
О, если б ты был яшмой драгоценной,
Я на руки надела бы тебя,
О, если б ты был шелковой одеждой,
Ее бы не снимала никогда!
О государь, любимый мною,
Вчерашней ночью, в снах
Я видела тебя!

151—152

*Плачи, сложенные, когда останки импера-
тора [Тэндзи] находились в усыпальнице*

151

Плач принцессы Нукада

Когда б могла заранее я знать,
Что ждет тебя беда,
Страшнее всех печалей,
Я завязала бы святой запрета знак,
Чтоб удержать на месте твой корабль!

152

Плач Тонэри Ёситоси

Мирно правящий страной
Наш великий государь,
Славный твой корабль,
Верно, будет ждать с любовью и тоской
В стороне Сига мыс Карасаки!

Плач императрицы [Яматохимэ]

Ловят чудище-кита...
 В море Оми уходя,
 Удаляясь от взморья,
 Ты, плывущая ладья,
 Приплывая к берегам,
 Ты, плывущая ладья,
 По морю вперед плывя,
 Сильно веслами не бей!
 К берегу назад идя,
 Сильно веслами не бей!
 Птицы, что любимы им,
 Моим мужем, что мне мил,
 Словно вешняя трава,
 Государем дорогим,
 Птицы улетят тогда...

Плач супруги [императора Тэндзи] из рода Исикава

В Садзанами
 Страж могучих гор!
 Для кого же ты
 На горах запрета держишь знак святой? —
 Государя больше нет теперь...

Плач принцессы Нукада, сложенный, когда все покидали усыпальницу в Ямасина

Мирно правящий страной
 Наш великий государь!
 В стороне Ямасина
 Возле склонов Кагами
 Возвели курган тебе,
 Что внушает трепет нам.
 Ночью темной —

Напролет,
Светлым днем —
Весь долгий день,
Громко в голос
Плачут там
Сто почтеннейших вельмож —
Слуги славные твои,
Покидая твой курган,
Расставаясь навсегда...

ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ТЭММУ

[673—686]

156—158

*Плачи, сложенные принцем Такэти, когда
скончалась принцесса Тоти*

156

Там, среди гор священных Миморо,
Богов святые криптомерии повсюду...
Мечтал, что в снах увижу я ее,
Но много уж ночей
Заснуть не в силах...

157

Как короткие полоски ткани
Из священной конопли на склонах Мива,
Что несут богам с мольбой покорной,
Жизнь твоя, дитя, была короткой...
Я же думал: жить ты будешь долго...

158

Хотел пойти, чтоб зачерпнуть
Воды кристальной
В горах, где блещет красотой теперь
Цветок ямабуки, — но все это напрасно:
Ведь мне туда неведомы пути...

Плач императрицы [Дзито], сложенный, когда скончался император [Тэмму]

Мирно правящий страной
 Наш великий государь!
 Только вечер настает,
 Ты, бывало, все глядишь
 На пурпурную листву,
 А когда придет рассвет,
 Ты, бывало, уходил
 На гору Камиока,
 Где растет прекрасный клен!
 Может, и сегодня ты
 Вновь отправишься туда,
 Может, завтра снова ты
 Полюбишься на клен?
 Я на склоны этих гор,
 Глаз не отводя, смотрю.
 И лишь вечер настает,
 Все сильнее моя печаль,
 А когда придет рассвет,
 Снова я живу в тоске,
 И одежды рукава
 Из простого полотна
 Мне от слез
 Не осушить...

160—161

Из неизвестной книги

Плачи, сложенные экс-императрицей [Дзито], когда скончался император [Тэмму]

Не говорят ли, что зажженные огни
 Берут бесстрашною рукою,
 Не обжигаясь, прячут их в мешки,
 Но нам не встретиться с тобою,
 Таких чудес не знают на земле!

Средь голубых небес,
 У северных вершин,
 Где тянутся цепочкой облака,—
 И звезды покидают небо,
 И покидает небеса луна.

*Плач, который повторяла императрица [Дзито] во сне
 накануне поминок по императору [Тэмму] на вось-
 мой год после его смерти в девятый день девятого
 месяца*

<Из собрания старинных песен>

Мирно правящий страной
 Наш великий государь!
 Ты, что озаряешь высь,
 Солнца лучезарный сын!
 Ты, который управлял
 Поднебесной много лет
 В Асука-стране,
 Во дворце, среди равнин
 Киёмихара!
 Как задумал это ты?
 Как решиться только мог?
 В дальней стороне Исэ,
 Что незыблемо хранят
 Ветры грозные богов,
 В той далекой стороне
 Поднялся туманом ты
 В час прилива над волной,
 Что сгибает до земли
 Водоросли-жемчуга...
 Ты, что так прекрасен был,
 Как на ткани дорогой
 Дивно вытканый узор,
 Ты, что озаряешь высь,
 Солнца лучезарный сын...

163—164

*Плачи, сложенные принцессой Оку, когда
она приехала в столицу из священного
храма богини солнца в провинции Исэ
после смерти принца Оцу*

163

Лучше было бы остаться мне
Даже в дальней стороне Исэ,
От врагов хранимой ветрами богов.
Для чего спешила я сюда?
Ведь тебя, любимый, больше нет...

164

Тебя, кого я так мечтала
Увидеть здесь, —
Ведь больше нет тебя!
О, для чего явилась я сюда?
Лишь только лошадей я загнала напрасно!

165—166

*Плачи, сложенные в горе принцессой Оку,
когда останки принца Оцу перенесли для
погребения в Кацураги на гору Футаками*

165

И разве я не бранный человек,
Лишь временно живущий в этом мире?
О, с завтрашнего дня
Гору Футаками
Считать горой сестры и брата буду!

Я сорвала бы цветы асиби,
 Что растут
 На каменистом берегу,
 Но ведь больше не живет на свете
 Тот, кому хотела б показать цветы...

*Плач Какиномото Хитомаро, сложенный им, когда
 останки наследного принца Хинамиси находились в
 усыпальнице*

В час, когда на свет явились
 Небо и земля,
 На равнинах вечных неба
 Боги собрались.
 Сотни, тысячи богов —
 Бесконечное число —
 И совет держали боги
 И решили все дела:
 Пусть богиня солнца ныне
 Аматаэрасу
 Будет править вечным небом,
 В небесах царить.
 А страна колосьев риса,
 Где долины тростника,
 До поры, когда сольются
 Снова небо и земля,
 Будет управляться богом —
 Сыном божества.
 Восемь ярусов раздвинув
 Белоснежных облаков,
 Бог сошел тогда на землю,
 Чтоб страну управлять,
 Тот, что озаряет высь,
 Солнца лучезарный сын!
 В дивной Асука-стране,
 Во дворце Киёми ты,
 Богом будучи, царил
 Здесь во славе на земле.

Было сказано: страну
Будут впредь повелевать
Боги, что сошли на землю,
Внуки славные богов!
Но среди равнин небесных
Дверь пещеры отворив,
Поднялся наш бог на небо
И не возвратился вновь.
О великий государь,
Принц светлейший наш!
Если мог бы ты теперь
Поднебесной управлять,
То сверкал бы славы блеск,
Как весною блеск цветов!
И, как полная луна,
Все сияло бы вокруг.
Люди с четырех сторон
В Поднебесной, здесь,
Словно на большой корабль,
Уповали на тебя,
Как небесной влаги ждут,
Ввысь направив взор с мольбой,
Ожидали все тебя.
Как задумал это ты,
Как решиться только мог?
На холме здесь Маюми,
Что не знали мы досель,
Мы воздвигли навсегда
Вечный для тебя чертог,
И покои для тебя
Мы воздвигли до небес.
Утро каждое мы ждем,
Но не слышен твой приказ,
Много месяцев и дней
Минуло уже с тех пор.
И поэтому теперь
Свита славная твоя
Все не знает, как ей быть,
И куда теперь идти,

168—170

Каэси-ута

168

О, как жаль, что пустынно
В покоях светлейшего принца,
На которого все мы взирали с надеждой,
Как глядят лишь обычно
На извечное небо!

169

И хоть светит нам солнце,
Пустившее красные корни,
Но как жаль,
Что на небе скрывается месяц
Ночью черной, как черные ягоды тута!

170

Из неизвестной книги

У пруда Магари,
У дворца Сима,
Птицы ханатидори,
По людскому взгляду стосковавшись,
Не скрываются на дне пруда.

171—193

*Плачи, сложенные в печали дворцовыми
стражами после смерти принца Хинамиси*

171

О дворец Сима,
Где он правил бы страной
Тысячи веков,
Он, что озаряет высь,
Солнца лучезарный сын!

172

Вы, живущие у светлого пруда,
У дворца прекрасного Сима,
Птицы ханатидори!
Далеко от нас не улетайте,
Хоть ушел навеки государь...

173

Если был бы жив светлейший принц,
Тот, что озаряет высь,
Солнца лучезарный сын,
То дворец этот Сима
Вряд ли в запустенье был!

174

Даже Маюми-холм, что в былое время
Был чужим и дальним для меня,
Раз там государь мой,
Охранять я буду,
Как дворец извечный моего царя!

175

Даже и во сне
Не снилось нам
То, что будем в горести такой
Службу мы дворцовую нести
Возле Сахинокума!

176

Ошиблось сердце то,
Что преданно служило
И думало всегда,
Что с небом и землей
Кончатся он будет вместе путь земной!

177

Толпой собрались мы
 Здесь, у холма Сада,
 Что освещен лучами утреннего солнца,
 И слезы, что мы льем,
 Не будут знать конца...

178

Когда посмотрим на игрушку-сад,
 Куда не раз он раньше приходил,
 Потоком ливня
 Льющиеся слезы
 Не в силах мы остановить...

179

Ах, во дворце Сима,
 В Татибана,
 Излить свое не в силах горе,
 Идут они к холму печальному Сада
 Нести торжественно охрану.

180

О птицы, что всегда искали здесь приют.
 Считаю домом сад дворцовый,
 Который он изволил посещать,
 Не улетайте далеко от нас,
 Пока не минут горестные годы!

181

Взглянешь ныне
 На острова берег пустынный,
 Где изволил гулять он всегда,—
 И видишь, как все заросло и покрылось травой
 Там, где раньше трава не росла!

182

Соколенок, ты, что здесь нашел приют,
Ты, что вырос здесь!
Когда гнездо покинешь,
Улетай к холму ты Маюми,
Где ныне лук его покоится прекрасный!

183

О, как же горько мне,
Который думал,
Что будет процветать он тысячи веков
И вечно жить,
Мой государь любимый!

184

К чертогам на восточной стороне,
Где мчатся в белой пене водопады,
Служить я прихожу,
Но ни вчера, ни нынче
Меня к себе он больше не зовет!

185

Дорогу в пышных
Горных цуцудзи,
Средь скал у берега, где воды
Текут, сбегая по камням,
Придется ль мне увидеть снова?

186

Те огромные дворцовые ворота,
Обращенные к восточной стороне,
Где несчетно раз
Ты проходил, бывало,
Не сумеь теперь тебе пройти!

187

С тех пор как ты сменил навеки
Дворец на дальний холм Сада,
В саду дворцовом,
У моста,
Кто будет останавливаться ныне?

188

В тумане утреннем
Сокрылось солнце ныне,
И потому, так горя мы полны,
Спускаясь к островкам прекрасным сада,
Где раньше ты изволил отдыхать!

189

В покоях пышных во дворце Сима,
Что озаряет солнце по утрам,
Пустынно стало,
И людей не слышно,
И потому печаль у нас в сердцах!

190

Как столб из дерева святого,
Несокрушимо было сердце у меня,
Но вот теперь
Смутилось это сердце,
И трудно обрести ему покой!

191

Я, верно, долго буду тосковать
О полевых просторах дальнего Уда,
Куда ты выезжал,
Когда была весна,
Охотничью одежду надевая...

У птиц, что пели
 Над холмом Сада,
 Что освещен лучами утреннего солнца,
 Ночами песнь уже не та,
 Как только этот год начался...

По той дороге,
 Где, не зная дня и ночи,
 Ходили без конца рабы,
 Теперь идем по очереди мы
 Нести близ усыпальницы охрану.

*Песня Какиномото Хитомаро, преподнесенная прин-
 цессе Хацусэбэ и принцу Осакабэ*

Птицы по небу летят...
 И на Асука-реке,
 У истоков, там, где мель,
 Зеленея, поднялись
 Водоросли-жемчуга.
 И близ устья, там, где мель,
 По воде они плывут
 И касаются слегка
 Стеблями стеблей.
 Как жемчужная трава
 Клонится у берегов
 В эту сторону и ту,
 Так склонялась, покорясь,
 Божеству-супругу ты.
 С ним теперь тебе не спать,
 К нежной коже не прильнуть.
 Ты не будешь рядом с ним,
 Как при воине всегда
 Бранный меч,—
 И оттого
 Ночью темной, что теперь

Ягод тутовых черней,
Ложь бедное твоё
Опустевшее стоит.
И поэтому никак
Не утешиться тебе...
Как на нити жемчуга,
Нижешь думы в тишине.
«Может встретимся ещё», —
Верно, думаешь порой.
И идёшь его искать
В Оти, средь больших полей...
В светлой утренней росе
Промочив насквозь подол
Яшмовых одежд,
И в тумане ввечеру,
Платёе промочив насквозь,
Не заснуть тебе в пути,
Где подушкой на земле
Служит страннику трава,
Не заснуть из-за него,
С кем не встретиться тебе
В этой жизни никогда!

195

Каэси-ута

Ты, с кем стелила в изголовье
Из мягкой ткани рукава,
Упал, как с нити жемчуга,
Навек покинул поле в Оти,
И ей не встретиться с тобою никогда...

196

*Плач Какиномото Хитомаро о принцессе Асука, сло-
женный, когда ее останки находились в усыпальни-
це в Киноэ*

Птицы по небу летят...
А на Асука-реке,
У истоков, там, где мель,

Камни в ряд мостком лежат,
А близ устья, там, где мель,
Доски в ряд мостком лежат.
Даже жемчуг-водоросли,
Что склоняются к воде
Возле каменных мостков,
Лишь сорвешь — опять растут!
И речные водоросли,
Что сгибаются к воде
Возле дощатых мостков,
Лишь засохнут — вновь растут!
Что ж могло случиться с ней?
Ведь, бывало, лишь встает,
Словно жемчуг-водоросли!
А ложится — так гибка,
Как речные водоросли...
Лучше не было ее!
Позабыла, что ль, она
Утром посетить дворец?
Иль нарушила она
Ночью правила дворца?
В дни, когда она была
Гостьей этой стороны,
Ты весною вместе с ней
Собирал в полях цветы,
Украшал себя венком,
А осенью порой
Украшался вместе с ней
Клена алою листвою.
И одежды рукава,
Что стелили в головах,
Вы соединяли с ней.
Словно в зеркало глядя,
Любоваться на себя
Не надоедало вам.
Словно полная луна,
Дивной красоты была
Та, что нежно ты любил,
Та, с которой иногда
Выходил из дома ты
И изволил здесь гулять.
И Киноэ — тот дворец,
Где приносят рисом дань,
Вечным стал ее дворцом —

Так судьбою решено.
Шумны стаи адзи птиц...
А она теперь молчит
И не видит ничего.
И поэтому тебе
Все печально на земле.
Птицей нуэдори ты
Громко стонешь целый день,
Обездоленный супруг!
И, как птицы поутру,
Кружишь около нее;
Словно летняя трава,
Сохнешь без нее в тоске;
Как вечерняя звезда,
То ты здесь, то снова там;
Как большой корабль
Средь волн,
Ты покоя не найдешь...
Глядя на тебя, скорбим,—
Не утешить сердца нам,
Горю этому нельзя
Утешения найти...
Лишь останется молва,
Только имя будет жить,
Вместе с небом и землей!
Долго, долго будут все
Помнить и любить ее!
Пусть же Асука-река,
С именем которой здесь
Имя связано ее,
Будет тысячи веков
Вечно воды свои лить,
И пускай эти места
Будут памятью о ней,
О принцессе дорогой,
Что была прекрасней всех!

197—198

Каэси-ута

197

Когда б на Асука-реке
Плотины сделать,
Чтоб перестала воды лить свои,
То, верно бы, могла свой бег остановить
Вода, которая так быстро мчалась.

198

Асука-река! Ведь «асу» значит «завтра»...
Оттого ль, что думается мне,
Что ее я вновь увижу завтра,
Имя дорогой моей принцессы
Я не забываю никогда!

199

*Плач Какиномото Хитомаро о принце Такэти, сло-
женный, когда останки принца находились в усыпаль-
нице в Киноэ*

И поведать вам о том
Я осмелиться боюсь,
И сказать об этом вам
Страх большой внушает мне...
Там, где Асука-страна,
Там, в долине Магами,
Он возвел себе чертог
На извечных небесах.
Божеством являясь, он
Скрылся навсегда средь скал
Мирно правящий страной
Наш великий государь!
Горы Фува перейдя,
Где стоит дремучий лес,
В дальней северной стране,
Управлял которой он,—

Меч корейский в кольцах был...
И в Вадзамигахара,
Он во временный дворец
К нам сошел тогда с небес
Поднебесной управлять.
И задумал он тогда
Укрепить свою страну,
Где правление вершил,
Ту, которой управлял.
Из восточной стороны,
Той, где много певчих птиц,
Он призвать изволил все
Свои лучшие войска.
И сказал: «Уймите вы
Мир нарушивших людей!»
И сказал: «Смирите вы
Страны, где не чтят меня!»
И когда доверил он
Принцу повести войска,
То немедля славный принц
Опоясался мечом,
В руки славные он взял
Боевой прекрасный лук,
И повел он за собой
Лучшие его войска.
Призывающий в поход
Барабана громкий бой
Был таков,
Как будто гром
Разразился на земле,
Зазвучали звуки флейт,
Так, как будто зарычал
Тигр, увидевший врага,
Так, что ужас обуял
Всех людей, кто слышал их.
Флаги, поднятые вверх,
Вниз склонились до земли.
Все скрывается зимой,
А когда придет весна,
В каждом поле жгут траву,
Поднеся к траве огонь,
Словно пламя по земле
Низко стелется в полях
От порывов ветра,— так

Флаги все склонились вниз,
Шум от луков, что в руках
Воины держали там,
Страшен был,
Казалось всем,
Будто в зимний лес, где снег
Падал хлопьями,
Проник
Страшный вихрь —
И сразу, вмиг,
Завертелось все кругом,
И летящих всюду стрел
Было множество.
Они,
Как огромный снегопад,
Падали,
Смешалось все,
Но смириться не желая,
Враг стоял против врага,
Коли инею-росе
Исчезать — пускай умру! —
И летящей стайей птиц
Бросились отряды в бой.
И в тот миг из Ватараи,
Где святой великий храм,
Вихрь священный — гнев богов —
Налетел и закружил
В небе облака,
И не виден больше стал
Людям яркий солнца глаз,
Тьма великая сошла
И покрыла все кругом...
И окрепшую в бою
Нашу славную страну, где
 колосья счастья есть,
Пребывая божеством,
Возвеличил, укрепил
Мирно правящий страной,
Наш великий государь!
Думалось: коль станешь ты
Поднебесной управлять,
Будет тысячи веков
Все здесь так,
Как сделал ты.

И когда сверкало все
Славой на твоей земле,
Словно белые цветы
На священных алтарях,
Наш великий государь,
Принц светлейший,
Твой чертог
Украшать нам довелось
И почитать, как храм богов.
Слуги при твоём дворе
В платья яркой белизны
Из простого полотна
Нарядились в этот день,
И в долине Ханьясу,
Где твой высится дворец,
С ярко рдеющей зарею
Долгий и печальный день,
Уподобясь жалким тварям,
Приникали мы к земле.
А когда настали ночи
Ягод тутовых черней,
Мы, взирая вверх, смотрели
На дворец великий твой.
И перепелам подобно,
Мы кружились близ него.
И хотя служить хотели,
Трудно нам служить теперь!
И подобно вешним птицам,
Громко лишь рыдаем мы.
И еще печаль разлуки
Не покинула сердца,
И еще тоска и горе
Не иссякли до конца,
А тебя уже несли мы
Из долины Кудара,
Где звучат чужие речи...
Божество мы хоронили —
Хоронили мы тебя.
...Полотняные одежды
Хороши в селенье Ки!..
И в Киноэ храм великий
Вечным храмом стал твоим.
В этом храме стал ты богом,
Там нашел себе покой...

И хотя ты нас покинул,
Но дворец Кагуяма,
Что воздвигнуть ты задумал,
Наш великий государь,
Чтобы он стоял веками,—
Будет вечно с нами он!
Как на небо, вечно будем
На него взирать мы ввысь!
И жемчужные повязки
Мы наденем в эти дни,
И в печали безутешной
Будем вспоминать тебя,
Преисполненные горем,
В трепете святом души...

200—201

Две танка

200

Из-за тебя теперь, о государь,
Что управлять стал ныне
Небесами,
Не различая ни ночей, ни дней,
Полны тоскою бесконечной...

201

Словно на болоте, что травой скрыто,
В Ханиясу,
Возле насыпи пруда,
В горе выхода не находя,
В замешательстве растерянная свита...

Каэси-ута из неизвестной книги

В храме Накисава на алтарь
Ставили священное вино
И молились о тебе. Но напрасно:
Наш великий государь
Управлять стал солнцем в вышине!

Песня, сложенная принцем Ходзуми в печали и слезах, когда после похорон принцессы Тадзима в зимний день шел снег, и он издали глядел на ее могилу

О на землю падающий снег!
Ты не падай пеною такой,—
Ведь в Ёнабари,
Где холм стоит Игаи,
Ты заставой станешь на пути!

Плач Окисомэ Адзумахито, сложенный, когда скончался принц Югэ

Мирно правящий страной
Наш великий государь!
Ты, что озаряешь высь,
Солнца лучезарный сын!
Во дворце своем теперь
На извечных небесах
Ты, что был здесь божеством,
Ныне богом там царишь!
И об этом обо всем
Даже страшно говорить...
День проходит,
День за днем,
Ночь идет,
За ночью — ночь,
Распростершись ниц, лежим
И горюем о тебе...
Но не выплакать печаль!

Каэси-ута

Великий государь,
 Ты богом был меж нами,
 И потому среди небесных облаков,
 Под многочисленными их слоями
 От наших взоров скрылся ты...

Еще одна танка

В Садзанами, в Сига, на поверхность вод
 Рябь морская
 Постоянно набегает...
 И, наверно, постоянно думал ты,
 Что все вечно в этом бренном мире...

207—212

*Плачи Какиномото Хитомаро, сложенные в
 печали и слезах после кончины жены*

Гуси по небу летят
 На пути в Кару —
 То возлюбленной село,
 Край родной ее.
 Как мечтал я,
 Как желал
 На нее взглянуть!
 Только знал:
 Идти нельзя,
 Много глаз людских.
 Часто приходить нельзя:
 Люди будут знать!
 Лучше встретиться потом,
 В майский день.
 В майский день

Зеленый плющ
Ложем будет нам!
Думал я,
В надежде был,
Как большому кораблю,
Доверял я ей!
Ото всех таил любовь,
Будто в бездне
Среди скал
Жемчуг дорогой...
Но, как меркнет в небесах
Солнце на закате дня,
Как скрывается луна
Между облаков,
Будто водоросль морей,
Надломилась вдруг она,
Будто клена
Алый лист,
Отцвела навек!
С веткой яшмовой гонец
Мне принес об этом весть...
Словно ясеневого лука,
Прогудев, спустил стрелу...
Что я мог ему сказать?
Что я сделать мог?
Голосам людей внимать
Был не в силах я,
А любовь моя росла...
Чем утешиться я мог?
Я пошел тогда в Кару
На базар в ее село,
Где любимая моя
Мне встречалась
В ранний час...
Там стоял и слушал я,
Но и голоса ее,
Что звучал, как пенье птиц,
Возле кленов Унэби,
Той горы, что звал народ
Девой чудной красоты
В перевязях жемчугов,
Возле склонов Унэби,
Даже голоса ее
Не слышал я!

Был мой путь копьем из яшмы,
Это значит — путь прямой,
Что копье.
Таков был путь
Предо мной, где шел народ,
Но не мог я там найти,
Ни одной не мог я встретить
Хоть похожей на нее!..
И в отчаянье,
Любя,
Только имя призывал
Дорогой моей жены,
Лишь махал ей рукавом,
Звал напрасно я!..

208—209

Каэси-ута

208

Средь гор осенних — клен такой прекрасный,
Густа листва ветвей — дороги не найти!..
Где ты блуждаешь там?
Ищу тебя напрасно:
Мне неизвестны горные пути...

209

Опали листья алые у клена,
И с веткой яшмовой передо мной гонец,
Взглянул я на него —
И снова вспомнил
Те дни, когда я был еще с тобой!..

210

В дни, когда еще жила
Ты со мною на земле,
Ты была моей женой,

Той, кого я так любил,
Так же сильно,
Как весной
Эта пышная листва
Среди множества ветвей,
Что повсюду разрослись
На деревьях, на цуки,
В силу полную растет,
Здесь, близ дома,
У ворот,
Где с тобой — рука в руке —
Любовались на нее.
Ты была моей женой,
На которую всегда
Уповал всем сердцем я!
Но жесток закон земной,
Ничего не сделать с ним!
На заброшенных полях,
Где, сверкая и горя,
Поднималось пламя вверх,
В белой ткани облаков
Скрылась ты от нас вдали,
Будто птица,
Улетев рано поутру,
Будто солнце ввечеру,
Спряталась от нас.
И поэтому теперь,
Каждый раз, как молока,
Плача, просит у меня
Малое дитя,
Что оставила ты нам
В память о себе, —
Нечего ему мне дать.
Но, как бережно несет
Птица в клюве колосок,
Я малютку подниму,
Ласково обняв рукой...
И в опочивальне здесь,
Где стелила ты постель,
Где с тобой, моя жена,
Спали мы вдвоем, —
Дни я провожу в тоске,
Ночи напролет не сплю
И вздыхаю до зари.

Сколько ни горюй —
Сделать ничего нельзя.
Сколько ни тоскуй —
Встрече больше не бывать!
И когда сказали мне,
Что вдали в горах Хагай,
Там, где лишь орлы живут,
Может быть, найду тебя,
Стал по скалам я шагать,
Разбивал их и ломал,
Тяжкий путь прошел в горах,
Но любимой не нашел.
Счастья нету на земле, —
Как подумаю о том,
Что ее, мою жену,
Неразлучную со мной,
Даже и на краткий миг,
Миг, что яшмою блеснет,
Больше не увидеть мне!

211—212

Каэси-ута

211

Луна осенняя, что нас видала вместе,
Мир озаряет вновь, взойдя на небосвод...
А милая моя,
Что любовалась ею,
Все дальше от меня за годом год!..

212

Где горы Хикитэ,
Где путь лежит в Фусума,
Оставил навсегда я милую жену.
И вот, когда иду тропой горной,
Мне кажется, что сам я не живу!

Плач из неизвестной книги

В дни, когда еще жила
Ты со мною на земле,
Ты была моей женой,
Той, кого я так любил,
Так же сильно,
Как весной
Эта пышная листва
Среди множества ветвей,
Что повсюду разрослись
На деревьях, на цуки,
В силу полную растет,
Здесь, близ дома,
У ворот,
Где с тобой — рука в руке —
Любовались на нее.
Ты была моей женой,
На которую всегда
Уповал всем сердцем я!
Но жесток закон земной,
Ничего не сделать с ним!
На заброшенных полях,
Где, сверкая и горя,
Поднималось пламя вверх,
В белой ткани облаков
Скрылась ты от нас вдали,
Будто птица,
Улетев рано поутру,
Будто солнце ввечеру,
Спряталась от нас.
И поэтому теперь,
Каждый раз, как молока,
Плача, просит у меня
Малое дитя,
Что оставила ты нам
В память о себе,—
Нечего ему мне дать.
Но, как бережно несет
Птица в клюве колосок,
Я малютку подниму,
Ласково обняв рукой...

И в опочивальне здесь,
Где стелила ты постель,
Где с тобой, моя жена,
Спали мы вдвоем,—
Дни я провожу в тоске,
Ночи напролет не сплю
И вздыхаю до зари.
Сколько ни горюй —
Сделать ничего нельзя.
Сколько ни тоскуй —
Встрече больше не бывать!
И когда сказали мне,
Что вдали в горах Хагай,
Там, где лишь орлы живут,
Может быть, найду тебя,
Стал по скалам я шагать,
Разбивал их и ломал,
Тяжкий путь прошел в горах,
Но любимой не нашел.
Счастья нету на земле,
Раз она, моя жена,
Что была любимым мной
 человеком на земле,
Стала пеплом навсегда...

214—216

Каэси-ута

214

Луна осенняя, что нас видала вместе.
Плывет по небу вновь, взойдя на небосвод,
А милая моя,
Что любовалась ею,
Все дальше от меня за годом год!

215

Где горы Хикитэ,
Где путь лежит в Фусума,
Оставил навсегда я милую жену,
И думаю когда о той тропинке горной,
Мне кажется, что сам я не живу!

Когда, придя домой,
 На спальню я взглянул,—
 На ложе яшмовом
 Жены моей подушка
 В другую сторону повернута была...

*Плач Какиномото Хитомаро о гибели придворной
 красавицы*

Словно средь осенних гор
 Алый клен,
 Сверкала так
 Красотой она!
 Как бамбуковый побег,
 Так стройна она была.
 Кто бы и подумать мог,
 Что случится это с ней?
 Долгой будет жизнь ее,
 Прочной будет, что канат,—
 Всем казалось нам.
 Говорят,
 Что лишь роса
 Утром рано упадет,
 А под вечер — нет ее.
 Говорят,
 Что лишь туман
 Встанет вечером в полях,
 А под утро — нет его...
 И когда услышал я
 Роковую весть,
 Словно ясеневый лук,
 Прогудев, спустил стрелу.
 Даже я, что мало знал,
 Я, что мельком лишь видал
 Красоту ее,—
 Как скорбеть я стал о ней!
 Ну, а как же он теперь —
 Муж влюбленный,
 Молодой,

Как весенняя трава,
Что в ее объятьях спал,
Что всегда был рядом с ней,
Как при войне всегда
Бранный меч?
Как печали полон он,
Как ночами он скорбит
Одинок в тишине,
Думая о ней!
Неутешен, верно, он,
Вечно в думах об одной,
Что безвременно ушла,
Что растаяла росой
Поутру,
Что исчезла, как туман,
В сумеречный час...

218—219

Каэси-ута

218

Когда увидел я течение той реки,
Что унесла навек от нас тебя,
Прекрасное дитя,
Такой еще тоски
Не знала никогда моя душа!

219

В те дни, когда еще была ты с нами,
Дитя из Оцу, и встречались мы,
Я мимо проходил,
Почти не замечая,
И как теперь об этом я скорблю!

*Плач Какиномото Хитомаро, сложенный им при виде
погибшего странника на каменистом побережье ост-
рова Саминэ в провинции Сануки*

Замечательна страна,
Что зовется Сануки,
Где склоняются к воде
Водоросли-жемчуга,
Оттого ли, что страна
Блещет дивной красотой,—
Сколько ни любуйся ей,
Не устанет жадный взор.
Оттого ль, что боги ей
Дали жизнь на земле,—
Люди свято чтут ее.
Вместе с небом и землей,
Вместе с солнцем и луной
Будет процветать она,
Лик являя божества.
Там, из гавани Нака,
Что известна с давних пор,
Я отчалил в дальний путь,
И когда по морю плыл,
Я, качаясь на ладье,
Ветер,
Что в прилива час набегают,—
Налетел,
Нагоняя облака.
И когда взглянул я вдаль,—
Встала за волной волна
Бесконечной чередой...
Я на берег посмотрел —
С диким ревом волны там
В белой пене поднялись.
Море мне внушало страх,
И на весла я налег,
Ударяя по волнам,
С этой стороны и той
Много было островов,
Но известен среди них
Славный остров Саминэ!
На скалистых берегах

Я раскинул свой шалаш,
Оглянулся я вокруг
И увидел:
Ты лежишь,
Распластавшись на земле,
Сделав ложем камни скал,
Вместо мягких рукавов,
Изголовьем для себя
Выбрав эти берега,
Где так грозен шум волны...
Если б знал я,
Где твой дом,
Я пошел бы и сказал,
Если знала бы жена,
Верно бы, пришла она
И утешила тебя!
Но, не зная, где тот путь,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьём,
Вся в печали и слезах,
Верно, ждет еще тебя
И тоскует о тебе
Милая твоя жена!

221—222

Каэси-ута

221

Если б с ним была его жена,
Может, набрала бы трав ему она,
И тогда не голодал бы он в пути,
Иль, быть может, среди гор Сами
Не собрать уже ухаги на полях?

222

О ты, что вместо изголовья,
Где шелк ложился рукавов,
Своей подушкой
Сделал берег дикий,
Куда морская катится волна!

*Песня Какиномото Хитомаро, сложенная в провинции
Ивами в печали о самом себе, когда приближался
час его кончины*

Возможно ль, что меня, кому средь гор Камо
Подножье скал заменит изголовье,
Все время ждет с надеждой и любовью,
Не зная ни о чем,
Любимая моя?..

224—225

*Плачи, сложенные Ёсами, женой Какино-
мото Хитомаро, когда он скончался*

224

О, разве люди не сказали мне,
Что ты, кого я ожидала,
О ком я думала: вот-вот придет домой,—
На берегах далеких Исикава
С ракушками смешался навсегда...

225

И встреч наедине, и просто встреч
Уже не будет больше никогда!
Вставайте и плывите, облака,
Ко мне сюда из дальней Исикава,—
Глядя на вас, о нем я буду вспоминать!

Песня, сложенная в ответ Тадзихи, в которой он от лица Какиномото Хитомаро пытается передать его чувства

Хочу, чтоб кто-нибудь мог передать тебе
О том, чтоб жемчуг драгоценный,
Что к берегам прибьет бушующей волной,
Ты клала в изголовье, зная,
Что это я, любимая, с тобой!

Из неизвестной книги

Среди полей, заброшенных в глуши
Далекой, словно вечный свод небес,
Оставила тебя —
И от тоски и дум
Нет больше сил на этом свете жить!

**[ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЭММЁ (708—714)]
ДВОРЕЦ НАРА**

228—229

Две песни Кавабэ Мияхито, сложенные в печали в четвертом году Вадо [711] при виде трупа молодой девушки в сосновом бору в Химэдзима

Об этой юной милой деве слава
В далекие века, наверное, пойдет
До той поры, пока не прорастет
Мох на верхушках сосен
В Химэдзима!

Не убегай, прилив в заливе Нанива!
 О, слишком тяжело было видеть
 Мне облик девы,
 Что в волнах
 Себя навеки погубила!

230—232

*Плачи, сложенные осенью первого года
 Рэйки [715], в девятом месяце, когда скон-
 чался принц Сики*

<Из сборника Каса Канамура>

230

Там, где ясеневый лук
 Держат рыцари в руке
 И сжимают стрелы счастья,
 Попадать стараясь в цель,
 Там, на склонах Такамато,
 Я спросил: «Что за огни
 Вдалеке сверкают ярко,
 Как зажженные костры,
 Что в полях горят весною,
 Чтобы выжигать траву?»
 На пути, что был отмечен
 Яшмовым копьём,
 Проходя остановился
 Человек передо мной,
 И когда он плакал, слезы
 Мелким падали дождем.
 Белотканые одежды
 Стали влажными от слез.
 Обо всем он мне поведал,
 Но поверить я не мог.
 Лишь рассказ его услышал,
 Горько в голос зарыдал.
 Лишь сказал он —
 Стало сразу больно сердцу моему:
 «В путь далекий провожают

Сына славного богов,
Что вселенной управляют,
Это факелы сверкают
Блеском ярким на горах...»

231—232

Каэси-ута

231

Осенний хаги, что растешь в полях
У Такамато-гор, сверкая красотою,
Напрасно будешь ты
Цвести и опадать —
Ведь некому тобою любоваться!

232

У гор Микаса, что короною встают,
Идущая через поля дорога
Безлюдна,
Вся травой заросла...
А времени прошло совсем немного!

233—234

Из неизвестной книги

233

Осенний хаги, что расцвел в полях
У горных склонов Такамато,
Не опадай!
Любуясь на цветы,
Я буду вспоминать о друге дальнем!

У гор Микаса, что короною встают,
Идущая через поля дорога...
О, как безлюдна
И заброшена она!
А времени прошло совсем немного...

КНИГА ТРЕТЬЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

235

Песня, сложенная Какиномото Хитомаро, когда императрица [Дзито] ночевала на холме Икадзуги

О государыня великая, не даром
Являешься ты богом на земле,
И потому приют нашла себе
На Икадзуги, что слывет приютом грома,
Живущего в небесных облаках!

236

Песня императрицы [Дзито], обращенная к прислуживающей ей старухе Сии

Хоть и «нет» скажу, бывало, я,—
Мучает меня всегда Сии,
Но когда ее навязчивый рассказ
Я теперь не слышу каждый раз,
Без него скучаю эти дни.

237

Песня старухи Сии, поднесенная в ответ императрице

Хоть и «нет» скажу вам я,
Но всегда вы просите меня,
Оттого, что «расскажи, расскажи!» твердили вы,
Говорить пришлось Сии,
А услышала от вас про навязчивый рассказ!

Песня, сложенная Нага Окимаро по императорскому приказу

И даже в глубине покоев
Огромного и пышного дворца
Далеких рыбаков нам слышны голоса,
Сзывающие на море подручных,
Чтобы тянули сети из воды.

Песня, сложенная Какиномото Хитомаро, когда принц Нага развлекался у пруда Каридзи

Мирно правящий страной
Наш великий государь,
Ты, что озаряешь высь,
Солнца лучезарный сын!
Режут свежую траву
Здесь, в Каридзи, на полях,
И коней построив в ряд,
На охоту едешь ты.
А олени, чтя тебя,
Пред тобой простерлись ниц,
Даже птицы удзура
Ползают у ног твоих,
Словно те олени, мы,
Чтя тебя, простерлись ниц.
Словно птицы удзура,
Ползаем у ног твоих.
Трепеща перед тобой,
Служим преданно тебе.
Как глядят, поднявши взор,
На извечный свод небес,
Как взирают, глядя вверх
На святые зеркала,
Мы взираем на тебя.
Но ведь сколько ни гляди,
Как весенняя трава,
Все милее сердцу ты,
Наш великий государь!

240

Каэси-уга

На вечных небесах
Плывущую луну
Канатом с высоты спустивши долу,
Себя украсил наш великий государь
Прекрасным золотым убором!

241

Каэси-уга из неизвестной книги

Великий государь, не даром
Являешься ты богом на земле,
И потому средь гор пустынных,
Где возвышаются деревья хиноки,
Вдруг море удалось создать тебе!

242

Песня принца Югэ, сложенная во время его пребывания в Ёсину

Нет, не надеюсь я
Жить вечно на земле,
Подобно облакам, что пребывают вечно
Над водопадом
Среди пиков Мифунэ...

243

Песня принца Касуга, сложенная в ответ

Великий государь, ты будешь жить
Здесь, на земле, бесчисленные лета,
Не будет никогда такого дня,
Когда б исчезли в небесах навеки
И облака средь пиков Мифунэ!

*Из неизвестной книги**Песня из сборника Какиномото Хитомаро*

Нет, не надеюсь я
 Жить вечно на земле,
 Подобно облакам, что пребывают вечно
 В прекрасном Ёсину,
 Среди пиков Мифунэ...

245—246

*Две песни принца Нагата, сложенные им по
 пути в Цукуси, когда он приближался к
 острову Мидзусима*

245

Как слышал я давно,
 И впрямь достоин истинного преклоненья
 И дивен он
 В своей божественной красе
 Далекий этот остров Мидзусима!

246

Из бухты Нусака,
 В стране Асикита,
 Вдаль отплывают наши корабли,
 Мы к Мидзусима будем нынче плыть,
 О волны, не вставайте на пути!

247

Песня, сложенная в ответ царедворцем Исикава

И волны в море,
 Волны возле берегов
 Пускай встают и пенятся вокруг...
 Но разве встанет в гавани волна,
 Куда причалит друг на корабле своем?!

Еще одна песня, сложенная принцем Нагата

Сацума — пролив в стране Хаяхито,
 Будто бы колодец облаков —
 Был далек...
 И все же наконец
 Нынче я его увидеть смог!

249—256

*Восемь песен странствования Какиномото
 Хитомаэ*

249

У мыса Мицу на морском просторе
 Внушает трепет вставшая волна.
 Из тихой бухты,
 Где скрывается ладья,
 Отправишься ли ты теперь в Нусима?

250

Мы прошли Минумэ,
 Где жемчужные травы срезают морские,
 И корабль приближается
 К мысу Нусима теперь,
 Где поля покрывают зеленые летние травы...

251

От ветра свежего, что с берега подул,
 Где мыс Нусима
 В стороне Авадзи,
 Шнур, что любимую завязан был,
 Как будто к ней стремясь, по ветру заметался!

252

«То не рыбак ли удит рыбу
В заливе Фудзиэ,
Где ловят судаков?» —
Подумают, наверно, нынче люди,
Смотря, как я кружу у этих берегов...

253

Долина Инаби! Когда я подумал,
Как трудно оставить
Места дорогие,
Вдали острова показались Како,
Которые сердцу всегда были милы!

254

Огней зажженных свет
В Акаси у пролива...
О день, когда войдет туда моя ладья!
В том плаванье мне суждена разлука,
Я не увижу мест, где дом стоит родной!

255

Дорогой долгою из дальнего селенья,
Далекого, как эти небеса,
Когда я плыл в тоске
Через пролив Акаси,
Страна Ямато показалась вдалеке!

256

Тиха морская гладь
У берегов Кэи...
Как срезанные травы гомо,
Разбросанные плавают вдали
Челны рыбацкие на взморье!

Песня Камо Тарихито о горе Кагуяма

К нам сошедшая с небес,
 О небесная гора,
 О гора Кагуяма!
 Лишь придет туда весна,
 Дымка вешняя встает.
 От порыва ветерка
 В соснах молодых
 Поднимаются, шумят
 Волны на пруду.
 От вишневых лепестков
 У деревьев тень густа.
 И на взморье вдалеке
 Селезень зовет жену,
 А на отмели морской
 Адзи стаями шумят.
 И печально, что уж нет
 Больше весел на ладьях,
 На которых, веселясь,
 Отплывали из дворца
 Сто почтеннейших вельмож.
 Грустно, что никто теперь
 Не плывет на тех ладьях...

258—259

Каэси-ута

258

Как знак того,
 Что больше не плывут здесь люди на ладьях,
 И оси, и такабэ —
 Ныряющие в море утки —
 На тех ладьях покинутых живут.

За незаметный срок
 Так постарело все,
 Что даже мох покрыл повсюду корни суги,
 Что возвышаются прямые, как копье,
 Вблизи вершин Кагуяма, на горных склонах!

Из неизвестной книги

К нам сошедшая с небес —
 Вот она гора богов,
 О гора Кагуяма!
 Лишь придет туда весна,
 Стелется туман кругом,
 От вишневых лепестков
 У деревьев тень густа.
 От порыва ветерка
 В соснах молодых
 Подымаются, встают
 Волны на пруду.
 А на отмели морской
 Адзи стаями шумят,
 А на взморье вдалеке
 Селезень зовет жену.
 И печально, что уж нет
 Больше весел на ладьях,
 На которых плыли здесь
 Раньше люди из дворца —
 Сто почтеннейших вельмож!
 А ведь я еще мечтал
 На ладьях на этих плыть...

*Песня Какиномото Хитомаро, поднесенная принцу
 Ниитабэ*

Мирно правящий страной
 Наш великий государь,
 Ты, что озаряешь высь,

Солнца лучезарный сын!
Словно падающий снег
С вечной высоты небес,
Покрывающий дворец,
Где страною правишь ты,
Буду вечно, вновь и вновь
Приходить к тебе сюда
До пределов дней моих,
До ухода в вечный мир!

262

Каэси-ута

О, как весело сегодня поутру!
И кататься и валяться на снегу,
Что покрыл все белой пеленой,
И не видно даже рощи молодой
На вершине дальней Яцури!

263

*Песня Осакабэ Таримаро, сложенная им, когда он
ехал в столицу из провинции Оми*

Не погоняй коня,
Не надо так спешить, —
Ведь мы в Сига не сможем задержаться,
Чтоб день за днем здесь наслаждаться
Природы дивной красотой!

264

*Песня Какиномото Хитомаро, сложенная им, когда он
прибыл к берегу реки Удзи по пути из провинции Оми
в столицу*

Как та волна, что, набегая, исчезает
Вблизи шестов с ловушками для рыб
У берега Удзи, где, бывало, родам военным не было числа, —
Как та волна, мир этот покидая,
Уйду и я неведомо куда...

Песня Нага Окимаро

О, как неприятен
 Хлынувший вдруг ливень
 На распутье дальних и чужих дорог!
 Возле мыса Мива, переправы Сану
 Нету даже дома, где б укрыться мог!

Песня Какиномото Хитомаро

В час, когда ты печальная плачешь
 У моря далекого Оми
 Над волною вечернею, птица тидори,
 Сердце вместе с тобой замирает в отчаянье горьком,
 И тоскою я полон тогда о минувшем!

Песня, сложенная принцем Сики

Зверек мусасаби искать собирался
 Средь высоких вершушек деревьев — добычу,
 И с удачным стрелком
 Сам он там повстречался —
 В тех горах распростертых!..

Песня принца Нагая о родине

В селенье Асука любимом,
 Где старый дом стоит
 У друга моего,
 Тидори стали плакать ныне,
 Не в силах больше ждать его...

Песня девушки из дома Абэ о горе Ябэсака

Если б люди не смотрели,—
 Рукавом своим
 Прикрыла бы тебя,
 Но, наверно, ты горишь все время,
 Потому и нет одежды у тебя!

270—277

*Восемь песен странствования Такэти
Курохито*

270

Когда тоскливо было мне в пути
 Вблизи подножья гор,
 Корабль красный показался,—
 В открытом море
 Плыл он вдалеке...

271

В Сакура на поля
 Журавли надо мной пролетают крича...
 Верно, в бухте Аютигата
 С берегов теперь схлынул прилив:
 Журавли надо мной пролетают крича...

272

Когда я миновал в Сихацу горы
 И посмотрел кругом,— я увидел вдали
 Челн небольшой, что был без перекладин,
 И плыл, скрываясь с глаз,
 За остров Касануи...

273

Когда я плыл по морю, огибая
Мыс каменистый, в эти дни
У множества причалов
В море, в Омл,
Кричали часто журавли...

274

Мой челн,
Пристанем
К гавани Хира!
Не удаляйся больше в море:
Уже спустилась ночь и всюду темнота!

275

О, где же я
Найду себе приют,
Когда зайдет за горизонтом солнце
В долине Катину,
В стране Такасима?

276

И я, и милая —
Мы не одно ли?
А раз одно, то там, где Два пути,
Где Три реки встречаются в дороге,
Нам с милой порознь нельзя идти.

Из неизвестной книги

Когда простимся там, где Две дороги,
Где Три реки, —
И милый мой, и я,
Как сможем мы покинуть те края,
Поодиночке путь свой продолжая?

277

Напрасно мне спешить:
Я листьев не увижу!
В стране Ямасиро, в селении Така,
Там, где деревьев цуки раскинулись кущи,
Уже осыпалась, наверное, листва...

278

Песня Исикава Отоцуко

В Сика рыбачки возле берегов
То водоросли нежные срезают, то выжигают соль,
Досуга нет у них,
И даже гребешков не вынимают,
Чтобы пригладить волосы свои.

279—280

Две песни Такэти Курохито

279

Моей любимой
Я показывал Инану...
Когда же ей я показать смогу
И горы Насуги, и берега Цуну
С зеленою сосновой рощей?

280

Итак, друзья,
Скорей в страну Ямато!
Здесь, где растут сирасугэ,
В краях Ману — долина хаги...
Нарвем цветы и поскорее в путь!

Ответная песня жены Курохито

Там, где растут сирасутэ,
 В краях Ману — долина хаги...
 То уходя, то возвращаясь вновь,
 О, ты, мой друг, налюбоваться мог
 В краях Ману — долиной хаги!

Песня Касуга Ою

Цепкие лианы обвивают скалы...
 Даже Иварэ еще не миновал.
 О, когда в Хацусэ
 Перейду я горы?
 С каждым часом ночь становится темней!

Песня Такэти Курохито

Когда в Энацу, в Суминоэ,
 Отправился я в путь
 И посмотрел кругом,—
 Увидел я, как лодочник отчалил
 От дальней пристани Мико...

Песня Касуга Ою

О милое дитя, которое я встретил,
 Когда я путь держал в Якицубэ,
 На дальних городских дорогах
 В стране Суруга,
 В городе Абэ!

*Песня, сложенная Тадзихи Касамаро, когда по пути
в страну Ки он переходил гору Сэнояма*

Когда бы именем любимой,
Что любит надевать
Из таку белый шарф,
Назвали бы гору Любимый.
Что ты сказал бы мне тогда?

Ответная песня Касуга Ою

Как раз прекрасно,
Что гора Любимый
Здесь носит имя, милый мой, твоё,
И я не стал бы звать её
По имени твоей любимой!

*Песня царедворца Исоноками, сложенная им во время
путешествия императрицы [Гэнсё] в Сига в первом
году Ёро [717]*

Здесь нахожусь я.
Где теперь мой дом?
Придя сюда,
Прошел я через горы,
Где белые плывут грядою облака!

Песня Ходзуми Ою

О жизнь моя!
Когда благополучно ты будешь течь,
Приду опять сюда
Полюбоваться белою волною,
Что в Оцу плещется у берегов Сига...

289—290

Две песни Хасибито Оура о молодой луне

289

Взглянул кругом —
Там, где небес равнина,
Я вижу — тонкий светлый лук
Натянут и подвешен в небе —
Прекрасен будет мой полночный путь!

290

Не потому ль, что очень высоки
Вершины гор в селенье Курахаси, —
Неясен свет мерцающей луны,
Что из-за гор на небеса выходит
С приходом темноты.

291

Песня Ода Цукау о горе Сэнояма

Когда тоски не в силах превозмочь
Я проходил горой Сэнояма,
Там, на святых деревьях хиноки, поникла долу
нежная листва,
И мне казалось, эти листья знали,
Какая грусть на сердце у меня!

292—295

Четыре песни Цуно Маро

292

Как обмелела
Гавань старая Такацу,
Где приставал могучий тот корабль
Небесной девы Ама-но Сагумэ,
С небес извечных снизошедшей к нам!

293

В заливе Мицу
 В час отлива
 Рыбачки юные, держа в руках мешки,
 Наверно, водоросли-жемчуга срезают.
 Идемте же взглянуть на них!

294

Так силен ветер...
 Верно, в море
 Высоко встала белая волна.
 Рыбацкие челны на взморье
 Все возвратились снова к берегам.

295

Сосновый бор
 На побережье Суминоэ!..
 То место, где бывать изволит
 Далекий бог —
 Великий государь!

296—297

*Две песни царедворца Тагути Масухито,
 сложенные им у мыса Киёми в Суруга, когда
 он следовал в провинцию Кодзукэ, куда его
 назначили губернатором*

296

От мыса Киёми
 В Иохара
 До бухты, до Михо я плыл, все время глядя
 На гладь спокойную кругом.
 И вот, тоски — как не бывало!

297

Ту бухту Таго, на которую и днем,
Ах, сколько ни глядят,
Не наглядятся очи,
Увы, я видел только ночью,
Спеша по воле государя моего!

298

Песня Бэнки

Высокие вершины Мацути
Вечернею порою перейдя,
В долине Сумида,
В Йодзаки,
Один уснуть смогу ли без тебя?

299

Песня царедворца Отомо, первого советника двора

В дальних горных ущельях
Камышовые листья сгибая,
Снег идет — и так жалко мне будет,
Если снег этот белый растает...
Дождь, смотри же, не лейся на землю!

300—301

Две песни принца Нагая, которые он сложил, остановив коня у гор Нара

300

Пройдя Сахо, у гор Тамукэ, в Нара,
Богам великим жертвы принесу
И буду их молить:
«Не разлучайте с милой,
О, дайте мне всегда быть с ней вдвоем!»

301

Не в силах перейти
Опасных этих гор,
Где громоздятся, нависая, скалы,
Рыдает горько милая жена,
Но людям это выскажет едва ли!

302

Песня второго советника двора царедворца Абэ Хиронива

О, как далека, далека
Дорога до дома любимой моей,
О, сможет ли спорить она
С плывущей по небу луной
Ночью черной, как ягоды тута!

303—304

Две песни Какиномото Хитомаро, сложенные в пути, когда он плыл в страну Цукуси

303

В прославленной стране,
В Инами,
На взморье поднялась огромная волна,
И встала в тысячу рядов она,
От взора спрятав острова Ямато!

304

Когда взгляну я
На пролив меж островами,
Где плыли наши корабли не раз
К владеньям отдаленным государя,
Я вспоминаю век богов!

Песня Такэти Курохито о старой столице в Оми

Раз получилось так, смотреть не будем,—
 Ведь было сказано тебе,
 Столицу старую
 В долинах Садзанами
 Напрасно ты показываешь мне!

Песня, сложенная принцем Аки во время путешествия императрицы [Гэнсё] в провинцию Исэ [во втором году Ёро (718)]

О волны взморья в белой пене
 У берегов страны Исэ!
 Когда б они цветами были,
 Я, завернув,
 Послал бы в дар — тебе!

307—309

*Три песни, сложенные монахом Хакуцу по дороге в провинцию Ки при виде пещеры
Михо*

Камыш, расцветший пышным флагом!..
 О, сколько ни люблюсь я
 Пещерою Михо, где жил когда-то
 Кумэновакуго,—
 Не наглядеться мне!

Как скалы, вечная
 Пещера здесь и ныне
 Осталась, как была в те старые года,
 А люди, что в пещере этой жили,
 Увы, не возвратятся никогда!

Сосна, стоящая у входа
 В пещеру горную,
 Взглянул я на тебя —
 И показалось мне, что я увидел друга.
 Которого давно когда-то знал!

*Песня принца Кадобэ, которую он сложил, глядя
 на дерево в восточной стороне столицы*

То дерево, что посадили мы с тобою
 В столице на восточной стороне,
 Теперь к земле ветвями наклонилось, —
 Так долго не встречались мы...
 Не удивительно, что о тебе тоскую...

*Песня, сложенная Курацукури Масухито, когда он
 направлялся в столицу из страны Тоёкуни*

Ясеновый лук спустил стрелу...
 В стране Тоёкуни
 Гора есть Кагами,
 И если б долго мне ее не видеть,
 Как я, наверно, б тосковал!

312

*Песня министра церемоний Фудзивара Умакай, сло-
женная им, когда была заново отстроена столица в
Нанива*

Наверно, в давние года
Здесь местность Нанива
Деревней называлась,
А ныне — сделалась столицей она
И вот какой изысканною стала!

313

Песня Тори Сэнрё

В белой пене волны водопада
В прекрасном Ёсину,
Неведомы вы мне,
Но до меня дошли о вас рассказы,
И я грущу о давней старине!

314

Песня Хата Отари

Морская рябь у каменистых берегов —
Пути к Косэ,
И там река Нотосэгава,
И ясных звуков чистота
В потоке каждом, мчащемся сюда!

315

*Песня, сложенная по повелению императора вторым
советником двора царедворцем Отомо во время пре-
бывания императора [Сёму] во дворце Ёсину весной
[первого года Дзинки (724), в третьем месяце]*

В славном Ёсину
Ёсину стоит дворец,
Среди этих гор —

Величав и славен он,
Среди этих рек —
Ясен и кристален он,
С небом и землей
Долговечно, навсегда,
Тысячу веков
Будет процветать всегда
Высочайший тот дворец!

316

Каэси-ута

Ныне вновь любовался
На малую речку
Киса, что я видел в далекие годы.
Насколько прозрачней
С тех пор она стала!

317

Ода Ямабэ Акашито, воспевающая гору Фудзи

...Лишь только небо и земля
Разверзлись, — в тот же миг,
Как отраженье божества,
Величественна, велика,
В стране Суруга поднялась
Высокая вершина Фудзи!
И вот, когда я поднял взор
К далеким небесам,
Она, сверкая белизной,
Предстала в вышине.
И солнца полуденный луч
Вдруг потерял свой блеск,
И ночью яркий свет луны
Сиять нам перестал.
И только плыли облака
В великой тишине,
И, забывая счет времен,
Снег падал с вышины.
Из уст в уста пойдет рассказ

О красоте твоей,
Из уст в уста, из века в век,
Высокая вершина Фудзи!

318

Каэси-ута

Когда из бухты Таго на простор
Я выйду и взгляну перед собой,—
Сверкая белизной,
Предстанет в вышине
Вершина Фудзи в ослепительном снегу!

319

Песня, воспевающая гору Фудзи

<Из сборника Такахаши Мусимаро>

В стороне далекой Ки
Где приносят луки в дань,
И в Суруга-стороне,
Там, где плещется волна,
Между этою и той
На границе славных стран,
Возвышаясь, поднялась
Фудзи — дивная гора!
Даже облака небес
К ней боятся приплывать,
Даже птицам, что летят,
Не подняться до нее,
И огонь, что в ней горит,
Тушат белые снега,
Снег, что падает с небес,
Тает от огня..
Трудно даже и сказать,
И не знаешь, как назвать
Пребывающее в ней
Дивным чудом божество!
У подножия лежит
Озеро большое Сэ.
Это озеро от глаз

Скрыто склонами горы.
Переходит там народ
Реку Фудзи на пути —
То стремительный поток,
Что бежит с вершины вниз.
И в Ямато-стороне,
Где восходит солнце ввысь,
Мир несет всем божество,
Пребывающее в ней.
О гора, что вобрала
Все сокровища в себя.
Ах, в Суруга-стороне
Поднялась до облаков
Фудзи — славная гора!
Сколько ни любуйся ты,
Не устанешь никогда любоваться на нее!

320—321

Каэси-ута

320

Пятнадцатого дня
В безводный месяц
Растаял всюду белый снег,
Что покрывал вершину Фудзи,
И вот за эту ночь он все покрыл опять!

321

Так высока вершина Фудзи,
Что с трепетом глядят на эту высоту...
И облака небес
Над нею плыть боятся,
И в страхе стелятся внизу...

Песня, сложенная Ямабэ Акахито по приезде на горячие источники в провинции Иё

В разных сторонах земли,
 Где правление вершат
 Внуки славные богов,
 К нам сошедшие с небес,
 Много жарких бьет ключей.
 Но в народе говорят,
 Что в стране этой Иё
 Дивной красоты полны
 Горы наших островов!
 И когда с вершин тех гор
 Взглянешь на деревьев ряд,
 Над источником, где принц
 На холме Исанива
 У крутых вершин Иё
 Думы думал
 И слагал
 Песни славные свои, —
 Видит изумленный взор,
 Что деревья оми там
 Продолжают зеленеть.
 Голоса поющих птиц
 Там звучат без перемен.
 И на долгие века
 Отраженьем божества
 Вечно будет процветать
 Место странствия царей!

Каэси-ута

Сто мужей именитых
 Императорской свиты,
 Верно, здесь, в Нигитацу,
 На ладьях отплывали...
 Нам неведомы эти далекие годы...

*Песня, сложенная Ямабэ Акахито при восхождении
на гору Камиока*

Словно дерево цуга
Средь священных славных гор
Каминаби в Миморо,
Что растет из века в век,
Умножая сень ветвей,
Потерявших счет в веках,
Словно тот жемчужный плющ,
Что растет меж горных скал,
Простираясь без конца,
Вновь и вновь хочу сюда
Без конца я приходить,
Чтоб на Асука взглянуть,
На столицу прежних лет!
Там и горы высоки,
Там и реки хороши,
И в весенний яркий день
Все б смотрел на склоны гор!
И осенней ночью я
Слушал бы журчанье струй!
Утром в белых облаках
Пролетают журавли,
А в тумане ввечеру
Там кричит речной олень.
Каждый раз, когда приду
И люблюсь на нее,
В голос горько плачу я,
Вспоминая старину...

Казси-ута

Там, где Асука воды,
Не покинет вдруг заводь
Туман, что покрыл все густой пеленою.
Не такой я любовью люблю,
Чтобы быстро прошла....

Песня принца Кадобэ, сложенная им во время пребывания в Нанива при виде костров, зажженных рыбаками для приманки рыб

Как яркие огни,
 Что, вспыхнув, засверкали
 Передо мной в далекой бухте Акаси,
 Любовь моя — к тебе!
 Так, колосом созрев, наружу вышла

Песня, сложенная монахом Цуканом, когда девушки, послав ему высушенную раковину, просили его в шутку магическими заклинаниями вернуть ей жизнь

Пускай ее вы отнесете в море
 К владыке вод,
 Опустите на дно,
 Но как же возвратиться может
 Утраченная ею жизнь?

Песня Ону Ою, второго заместителя генерал-губернатора Дадзайфу

Прекрасная в лазури голубой
 Столица Нара,
 Как цветок расцветший,
 Теперь настал
 Ее сверкающий расцвет!

329—330

Две песни Отомо Ёцуна, помощника начальника пограничных стражей

329

Все думаю с тоскою о столице,
Что в самом сердце залегла страны,
Где управляет ныне Поднебесной
Наш мирно правящий
Великий государь!

330

Волной струящиеся вниз
Цветы сиреневые фудзи
Теперь повсюду расцвели,
И о своей столице Нара,
Наверно, друг, тоскуешь ты?

331—335

*Пять песен царедворца Отомо [Табито],
генерал-губернатора Дадзайфу*

331

О расцвет моих сил!
Вряд ли вновь он вернется!
Неужели и мельком
На столицу мне Нара
Никогда уже больше не придется взглянуть?!

332

Жизнь моя!
 Как хочу, чтобы длилась ты вечно!
 Чтобы мог любоваться я
 Малою речкой Киса,
 Той, что видел в далекие годы...

333

Поле с мелкою травкой...
 Когда начинаю
 Вспоминать день за днем свои прежние годы,
 Как тоскую всегда
 Я о старом селенье!

334

Траву «позабудь»
 Я на шнур свой надену,
 Чтоб о старом селенье
 У горы Кагуяма
 Позабыть навсегда!

335

Мое странствие ныне
 Ведь не будет же вечно?
 Пусть же Имэновада
 Не становится мелью,
 А будет пучиной, как в давние годы!

336

Песня Сами Мандзэй о вате

Яркие огни в полях Цукуси...
 Из страны Цукуси ватой никогда
 Тело я не грел —
 Не приходилось,
 Но такую теплой кажется она!

337

*Песня, сложенная Яманоз Окура, когда он покидал
пиришество*

Окура теперь встает,
Вас оставит и уйдет,
Сын, наверно, слезы льет,
И его родная мать
Окура, наверно, ждет!

338—350

*Тринадцать песен, прославляющих вино,
сложенных генерал-губернатором Дадзайфу
царедворцем Отомо Табито
[«Гимн вину»]*

338

О пустых вещах
Бесполезно размышлять,
Лучше чарку взять
Хоть неважного вина
И без дум допить до дна!

339

В древние года,
Дав название вину
«Хидзири», или «Мудрец»,
Семь великих мудрецов
Понимали прелесть слов!

340

В древние года
Семь великих мудрецов,
Даже и они,
Все мечтали об одном —
Услаждать себя вином!

341

Чем пытаться рассуждать
С важным видом мудреца,
Лучше в много раз,
Отхлебнув глоток вина,
Уронить слезу спьяна!

342

Если ты не будешь знать,
Что же делать, что сказать,
Из всего, что в мире есть,
Ценной будет вещь одна —
Чарка крепкого вина!

343

Чем ничемно так, как я,
Человеком в мире жить,
Чашей для вина
Я хотел бы лучше стать,
Чтоб вино в себя впитать!

344

До чего противны мне
Те, что корчат мудрецов
И вина совсем не пьют,
Хорошо на них взгляни —
Обезьянам, впрямь, сродни!

345

О, пускай мне говорят
О сокровищах святых, не имеющих цены,
С чаркою одной,
Где запенилось вино,
Не сравнится ни одно!

346

О, пускай мне говорят
О нефрите, что блестит, озаряя тьму ночей,
Но, когда мне от вина
Сердце радость озарит,
Не сравнится с ней нефрит!

347

Если в мире суеты
На дороге всех утех
Ты веселья не найдешь,
Радость ждет тебя одна:
Уронить слезу спяна!

348

Лишь бы на земле
Было счастье суждено,
А в иных мирах
Птицей или мошкой стать,
Право, все равно!

349

Всем живущим на земле
Суждено покинуть мир.
Если ждет такой конец,
Миг, что длится жизнь моя,
Веселиться жажду я!

350

Суемудрых не терплю,
Пользы нет от них ничуть,
Лучше с пьяницей побудь,
Он, хотя бы во хмелю,
Может искренне всплакнуть!

351

Песня Сами Мандзэй

Этот бренный мир!
 С чем сравнить могу тебя?..
 Рано на заре
 Так от берега ладья
 Отплывает без следа...

352

Песня принца Вакаюэ

Средь тростников на берегу
 Журавль печально в голос плачет...
 Наверно, ветер холодом подул
 В той дальней гавани,
 О мыс Цуоносаки!

353

Песня монаха Цукана

В прекрасном Ёсину,
 Над склонами Такаки,
 Собрались белою грядою облака.
 Они боятся плыть к вершине горной,
 И видно мне, как стелятся внизу.

354

Песня Хэки Оою

Дым от костров, где выжигают соль,
 Здесь, в дальней бухте Нава, каждый раз,
 Как вечер настает,
 Рассеяться не в силах
 И стелется поэтому в горах.

Песня Оси Махито

Пещера Сидзу,
 Где когда-то были боги —
 Онамути, Сукунабикона...
 О, сколько же веков
 Вот так стоит она?

Песня Ками Фурумаро

О, верно, так же все и ныне:
 И струи Асука-реки,
 Где каждым вечером
 Лягушек слышны крики,
 По-прежнему прозрачны и чисты...

*357—362**Шесть песен Ямабэ Акахито*

Вот за бухтою Нава,
 Там, далеко, где виден
 Остров в море открытом,
 Челн, плывущий по волнам,
 Верно, вышел на ловлю!

Челн, вдали огибающий бухту Муко!
 Остров Авадзима
 Позади ты оставил,
 Малый челн,
 На который я с завистью ныне смотрю!

359

На острове Абэ,
У скал, где бакланы,
Бегут беспрестанно у берега волны...
И я эти дни беспрестанно тоскую,
Исполненный думой о далеком Ямато!

360

Когда схлынет прилив,
Собери ты жемчужные травы морские.
Если дома любимая спросит тебя
О подарке из дальней страны,
Что тогда ей покажешь?

361

На рассвете холодном
От осеннего ветра,
Когда ты переходишь
Взгорья дальние Сану,
О, согреть бы тебя мне своею одеждой!

362

Там, где птицы мисаго,
В изгибах прибрежных
Зеленые травы «скажи свое имя»,
И ты их послушай, скажи свое имя.
Пусть даже родители знают об этом.

363

Из неизвестной книги

Там, где птицы мисаго,
На берегу каменистом
Зеленые травы «скажи свое имя»,
И ты их послушай, себя назови мне,
Пусть даже родители знают об этом.

364—365

*Две песни Каса Канамура, сложенные на
горе Сиоцу*

364

Хочу, чтоб люди те, которые увидят
Стрелу, что рыцарь доблестный пошлет,
Подняв свой лук и воздух сотрясая,
Из века в век, из уст в уста передавали
О славе золотой минувших лет!

365

Когда дорогой горною в Сиоцу
Я проезжал спокойно на коне,
Мой конь
О камни вдруг споткнулся,—
Тоскуют, верно, дома обо мне!

366

*Песня, сложенная Каса Канамура, когда он отплыл
на корабле из гавани Цунуга*

От Цунуга-берегов
Я отплыл
В страну Коси.
На огромном корабле,
Много весел закрепив,
Вышли на простор морской.
И когда, спеша вперед,
По морю мы стали плыть,
В бухте дальней Таюи
Показался легкий дым...
То рыбачки над костром
Выжигали соль вдали.
Но в пути скитаюсь я,
Где подушкой на земле

Служит страннику трава,
И печально мне смотреть
Одному на этот дым...
Перевязь из жемчугов,
Что сверкали на руках
У владыки вод морских,
На себя теперь надев,
Полон я тоски и дум
О далеких островах,
О Ямато-стороне!

367

Каэси-ута

Когда взглянул я,
Находясь в пути,
На бухту Таюи в Коси, на море,—
Чудесной красотой сверкало все вокруг
И сердцу дорога была страна Ямато!

368

Песня царедворца Исоноками [Отомаро]

К большому кораблю
Приладив много весел,
Приказу государя своего
Я с трепетом великим покорился,
И потому кружу у этих берегов...

369

Ответная песня [Каса Канамура]

Недаром говорят,
Что славные мужи,
Придворные из воинского рода,
У государя нашего служа,
Во всем ему покорствовать готовы.

Песня Абэ Хиронива

Хотя насквозь я вымок ночью,—
 Дождь то переставал, то снова лил,
 И всюду был туман,—
 Но я тебя любил
 И ждал тебя нетерпеливо...

Песня, в которой принц Кадобэ, губернатор провинции Идзумо, тоскует о столице

Тидори, что живешь на берегах реки,
 Чьи воды мчатся в море Оу,
 Когда ты плачешь над волною,
 Всегда с тоскою вспоминаю
 Я о реке моей Сахо!

Песня, сложенная Ямабэ Акахито при посещении долины Касуга

О весенний яркий день!
 В Касуга — долине гор,
 Гор Микаса, что взнесли
 Гордую корону ввысь,
 Как над троном у царей!
 По утрам среди вершин
 Там клубятся облака,
 Птицы каодори там
 Распевают без конца.
 И как эти облака,
 Мечется моя душа,
 И как птицы те, поет
 Одинокая любовь.
 В час дневной —
 За днями дни,
 В час ночной —

За ночью ночь,
Встану я или ложусь —
Все томит меня тоска
Из-за той, что никогда
Не встречается со мной!

373

Каэси-ута

Как корона над троном,
Эти горы Микаса,
И как птицы там плачут,
Смолкнут, вновь зарыдают, —
Так любовь моя ныне не знает покоя...

374

Песня Исоноками Отомаро

Гора, что называют Каса — «шляпа»,
Хочу тебя надеть,
Коль дождь пойдет.
Смотри, других людей не прикрывай собою,
Пусть даже вымокнут насквозь!

375

Песня принца Юхара, сложенная в Ёсину

У заводи
Реки Нацуми,
Что в дивном Ёсину течет среди долин,
Теперь кричат печально утки
В тени горы...

376—377

Две песни принца Юхара, сложенные на пиру

376

Словно крыльями цветными стрекоза,
Рукавами машет милая моя,
Будто в дорогой ларец на дно,
Прячу к ней любовь свою давно,
Полюбуйся на нее, мой друг!

377

О, сколько ни люблюсь я всегда
И ранним утром, и при свете дня
На облака среди лазурных гор,
Они полны все новой красоты,
И так же, как они, — чудесен ты!

378

Песня Ямабэ Акахито, воспевающая пруд возле дома покойного первого министра Фудзивара Фубито

С далеких, далеких времен
Сохранилась престарая эта плотина.
Много лет ей минуло,
И берег пруда
Сплошь покрылся густою болотной тиной...

379

Песня Отомо Саканозэ, обращенная с мольбой к богам

Боги,
Что сошли сюда
С вечной высоты небес

Из-за облачных долин,
Боги славные,
Для вас
Ветвь сакаки я сорву,
Что растет в ущельях гор.
Я к той ветке привяжу
Пряжу с белым волокном,
Помолясь, зарюю здесь
Я сосуд с вином святым,
Словно яшму, нанижу
Густо
Молодой бамбук
И, как дикий вепрь в горах,
На коленях поползу,
В покрывало завернусь
Слабая жена,
И, творя святой обряд,
Буду всей душой молить...
Неужели и тогда
Мне не встретиться с тобой?

380

Каэси-ута

Пряжу наложив горой,
В руки я ее возьму
И, творя святой обряд,
Буду всей душой молить...
Неужели и тогда мне не встретиться с тобой?

381

Песня девушки из Цукуси, посланная Табито

О доме о родном тоскуя,
Ты сердцу не давай спешить,
И береги себя
От грозной бури:
Опасны людям дальние пути!

*Песня Тадзихи Кунихито, сложенная при восхожде-
нии на пик Цукуба*

Там, где много певчих птиц,
В той восточной стороне
Много есть высоких гор,
Но средь них одна гора,
Всеми чтимая, стоит —
Это двух божеств гора.
Две вершины поднялись
У нее, красуясь, в ряд,
Ненаглядною горой
Называют все ее.
С незапамятных времен,
Со времен еще богов
Люди сказ ведут о ней,
И с Цукуба, с вышины
Все любятя страной.
Но в снегу она теперь,
Хоть не время быть зиме,
А уйти, не посмотрев, —
Тосковать еще сильней!
И поэтому с трудом
Горною тропой идя,
Где повсюду тает снег,
Тяжкий путь перенеся,
На вершины я взошел!

Каэси-ута

О пик Цукуба! Любоваться
Лишь издали тобою
Я не мог.
И, мучаясь в пути, где снег растаял,
Я все-таки поднялся на тебя!

384

Песня Ямабэ Акахито

Я у дома
 Посеял, взрастил карааи,—
 И увяли ее лепестки...
 Но не будет мне это уроком сейчас,
 Я посею опять карааи!

385—387

Три песни о фее Цуминоэ

385

Град идет...
 Касими-пик очень крут,
 И трудно мне
 Ухватиться за траву,
 Я любимую мою за руку возьму!

386

Если б этим вечером сюда
 Ветка дикой шелковицы
 Приплыла,
 Я б ловушку для нее не расставлял,
 И волшебной ветки я б не взял!

387

Песня Вакамиа Аюмаро

Когда бы не жил
 В древние года
 Тот человек, что тут ловушку ставил,
 Быть может, ветка дикой шелковицы
 И ныне по воде плыла...

Песня странствования

Владыка вод,
Какой кудесник он!
Авадзи-остров
Поместил он в середину,
Волнами белыми
Страну Иё он окружил.
В проливе Акаси,
Там, где луна
Раз восемнадцатый
Сменяется рассветом,
Лишь вечер настает,
Его велением
Все заполняет
Набегающий прилив.
А только рассветет —
Он заставляет
Прилив отхлынуть
Вдаль от берегов...
И так как страшны волны в те часы
В прилива грохоте,
На острове Авадзи
Средь скал укрылся я от них
И ждал с тоской:
Когда же наконец
Нам ночь тревожную
Рассвет желанный сменит?
И оттого не мог забыться сном...
И вот тогда над водопадом,
В полях Асану молодой фазан
Поднялся в небо с громким криком,
Вещая нам, что наступил рассвет.
Итак, друзья!
Мы смело в плаванье идем,
Спокойна стала гладь морская!

Когда, плывя, я огибаю
 Мыс Минумэ,
 Цепь островов в пути,
 Тоскуя о стране Ямато,
 Там часто плачут журавли...

ПЕСНИ-АЛЛЕГОРИИ

Песня принцессы Ки

Ведь даже утки дикие, что кружат
 В извилинах спокойных берегов
 Пруда Кару, ведь даже и они
 Среди прибрежных трав жемчужных
 Не спят одни...

Песня Сами Мандзэй, настоятеля храма богини Каннон в Цукуси

Поставив тобуса у гор Асигара,
 Деревья рубят, чтобы строить корабли.
 Пришли срубить зеленые деревья,
 Чтоб строить корабли...
 Как жаль деревья мне!

Песня о сливе, сложенная Отомо Момоё, главным судьей Дадзайфу

Сливу в ту ночь, что черна,
 Словно ягоды тута,
 Я совсем позабыл
 И вернулся, ее не сорвав...
 А ведь так я любил эту сливу когда-то!

Песня Сами Мандзэй о луне

Пускай и не видна,
 Но кто ее не любит,
 Луну, что из-за гребней гор
 Стремится выйти на простор?
 Хочу хоть издали ее увидеть!

Песня Кон Мёгуна

Та сосенка на берегу морском,
 В стране далекой Суминоэ,
 Которую избрал своей сосною,
 Повесив знак запрета на нее,—
 Останется навек моей сосною!

395—397

*Три песни девицы Каса, посланные
 Отомо Якамоти*

Алыми корнями мурасаки,
 Что покрывают в Цукума поля,
 Сегодня платье выкрасила я.
 Но не успела я надеть то платье,
 Как люди все узнали обо мне!

Долина Ману с мелкою травой
 В стране Митиноку
 Хотя и далека,
 Но предо мной всегда
 Стоит твой образ милый!

397

Внизу у диких скал
В ущелье горном
Глубоки корни камыша.
Навеки связанное клятвою любовной
Не в силах сердце позабыть тебя!

398—399

Две песни Фудзивара Яцука о сливе

398

На сливе, что цветет у дома твоего,
В тот час,
Когда бы это ни настало,
Как только белые цветы плодами станут,
Определим судьбу свою!

399

Ах, если бы цветы душистой сливы,
Цветы, что расцвели у дома твоего,
Плодами стали бы,
Уж так иль этак,
Судьбу свою решили б мы тогда!

400

Песня Отомо Суругамаро о сливе

Пусть люди говорят,
Что нежных слив цветы
Цветут и после опадают долу...
Но разве может с веткой это быть,
Где знак запрета был завязан мною?

401

*Песня госпожи Отомо Саканоз, исполненная на поэ-
тическом турнире в кругу родных*

Не знала я,
Что у горы есть стражи,
И потому на той горе
Я даже знак святой запрета водрузила,
И поняла теперь, какой это позор!

402

Ответная песня Отомо Суругамаро

Пусть даже у горы
И были б стражи,
Но тот священный знак, что милая моя
Там завязать могла, любя,
О, разве развязать другая сможет?

403

*Песня Отомо Якамоти, посланная старшей дочери
Отомо Саканоз*

И рано утром, и при свете дня
Хочу всегда я ею любоваться —
Той яшмой дорогой...
Что сделать должен я,
Чтоб с ней рукам моим не расставаться?

404

*Песня девушки, посланная в ответ на песню Сахэки
Акамаро*

Если б только этот храм святой,
Где всегда царит могучий бог,
Не стоял бы на моем пути,
Может быть, мне в Касуга-полях
Просо бы посеять довелось!

405

*Еще одна песня, посланная Сахэки Акамаро [де-
вушке]*

Если б только в Касуга-полях
Просо бы посеять ты могла,
Я все время бы туда ходил,
Я все время бы оленя сторожил,
Хоть стоял бы на дороге храм святой!

406

Песня, посланная в ответ девушкой

Не мой тот храм,
И в нем я не молюсь,
Там бог, которому мой рыцарь посвящен,
И бога своего
Обязан славить он!

407

*Песня Отомо Суругамаро, в которой он сватает млад-
шую дочь из дома Саканозэ*

Трава канаги, что посажена была
В селенье Касуга,
Где встал туман весенний,
По слухам, маленьким ростком была,
А ныне, кажется, пустила ввысь побеги!

408

*Песня Отомо Якамоти, посланная своей возлюблен-
ной — старшей дочери из дома Саканозэ*

О, если бы имел я у себя
Цветок, который назывался бы гвоздикой,
То каждым утром
Я б в руках его держал,
И не было бы дня, чтоб им не любовался!

Песня Отомо Суругамаро

День целый
 В тысячи рядов волна здесь приливает за волною,
 И также думы непрерывны о тебе...
 Но почему же трудно в руки взять
 И завладеть жемчужиною дорогою?

Песня Отомо Саканоэ о цветах померанцев

У дома моего в саду
 Я посадила померанцы,
 И пусть потом я места не найду
 И буду каяться,
 Но, может быть, напрасно?

Ответная песня

Цветы расцветших померанцев
 В саду возлюбленной моей
 Посажены так близко вами,
 Поэтому я не оставляю их,
 Пока не станут те цветы плодами!

Песня принца Итихара

Жемчужины, что украшают
 Венец на голове,—
 Им равных нет нигде!
 О чем бы ты меня ни попросила,
 Во всем покорен я тебе!

Песня, сложенная Оами Хитонуси на поэтическом турнире

У рыбаков в Сума одежда,
В которой выжигают соль,
Из ткани фудзи,
Очень редкой,
И потому никак я не привыкну к ней!

Песня Отомо Якамоти

Средь распростертых гор
Отроги скал отвесны,
Цветущий сугэ трудно мне сорвать,
И оттого святой запрета знак
Придется, уходя, мне завязать на память!

ПЛАЧИ

Песня, сложенная Сётоку-тайси в печали при виде погибшего странника в горах Тацута, когда он направлялся в Такахараноу

Когда бы дома находился он,
То, верно б, спал в объятьях милой...
Как жалок странник тот,
Что лег в пути,
Где изголовьем служат травы!

Песня принца Оцу, которую он сложил, проливая слезы на насыпи у пруда Иварэ, когда он был приговорен к смерти

Обвиты лианами каменные скалы...
В Иварэ, в пруду,
Ужель в последний раз
Я сегодня утку плачущую вижу
И навек исчезну в облаках?

417—419

Три песни, сложенные принцессой Тамоти, когда хоронили ее возлюбленного, принца Коти, в горах Кагами в стране Тоёкуни

417

Душой с тобою мы
Сольемся ли, мой милый?
В стране Тоёкуни
Кагами-гору ты
Своим чертогом сделал ныне!

418

В стране Тоёкуни,
Там, где гора Кагами,
За дверью каменной в скале
Ты скрылся, кажется, навеки.
Все жду тебя, но не приходишь ты...

419

О, если б силу мне, чтоб расколоть
На мелкие куски
Пещеру эту!
Но женщина я слабая, увь,
И сделать это — силы нету!

*Песня принцессы Ниу, сложенная, когда скончался
принц Ивата*

Как бамбуковый побег,
 Строен был прекрасный принц,
 Был пригож и краснолиц
 Мой великий государь!
 И средь гор Хапусэ он
 В скрытой от людей стране
 Божеством священным стал —
 Люди молятся ему.
 С веткой яшмовой гонец
 Рассказал об этом мне,
 То не выдумку ль, не ложь
 Услыхала нынче я?
 Не ошибку ли, не ложь
 Услыхала нынче я?
 О, на небе и земле
 Нет печали тяжелей,
 В мире бренном и пустом
 Нет печали тяжелей!
 Там, где облако небес
 Дальний свой кончает путь,
 Там, где небо и земля
 Знают свой предел,
 В той далекой стороне
 Он нашел себе покой.
 С крепким посохом в руке
 И без посоха в руке
 Пospешила бы к нему.
 И на перекрестках всех
 Я гадала б ввечеру,
 И на камешках в пути
 Я гадала бы о нем,
 И у дома своего
 Я б часовню возвела,
 У постели бы своей
 Со святым вином сосуд
 Я поставила б, молясь,
 Словно яшму, густо я
 Нанизала бы бамбук,
 Чтоб свершить святой обряд,

Перевязь надела б я,
В поле дальнем, в небесах,
В поле Сасара
Травы нанафусугэ
В руки бы взяла
И отправилась бы я
К берегам реки святой
На извечных небесах.
Очищение там приняв,
Я б молилась о тебе!..
Но среди высоких гор
Ты на каменной скале
Успокоился навек!

421—422

Каэси-ута

421

То не выдумка, не ложь,
Не ошибка иль обман?
Что среди высоких гор,
Там, на каменной скале,
Ты лежишь, любимый мой?

422

Сугэ, что растут на горных склонах Фуру,
Здесь, в Исоноками,
Могут отвести...
Только не таким ты был, мой друг любимый,
Чтоб любовь моя к тебе могла пройти!

423

*Песня, сложенная в печали принцем Ямакума, когда
скончался принц Ивата*

Обвита плющом скала
По дороге в Иварэ...
Утром рано
Каждый день

Проходил, наверно, ты,
Совершая этот путь,
Верно, думал каждый раз:
Лишь придет веселый май,
Запоет кукушка здесь,
Нежных ирисов цветы,
Померанцы мы сорвем,
Яшмой нанизав на нить,
Мы сплетем себе венки...
В долгий месяц сентября,
В морозящий мелкий дождь
Украшаться будем мы
Клена алою листвою.
И как долго без конца
Тянется ползучий плющ,
Долго будет длиться все,
Вечно, тысячи веков!
Так, наверно, думал ты,
По дороге проходя...
И возможно ль, что тебя
Будем завтра мы считать
Нам чужим уже навек?

424—425

Каэси-ута из неизвестной книги

424

Не скажешь разве ты,
Что жемчуг дорогой,
Надетый на руки прекрасной девы,
В стране Хацусэ, запертой средь гор,
Теперь рассыпался навеки?..

425

В стране Хацусэ, над рекой, где ветер
Исполнен холода,
Горюя без конца,
О, если б человека мог я встретить,
Который походил бы на тебя!

*Песня Какиномото Хитомаро, сложенная в печали
при виде погибшего странника на горе Кагуяма*

Чей это муж
Приют нашел в пути,
Где травы служат изголовьем?
Он родину свою совсем забыл,
А дома, верно, ждут с заботой и любовью?

*Плач, сложенный Осакабэ Таримаро, когда умер Та-
гути Хиромаро*

Не дошли до ста восемь десятков...
Есть множество изгибов у дорог...
И если б только я повсюду с мольбою жертвы
приносил богам,
С тобою, что ушел навеки,
Быть может, довелось увидеться бы нам!

*Плач Какиномото Хитомаро о юной деве из дома
Хидзиката, сложенный во время погребального обря-
да сожжения в Хацусэ*

В стране Хацусэ,
Скрытой среди гор,
Клубится облако, плывя между горами,
Быть может, это облик дорогой
От нас ушедшей юной девы?..

429—430

*Два плача Какиномото Хитомаро о девушке
из Идзумо, утопившейся в реке, сложенные
во время погребального обряда сожжения
в Ёсину*

429

О дева юная из Идзумо-страны,
Страны, что облаком меж гор спустилась,
Не стала ли туманом ты,
Что в Ёсину плывет
Средь пиков горных?

430

И пряди черные волос прекрасной девы
Из Идзумо-страны, где поднялись
Восьмью рядами облака однажды ввысь,
Вдали от берегов, по Ёсину-реке
Плывут, в волнах качаясь, вдалеке...

431

*Песня, сложенная Ямабэ Акахито, когда он проез-
жал мимо кургана девы из Мама в стране Кацусика*

Говорят, что в старину
Жил на свете человек.
Чтобы деву в жены взять,
Он построил ей шалаш,
Обменяться думал он
Из цветистой ткани с ней
Поясами навсегда!
И хоть слышал я, что здесь
Место, где лежит она,
Успокоившись навек,
Чудо-дева Тэкона
Из страны Кацусика,—
Потому ли, что листва
На деревьях хиноки
Стала так густа,

Потому ль, что у сосны
Корни далеко ушли,—
Не узнать мне этих мест...
Но достаточно и слов,
Только имени ее,
Чтоб об этом позабыть
Был уже не в силах я!

432—433

Каэси-ута

432

Видел это я сам
И другим собираюсь поведать
О Какусика славной стране, где в уезде Мама,
Знаменитой красавицы девы молодой Тэкона
Место вечного упокоенья...

433

Вот в Какусика, в дальней стране,
В тихой бухте Мама,
Верно, здесь, наклонившись,
Срезала жемчужные травы морские
Тэкона.— Все о ней нынче думаю я...

434—437

*Четыре песни, сложенные Кавабэ Мияхито
в четвертом году Вадо [711] в печали при
виде погибшей красавицы в сосновой роще
на острове Химэсима*

434

Хоть и люблюсь я цветами
Прекрасных цуцудзи на берегах Михо в Кадзахая,
Но грустно мне —
И думаю невольно
О человеке том, что гибель здесь нашел...

435

Те травы, что росли
На диком берегу,
К которым, верно, прикасался
Сам доблестный Кумэновакуго,
Как жаль, что все они давно увяли.

436

Все эти дни
Шумит молва людская!
О, если б яшмой драгоценной ты была,
Я на руки б свои надел тебя
И, верно б, так не тосковал, как ныне!

437

И ты, и я — мы оба сердцем чисты,
Как у реки Кийэми светлая струя.
И не такое мое чувство,
Чтоб ты потом раскаяться могла,
Чтоб берега реки разрушила б вода!

438—440

*Три песни от пятого года правления Дзинки
[728], в которых генерал-губернатор округа
Дадзайфу царедворец Отомо [Табито] выра-
жает любовь и тоску по усопшей жене*

438

Изголовье из рук, что лежали на шелковой ткани
И всегда обнимали любимую прежде...
Ах, навряд ли
Еще человека я встречу,
Для кого они будут служить изголовьем!

Вот и время пришло
 Мне домой возвращаться,
 Но в далекой столице
 Чей мне будет рукав
 Изголовьем душистым?

В покинутом доме,
 В далекой столице,
 Когда в одиночестве спать мне придется,
 О, тяжело мне будет, намного труднее,
 Чем было в моем одиноком скитанье!

Песня, сложенная в шестом году Дзинки [729] принцессой Курахасибэ, после того как левый министр принца Нагая принял смерть [согласно императорскому указу]

Чтя волю государя своего,
 Приказу ты повиновался.
 И потому, хоть срок не вышел для тебя
 Быть в усыпальнице священной,
 В далеких облаках ты скрылся навсегда!

*Песня, оплакивающая принца Касивадэбэ
 <Неизвестный автор>*

Недаром говорят,
 Что бренный этот мир —
 Непрочная такая вещь, пустая!
 Вот и луна, сияющая здесь, —
 То малая она, то вновь она большая!

*Плач, сложенный судебным чиновником Отомо Мина-
ка, когда в первом году Тэмнэ [729] повесился Хасэ-
цукабэ Тацумаро, писец, ведавший учетом земель-
ных наделов в провинции Сэтцу*

В дальней, чуждой стороне,
Там, где облака небес стелятся внизу,
Храбрым воином
Он слыл,
И родителям своим,
Детям и жене своей
Говорил он, уходя:
«При дворе богов земли,
Что правление вершат,
Стоя стражем
У дворца,
Службу во дворце неся,
Как жемчужный длинный плющ
Простирается меж скал,
Так же долго буду я
Славу предков продолжать
И хранить ее всегда!»
И со дня, когда ушел
От родных он в дальний путь,
Мать, вскормившая его,
Ставит пред собой всегда
Со святым вином сосуд,
И в одной руке она
Держит волокна пучки,
И в другой руке она
Ткани на алтарь несет.
«Пусть спокойно будет все,
И счастливым будет он!» —
С жаркою мольбой она
Обращается к богам
Неба и земли.
О, когда наступит год,
Месяц, тот желанный день,
И любимый ею сын,
Сын, сверкающий красой
Цуцудзи цветов,
Птицей ниодори вдруг

Из воды всплывет? —
— Думу думает она...
А ее любимый сын,
Тот, которого она,
И вставая, и ложась,
Тщетно ждет к себе домой,
Государя волю чтя
И приказу покорясь,
В дальней Нанива-стране,
Что сверкает блеском волн,
Годы целые провел
Новояшмовые он.
Белотканых рукавов
Он от слез не просушил,
Поутру и ввечеру
Занят службою он был.
Как же все случилось так,
Как задумал это он?
Бренный мир, что человек
Так жалеет оставлять,
Он оставил и исчез,
Словно иней иль роса,
Не дождавшись до конца срока своего...

444—445

Каэси-ута

444

О, ведь вчерашний день
Ты был еще здесь с нами!
И вот внезапно облаком плывешь
Над той прибрежною сосной
В небесной дали...

445

О милый друг, что нас навек покинул,
И ветки яшмовой
С приветом не прислав
Своей возлюбленной — жене любимой,
Что все ждала, когда-то ты придешь?

Пять песен, сложенных генерал-губернатором Дадзайфу, царедворцем Отомо [Табиго] зимой второго года Тэмнэ [730] в двенадцатом месяце по пути в столицу

446

Это дерево муро, любовалась которым
Моя милая
В бухте прославленной Томо,
Будет вечно цвести.
Только милой той нету...

447

Каждый раз, как взгляну я
На дерево муро
На берегу каменистом над бухтою Томо,—
Ах, смогу ли забыть о жене я любимой,
С которой когда-то любовались им вместе?

448

Ах, если б спросил, где она, что когда-то
Любовалась тобою,
О дерево муро!
Ты, пустившее корни на берегу каменистом,
Мне смогло бы ответить, где любимая ныне?..

449

Когда я увидел,
Домой возвращаясь,
Дивный мыс Минумэ,
Где мы были с любимой,
Сразу хлынули слезы горячим потоком!

450

Когда проплывал я один мимо мыса,
Которым вдвоем любовался с любимой,
Что вместе со мною
Была здесь когда-то,—
Тяжко стало на сердце!

451—453

*Три песни, сложенные по возвращении на
родину, когда [Табито] вошел в свой дом*

451

Мой дом опустевший, где нету любимой!
Как ныне мне тяжело,
Куда тяжелее,
Чем в пути,
Где трава мне была изголовьем!

452

В том саду, что вдвоем
Мы сажали когда-то
С любимой вместе,
Поднялись так высоко,
Разветвились деревья!

453

Каждый раз, как смотрю я на дерево сливы,
Что посажено было
Моею любимой,
Сердце горестью полно,
Льются слезы потоком!

454—459

*Шесть песен, сложенных осенью третьего
года Тэмпё [731] в седьмом месяце, когда
скончался первый советник двора царедво-
рец Отомо Табито
Песни, сложенные <Кон Мёгуном>*

454

О, если б ты, сверкавший славой,
Любимый мной,
На этом свете жил —
И ныне, и вчера, наверно,
Меня бы звал к себе, — теперь не позовешь...

455

Увы, лишь так
На свете и бывает...
О ты, что спрашивал меня в последний час:
«Не расцвели ль цветы
Осенних хаги?»

456

Тоскую о тебе —
Нет тяжелей печали!
И, как журавль средь тростников,
Лишь плачу в голос я
И днями, и ночами...

457

Ах, больше нет тебя,
Кому всегда мечтал
Я на земле служить
Бесчисленные годы,
И оттого покоя нет в душе...

Как малое дитя,
 Я ползаю вокруг
 И ввечеру, и поутру,
 Я в голос плачу,
 Оставшись без тебя, мой господин!

Агатаиинукай Хитоками

Ты, на которого я сколько ни смотрел,
 Не мог налюбоваться вволю,
 Как клена алый лист,
 Ты навсегда отцвел...
 И как скорблю теперь об этом!

*Плач, сложенный в седьмом году Тэмпё [735] Отомо
 Саканоэ в печали о кончине монахини Риган*

Из волокон таку вьют
 Яркой белизны канат...
 В дальней, чуждой стороне,
 В стороне Сираги ты
 Услыхала от людей,
 Что чудесна, хороша
 Наша славная страна!
 Прибыла ты к нам сюда,
 Где родных и близких нет,
 Кто б о думах мог спросить
 И печали отогнать...
 И хотя у нас в стране,
 Где великий государь
 Правит всем,
 В столице здесь,
 Что указывает нам
 День работ,—
 Полно людей,
 И хотя домов и сел
 И не счесть у нас в стране,—
 Что на ум тебе пришло,

Что туда, к горам Сахо,
Где и друга даже нет,
Словно малое дитя
Плачущее,
Загрустив,
Потянулась ты душой...
Поселилась в доме там,
Где стелила на постель
Ночью мягкие шелка...
Новояшмовых годов
Длинная тянулась нить,
И жила ты в доме том,
Коротала дни свои...
Но живущим на земле
Суждено покинуть мир,—
Говорят об этом все.
Этой участи нельзя
Избежать здесь никому...
И когда твои друзья,
Те, кому ты в эти дни
Доверялась всей душой,
Были далеко в пути,—
Где подушкой на земле
Служит страннику трава,—
Утром рано переплыв
Быструю реку Сахо
И оставив позади
Дивной Касуга поля,
Устремясь туда, к горам,
Распростертым вдалеке,
Погрузившись в темноту,
Скрылась ты
Навек от нас...
Что сказать, что делать мне?
Как мне быть, не знаю я.
И брожу
Теперь одна...
Белотканый мой рукав
Вечно влажен с той поры...
То не слезы ли мои,
Что, печалась, в горе лью
Там, у Арима-горы,
Где сгустились облака,
Наземь хлынули дождем?

Ах, оттого что жизнь земную
 Не удержать, любимая моя
 Ушла из дома, где стелились
 На ложе мягкие шелка,
 И в облаках навеки скрылась...

*Песня, сложенная Отомо Якамоти в шестом месяце
 одиннадцатого года Тэмплё [739] в печали об умершей
 возлюбленной*

Отныне —
 Осенний ветер будет дуть
 Такой холодный...
 Как смогу я
 Ночами долгими один уснуть?

*Ответная песня Отомо Фумимоти, младшего брата
 [Якамоти]*

Когда ты говоришь:
 «Как я смогу уснуть ночами долгими один?» —
 Я вспоминаю
 Всегда с тоской о той,
 Которой не вернуть!

*Песня, сложенная Якамоти при виде цветов гвоздики
 у порога дома*

Вот расцвела в саду моем гвоздика,
 Что посадила милая моя,
 Мне говоря:
 «Когда настанет осень,
 Любуясь на нее, ты вспоминай меня!»

*Песня, сложенная Якамоти в горе месяц спустя, когда
начал дуть осенний ветер*

Хоть знаю я, что этот мир невечен,
Где смертные живут,
И все же оттого,
Что дышит холодом теперь осенний ветер,
С такой тоской я вспоминал ее!

Еще одна песня, сложенная Якамоти

Возле дома моего
Пышно расцвели цветы,
И люблюсь я на них,
Но без радости в душе.
Если бы жива была
Милая моя жена,
Неразлучны были б с ней,
Словно утки, что всегда
Плавают вдвоем.
Как хотел бы я теперь
Для нее сорвать цветы,
Дать полюбоваться ей!
Но в непрочном мире здесь
Бренен жалкий человек,
Словно иней иль роса,
Быстро исчезает он,
Быстро скроется из глаз,
Словно солнце, что лучом
Озарив на склоне дня
Путь средь распростертых гор,
Исчезает навсегда...
Оттого-то каждый раз,
Как подумаю о ней,
В сердце чувствую я боль...
И не в силах я сказать,
И не знаю, как назвать
Этот жалкий, бренный мир,
Что исчезнет без следа.—
Ведь помочь нельзя ничем...

467—469

Каэси-ута

467

Всегда мог наступить — я это знал —
Для меня разлуки вечной срок,
Но так больно было сердцу, что ушла
Милая, любимая жена,
Мне оставив малое дитя...

468

Если б знал я, где лежит тот путь,
По которому уйдешь ты от меня, —
Я заранее
Заставы бы воздвиг,
Чтобы только удержать тебя!

469

Срок прошел — и отцвели цветы,
Которыми у дома любовалась
Моя любимая жена,
А слезы, проливаемые мною,
Еще никак не высохнут в тоске...

470—474

*Еще пять песен [Отомо Якамоти], сложенных
в безутешной печали*

470

О, только так на свете и бывает,
Такие уж обычаи земли!
А я и ты
Надеялись и ждали,
Как будто впереди у нас века!

471

Покинувшую дом родимый
 Любимую мою
 Не мог я удержать.
 В горах от всех она навеки скрылась,
 И нет покоя сердцу моему!..

472

Хоть знаю я давно,
 Что в этом бренном мире
 Нас ждет всегда жестокая судьба,
 Но все же сердце, преисполненное боли,
 Тебя не в силах позабыть!

473

О, каждый раз, когда там вдалеке
 Встает туман над склонами Сахо,
 Ведь каждый раз
 Я вспоминаю о тебе,
 И нету дня, чтобы не плакал я...

474

Пусть в годы давние на горный склон Сахо
 Смотрел всегда я равнодушно,
 А вот теперь, когда подумал я,
 Что это — место твоего упокоенья,—
 Гора Сахо мне стала дорога!

Плачи Отомо Якамоти, сложенные им весной шестнадцатого года Тэмпё [744] во втором месяце, когда скончался принц Асака

475

И поведать это вам
 Я смущаюсь и боюсь,
 И сказать об этом вам
 Для меня великий страх...
 Ах, столица есть Куни
 В нашей славной стороне,
 Что Ямато названа,
 Там, где тысячи веков
 Должен был бы
 Править принц,
 Наш великий государь,
 И в столице той всегда,
 Лишь придет из-за морей
 В дымке розовой весна,
 Как повсюду на горах
 Распускаются цветы,
 И в прозрачных струях рек
 Мчится резвая форель...
 И как раз, когда в стране
 С каждым днем сильнее был
 Пышной славы его блеск,
 То не ложь или обман,
 То не вымысел иль бред,—
 В платьях яркой белизны
 Слуги верные его,
 Встал на Вадзука-горе
 Погребальный паланкин!
 Ах, отныне править будет
 Принц наш в вечных небесах,—
 И упал я в страшном горе,
 И катался по земле...
 Я рыдал, и были влажны
 Рукава мои от слез,
 Но напрасно горевал я,—
 Ведь помочь ничем нельзя...

476

Не думал я,
Что наш великий государь
Решил отныне править небесами,
И Вадзука-гора
Казалась мне чужой!

477

Как пышные цветы,
Что блеском озаряли
И горы, распростерты вокруг,
А после неожиданно увяли,
Вот так и ты, великий государь!

478

И поведать это вам
Я смущаюсь и боюсь...
Наш великий государь,
Принц светлейший
Как-то раз
Вдруг, призвав к себе, собрал
Множество людей
Славных воинских родов
И повел их за собой.
На охоте поутру
Диких он ловил зверей;
На охоте ввечеру
Он ловил пугливых птиц.
И прекрасного коня
За узду остановив,
Он, любуясь на цветы,
Сердце веселил.
О расцветшие цветы,

В темных зарослях лесных
Горных склонов Икудзи,
Вы увяли навсегда!
В мире бренном и пустом
Все бывает только так!
Словно мухи в майский день
Слуги верные шумят!
Слуги верные его,
Принца нашего, что был
Сердцем доблестный герой,
Что, бывало, славный меч
Крепко привязав к бедру,
Славный ясеновый лук
И колчан нес за спиной.
Уповая на него,
Мы мечтали,
Чтобы он
Вместе с небом и землей
В мире долго, долго жил,
Чтобы тысячи веков
Оставалось все, как есть!
Словно мухи в майский день,
Слуги верные шумят,
Платья яркой белизны
Нынче на себя надев...
И когда мой видит взор,
Как меняется вокруг
С каждым днем
Веселый вид
Слуг его,
Что здесь всегда
Улыбались, веселясь,—
О. как полон скорби я!

479—480

Каэси-ута

479

Дорога, что идет между горами
По склонам Икудзи, куда ходил всегда
И любовался ею
Принц, любимый нами,
Навеки опустела без него...

Надев колчан,
 Что знаменит в роду Отомо,
 Не знаю я, кому теперь отдать
 Мне сердце, что служить было готово
 Бесчисленное множество веков!

Плач Такахаси, сложенный в печали по умершей жене

Думал, будем вместе мы
 Коротать недолгий век
 До пределов наших дней,
 До тех пор, пока совсем
 Не покроет седина
 Пряди черные волос
 У меня, что спал склонясь,
 Перепутав рукава
 Белотканые с тобой...
 Но не выполнен обет,
 Данный мною и тобой,
 Что не будет никогда
 Рваться яшмовая нить!
 То, о чем мечтали мы,
 Не свершилось у нас!
 С белотканым рукавом
 Ты рассталась моим
 И покинула наш дом,
 Где привыкла быть со мной...
 Ты оставила дитя
 Малолетнее свое
 Плакать горько о тебе!
 Словно утренний туман,
 Ты растаяла вдаль,
 Где гора Сагарака,
 В стороне Ямасиро
 Скрылась ты в ущельях гор...
 И поэтому теперь,
 Что сказать, что делать мне,
 Как мне быть, не знаю я...

В спальне, где я спал с тобой —
С милою женой моей,
Поутру
Я, уходя, вспоминаю обо всем,
Вечеру
Вхожу туда
И горюю о тебе!
Каждый раз, как плачет там
Малое твоё дитя,
Прижимаясь ко мне,
Я, что мужем храбрым был,
На спину беру его, обнимаю нежно я,
И, как птица поутру,
В голос громко плачу я
И тоскую о тебе...
Но напрасна скорбь моя!
И хотя безгласна твердь,
Но гора, куда ушла
Навсегда жена моя,
Будет сердцу дорогой,
Вечной памятью о ней...

482—483

Каэси-ута

482

Все это
Мира бренного дела.
И потому гора простая,
Что раньше мне чужой была,
Теперь навеки близкой стала!

483

Как птица поутру,
Я в голос плакать буду,
С женой возлюбленной моей
Отныне мне не повстречаться слова,
Надежды нет на встречу с ней!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕСНИ-ПОСЛАНИЯ (ПЕСНИ-ПЕРЕКЛИЧКИ)

484

*Песня, поднесенная младшей сестрой императора
Нинтоку своему возлюбленному брату, когда он
находился в Ямато*

О, день один
Хоть кто сумеет ждать,
Но много долгих дней,
Как я здесь ожидала,
Ни у кого в душе не хватит сил!

485

Песня, сложенная императрицей Когёку

Со времен богов,
Друг за другом в мир придя,
Множество людей
Наполняет всю страну,
Словно стаи резвых птиц —
Адзи —
Взад, вперед снуют,
Но тебя, что мной любим,
Нынче нет тебя со мной.
И весь день, пока с небес
Солнце не уйдет,
И всю ночь, пока рассвет
Не разгонит тьму,
Я тоскую о тебе,
И заснуть не в силах я,
Наконец она прошла,
Долгая глухая ночь!

486

Как шумят, летая между гребней гор,
 Птицы адзи, собираясь стайей,
 Проходя, шумит народ вокруг,
 Но печально нынче у меня на сердце,
 Оттого, что нет тебя со мной...

487

На дороге в Оми,
 Где гора есть Токо,
 Есть Река сомнений — Исаягава...
 Полон я сомнений: эти дни в разлуке
 Тосковала ль обо мне она?

488

*Песня принцессы Нукада, сложенная в тоске по
 императору Тэндзи*

Когда я друга моего ждала,
 Полна любви,
 В минуты эти
 У входа в дом мой дрогнула слегка бамбуковая
 штора —
 Дует ветер...

489

Песня принцессы Кагами

Пусть это был не он, а только ветер,
 Но это знак, что любит он тебя,
 Я зависти полна.
 Когда бы я ждала и вдруг подул бы ветер,
 О чем тогда я стала б горевать?

490—491

Две песни старой служанки Фубуки

490

Там, где бухта Ману,
Там, где заводь стоит,
Перекинут мосток за мостком...
Оттого ль, что все время о ней я грущу,
Мне любимая грезится в снах...

491

Берега у реки покрывают цветы ицумо —
Это значит «всегда».
О, всегда, о, всегда
Приходи, милый мой,
Ты желанным мне будешь всегда!

492—495

*Четыре песни, сложенные, когда Табэ Ити-
хико получил назначение в Дадзайфу*

492

<Песня Тонэри Ёситоси>

Уцепившуюся
За рукав одежды,
Плачущую горше, чем дитя,
Если ты меня оставишь, милый,
Что я буду делать без тебя?

<Песня Табэ Итихики>

О, когда уйду, тебя оставив,
 Будешь тосковать, наверно, без меня,
 Пряди черные волос раскинув
 На подушек мягкие шелка,
 Темной ночью бесконечно долгой!

[Песня Табэ Итихики]

О человеке том, который дал узнать,
 Что есть на свете ты, любимая моя,
 О нем теперь,
 Когда растет тоска,
 Я не могу без гнева вспоминать!

[Песня Тонэри Ёситоси]

Тебя, друг милый, на кого не наглядеться,
 Как на сияющую в небесах луну,
 В горах, что в утренних лучах сверкали,
 Тебя оставила я одного,
 Простясь, на горном перевале...

496—499

Четыре песни Какиномото Хитомаро

Как сотнями рядов гнездятся листья
 Цветов хамаю, что растут на берегах
 У бухты дивной красоты — Куману,
 Так велика тоска на сердце о тебе,
 И все ж с тобой наедине нам не встречаться!

497

И люди те,
Что жили в старину,
Ужели так же, как и я, страдали
И, о возлюбленной своей грустя,
Ночами долгими не спали?

498

Все это не дела
Лишь нынешних времен,
И люди в старину, бывало,
Куда сильнее любили, чем теперь,
И даже в голос плакали немало!

499

Не оттого ль, что думаю, бывало:
«Пусть сотни, сотни раз он посетит меня!» —
Хотя гонец приходит от тебя,
Но сколько ни придет,
Всегда мне мало!

500

*Песня жены Го Данъоти, сложенная во время его
отъезда в провинцию Исэ*

Там, в далекой Исэ, охраняемой ветром богов,
Там, у берега моря, нарвав себе оги-траву,
Может, лег ты уснуть,
Сном забывшись в пути
На пустынном чужом берегу...

501—503

Три песни Какиномото Хитомаро

501

О, с давних пор на склонах Фуруяма,
Где машут девы белотканым рукавом
Своим возлюбленным,
Стоит священная ограда...
С таких же давних пор я полюбил тебя!

502

На миг один короткий, как рога
Оленей молодых, что бродят в поле летом,
На самый краткий миг —
Могу ли позабыть
О чувствах нежных милой девы?

503

Яшмовых одежд затихнул шорох,
О, какой тоскою полон я,
Не сказав любимой,
Что осталась дома,
Ласкового слова, уходя...

504

Песня жены Какиномото Хитомаро

К дому твоему дорогу, милый мой,
И дорогу в Сумисака,
Где живу,
Не забуду, верно, никогда
До тех пор, пока на свете я живу...

505—506

Две песни девицы из дома Абэ

505

Теперь
О чем еще задумываться мне? —
Ведь это сердце,
Полное тобою,
Все целиком тебе принадлежит!

506

Любимый мой,
Не думай ни о чем, —
Пусть даже на пути нам встретятся невзгоды,
Не брошу никогда тебя в беде,
Я за тобой пойду в огонь и в воду!

507

Песня унэмэ из провинции Суруга

Ах, из-за горьких слез,
Что просочились
Сквозь изголовья мягкие шелка,
Как будто на волне, качаясь, я спала:
Так сильно я тебя любила...

508

Песня Микага Сами

С этой ночи, как расстанутся навеки
Рукава одежды нашей белотканой,
Ты и я —
Как тосковать мы будем...
Оттого, что нет надежды нам на встречу...

*Песня, сложенная Тадзихи Касамаро, когда он
отправлялся в страну Цукуси*

Как на чистый блеск зеркал,
Что в ларцах своих хранят
Жены нежные у нас,
На чудесных берегах
Мицу любовались все,
Глядя на морскую гладь.
На чудесных берегах
Свой заветный красный шнур
Не развязываю я,
Все тоскую о жене,
О возлюбленной своей,
И поэтому в тоске,
Словно плачущий журавль,
Что бывает поутру
Скрыт туманом на заре,
Только в голос плачу я...
И мечтая в тишине,
О, хотя бы часть одну
Среди тысячи частей
Той тоски, что полон я,
В сердце заглушить своим,
Я решил пойти взглянуть
На места, где дом родной.
Но когда я посмотрел:
Там, средь Кацураги гор,
Вставших флагом голубым,—
В дальних белых облаках,
Протянувшихся грядой,
Спрятан был от глаз мой дом...
В дальнюю, как свод небес,
В глушь далекую страны
Отправляюсь я теперь,
Остров Авадзисима,
Что лежал передо мной,
Я оставил позади —
И гляжу все время я
В сторону, где на пути
Остров Авасима есть.
Там, в затишье,

Поутру
Лодочников голоса
Раздаются над водой,
Там, в затишье,
Вечеру
Звуки весел слышны мне,
И по волнам я плыву,
Рассекая их в пути,
И кружусь, плывя меж скал...
Проплываю бухту я
Инабидзума.
Будто птица на воде,
Я качаюсь на волнах...
Вот и Иэносима —
Остров, что зовется «Дом».
На скалистых берегах
Пышным цветом расцвела,
Наклонясь к земле, трава,
Что зовут «не-говори».
О, зачем я, уходя,
Словно слушая траву,
Ничего жене своей
На прощанье не сказал?

510

Каэси-ута

О, верно, уходя, все буду я считать
И месяцы, и дни,
Когда вернусь под нашу кровлю,
И вновь друг другу мы постелим в изголовье
Одежды белотканной рукава...

511

*Песня, сложенная женой Тагима Маро, когда ее
супруг в свите императрицы [Дзито] отправился в
провинцию Исэ*

О милый мой, куда, в какие дали
Направился ты, скрывшись с глаз моих,
Как водоросль на дне?
Не горы ли Набари
В пути далеком переходишь ты сейчас?

512

Песня деревенской девушки

На полях осеннею порой
Льнет один к другому колос, когда жнут, —
Так же крепко обнимались мы с тобой.
Ах, не оттого ли средь людей
Обо мне и ходит слух такой?

513

Песня принца Сики

Как много хвороста сухого
Здесь, на полях в Оохара,
Так много раз с тоскою думал я:
«Когда же, наконец, когда?» —
И нынче ночью встретился с тобою!

514

Песня девицы из дома Абэ

Ни одного стежка иглой не пропускала
В одежде, что надета в путь тобой.
Мне кажется, что все, любимый мой,
В одежду эту вложено душою, —
И даже сердце тоже — там, с тобой!..

515

*Песня Накатоми Адзумахито, посланная девице из
дома Абэ*

Я знаю, что плохой считается приметой
Шнур порванный,
Когда ты спишь один...
Но не могу помочь беде своей неожиданной
И только громко в голос плачу я!

516

Ответная песня девицы из дома Абэ

Скрепить бы мне твой шнур
Покрепче нитью,
Что у меня была,
Свив нитку в три ряда,
Но я не сделала — и нынче каюсь в этом!

517

*Песня первого советника двора и главного полководца
Отомо [Ясумаро]*

И к деревьям, что священными зовутся,
Прикасаются порой руками,
Ты же мне твердишь,
Что ты — жена чужая,
И тебя запрещено касаться!

518

*Песня принцессы Нукада, сложенная в тоске по
Исикава*

Тебя, любимый, что всегда являлся
В долину Касуга,
Без страха проходя дорогой горной, —
Я не вижу ныне, —
Все эти дни живу я без тебя...

Песня госпожи Отомо

Ты, что всегда на дождь ссылаясь,
 Сидишь, закрывши плотно дверь,
 Вчера ты не был ли наказан
 С небес извечных
 Хлынувшим дождем?

*Песня, сложенная позднее неизвестным лицом в
 подражание [госпоже Отомо]*

О, пусть бы хлынул дождь
 С небес извечных!
 Скрываясь от дождя, ты б дома заперся,
 И я тогда б с тобой, любимый, вместе
 Дождливый этот день до ночи провела!

*Песня, посланная молодой женщиной из провинции
 Хитати, когда царедворец Фудзивара Умакай, полу-
 чивший новое назначение, был призван ко двору и
 отправлялся в столицу*

Простую женщину из Адзума-страны,
 Что для тебя в саду своем растила,
 Срезала коноплю, сушила,
 Стелила для тебя и так тебя любила,
 Заботясь о тебе,— не забывай ее!

522—524

*Три песни царедворца Фудзивара Маро,
посланные госпоже Отомо [Саканоэ]*

522

Как гребень яшмовый
В шкатулке драгоценной,
Что девушки хранят, — любимая моя...
Наверное, состарилась она:
Мы долго не встречались с нею!

523

Ведь, говорят,
Тот, кто терпеть умеет,
Тому и годы нипочем.
Но сколько ж времени у нас прошло,
Что я такой тоскою полон?

524

Хоть и лежал
Под мягкой теплой фусума,
Но оттого, что милой
Не было со мною,
Я напролет всю ночь от холода дрожал!

525—528

*Четыре песни госпожи Отомо Саканоэ,
посланные в ответ [Фудзивара Маро]*

525

О ночь, когда твой черный копь,
Чернее черных ягод тута,
Шагая по камням, минуя брод реки Сахо,
Сюда ко мне приходит...
Пускай бы эта ночь продлилась целый год!

Как непрерывно набегает вновь и вновь
 Речная рябь на отмели песчаной
 В Сахо, где слышен крик тидори постоянно, —
 Любовь моя
 Не утихает ни на миг...

Скажешь мне: «Приду», —
 А, бывало, не придешь,
 Скажешь: «Не приду», —
 Что придешь, уже не жду,
 Ведь сказал ты: «Не приду».

У переправы на реке Сахо,
 Где слышен постоянно крик тидори,
 Там, где речная отмель широка,
 Дощатый мостик перекину для тебя, —
 Все думаю, что ты придешь, любимый!

Еще одна песня госпожи Отомо Саканозэ

У реки Сахо, прошу,
 Высоко на берегу
 Не косите вы засохшую траву!
 Пусть останется нетронутой она,
 Чтобы в ней я спрятаться могла,
 Лишь пора весенняя придет!

*Песня, пожалованная императором Сёму принцессе
Унаками*

Как для коня гнедого делают ограду,
Чтобы ее не смог он перейти,
Так мной оставлен на твоём пути
Запрета знак. И в чувствах девы милой
Не сомневаюсь я теперь!

Песня, поднесенная в ответ принцессой Унаками

Как звук далекий тетивы,
Натянутой на ясеновом луке,
Привет издалека
Донесся до меня —
И рада я была тому привету!

532—533

Две песни Отомо Сукунамаро

Милое дитя, что во дворец идет,
Где указывают людям день работ,
Дорого для сердца моего...
Удержать ее — опять страдать,
Отпустить ее — погибель для меня!

Как на следы прилива, что отхлынул
От берегов в заливе Нанива,
Так на тебя
Все любоваться будут,
И зависти душа моя полна!

Песня принца Аки

Оттого, что не со мной
 Ты — любимая жена,
 И далек теперь мой путь,
 Что отмечен был давно
 Яшмовым копьем,
 Небо горьких дум моих —
 Непокойно у меня,
 Небо горестей моих —
 Непокойно у меня.
 Если б облаком мне стать,
 Что плывет на небесах,
 Если б птицею мне стать,
 Что летает в вышине,
 Завтра полетел бы я
 И любимой все сказал!
 И тогда из-за меня
 Не было б у ней беды,
 И тогда из-за нее
 Не знавал бы бед и я.
 О, когда бы нам теперь,
 Как и прежде,
 Вместе быть!

Каэси-ута

Не сплю давно в объятьях рук твоих,
 На изголовии из мягкой ткани...
 Когда подумаю —
 В разлуке минул год
 Без встреч, любимая, с тобою!

Песня принца Кадобэ о любви

Как бухта в Оу,
 Где прилив отхлынул,
 Печальна одинокая любовь...
 Тоскуя о тебе, пойду я вновь
 Далекой, прежнюю дорогой...

537—542

*Шесть песен, посланных принцессой Та-
ката принцу Имаки*

537

Так равнодушно и жестоко
Не говори со мной, прошу тебя, —
Ведь даже день один,
Когда тебя здесь нету,
Мучителен, как рана, для меня!

538

Не дает покоя мне молва людская:
Все шумит и мучает меня...
Не встречались мы, —
Не думай, мой любимый,
Будто сердцем изменила я!

539

О, если б ты, любимый мой,
Сказал бы мне, что выдержишь обещанье,
Тогда б к тебе —
Пусть велика молва —
Я все равно пришла бы на свиданье!

540

Оттого ли, что думалось мне,
Навряд ли опять
Повстречаюсь я с милым,
Утром сегодня разлука с тобой
Лишила меня и надежды, и силы.

541

В непрочном бренном этом мире
 Молва людская велика.
 Что ж, в будущих мирах
 Мы встретимся, мой милый,
 Пусть нынче счастье нам не суждено!

542

Нет твоего гонца,
 Что постоянно
 Спешил привет мне принести домой...
 Как видно, ты колеблешься, любимый,
 И нынче мы не встретимся опять.

543

Песня, сложенная Каса Канамура по заказу неизвестной девицы, для того чтобы послать ее возлюбленному, находившемуся в свите императора [Сёму] во время путешествия в провинцию Ки, зимой первого года Дзинки [724], в десятом месяце

О прекрасный мой супруг,
 Ты, что следуешь в пути,
 Где изволит проходить
 Наш великий государь
 Вместе с свитою его,
 Вместе с теми, кто стоит
 Во главе несметных войск,
 Славных воинских родов!
 Гуси по небу летят...
 Там, в Кару,
 Минуя путь,
 И любясь Унэби —
 Той горой, что все зовут
 Девой чудной красоты
 В перевязях жемчугов,
 И в страну направлясь Ки,
 Там, где платья хороши
 Из простого полотна,

Ты, наверное, идешь
Возле склонов Мацути...
О любимый! Там идя
И любуясь, как летит,
С веток осыпаясь вниз,
Клена алая листва,
Не тоскуешь, верно, ты
С нежной думой обо мне,
А о странствии своем,
Где подушкою в пути
Служит страннику трава,
На ночлег остановясь,
Думаешь с восторгом ты!
И хотя могу понять
Думы тайные твои,
Но не в силах больше я
Молча оставаться здесь.
Много, много тысяч раз
Думала пойти я в путь
За тобою, милый мой,
Но ведь тело у меня
Слабой женщины, увы!
Потому бессильна я...
Спросят стражи на пути,
Будут мне чинить вопрос,
Я не знаю, что сказать
И какой держать ответ.
Оттого, собравшись в путь,
Медлю я идти к тебе...

544—545

Казси-ута

544

Чем проводив тебя,
Здесь мучиться в тоске,
Я лучше б нынче стать хотела
С тобою вместе в Ки горами Имосэ,
Где милый неразлучен с милой!

О, если бы пошла я за тобою,
Ища следы твои,
Любимый мой,
В стране далекой Ки страж у заставы,
Наверно, все равно не дал бы мне пройти!

*Цесня, сложенная Каси Канамура, когда он завоевал
любовь юной девы во время путешествия императора
[Сёму] в летний дворец в Миканохара весной второго
года Дзинки [725], в третьем месяце*

В Миканохара,
Где стояли мы в пути,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьем,
Повстречался я с тобой.
Милая моя.
Как на облака небес,
Только издали взирал
На тебя тогда.
Не пришлось ни разу мне
Говорить с тобой.
И когда томился я
В сердца тайной глубине, —
Боги неба и земли
Подарили мне тебя.
И из шелка рукавами
Обменялись мы с тобой,
И, доверясь мне душою,
Стала ты моей женой,
О, пускай была бы долгой
Эта ночь, как сто ночей,
Долгих осени ночей!

547—548

Каэси-ута

547

С тех пор, как я ее увидел
Вдали перед собой, как облака небес,—
И телом, и душой
Я покорился
Возлюбленной моей!

548

Коль быстро эта ночь
Сменяется рассветом,
Нам ничего уже не сделать с ней...
Как я молил богов, чтоб ночь продлилась долго.
Так долго, как осенних сто ночей!

549—551

*Три песни, сложенные на почтовой станции
в Асики в провинции Тикудзэн, когда в
пятом году Дзинки [728] провожали Иси-
кава Тарихито, второго заместителя гене-
рал-губернатора Дадзайфу, получившего
назначение на новую должность*

549

<Неизвестный автор>

О боги неба и земли!
Нам помогите
До той поры, пока мой милый друг,
Что в дальний путь идет, где травы — изголовье,
Не возвратится вновь к себе домой!

<Неизвестный автор>

Если ты, кому я доверяла,
 Как вверяются большому кораблю,
 От меня уйдешь,—
 Как тосковать я буду
 До свиданья нового с тобой!

<Неизвестный автор>

Как тем волнам, что приливают в бухту
 Далеких островов, где множатся пути
 В страну Ямато,
 Нет покоя,
 Так и тоске моей покоя не найти!

Песня, сложенная Отомо Миёри

Не оттого ль, что думаешь,
 Мой милый,
 Ты обо мне: «Пускай бы умерла!» —
 Подряд две ночи никогда ты не приходишь,—
 То ночь с тобой, то снова я одна!

553—554

Две песни принцессы Ниу, посланные генерал-губернатору Дадзайфу Отомо [Табито]

Как дальние края
 Небесных облаков,
 Ты от меня далек, возлюбленный, и все же,
 Пусть только сердцем мы достигнем тех краев,—
 Любить и вдалеке возможно!

Из-за того сакэ
 Из Кибби,
 Которым старый мой приятель угостил,
 Я, опьянев, лишилась сил,
 Прошу, подайте мне рогожку!

*Песня, посланная генерал-губернатором Дадзайфу
 царедворцем Отомо [Табито] своему первому замести-
 телю, царедворцу Тадзихи Агатамори по случаю его
 назначения министром по гражданским делам [и воз-
 вращения в столицу Нара]*

Вино, что готовил,
 Тебя ожидая,
 На отдыхе в Ясунону, —
 Неужель в одиночестве выпью я ныне,
 Без старого друга, один?

Песня принцессы Камо, посланная Отомо Миёри

Корабль в Цукуси
 Не пришел еще,
 И все же, несмотря на это,
 Уже заранее ко мне пришла печаль,
 Что ты уже далеко где-то...

557—558

*Две песни, сложенные Ханиси Мимити в
пути, когда он плыл из провинции Цукуси
в столицу*

557

Я тороплю корабль скорее плыть,
На рифы натываюсь под водою.
Перевернешься?
Что ж, перевернись, —
Я с радостью погибну ради милой!

558

Дары, что я принес в священный храм
На алтари богов, что землю сокрушают,
Возьму назад,
Напрасны те дары,
Я все равно с тобою не встречаюсь!

559—562

*Четыре песни о любви, сложенные Отомо
Момоё, старшим инспектором Дадзайфу*

559

Спокойно жил
И не знал бед...
И вот на старости невольно
С такою сильною любовью
Пришлось мне встретиться теперь!

560

Когда я от любви к тебе умру,
К чему мне радости земные?
Ведь только ради дней,
Пока живу на свете,
Любимую увидеть я хочу!

561

О, если б ты сказала мне, что любишь,
На самом деле не любя меня,
То знай, что боги
Рощ святых Микаса среди полей Ону
Твою узнают ложь!

562

Ты напрасно только заставляешь
Брови у людей
Чесаться без конца, —
Все равно ты не встречаешься со мною,
О любимая моя!

563—564

Две песни госпожи Отомо Саканоз

563

До этих дней,
Когда настала старость
И пряди черные смешались с сединой,
С такой безудержной тоской
Еще ни разу в жизни не встречалась!

Ты, с кем молва меня связала
 Понапрасну, —
 На горном сугэ не было плодов, —
 Любимый мой, с кем ночи ты проводишь,
 С кем спишь вдвоем?

Песня принцессы Камо

О том, что виделись в Отомо, в Мицу,
 Я людям не скажу,
 Хоть ночью при луне,
 Сиявшей ярко-алым блеском,
 Была тогда с тобой наедине!

566—567

*Песни Отомо Момоё, старшего инспектора
 Дадзайфу, [и Ямагути Вакамаро, младшего
 секретаря], отправленные [Отомо Инакими],
 посланцу, отбывавшему на почтовых*

<Песня Отомо Момоё>

К тебе, идущему в далекий путь,
 Где травы служат изголовьем,
 Исполнен я горячею любовью
 И оттого я провожал тебя
 По побережью дальнему Сика!

<Песня Ямагути Вакамаро>

В тот день,
 Когда минуешь горы
 В Суо, в стране Ивакуни,
 Богам, как должно, жертвы принеси —
 Опасны людям дальние дороги!

568—571

*Четыре песни, сложенные чиновниками
 Дадзайфу на почтовой станции в Асики
 провинции Тикудзэн на проводах отъез-
 жающего в столицу генерал-губернатора
 Дадзайфу Отомо [Табито], которого назна-
 чили первым советником двора*

<Песня Кадобэ Исотари>

Как непрерывно сотнями рядов
 Бегут на каменистый берег волны,
 У мыса, у священного, шума,
 Так, мильный друг, встаю, ложусь ли я,—
 К тебе всегда любовью я исполнен!

Песня старшего секретаря Асада Ясу

Как будто бы травой мурасаки,
 Которой, говорят, свои одежды
 Окрашивают люди из Китая,
 О, так же я свое окрасил сердце,
 И о тебе все время полон думой!

<Песня старшего секретаря Асада Ясу>

Когда приблизится печальный день
 И ты отправишься, мой друг,
 В страну Ямато,—
 Олени, что резвятся на полях,
 И те подымут крик и будут громко плакать!

<Песня Отомо Ецуна, надзирателя над пограничными стражами>

Ночь лунная сегодня хороша,
 Вода прозрачная с журчаньем струится,
 Все, кто уходит в путь,
 Кто не уходит в путь,
 Давайте будем здесь гулять и веселиться!

572—573

Две песни, посланные Сами Мандзэй генерал-губернатору Дадзайфу Отомо [Табито], после того как [Отомо] вернулся в столицу

С тех пор, как тебя проводил,
 На кого неустанно глядел,
 Словно в ясное зеркало я,—
 В час вечерний и в утренний час —
 Я в глубокой печали теперь...

573

Хоть белыми черные волосы стали,
Что черными были, как ягоды тута,
А время пришло
Повстречаться с тоскою,
Что болью тяжелою ранит мне сердце...

574—575

Две песни первого советника двора царедворца Отомо [Табито], сложенные в ответ

574

Здесь живя, не пойму,
Далеко ли Цукусуп?
Верно, в той стороне,
Где далекие горы,
Над которыми тянутся белые тучи...

575

Как журавль в тростниках
В бухте той Кусакаэ
Бродит в поисках пищи,
Так и я... Как мне трудно!
Как мне трудно без друга!

576

Песня, сложенная в печали Фудзии Онари, губернатором провинции Тикуго, после того как генерал-губернатор Дадзайфу Отомо [Табито] уехал в столицу

О, с этих пор
В горах Кинояма
Унылой мне покажется дорога,
А я мечтал, что буду много, много,
Еще несчетно раз ходить по ней к тебе!

Песня, посланная первым советником двора, царедворцем Отомо [Табиго] принцу Такаясу, наместнику провинции Сэтцу, вместе с новой шелковой одеждой

Мою одежду
Не давай носить другим,
Хотя ее касались руки
Простого рыбака из Нанива,
Что из воды вытаскивали сети...

Песня, в которой Отомо Миёри печалится из-за разлуки

О милый сад у дома моего,
Где жил и думал я беспечно,
Что в том саду
Жить буду вечно,
Как вечны небо и земля!

579—580

Две песни Кон Мёгуна, посланные Отомо Якамоти

С тех пор, как виделись с тобою,
И часа даже не прошло,
А кажется:
Прошли и месяцы, и годы...
Так сильно мною ты любим!

О милый мой,
Кого хочу увидеть,
Кого люблю всем сердцем глубоко,
Как глубоко сокрыты корни сугэ
В земле средь распростертых гор!

581—584

*Четыре песни старшей дочери Отомо Сака-
ноэ, посланные в ответ [своему возлюблен-
ному] Отомо Якамоти*

581

Если только будем жить на свете,
Может быть, и встретимся с тобою...
Почему же ты
Явился мне во сне
И говорил: «Умрем, любимая, в разлуке»?..

582

Пусть даже мужественный рыцарь
И любит сильно, всей душой,
Но все же
С чувством слабых женщин
Его любовь нельзя сравнить.

583

Ужель любовь так быстро увядает,
Как лунная трава-цукигуса?
От друга моего,
О ком тоски полна,
И слова до меня не долетает!

584

Подобно облакам, что поутру встают
Над Касуга-горой
И с ней не расстаются,
О, если б так же ты все время был со мной,
Ты, на кого хочу все время любоваться!

Песня госпожи Отомо Саканоз

Бывает так,
 Что оставляют и уходят,
 Но, сердцем всем
 Жену свою любя,
 Уйти в далекие края возможно ль, милый?

*Песня Отомо Инакими, посланная старшей дочери
 [Отомо] из Тамура*

Коль не встречаются,
 То, может быть, не любят,
 Но, глядя на любимую мою,
 Ее без памяти люблю
 И потому, что делать мне, не знаю!

587—610

*Двадцать четыре песни девицы из рода
 Каса, посланные Отомо Якамоти*

На мой подарок, что дала на память,
 Гляди всегда и вспоминай меня!
 Нить новояшмовых годов длинна —
 И долго — сколько годы будут длиться —
 Я тоже буду помнить о тебе!

Как сосны мацу на горе Тоба,
 Где птицы белые летают,
 Все время жду тебя, —
 Ведь «мацу» значит «ждать».
 О, эти месяцы, что жду тебя, тоскуя...

589

Ах, ничего не зная обо мне,
Скучающей в селе далеком Таму,
Где по старинке в танце машут рукавом,
Ты так и не пришел в мой дом,
Как я тебя ни ожидала!

590

Ты можешь думать:
«Новояшмовые годы уже прошли,
Теперь уж все равно»,—
Но думать так нельзя, прошу тебя, мой милый,
Об имени моем по-прежнему молчи!

591

Ах, о моей любви
Ты не сказал ли людям?
Я видела во сне.
Что ларчик дорогой
Открыли и оставили открытым!..

592

Как плачущий журавль во мраке черной ночи,—
Лишь слышен крик его издалека,—
Ужели так же буду плакать я,
Лишь вести о тебе из стран далеких слыша
И больше никогда не видя здесь тебя?

593

Любя тебя,
Страдая безысходно,
У Нарских гор
Под маленькой сосной
Стою, исполненная горя и тоски!

594

Как тает белая роса
У дома моего
На травах, озаренных лучом вечерним,
Таю нынче я,
Любя тебя любовью безрассудной!

595

Пока не умерла,
Пока еще живу,
Как я могу о милом позабыть?
Пусть даже с каждым днем во много, много раз
Еще умножится моя тоска!

596

И даже мелкий тот песок на побережье,
Где много-много будешь дней идти,
С моей тоскою
Может ли сравниться?
Ответ мне дай, страж островов морских!

597

В непрочном и неверном мире
Так много глаз людских везде,
И потому тоскую о тебе,
Хотя живем с тобою близко,
Как близки камни, что мостком лежат в воде.

598

Да, от любви ведь тоже умирают люди!
Река, вода которой не видна,
Течет глубоко под землею, — так и я,
Невидимо для всех людей на свете
Я таю с каждым месяцем и днем...

599

Из-за тебя,
Кого я видела так мало,
Вдали, как утренний туман,
Я жизнь отдать и умереть готова,
Любя тебя, тоскуя о тебе!

600

В море, в Исэ, страх внушают могучие волны,
Что с шумом несутся
К скалистым своим берегам...
Человека, который внушает мне трепет,
Продолжаю любить до сих пор!

601

И в сердце даже
Я не думала, любимый,
Что будет так мучительна тоска,
Хотя ни горы, ни река
Не разлучают нас с тобою...

602

Лишь только наступает вечер,
Растет и множится в душе моей тоска,
И кажется, что ты, с кем раньше я встречалась,
Мне шепчешь нежные слова
И все стоишь передо мною!..

603

Когда б случалось так,
Чтоб умирали люди
Из-за тоски, что принесла любовь,
О, тысячу бы раз тогда, наверно,
Я умирала б вновь и вновь!

604

Во сне я нынче увидала,
Что бранный меч
Держу я при себе,
О, что же та примета означала? —
С тобой увидимся, мой друг!

605

Когда бы у богов и неба и земли
Вдруг справедливости не стало, —
О, только бы тогда
Мне умереть пристало,
Не встретившись, любимый друг, с тобой!

606

И я люблю, и ты не забывай!
Как ветер, дующий все время в бухте этой, —
Нет ни минуты, чтобы дуть он перестал, —
Вот так и ты, чтоб ни одной минуты
Ты обо мне не забывал!

607

Хоть и звучит здесь колокол вечерний,
Что говорит всем людям:
«Спать пора!» —
Но о тебе тоскою я полна,
И потому забыться сном не в силах!..

608

Любить того,
Кто вас не любит, —
И пользы нет, и нету смысла,
Как кланяться чертям голодным,
В буддийский храм придя молиться!

И в сердце даже
 Думы не имела
 О том, что вновь вернешься ты туда,
 В селенье старое,
 Где раньше я жила!

О, если б только ты здесь находился рядом,—
 Пусть даже я не видела б тебя,—
 Но слишком далеко
 Теперь ты от меня,
 И потому я оставаться здесь не в сплах...

611—612

Две песни, сложенные в ответ Отомо Яка-
моти

Не оттого ль, что думаю всегда
 О том, что вряд ли вновь мы встретимся с тобою.
 Вся грудь моя
 Так сильно в эти дни
 Наполнена тоскою безысходной!

И дальше мы с тобой
 Должны молчать,
 Зачем же вновь
 Мы начали встречаться?
 Ведь все равно ничем не кончится любовь...

613—617

*Пять песен принцессы Ямагути, посланные
Отомо Якамоти*

613

Говорят, когда о чем-нибудь тоскуешь,
Вряд ли не заметят это люди.
Только с этим я нисколько не считаюсь,
Постоянно о тебе тоскую,
Жить на этом свете — я не в силах!

614

О тебе, что мне в ответ
Любовь не дарит,
Понапрасну буду только в голос плакать,
Так что из-за слез насквозь промокнут
Рукава одежды белотканой...

615

Милый мой,
Пускай в ответ любовь не даришь,
Но покрытое шелками изголовье,
Что тебе принадлежит, любимый,
Пусть всегда мне снится в сновиденьях!

616

Пусть бранного меча клинок вонзили,—
Об имени моем
Не сожалею я,—
Ведь годы долгие до этого жила
Без встреч, любимый мой, с тобою!

617

Оттого ль, что все сильней любовь,
 Как прилив, что набегают с новой силой,
 Заливая берег,
 Где растёт камыш,—
 Не могу тебя забыть я, милый!

618

*Песня девицы из дома Омива, посланная Отомо
 Якамоти*

Средь ночи
 Призывающие друга
 Тидори! В час, когда грущу одна,
 Обиды и тоски полна,
 И вы кричите,— крепнет мое горе!

619

Песня упреков, сложенная Отомо Саканозэ

Словно корни камыша,
 Что уходят глубоко
 В землю в бухте Нанива,
 Озаренной блеском волн,
 Глубока твоя любовь,—
 Говорил ты мне тогда.
 Оттого, что клялся мне
 Верным быть в своей любви
 Ты на долгие года,—
 Сердце чистое свое,
 Словно чистый блеск зеркал,
 Отдала тебе навек.
 И был гранью этот день
 Для моей любви к тебе...
 Как жемчужная трава
 Клонится у берегов
 С набегающей волной,
 В эту сторону и ту,—
 В эту сторону и ту

Сердцем не металась я, —
Как большому кораблю,
Я доверилась тебе...
Сокрушающие мир
Боги ль разделили нас?
Или смертный человек
Нас с тобою разлучил?
Но тебя, что навещал
Каждой ночью, —
Нет теперь...
И гонца, что приходил
С веткой яшмовой, —
Все нет...
И от этого в душе
Нестерпима нынче боль!
Ягод тутовых черней —
Черной ночью напролет,
С ярко рдеющей зарей —
До конца весь долгий день —
Все горюю о тебе,
Но напрасна скорбь моя!
Все тоскую о тебе,
Но не знаю, как мне быть?
И недаром говорят
Все,
Что женщина слаба,
Словно малое дитя,
Только в голос плачу я
И брожу, блуждая, здесь.
Не дожидаться, верно, мне
Твоего гонца...

620

Казси-уга

Когда б ты с самого начала
Не уверял,
Что это — навсегда,
То разве тосковала б я
Так безутешно, как тоскую ныне?!

Песня жены Сахэки Адзумахито, посланная мужу

Не оттого ль, что обо мне
 Все время думаешь с любовью,
 Ты, что скитаешься в пути,
 Где травы служат изголовьем,
 Мне нынче грезнись во сне!

Ответная песня Сахэки Адзумахито

В пути, где травы служат изголовьем,
 Так много долгих дней скитаюсь я!
 И только о тебе
 Я полон нежной думы,
 Ты не тоскуй, любимая моя!

Песня, исполненная принцем Икэбэ на поэтическом турнире

Закатилась луна
 За иглы сосен,
 Листья алых кленов отцвели...
 Так же, как они, ушел и ты, любимый.
 И проходят ночи без тебя...

Песня, сложенная императором [Сёму] в тоске о принцессе Сакахито

О милая моя, о ком все говорят.
 Что стоит встретить на дороге,—
 И улыбнешься вмиг.
 А я тоскую так,
 Что, словно снег упавший, таю...

*Песня принца Такаясу, посланная им неизвестной
девице, когда он преподносил ей в подарок рыбу*

По берегу я шел,
Переплывал моря,
Прими же от меня в подарок карасей,
Что плавают среди морской травы,
Что выловил я только для тебя!

Песня принцессы Ясиро, преподнесенная императору [Сёму]

Из-за тебя
О нас шумит молва,
И потому святое очищенье
Я в водах Асука иду принять
В заброшенное старое селенье!

Песня девушки, посланная в ответ Сахэки Акамаро

Верно, рукава моей одежды
Думаешь своим ты сделать изголовьем,
Рыцарь доблестный,
В слезах я утонула,
Волосы покрылись сединою...

Ответная песня Сахэки Акамаро

То, что волосы покрылись сединою,—
Я не думаю,—
А вот про слезы,
Как бы ни было, уж так иль этак,
Допытаюсь о причине слез!

Песня Отомо Ёцуна, сложенная на поэтическом турнире

Почему, скажи мне,
Твой гонец пришел?
Я тебя ведь ждал, а не его,
В нетерпенье места я не находил,
Ожидая друга своего!

Песня Сахэки Акамаро

Ведь первые цветы
Осыпаться должны! —
Меня покинет дева молодая...
Но оттого, что велика молва людская,
Решиться не могу я к ней прийти!

631—632

Две песни принца Юхара, посланные неизвестной девице

В тебе сочувствия,
Я вижу, не найти,
Когда подумаю о том, как ты велела
Обратно мне домой идти,
Куда ведет такая дальняя дорога!..

Глазами вижу, но руками
Дотронуться не смею никогда,
Как лавр зеленый,
На луне растущий,—
Любимая моя,— что делать с ней?

633—634

Две песни, посланные девицей в ответ

633

Не оттого ли, что тоскуешь сильно,
Пригрезился ты мне во сне
На изголовье,
Крытом мягкой тканью,
К одной прижавшись стороне?..

634

И дома, находясь с тобою,
Я сколько ни гляжу, не нагляжусь,
А здесь, в пути,
Где изголовье — травы,
Мне радостно с супругом вместе быть!

635—636

*Еще две песни, посланные принцем Юхара
[той же девице]*

635

Хотя и взял с собою я жену
В далекий путь, где травы — изголовье,
Но все равно я здесь ее храню,
Как жемчуг дорогой в ларце,
Своей любовью!

636

Мою одежду
Я в знак памяти дарю!
И ты, не покидая изголовья, что крыто шелком,
Обними ее с любовью,
И вместе с ней ложись и спи!

Песня, посланная девицей в ответ

С одеждою, что ты, любимый мой,
 Мне подарил, когда мы были вместе,
 Как знак супружества,
 Не разлучусь вовек,
 Пускай она и бессловесна!

Еще одна песня, посланная принцем Юхара [той же девице]

С тех пор, как я с тобой расстался,
 Всего лишь ночь одна прошла,
 И все ж
 Покоя не найдет душа,
 Как будто месяцы прошли в разлуке...

Песня, посланная девицей в ответ

Не оттого ли, что, друг мой любимый,
 Ты полон все время глубокой тоски,
 В снах этих черных, как ягоды тута,
 Ты гредишься мне
 И заснуть не даешь...

Еще одна песня, посланная принцем Юхара [той же девице]

О твоём селе,
 И близком, и любимом,
 Словно о колодце дальнем облаков,
 Неизменно думаю с тоскою,
 А еще и месяц не прошел...

Песня, посланная девицей в ответ

Ты считаешь, что сказать: «Я порываю», —
 Это значит — поразить бедой,
 А каленый меч
 Приставить и не ранить,
 Разве это лучше, милый мой?

Песня принца Юхара

Я милую люблю
 И вот — обеспокоен:
 Напрасно думал я — лишь стоит полюбить
 И сразу, как на прялку нить,
 Легко к себе привлечь ее сумею!

643—645

*Три песни упрёков [придворной] дамы из
рода Ки*

Если б в этом мире,
 Суетном и бренном,
 Я была бы женщина простая,
 Воды Анасэ, что перейти хотела,
 Разве я тогда не перешла бы, милый?

Как я теперь
 Печалюсь и горюю,
 Когда подумаю, что отпустить могла
 Тебя, которого без памяти любила
 И берегла, как жизни этой нить...

645

Вот день приблизился,
Когда должны расстаться
Одежды нашей белотканой рукава,
И тяжко так на сердце у меня,
Что только в голос горько плачу!..

646

Песня Отомо Суругамаро

Бывает часто:
Рыцарь доблестный, любя,
Горюет без своей любимой,
А что печаль его,
Известна ль ей она?

647

Песня госпожи Отомо Саканозэ

Нет дня, чтобы в сердечной глубине
Я о тебе, любимый, позабыла,
Тоскую я.
Но не встречаться нам:
Из-за тебя шумит молва людская!..

648

Песня Отомо Суругамаро

Немало долгих дней
Прошло без встреч с тобою,
И вот теперь, в разлуке, без меня,
Как ты живешь, ты счастлива ли ныне?
Тревожусь я, любимая моя!

Песня госпожи Отомо Саканоз

Травы летние кудзу не рвутся...
 И гонец твой приходил ко мне всегда...
 Нынче ж нет его —
 И я полна тревоги:
 Кажется, нагрянула беда!

*Песня Отомо Миёри, в которой он радуется новой
встрече после [долгой] разлуки*

Как видно, ты жила, любимая моя,
 В стране бессмертья,
 Там, где старости не знают:
 С тех пор, как в старину мы виделись с тобой,
 Ты снова юной и прекрасной стала!

651—652

Две песни госпожи Отомо Саканоз

С небес извечных
 Вновь упали
 На землю иней и роса.
 И те, кто оставались дома,
 Меня с любовью, верно, ждут.

Владельцу жемчуга
 Жемчужину отдав,
 Уж как-нибудь
 С подушкой своею
 Теперь вдвоем попробую я спать!..

653—655

Три песни Отомо Суругамаро

653

В душе
Тебя я никогда не забывал,
Но много было дней, когда случайно
Тебя, любимая, я просто не встречал.
Ах, целый месяц миновал в разлуке...

654

Ведь месяца еще не миновало,
Как были мы с тобой вдвоем,
И если б я сказал,
Что я тоскую,
Наверно, ты сочла б меня лжецом!

655

О, если бы, не чувствуя любви,
Мои уста тебе солгали,
То боги неба и земли
Про ложь мою немедленно б узнали,—
Не сомневайся же во мне!

656—661

Шесть песен госпожи Отомо Саканозэ

656

Ведь только я, увы,
Любви к тебе полна!
А то, что милый мой
Мне говорит, что любит,—
Его слова — услада лишь одна!

657

Хоть говорила я тебе,
 Что больше я любить не буду,
 Но сердце бедное мое! —
 Оно меняется легко,
 Как лепестки цветов ханэдзу...

658

Я ведь знаю,
 Что сколько ни буду грустить,
 Не получит любовь никакого ответа,
 Почему же тебя продолжаю любить
 Так сильно, так много?..

659

С давних пор
 Шумит молва людская.
 Если продолжаться будет так всегда —
 Горе нам! Скажи мне, мой любимый,
 Что нам впереди сулит судьба?

660

Эти люди меня разлучают с тобою,
 Чтобы мы разошлись навсегда, —
 Я и ты.
 Мой любимый, тебя умоляю я ныне, —
 Ты не слушай людской клеветы!

661

Когда, измучившись в тоске,
 Встречаюсь я с тобой, —
 Хотя б в минуты эти
 Ты нежные слова скажи мне до конца,
 Коль думаешь любить меня навек!

Песня принца Итихара

У мыса Садэносаки,
 Который сотнями рядов от глаз скрывает
 Цепь гор далеких Агонояма,
 Садэ расставившее милое дитя
 Пригрезилось мне ныне в сновиденье...

Песня Ато Тосигари

О милое дитя, прелестная жена,
 Что горячо любима мною,
 Чей голос дорогой похож на пенье птиц,
 Что, пролетев Сахо,
 Поют под кровлей дома!

Песня Отомо Катами

Пусть боги берегов морских шумят,
 Пусть льют дожди в Исоноками,
 О, помешает ли поток дождя,
 Раз я сказал, любимая моя,
 Что мы увидимся с тобою?

Песня Абэ Мусимаро

Смотрю все время на тебя,
 Но не могу налюбоваться,
 И как с тобою мне расстаться
 И от тебя уйти,
 Не знаю я...

666—667

Две песни госпожи Отомо Саканозэ

666

С тех пор, как виделись с тобою,
Не так уж много
Дней прошло,
А я не нахожу покоя,
Все время я живу в тоске!..

667

Измучившись в тоске,
Я наконец с тобою!
Еще луна не скрылась в небесах
И, значит, ночь укроет нас от взоров...
Побудь еще немного, подожди!

668

Песня принца Ацуми

Не такой ты человек, мой милый,
Чтоб любовь к тебе исчезла навсегда,
Как белые проходят облака
Над дальнею горой, где с каждым днем и утром
Пурпурнее становится листва...

669

Песня принца Касуга

Румянцем алым, как плоды у померанцев,
Средь распростертых гор
Любовь свою открой!
И будем мы рассказами делиться
И будем видеться с тобой!

670

Песня принца Юхара

О, приходи сюда
На свет луны,
Не далека ко мне дорога
И распростертых гор
Нет на твоём пути...

671

Ответная песня

Хоть озаряют чистым светом
Ночную мглу лучи луны,
Но все равно —
Мятущееся сердце
Решить не в силах, надо ли идти...

672

Песня Абэ Мусимаро

Как дешевый перстень иль запястье
В счет не входят,
Так и жизнь моя...
Почему же продолжаю я
Милую любить с такою силой?

673—674

Две песни госпожи Отомо Саканозэ

673

О, если сердце чистое такое,
Как в алтарях святые зеркала,
Ты милому однажды отдала,
То пусть потом заговорят об этом, —
Что будет значить для тебя молва!

Как на нить нанизывают жемчуг,
Повторяют, словно клятву, те слова:
«И теперь, и после, навсегда!»
Но напрасно: после первой встречи,
Говорят, жалеют о своих словах!

675—679

*Пять песен девушки из дома Накатоми, по-
сланные Отомо Якамоти*

675

На болотах Саки, там, где расцветают
Нежных оминаэси цветы,
Все покрыли ныне ханакацуми...
Никогда такой любви не знала,
Что теперь я чувствую к тебе!

676

С тобой, к кому любовь
Чем дальше — глубже,
Как дно морское, что уходит вглубь,
С тобой я непременно встречусь,
Пусть даже годы длинные пройдут!

677

О, как тоскую я о человеке том,
Которого совсем не знаю,
В ком не уверена, как в этих облаках,
Что по утрам стоят
Над Касуга-горою!..

О, если б только встретиться с тобою,
 Побывать бы мне с тобой наедине,
 Быть может, было бы покончено с тоскою,
 Что губит понапрасну жизнь мою,
 Сверкающую яшмой драгоценной...

О, если б ты сказал мне «нет»,—
 Твоей любви не добивалась бы я силой,
 Любимый мой, глубоки корни сугэ,—
 Глубоко было бы отчаянье мое,
 И о тебе всю жизнь я б тосковала!

680—682

*Три песни Отомо Якамоти, сложенные в раз-
 луке с другом*

О, верно, слышал ты
 Про злую клевету,
 Которой разлучить хотят нас люди,
 Ждал с нетерпеньем я,
 Но не явился ты!

Когда бы ты сказал,
 Что лучше все порвать,
 То разве стал бы я,
 Нить жизни обрывая,
 С отчаяньем таким о друге тосковать?

682

Пусть ты в ответ
Любви своей не даришь,
Но все равно
Люблю я горячо,
Любви своей все сердце отдавая...

683—689

Семь песен госпожи Отото Саканоз

683

О, это сторона,
Где страшен суд молвы,
И потому прошу тебя, любимый,
Смотри, чтоб алый цвет тебя не выдал,
Пусть даже ты погибнешь от тоски!

684

Теперь
Пускай умру, любимый мой!
Ведь даже если б я осталась жить,—
Ты не сказал бы, верно, никогда
О том, что будешь навсегда моим!

685

Молва людская, словно заросли кругом,
И оттого, мой друг любимый,
Двойными ножнами стал для меня наш дом,
Ушла я из него и буду жить в разлуке,
Тоскую без конца всю жизнь о тебе...

686

Это время —
Как будто бы тысячи лет
Миновали с тех пор, как разлука пришла...
Или это тоскую так сильно лишь я,
Мечтая все время о встрече с тобой?

687

О любящее мое сердце,
Что думает: «Прекрасен ты!»
Оно, как воды быстрые реки:
Пусть плотины не дадут бежать потокам,
Те все равно сметут помехи на пути!

688

Заметно для других, подобно облакам,
Что горы голубые рассекают,
Прошу тебя,
Ты, улыбаясь мне,
Не делай так, чтоб люди догадались!

689

Ни горы, ни моря
Не разделяют нас,
Но почему мы редко стали
И видаться,
И говорить с тобой?..

690

Песня, в которой Отомо Миёри печалится о разлуке

Сияющее солнце это
Они мне делают ужасной тьмой,
О слезы горькие!
Насквозь одежды влажны,
И нет тебя, что высушила б их!

691—692

*Две песни Отомо Якамоти, посланные неиз-
вестной девице*

691

Сто чинов придворных,
Слуг придворных много,
Но средь них одна — любимая моя,
Та, что безраздельно сердцем моим правит,
Та, что постоянно в думах у меня!

692

Безжалостная милая моя
О жалости ко мне совсем забыла!
Когда подумаю —
Ведь до каких границ
Ты человеческое сердце иссушила!

693

Песня Отомо Тимуро

Ужели суждено мне только тосковать,
И не пройдет вовек моя тоска,
Как не проходят в небе облака
Над полем Акицу,
Что тянутся грядю...

694—695

Две песни принцессы Хирокава

694

Коигуса — «любовь-траву»,
Что восемь заняла б возов,
Я на один сложила воз...
Копила долго я любовь,—
И в этом сердце виновато!

695

«Не будет теперь любви»,—
Подумала я про себя...
Но вот —
Откуда пришла любовь?
И схватила, скрутила вмиг?

696

Песня Исикава Хиронари

Разве пройдет тоска
По людям, что дома ждут?
В Идзумо — дальнем селе,
Где лягушки кричат,—
Долгие годы прошли...

697—699

Три песни Отомо Катами

697

Не говори,
Чтоб ни о чем не слышать!
Как скошенная на лугах трава разбросана,—
В смятение мои думы —
Тревожит их твоя судьба!

698

Как облака, что утренней порою
 Над полем Касуга, клубясь на небесах,
 Густеют все сильней,—
 Растет моя любовь
 Сильнее с каждым месяцем и днем!

699

Как быстрая вода, текущая меж скал,
 Что много тысяч раз помехи встретит,
 Чтобы одним потоком стать в конце,—
 И мы с тобой потом соединимся,
 Пусть даже встречам не бывать теперь!

700

Песня, сложенная Отомо Якамоти у ворот возлюбленной

Ужель, придя к любимому порогу,
 Тебя не увидав,
 Покинуть вновь твой дом,
 Пройдя с мученьем и трудом
 Такую дальнюю дорогу!

701—702

*Две песни девы Коти Момоэ, посланные
 Отомо Якамоти*

701

При встрече случайной едва-едва
 Человека чужого заметила я,
 В какой это будет,
 В какой же день
 Я издали снова увижу его?

702

Месяц ясный в ту черную ночь,
Словно черные ягоды тута,
До сих пор
Не могу я забыть,
И все время полна я тоски!

703—704

Две песни девы Камунагибэ Масо

703

Со дня того, как виделись с тобою,
Любимый мой,
До нынешнего дня,
Одежды белотканой рукава
Минуты даже не были сухими.

704

Я хочу, чтоб жизнь моя была
Долгою и прочной,
Что канат,
Оттого что без конца хочу
Любоваться на тебя, любимый мой!

705

Песня Отомо Якамоти, посланная молодой девице

Деву юную, прелестную, в венке,
Что зовется ханэкадзура,
Я во сне однажды увидал...
И с тех пор в сердечной глубине,
Продолжаю я ее любить...

Ответная песня девицы

Здесь девы юной и прелестной
 Нет в венке,
 Что называют ханэкадзура, —
 К какой же это девушке, скажи,
 Горит любовью сердце бедное твое?

707—708

*Две песни девы Аватамэ, посланные Отомо
 Якамоти*

707

Не знаю я,
 Как справиться с тоскою,
 И оттого еще сильней люблю —
 Достигла горького предела
 Любви, отвергнутой тобой!

708

Неужели встретиться с тобою
 Мне отныне больше не судьба,
 Белотканый мой рукав
 Я заколдую,
 И тебе, любимый, я не дам уйти!

709

Песня Оякэмэ, девы из провинции Будзэн

Во мраке ночи
 Неспокоен путь, —
 Луну ты подожди
 И выходи, мой милый!
 Хотя бы в этот миг мне на тебя взглянуть!

Песня девы Ато Тобира

При блеске месяца, плывущего по небу,
 Я встретила тебя всего один лишь раз,
 Мельком взглянул,
 И ныне в снах
 Ты гредишься мне постоянно!

711—713

Три песни девы Таниха Омэ

711

В том пруду,
 Где утки серые резвились,
 Облетев с деревьев, закачались листья...
 Я же никогда не буду колебаться,
 И навеки верным будет это сердце...

712

Оттого ль, что грех рукой коснуться
 Криптомерии, что чтят
 Жрецы из Мива,
 Где богам вино подносят люди,—
 Мне с тобою встретиться так трудно?

713

Услышав про молву людскую,
 Что словно изгородь меж нами поднялась,
 Любимый мой
 Колеблется душою,
 И эти дни свиданий нет у нас.

714—720

*Семь песен Отомо Якамоти, посланных не-
известной девице*

714

В душе
Всегда храню любовь к тебе,
Но не судьба нам встретиться с тобою,
И горя, и тоски я полон!
Лишь издали любуюсь на тебя...

715

По чистой отмели
У переправы,
Проехав на коне через Сахо,
Где раздается пение тидори,
Когда достигну дома твоего?

716

Ни дня, ни ночи
Я не различаю,
Тоскою по тебе
Полна душа моя,
Наверное, во сне ты видела меня?

717

Того человека,
Что пощады, как видно, не знает,
Я люблю безответной любовью...
И от этой любви
Так печально на сердце...

718

Вдруг неожиданно
Увидел я во сне
Улыбку нежную любимой девы,
И в сердца скрытой глубине
Горит огонь, не угасая...

719

Я думал о себе, что рыцарь я,
Исполненный и мужества, и силы,
А сам лишь чахну все сильнее и сильнее,
Любя тебя,
Тобою нелюбимый!

720

На тысячи мелких кусков
Сердце мое раскололось,—
Так сильно
Тебя люблю я.
Ужель ты не знаешь об этом?

721

Песня, поднесенная императору [Сёму]

Ведь я живу
Средь распростертых гор,
Столичного не знаю обхожденья,
Прошу к моим поступкам снисхожденья,
За них не сетуй на меня!

Песня Отомо Якамоти

Чем жить мне так,
 Как я живу,
 Чем без тебя в тоске томиться,
 Хотел бы в дерево, в скалу я превратиться,
 Чтоб ни о чем не тосковать!

Песня Отомо Саканоэ, посланная из имения Томи старшей дочери, оставшейся дома

Хоть и уходила я
 Не на век, не в дальний край,
 Но хозяйюшка моя,
 Дорогая дочь моя
 Все стояла у ворот,
 С грустной думой
 Глядя вдаль.
 Ягод тутовых черней
 Ночь ли, день ли — все равно
 Не могу о ней забыть,
 Истомилась без нее,
 Исхудала от тоски.
 И от горя моего
 Вечно влажны рукава!
 Если буду я о ней
 Так безумно тосковать,
 То в селе моем родном,
 Верно, не смогу прожить
 Даже месяц без нее...

Каэси-ута

Как утром пряди разметававшихся волос,—
 В смятенье думы нежные твои,
 И, верно, оттого,
 Что ты в такой тоске,
 Тебя я видела сегодня в снах...

725—726

*Две песни, преподнесенные императору
[Сёму]*

725

О вода прозрачная в пруду,
Где ныряют утки ниодори,
Если жалость есть в тебе, вода,
Дай тогда увидеть государю
Сердце, полное любви к нему!

726

Чем жить, всегда тоскуя о тебе,
Лишь издали любуясь на тебя,
Хотела б уткой стать,
Живущей на пруду
У дома государя моего!

727—728

*Две песни Отомо Якамоти, посланные стар-
шей дочери Отомо Саканоэ*

727

Траву «позабудь»
Я на шнур свой повесил,
Но сделал напрасно:
Постылая эта трава!
Название ее оказалось пустыми словами...

Страны, где не было б совсем людей,
 Такой страны ужели нет на свете?
 Чтобы уйти туда
 С любимой моей
 И с ней наедине забыть страдания эти!

729—731

*Три песни старшей дочери Отомо Саканоз,
 посланные Отомо Якамоти*

729

Когда бы ты был яшмой дорогой,
 Тебя надела бы на руки.
 Но в мире суетном
 Ты просто человек,
 И удержать тебя мои бессильны руки...

730

С тобой ночами виделись всегда...
 Но отчего же
 Из-за встречи прошлой ночью
 Шумит теперь, не умолкая,
 О нас с тобою злобная молва?

731

Пускай на тысячи ладов
 Шумит молва,
 Мне все равно, что с именем моим,
 Но имени коснулись твоего,—
 Тебя жалея, горько плачу!

732—734

*Еще три песни Отомо Якамоти, посланные
в ответ [старшей дочери Саканоэ]*

732

О, ныне для меня все это не кручина,
Об имени своем не сожалею я,
Теперь я не такой...
И если ты — причина,
Пусть сотни раз шумит о нас молва!

733

В этом мире бренном и непрочном,
Разве снова нам придется жить?
Почему же,
Не встречаясь с милой,
Буду ночи проводить один?

734

Чем так мне жить, страдая и любя,
Чем мне терпеть тоску и эту муку,—
Пусть стал бы яшмой я,
Чтоб милая моя
Со мной осталась бы, украсив яшмой руку!

735

*Еще одна песня старшей дочери Саканоэ, послан-
ная Якамоти*

Вершина Касуга
Подернулась туманом,
И сердце грусть заволокла...
О, в эту ночь, когда луна сияет,
Смогу ли я уснуть без милого, одна?

*Еще одна песня Якамоти, посланная в ответ старшей
дочери Саканозэ*

В ту ночь, когда луна была светла,
Вставал и выходил я за ворота,
Гадал у перекрестка на слова
И на шаги — так я хотел тогда
К тебе, моя любимая, прийти!

737—738

*Две песни старшей дочери Саканозэ, послан-
ные Якамоти*

737

Пусть что угодно
Говорит молва,
Но все равно, — как на пути в Вакаса
Гора «Потом, любимый» поднялась, —
И мы потом увидимся, любимый!

738

О этот мир и бренный, и унылый!
Как тяжело порой бывает жить,
Когда подумаешь —
Любить уже нет силы,
И суждено лишь умереть!

739—740

*Еще две песни Якамоти, посланные в ответ
старшей дочери Саканозэ*

739

Гора Потом, Любимый...
Оттого лишь,
Что ты сказала мне: увидимся потом,—
Тот человек, что умереть бы должен,
Находит силы жить еще теперь!

740

Не будут ли все это лишь слова,
Что после мы увидимся с тобою?
Всем сердцем хочешь ты,
Чтоб верил в это я,
А, может, мы не встретимся с тобою?..

741—755

*Еще пятнадцать песен Отомо Якамоти, по-
сланных старшей дочери Саканозэ*

741

О, эти встречи
Только в снах с тобою,—
Как это сердцу тяжело...
Проснешься — ищешь, думаешь — ты рядом.
И видишь — нет тебя со мной...

742

Даже пояс,
Которым один раз меня обвязала
Дорогая моя,
Я три раза могу обвязать.
Вот что стало со мною!

743

О несчастная моя любовь!
Даже если семь тяжелых скал,
Что под силу только тысяче людей,
Целиком взвалил бы на себя —
Мне не вызвать жалости богов!

744

Как только наступает вечер,
Я открываю дверь в свой дом
И жду любимую,
Что в снах мне говорила:
«К тебе я на свидание приду!»

745

И ночью, и утром
Пусть видимся мы,
Но кажется мне,
Что не видел тебя,
И только сильнее тоска...

746

В бренном этом мире, где я прожил долго,
Я еще не видел красоты такой...
Слов не нахожу —
Такой занятный
Маленький мешочек, вышитый тобой.

747

Одежду, что в знак памяти дала
Моя любимая,
Я вниз надену.
До дня, пока вдвоем не буду с нею,
Одежду эту не сниму!

748

Пускай умру я от любви к тебе.
Живу или умру — одни и те же муки.
Так для чего же из-за глаз людских,
Из-за людской молвы
Я мучаю себя?

749

Хотя бы в снах увидеть тебя,
Тогда еще можно жить.
Но жить вот так,
Не видя тебя,
Не лучше ли мне умереть?

750

Всегда конец любви
Несет печаль с собой!
Другое — у меня:
Мне почему-то тяжело
Начать встречаться, милая, с тобой!

751

После встречи с тобою
И дня не минуло,
А как я тоскую,
Все больше и больше,
Теряя рассудок...

752

Когда я тоскую так сильно,
И вижу твой облик
Лишь в думах,—
Как быть мне, что делать, не знаю,
Здесь глаз осуждающих много!..

753

Я думал всегда, если встречу с тобою,
Ненадолго, быть может, успокою тоску.
Но напрасно я думал:
Все сильнее и сильнее
Растет после встречи тоска!

754

Когда я уходил домой
Рассветной раннею порою,
Моя любимая
Была полна тоски,
И грустный образ все стоит передо мной...

755

Шел от тебя домой
Рассветною порою,
И оттого, что это было много раз,
Грудь у меня как будто раскололась
И пламенем пылала в этот час.

756—759

*Четыре песни, посланные старшей дочерью
из дома Отомо в Тамура старшей дочери
Саканоэ*

756

Быть вдалеке,
Когда ты любишь, — тяжело...
Придумай так,
Чтоб с милою сестрой
Мне быть бы вместе день-деньской!

757

Когда ты далеко, печалюсь и терплю,
Но слышать постоянно,
Что близко ты живешь от моего села,
И никогда тебя не видеть, —
Вот я о чем безудержно скорблю!

758

Так высоко, как горные вершины,
Где белые простерты облака,
Любимая моя сестра...
О, если б я могла
Увидеться теперь с тобою!

759

Ну как, скажи,
Когда-нибудь сюда,
В мой жалкий дом,
Поросший всюду мохом,
Быть может, ты войдешь, побудешь у меня?

760—761

Две песни Отомо Саканоэ, посланные старшей дочери из поместья Такэда

760

Как плачущий журавль
Среди равнин Такэда,
Раскинувшихся далеко вокруг,
И день, и ночь тоскует о подруге,—
Так я тоскую о тебе!

761

Полна тоски,
Опоры не имея,
Как птица средь теченья
Быстрых рек,
О ты, дитя мое, как я тебя жалею!

762—763

Две песни придворной дамы из рода Ки, посланные Отомо Якамоти

762

Не избегаешь нашей встречи,
Не говоришь, что постарела я,
О, большей частью
Грусть приходит позже,
Когда такая встреча уж была!

763

Ведь яшмовую нить скрепили
Такие прочные особые узлы,
И потому
Не можем мы
Не повстречаться вновь с тобою!

764

Песня Отомо Якамоти, посланная в ответ

Пусть тебе исполнится сто лет
И дряхлый твой язык
И бормотать не сможет,
Я все равно тебя не стану избегать;
Забота о тебе любовь мою умножит!

765

*Песня Отомо Якамоти, сложенная им, когда в столице
Куни он тосковал о старшей дочери Саканоэ, остав-
ленной в Нара*

Пусть цепь далеких гор
Нас разделяет.
Ночь лунная светла,
И, стоя у ворот, любимая моя
Меня, быть может, поджидает!

766

*Песня девицы из дома Фудзивара, сложенная в ответ
на услышанную песню [Отомо Якамоти]*

Дорога далека...
Любимая ведь знает,
Что к ней поэтому навряд ли ты придешь,
Но все ж стоит и, верно, ожидает,
Мечтая увидеть тебя!

767—768

*Еще две песни Отомо Якамоти, посланные
старшей дочери Саканоэ*

767

Не оттого ль, что далеки
Пути в столицу, —
Ты далека, любимая моя!
Все это время в снах тебя не вижу я,
Хотя не раз молил богов об этом!

768

В Куни, где ныне правят всей страной,
В разлуке с милой провожу я дни
Уже давно
И все мечтаю:
Уехать бы, увидеться скорей!

769

*Песня Отомо Якамоти, посланная в ответ придвор-
ной даме из рода Ки*

О, в эти дни, когда все время льют
С небес извечных на землю дожди,
Когда я здесь
Совсем один средь гор,
Как преисполнен я мучительной тоски!

770—774

*Пять песен Отомо Якамоти, посланные из
столицы Куни старшей дочери Саканозэ*

770

Лишь потому, что много глаз людских,
Мы не встречаемся с тобою.
Но даже в сердце, я не скрою,
Нет мысли у меня
Тебя забыть!

771

И даже в лжи
Всегда есть доля правды!
И, верно, ты, любимая моя,
На самом деле не любя меня,
Быть может, все-таки немного любишь?

772

Я развязал свой шнур в надежде,
Что хоть во сне
Увидимся с тобой,
Но, видно, ты о встрече не мечтаешь,
Поэтому и в снах не снишься мне.

773

Ведь даже дерево безгласное и то
Цветы обманные адзисаи имеет,
Что могут обмануть и жителей села,
Таких искусных, как Моротора.
Я вижу, что тобою я обманут!

774

Пусть тысячу мне раз
Ты скажешь, что любим,
Но все равно словам искусным этим,
Не уступающим словам Моротора.
Я не могу уже поверить!

775

*Песня Отомо Якамоти, посланная придворной даме
из рода Ки*

С тех пор как старое село покинул,
Где плачут птицы удзура,
Тоскую о тебе...
Но что могу я сделать? —
С тобою встретиться надежды нет!

776

*Песня придворной дамы из рода Ки, посланная в от-
вет Якамоти*

О, сказанные только что слова,
Кем сказаны, чьи были те слова? —
Ведь словно на полях среди гор вода,
Где поднялась рассада риса,
Стоишь на месте ты и не спешишь сюда!

777—781

*Еще пять песен Отомо Якамоти, посланных
придворной даме из рода Ки*

777

О, если бы пошел взглянуть я на плетень
У дома, где живет любимая моя,
Тогда, наверно б,
Сразу от ворот
Она вернула бы назад меня!

778

Могу ли уверять,
Что я иду к тебе,
Мечтая поглядеть на дивный твой плетень?
О нет! Иду, любимая, к тебе
Лишь для того, чтоб на тебя взглянуть!

779

Что до дерева, покрытого корой,
Из которого ты хочешь сделать крышу,—
Горы близко,
Завтра все достану,
Все тебе я принесу домой!

780

Пусть деревья принесу с корою,
Буду помогать, траву срезая,
Все равно
Меня хвалить не будешь
И не скажешь мне: «Какой прилежный!»

781

Ночью черной, как черные ягоды тута,
Вчера ты домой отослала с порога...
Хоть сегодняшней ночью
Не вели мне вернуться,—
Ведь такую далекою шел я дорогой!

782

*Песня девушки из рода Ки, посланная подруге вместе
с подарком*

Ветер бушевал у берегов,
Но меня не испугал тот ветер:
Для любимой,
Даже омочив рукав,
Я жемчужные срезала травы...

783—785

*Три песни Отомо Якамоти, посланные неиз-
вестной девице*

783

И позапрошлый год,
И год прошедший,
И этот год — все также я люблю,
Но деву милую мою
По-прежнему мне трудно встретить!

784

Наяву —
Опять сказать нельзя...
О, пусть бы хоть во сне я мог увидеть,
Что изголовьем, на котором сплю,
Мне служат рукава моей любимой!

785

Как белая роса, что, засверкав, легла
На травах возле дома моего,
Так жизнь
Недолговечна, как роса,
Но мне ее не жаль, раз нет с тобою счастья!

786—788

Три песни Отомо Якамоти, посланные Фудзивара Кусумаро

786

Весенние дожди
Все льют и льют...
А вот цветы на белой сливе
Еще до сей поры никак не расцветут,—
Не оттого ль, что слишком молодая?

787

Ах, мнится мне,
Как будто сон все это,
Когда приходит
От любимого, тебя,
По многу раз гонец в знак твоего привета!

788

Посадил я
Слишком молодую сливу,
Что еще цветами даже не цвела,
И шумит о нас кругом молва,
Оттого я и тоскую ныне!

789—790

Еще две песни Якамоти, посланные Фудзивара Кусумаро

789

С какой тоской
Мечтаю я теперь,
О, если б в час, когда туман весенний
Легчайшей дымкой стелется вокруг,
Пришли бы вести от тебя, мой друг!

О, были б только сказаны слова,
 Что прошумели бы, как шум весенних ветров,
 А время пусть идет...
 Пусть нынче не судьба...
 Но будет все лишь так, как ты желаешь...

791—792

Две ответные песни Фудзивара Кусумаро

791

Глубоки корни сугэ, что растут
 В тени у скал,
 В ущелье горном.
 И так же глубоко тебя любя,
 Я разве не плачу взаимною любовью?

792

Ведь, говорят, дождей весенних ждут,
 Как видно, в этом нынче дело.
 Ах, слива юная
 У дома моего
 Еще раскрыть бутоны не успела!

КНИГА ПЯТАЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

793

Песня, сложенная Отомо Табито, генерал-губернатором Дадзайфу, в ответ на соболезнование [по поводу кончины его жены]

Теперь, когда известно мне,
Что мир наш суетный и бренный,
Ничтожный и пустой,—
Все больше, все сильнее
Я тяжкой скорби преисполнен!

794

Плач <Яманос Окура>

В дальней стороне,
Где правление вершит
Наш великий государь,
Там, где яркие огни
Зажигают на полях,
Там Цукуси есть страна.
Словно малое дитя
Плачущее, в ту страну
Ты, тоскуя,
Прибыла.
Не успели мы вздохнуть
И побыть с тобой вдвоем,
Не успели миновать месяцы, года,
За такой короткий срок

Что и сердцем не гадал,
Надломившись, ты слегла.
Что сказать, что делать мне, —
Я в отчаянье не знал.
У деревьев и у скал
Я хотел найти ответ,
Но ответа не нашел.
Если б дома ты была,
Я бы облик видел твой...
Но, несчастная жена,
Божество мое, скажи,
Что ты думала тогда
Обо мне в последний час?
Вдруг, нарушив наш обет,
Что давали мы с тобой,
Обещая быть всегда
Вместе, рядом, как в воде
Утка с селезнем своим, —
Ты оставила наш дом
И покинула меня...

795—799

Каэси-ута

795

Домой возвратившись,
Как быть, что мне делать?
Как тяжело мне будет
В покинутой спальне
Увидеть на ложе твое изголовье!

796

Как жаль безгранично мне доброе сердце
Любимой жены, что, любя и тоскуя,
Ко мне прибыла
Из далекого дома,
Чтоб вместе со мною прожить так недолго...

797

Как об этом сожалею я...
Если б мог заранее я знать,
Что случится с нею страшная беда,
Здесь, в стране прекрасной зеленю листвы,
Сколько бы я мог ей показать!

798

Верно, лепестки лиловые ооти,
На которые любила ты смотреть,
Все опали...
Только слезы, что струятся,
Высохнуть не могут до сих пор...

799

Над горою ближнею Оону,
Подымаясь, расстилается туман...
Из-за ветра —
Вздохов горести моей —
Подымаясь, расстилается туман...

800

*Песня, посвященная обращению на истинный путь
заблудшего сердца*

Глядя на отца и мать,
Люди почитают их,
Глядя на жену, детей,
Люди нежно любят их.
В мире здесь
Закон таков!
Как приманка — птица,
Крепко держит всех закон!
От него уйти нельзя!
И упрямый человек,
Что идет, презрев его,
Как бросают, сняв с ноги
Стоптаный башмак,

Не из дерева ль такой,
Не из камня ли, скажи,
Сделан этот человек?
Имя назови свое!
Коль уйдешь на небеса,
Делай там, что хочешь ты,
Коль живешь ты на земле,—
На земле есть государь.
Здесь, под солнцем и луной,
Озаряющими мир,
До пределов, где плывут
В дальнем небе облака,
До пределов, где ползет
По долинам дальним тварь,
Он правление вершит
На просторах всей страны!
Так иль эдак
Делать все, что на ум тебе взбредет,—
Допустимо ли, скажи?

801

Каэси-ута

В небеса путь не простой,
Чем стремиться в эту высь,
Лучше
Поверни домой,
Нужным делом там займись!

802

Песня [Яманоз Окура], сложенная в думах о детях

Дыни ли отведаю —
Вспомнишься ты мне,
Каштанов ли отведаю —
Стремлюсь к тебе вдвойне.
Откуда только взялся ты
Назойливый такой?
Все пред глазами вертишься,

Стоишь передо мной!
Одними лишь заботами
Мне наполняешь грудь,
Из-за тебя спокойным сном
Я не могу уснуть!

803

Каэси-ута

Для чего нам серебро,
Золото, камня эти?
Все ничтожно.
Всех сокровищ
Драгоценней сердцу дети!

804

*Поэма сожаления о быстротечности жизни <Яmanoэ
Окура>*

Как непрочен этот мир,
В нем надежды людям нет!
Так же, как плывут
Годы, месяцы и дни
Друг за другом вслед,
Все меняется кругом,
Принимая разный вид.
Множество вещей
Заполняют эту жизнь
И теснятся на бегу,
Чтобы вновь спешить вперед.

С женщин мы начнем.
Женщине привычно что? —
Жемчуг дорогой
Из чужих краев надеть,
Любоваться им,
Белотканым рукавом
Другу помахать в ответ
Или алый шлейф —
Платья красного подол, —
Идя, волочить

И с подругою своей,
Взявшись за руки,
Играть —
Вот он радостный расцвет
Жизни сил!
Но тот расцвет
Удержать нельзя. —
Все пройдет:
На прядь волос,
Черных раковин черней,
Скоро иней упадет,
И на свежесть
Алых щек
Быстро ляжет
Сеть морщин.

А теперь — мужчин возьмем.
Рыцарям привычно что?
Славный бранный меч
Крепко привязать к бедру,
Крепко в руки взять
Стрелы счастья,
Оседлать
Своего коня
И, красуясь так в седле,
Забавляясь, разъезжать.

Мир, в котором мы живем,
Разве прочен он?
Там, где сладко девы спят,
Рыцари, сойдя с коней,
Двери распахнут
И приблизятся
И рук яшмовых рукой
Чуть коснутся — и тотчас,
Обнимая юных дев,
Руки вмиг переплетут
И в объятьях
До зари
Будут вместе спать.
Но глянь!
Нет этих ночей:
Вот уж с посохом в руках,
Сгорбившись,

Они бредут,
И теперь — они
Презираемы людьми,
И теперь — они
Ненавидимы людьми.
В мире здесь конец таков
Яшмою сверкающей
Юной жизни
Жаль тебе, —
Но бессилен ты.

805

Каэси-ута

Ах, неприступным, вечным, как скала,
Хотелось бы мне в жизни этой быть!
Но тщетно все:
Жизнь эта такова,
Что мы не в силах бег ее остановить!

806—807

*Две песни генерал-губернатора Дадзайфу
царедворца Отомо [Табито]*

806

Эх, коня бы сейчас,
Что подобен дракону,
Чтоб умчаться
В столицу прекрасную Нара,
Среди зелени дивной!

807

Наяву нам, увы, не встречаться с тобою,
Но хотя бы во сне
По ночам этим черным,
Что черны, словно черные ягоды тута,
Ты всегда бы являлся ко мне в сновиденьях!

808—809

*Две песни, посланные в ответ [другом Отомо
Табито из столицы]*

808

Скакуна, что подобен морскому дракону,
Я искать буду всюду,
Для того чтоб приехал
Ты скорее в столицу прекрасную Нара,
Среди зелени дивной!

809

Не увидеться нам с глазу на глаз с тобою,
И надолго, наверное, будет разлука.
Что же, буду являться к тебе в сновиденьях,
Не разлучаясь с твоим изголовьем,
Мягкою шелковой тканью покрытым...

810—811

Отомо Табито почтительнейше подносит

Японское кото из павлонии,
из боковой ветви с горы Юнсияма
на острове Цусима

Это кото, во сне превратившись в юную деву, сказало: «На далеком острове, на высокой горе пустила я корни. Мой ствол озарял прекрасный свет восходящего солнца. Долго окутанная туманами, бесцельно жила я среди рек и гор, любуясь издали волнами, вздымающимися от ветра, и не знала, буду я служить какой-нибудь цели или не буду. И боялась лишь одного: что пройдут сотни лет и напрасно буду гнить я среди этих долин. И желала лишь одного: чтоб пришел настоящий мастер, срубил бы меня и сделал маленькое кото и, несмотря на звук мой слабый и вид мой грубый, стала бы я постоянным спутником просвещенного человека».

Когда это будет,
И день тот настанет,
Чтоб стали моим изголовьем колени
Того человека, что любит и знает
Звук песни?

И в ответ ей сказал я:

Пусть ты всего лишь
Безгласное дерево,
Стать должно ты отныне
Излюбленным кото —
И всегда находиться возле милого друга!

И девушка-кото, отвечая, сказала мне: «С почтением выслушала я ваши добрые слова и очень, очень счастлива». Тут я тронулся, тронутый ее словами, услышанными в сновидении, глубоко взволнованный, не могу хранить молчания, поэтому через посла, едущего в столицу, подношу вам этот скромный дар и почтительно докладываю обо всем. Простите за неискусность.

Седьмой день десятого месяца первого года Тэмпё [729 г.]
Подношу почтительно через посла. С уважением сообщаю об этом его превосходительству начальнику охраны двора. Опускаю дальнейшие выражения почтения.

812

*[Послание и песня Фудзивара Фусасаки в
ответ на письмо и подарок от Отомо Табито]*

Преклонив колени, внемлю благоуханной вести. Восторги и радости, сменяя друг друга, наполняют глубину моего сердца. Итак, я все понял.

Милости из ворот дракона велики для меня, ничтожного. Чувства любви и приязни, всегда переполняющие сердце, возросли в сотни раз.

С почтением отвечаю на поэзию белых облаков и подношу грубую неумелую песню.

С почтением заканчивает письмо Фусасаки.

Пусть дерево раньше и было безгласно,
Но ныне — пред нами —

Прекрасное кото,
Любимое другом моим неизменно,
Смогу ли его положить я на землю?

Восьмой день одиннадцатого месяца [первого года Тэмпё (729)]. Вручаю отъезжающему домой посланцу — старшему инспектору судебного ведомства.

С почтением передаю в канцелярию почтенных ворот.

813

[Предание о чудодейственных камнях, связанное с походом императрицы Дзинго в Сираги]

Вам хочу поведать я:
Беззаветно чтили все
Тарасихимэ,
Что богинею была
На земле у нас.
Раз корейскую страну
Собираясь покорить
И желая успокоить
Дух светлейший свой,
Освященные молитвой
Повезла в поход с собой
Камня два, что красотой
Яшме дорогой равны.
И потом их завещала
Бренным людям на земле,
И чтоб шел из века в век
Сказ о силе тех камней,
Положила их она
Царственной своей рукой
В месте Кофунохара,
Где селенье Фукаэ,
Возле берегов морских,
Что лежали на пути,
Где далёка глубина
У долин на дне морском.
И божественными стали,
Божество в себе тая,
Эти камни с дивным даром,

Камни, что богов веленья
Навсегда в себе хранят.
И теперь, и в наши дни
Почитаются они!

814

Казси-ута

Верно, для того чтоб вечно
Вместе с небом и землей
Шел в веках рассказ такой,
Эти камни с дивным даром
И поныне там лежат!

815—846

Тридцать две песни о цветах сливы

815

<Песня Ки, первого заместителя генерал-губернатора Дадзайфу>

Когда настанет первый месяц
И снова к нам придет весна,
Все будет так же, как и ныне:
Срывая белых слив цветы,
Мы будем наслаждаться ими!

816

<Песня Оно Ою, второго заместителя генерал-губернатора Дадзайфу>

Душистых слив прекрасные цветы,
Ах, так же пышно, как цветете ныне,
Не опадая,
Вы красуйтесь вечно
У дома моего в моем саду!

<Песня Авата, второго заместителя генерал-губернатора Дадзайфу>

А из ветвей зеленой ивы
В саду, где расцветают
Сливы,
Нельзя сплести венок красивый,
Чтоб им украситься могли?

<Песня Яманоз [Окура], губернатора провинции Тикудзэн>

Придет весна,
И первыми цветут у дома моего
Цветы душистой сливы...
Ужель совсем один, любуясь ими,
Я буду проводить весною дни?

<Песня Отомо [Миёри], губернатора провинции Бунго>

О бренный мир!
Как много в нем тоски!
И чем томиться мне, влача удел печальный,
Хотел бы лучше стать простым цветком
Душистой белоснежной сливы!

<Песня Фудзии [Онари], губернатора провинции Тикуго>

У сливовых цветов теперь расцвет!
Любимые друзья, украсимся же ими,
Цветами нежными и молодыми.
У сливовых цветов
Теперь расцвет!

Песня Каса Сами

Зеленой ивой
 И цветами сливы
 Украсимся, сорвав цветы с ветвей,
 И будем пить вино, а после пира —
 Пусть осыпаются цветы,— мне все равно!

<Песня хозяина — [Отомо Табито]>

Не в моем саду ли
 Ныне опадают
 Белые цветы душистой сливы?
 Или с высоты извечной неба
 Снег струится, падая на землю?

<Песня Отомо Момоё, старшего инспектора Дадзайфу>

Где это сливы белоснежные цветы
 На землю ныне опадают?
 Но нет, не то:
 На склоне гор Кинояма
 Снежинки белые по воздуху летают...

<Песня А[бэ] Окисима, младшего инспектора Дадзайфу>

Жалея цветы распутившейся сливы,
 Что наземь потом, отцветая, опадут,
 Средь бамбуковой чащи
 В саду моем ныне
 Соловей свои песни поет!

<Песня Хани[си] Момомура, младшего инспектора
Дадзайфу>

Из веток молодых зеленой ивы
В саду, где расцветали
Слив цветы,
Мы сделаем венки и веселиться будем,
Хочу в веселье время проводить!

<Песня Фухито[бэ] Охара, главного секретаря Да-
дзайфу>

То ива ль, что цветет весной,
Окутанной всегда туманной дымкой,
Иль слив цветы у дома моего?
Как мне понять,
Что здесь красивее всего?

<Песня Яма[гути] Вакамаро, помощника главного
секретаря Дадзайфу>

Пришла весна,— и вот в тени ветвей
Листвой зеленою от взоров скрытый,
Смотрите, соловей
Пел песни и уснул
На нижних ветках белой сливы!

<Песня Фунэ Маро, главного судьи Дадзайфу>

Каждый человек
Цветы срывает сливы
И венки сплетает, веселясь.
Все же всякий раз цветы душистой сливы
Кажутся прекрасней и милей!

<Песня Тё Сакико, лекаря Дадзайфу>

Когда бы, отцветая,
 Цветы у слив опали,
 То разве в свой черед не зацвели
 Цветы вишневые,
 Что зацвести должны?

<Песня Са[хэки] Кобито, помощника губернатора провинции Тикудзэн>

Пусть тысячи веков
 Приходят и уходят годы,
 А белых слив цветы,
 Конца не зная, снова
 Здесь будут продолжать по-прежнему цвести!..

<Песня Ита[моги] Ясумаро, губернатора провинции Ики>

Когда приходит время быть весне,
 Ты должен расцвести, цветок душистой сливы,
 И только стану думать о тебе:
 Когда ты расцветешь? —
 Уснуть уже не в силах...

<Песня Инафу, главного жреца — хранителя культа в Дадзайфу>

Все люди, что себя венками украшают,
 Срывая сливы белоснежные цветы,
 Сегодня,
 Веселясь и забавляясь,
 Цветами будут наслаждаться целый день!

〈Песня Сукунамаро, старшего секретаря Дадзайфу〉

О, каждый год,
 Когда придет весна,
 Мы будем также собираться,
 Венками белой сливы украшаться
 И, наслаждаясь, пить вино!

〈Песня Умабито, младшего секретаря Дадзайфу〉

У сливовых цветов
 Теперь расцвет.
 Пора весенняя, как видно, наступила,
 Когда повсюду сотни птиц поют,
 И слышится их щебет, милый сердцу!

〈Песня Ёсимити, лекаря Дадзайфу〉

Цветы прекрасных слив,
 Что я мечтал увидеть,
 Когда настанет вешняя пора,
 Сегодня на пиру
 Я наконец увидел!

〈Песня Исо Норимаро, прорицателя Дадзайфу〉

Сорвав цветы душистой сливы,
 Украсив голову венком,
 Я веселюсь,
 Но все мне мало,—
 Такой сегодня ненасытный день!

<Песня казначея Дадзайфу по имени Омити>

Стараясь не отстать от соловья,
Поющего в полях весенних песни,
В саду моем
Цветы душистых слив
Раскрылись вместе с соловьиной песней!

<Песня писца провинции Осуми по имени Мохимаро>

На том холме,
Где опадают наземь,
Смешавшись с снегом, сливы лепестки,
Запели песни соловьи:
Весенняя пора все ближе...

<Песня писца провинции Тикудзэн по имени Махито>

В полях весенних встал туман повсюду,
И вот, как будто падающий снег
Несется в воздухе...
Так кажется всем людям,—
А это сливы опадает цвет...

<Песня писца провинции Ики по имени Огиката>

Для венка
Из веток вешней ивы
Я сорвал душистых слив цветы.
Кто же лепестки заставил плавать
В чарках этих с налитым вином?

*<Песня писца провинции Цусима по имени
Ою>*

Услышав звуки песни соловьиной,
Здесь вместе с ней
Цветы прекрасных слив
В саду у дома моего цветут
И, отцветая, падают на землю...

*<Песня писца провинции Сацума по имени
Ама>*

У дома моего
На нижних ветках сливы,
Играя,
Песни распевает соловей,—
Жалеет, что цветы осыплются на землю...

<Песня Ханиси Мимиги>

Когда смотрю, как здесь,
Цветы срывая слив
И украшая головы венками,
Все веселятся, радости полны,
Столицу я с тоскою вспоминаю....

<Песня Ону Куникага>

У дома, где живет любимая моя,
Не снег ли падает, по воздуху летая? —
Так взору кажется...
А это опадают,
Кружась по ветру, белых слив цветы...

*<Песня Кадо[бэ] Исотари, инспектора провинции
Тикудзэн>*

Душистых слив цветы,
Что в нетерпенье
Ждал соловей средь молодой листвы,
Пусть всегда цветут, не падая на землю,
Для той, которую люблю!

<Песня Ону Танри>

Пусть в долгий день весны,
Окутанной туманом,
Мы надеваем на себя венки,
Расцветшей сливы белые цветы
Становятся для нас еще милее!

847—848

*Две песни [Отомо Табито], сложенные в
тоске по родным местам*

Моей жизни расцвет,
Ты прошел безвозвратно!
Пусть и выпью я зелье,
От которого люди взлетают на небо,
Вряд ли вновь буду молод!

Чем мне пить это зелье,
От которого люди взлетают на небо,
Лучше я бы увидел скорее столицу:
Мое жалкое тело
Сразу оживло б снова!

849—852

*Четыре песни о цветах сливы, сложенные
позднее в подражание предыдущим*

849

С оставшимся на листьях белым снегом
Смешался сливы белоснежный цвет.
О сливы лепестки!
Не падайте на землю,
Пусть даже и растает белый снег!

850

Похитив белый цвет у снега,
На сливах нынче расцвели цветы.
Как раз теперь
Пришла пора расцвета.
О, если бы его могла увидеть ты!

851

У дома моего душистых слив цветы,
Достигнувшие своего расцвета,
Должны опасть...
Ах, если б, зная это,
Явилась ты ко мне взглянуть на них!

852

Приснился мне цветок душистой сливы
И мне сказал доверчиво во сне:
«Считаюсь я
Цветком столичным и красивым,
Так дай же плавать мне в вине!»

*[Песня Отомо Табито, сложенная во время прогулки
у реки Мацура]*

Хоть вы и говорили мне:
Мы — дети рыбака простого,
Что рыбу удит для себя в реке,
Но, поглядев на вас, я понял сразу:
Из рода знатного я встретил дочерей!

Ответная песня рыбацек

Хоть у этой реки, в ее верхнем течение,
На Яшмовом острове
Дом наш стоит,
Но, стесняясь тебя,
Мы тебе не открылись душою...

855—857

Еще три песни, посланные странником

Там, где Мацура,
В блеске текущие струи реки...
То намокли подола одежды жемчужной
Юных дев, что стоят по колени в прозрачной воде,
Когда ловят играющих юных форелей.

В дивной Мацура, в водах реки,
Там, где Яшмовый остров,
Чтоб поймать в свои сети играющих юных форелей,
Стоят среди потоков лучистых прекрасные девы.
Увы, я не знаю дорогу к их дому!

857

Человека из краев далеких ждут...
Милая, что ловит молодых форелей
В Мацура-реке,
Рукав атласный свой
Мне на изголовие постелет!

858—860

*Еще три песни, сложенные в ответ де-
вушками*

858

Если думы мои,
Как на Мацура волны,
Где мы ловим играющих юных форелей,
Если б думала я о тебе, как о многих,
Разве так глубоко полюбить я сумела?..

859

Лишь наступит весна,
У села, где мой дом,
В устье светлой реки,
Будут резво кружиться форели,
С нетерпеньем тебя ожидая к себе...

860

Пускай остановятся быстрые воды
Реки этой Мацура,
Пусть будет заводь...
Тебя никогда я любить не устану,
Я буду тебя ожидать, мой любимый!

861—863

*Три песни, сложенные позднее как отклик
на предыдущие*

861

У реки светлой Мацура
Быстро течение,
И, наверно, подола пурпурной одежды
Намокают водою,
Если ловят форелей...

862

На реке светлой Мацура —
Яшмовый остров,
Который, наверно, увидят все люди...
Ужель я, не видя,
Любить буду вечно?

863

Как завидую людям,
Что увидят прекрасную деву,
Которая ловит форель молодую
У берега бухты, где Яшмовый остров,
Где Мацура воды...

864

*Песня [Ёсида Ёроси, посланная Табито] в ответ на
его песни, посвященные цветам сливы*

Чем здесь оставшись, быть мне одному
И долго пребывать в тоске унылой,
Мне лучше было б стать
В твоём саду
Цветком прекрасной белой сливы!

Ответ [Ёсида Ёроси] на песни о фгеях в Мацура

Те девы юные
У Мацура-реки,
Что ждут тебя, мой друг любимый,
То не рыбацки ль из страны счастливой,
Где вечна жизнь и вечна красота?

866—867

Две песни [Ёсида Ёроси], сложенные в глубокой тоске о друге

Какой далекой
Кажешься ты мне,
Страна Цукуси, от которой
Нас отделяют тысячи слоев
Плывущих белых облаков в небесной дали...

Так много дней прошло,
Как ты ушел от нас,
И даже малые деревья,
Растущие в Сима, где в Нара путь лежит,
За это время постарели...

868—870

[*Три песни Окура, посланные генерал-губернатору Дадзайфу Отомо Табито*]

868

Ужели вечно слышать буду
Лишь имя той горы,
Где бедное дитя Саёхимэ
У Мацура-залива
Махала шарфом, милого зовя?

869

Кто видел камень,
Где стояла,
Ловя форелей молодых,
Богиня эта неземная —
Принцесса Тарасихимэ?

870

Не сотни дней
Ведь будет продолжаться
Дорога в Мацура:
Сегодня вышел я, а завтра я вернусь.
Но что же мне мешает и не дает отправиться туда?

871

[*Песня Отомо Табито, навеянная преданием о Мацура Саёхимэ*]

Ожидающая человека издалече,
Мацура Саёхимэ, душою всей любя,
Здесь махала мужу шарфом белым.
В память этого
И названа гора!

Песня о том же, сложенная позднее <Табито>

Название горы в веках передавай.
 Молва передает его не даром:
 Принцесса Мацура Саёхимэ
 Когда-то в старину на той горе
 Любимому махала шарфом белым!

*Песня о том же, сложенная в более поздние времена
 <Табито>*

Пусть тысячи веков рассказывают люди,
 И слух пойдет в века по всей земле,
 Как на вершине здесь
 Махала шарфом белым
 Принцесса Мацура Саёхимэ!

874—875

*Две песни о том же, сложенные в еще более
 поздние времена
 <Песни Табито>*

Среди равнины вод
 Корабль, плывущий в море,
 Стремясь остановить, крича ему: «Вернись!»
 Наверно, здесь махала шарфом белым
 Принцесса Мацура Саёхимэ!

Махая кораблю,
 Что удалялся в море,
 Не в силах тот корабль остановить,
 Каким полна была, наверно, горем
 Принцесса Мацура Саёхимэ!

876—879

*Четыре песни Яманоз Окура, сложенные на
прощальном пиру в честь Табито*

876

Когда бы в облаках я мог парить,
Как в небе этом реющие птицы,
О, если б крылья мне,
Чтоб друга проводить
К далеким берегам моей столицы!..

877

Вот люди близкие прощаются с тобою,
Печали и уныния полны,
Но лишь доедет конь
До Тацута-горы,
О них, наверно, ты забудешь!

878

Хоть и говорили мы не раз,
Но лишь после понимаешь все.
О, как сильно,
Верно, будем мы скучать
Без тебя, без друга своего!

879

Пусть ты вечно пребываешь на земле,
В Поднебесной,
И не знать тебе конца,
Пусть все время службу ты несешь,
Никогда не отлучаясь из дворца!

880—882

*Три песни, в которых пытаюсь высказать
свои думы*

880

В далекой, словно свод небесный,
Пять долгих лет я жил в стране глухой,
И вот теперь
Столичные приметы, привычки, нравы —
Все забыто мной!

881

Неужели будет так и впредь,
Буду я, вздыхая, продолжать здесь жить?
Не узнав, когда придет конец
Уходящим
Новояшмовым годам?

882

Коль милости тебе теперь и слава,
Ты и меня пригреешь как-нибудь,
Когда придет весна,
В столицу нашу Нара
Позвать меня к себе не позабудь!

883

*Песня принца Мисима, воспевающая Мацура Саёхи-
мэ, сложенная в подражание предыдущим песням*

Молва лишь только долетала,
А сам еще не видел я
Тебя, о Мацура-гора,
Где шарфом, говорят, любимому махала
Принцесса Мацура Саёхимэ!

884—885

*Две песни, сложенные Асада Ясу от лица
Отомо Кумагори*

884

От родины вдали
Далекий путь пройдя,
В отчаянье таком ужель сегодня
Из мира я уйду, простясь навек,
Не высказав своей последней просьбы?

885

Подобно утренней росе, что быстро тает,
Ужели жизнь моя
Исчезнет навсегда
И гибель ожидает на чужбине?
Родителям в глаза хоть раз взглянуть бы мне!

886—891

*Шесть песен, сложенных губернатором про-
винции Тикудзэн Яманосэ Окура в ответ на
песни, в которых были выражены чувства
Отомо Кумагори*

886

Во дворец собрался я,
Где указывают нам
День работ.
Идя туда,
Мать, вскормившую меня,
Я покинул и ушел
В незнакомые края,
В глубь страны моей родной...

Через сотни гор я шел,
Сотни гор я миновал,
О, когда же, наконец,
На столицу я взгляну? —
Думал неустанно я
И расспрашивал людей.
Но в пути я занемог
И не стало сил идти.
У дороги, что давно
Здесь отмечена была
Яшмовым копьём,
Я нарвал зеленых трав
И валежник я собрал,
Разложил их в стороне
И как будто на постель
Я улегся и лежал
И все думал про себя,
Лежа в горе и тоске:
Был бы я в родном краю,
Холил бы меня отец,
Был бы в доме я родном,
Холила бы мать меня.
Бренный и непрочный мир!
Верно, ты всегда таков!
Как собака, лежа здесь,
У окраины дорог,
Неужели кончу я
Жизнь недолгую свою?

887

Каэси-ута

Верно, больше не увижу я
Мать родимую, вскормившую меня,
И в отчаянье,
Не зная, что там ждет,
Этот мир покину навсегда!

888

Незнакомый мне,
Далекий путь!
Мучась и страдая без конца,
Как сумею я его пройти,
Без еды оставшись, без воды?

889

Если бы я в доме был родном,
То за мной смотрела б мать моя,
Сердце б успокоила мое,
Ну, а если надо умирать,
Пусть бы умер около нее!

890

Считая каждый день
С тех пор, как я ушел:
Вот нынче, нынче, — каждый раз твердя,
Наверно, будут ждать они меня —
Отец и мать мои **родные!**

891

О, всего единственный лишь раз,
Во второй раз мне не увидеть
В этом мире ни отца, ни мать.
Их оставив в дальней стороне,
Неужель простился с ними навсегда?

892

Диалог бедняков

Когда ночами
Льют дожди
И воет ветер,
Когда ночами
Дождь

И мокрый снег,—
Как беспросветно
Беднякам на свете,
Как зябну я
В лачуге у себя!
Чтобы согреться,
Мутное сакэ
Тяну в себя,
Жую
Комочки соли,
Посапываю,
Капляю до боли,
Сморкаюсь и хриплю...
Как зябну я!
Но как я горд зато
В минуты эти,
Поглаживаю бородавку:
«Эх!
Нет, не найдется
Никого на свете
Мне равного —
Отличен я от всех!»
Я горд, но я озяб,
Холщовым одеялом
Стараюсь я
Укрыться с головой.
Все полотняные
Лохмотья надеваю,
Тряпье наваливаю
На себя горой,—
Но сколько
Я себя ни согреваю,
Как этими ночами
Зябну я!

Но думаю:
«А кто бедней меня,
Того отец и мать
Не спят в тоске голодной
И мерзнут в эту ночь
Еще сильнее...
Сейчас он слышит плач
Жены, детей:
О пище молят,—

И в минуты эти
Ему должно быть тяжелей, чем мне.
Скажи, как ты живешь еще на свете?»

О т в е т

Земли и неба
Широки просторы,
А для меня
Всегда они тесны,
Всем солнце и луна
Сияют без разбора,
И только мне
Их света не видеть.
Скажи мне,
Все ли в мире так несчастны,
Иль я один
Страдаю понапрасну?
Сравню себя с людьми —
Таков же, как и все:
Люблю свой труд простой,
Копаюсь в поле,
Но платья теплого
Нет у меня к зиме,
Одежда рваная
Морской траве подобна,
Лохмотьями
Она свисает с плеч,
Лишь клочьями
Я тело прикрываю,
В кривой лачуге
Негде даже лечь,
На голый пол
Стелю одну солому.
У изголовья моего
Отец и мать,
Жена и дети
Возле ног ютятся,
И все в слезах
От горя и нужды.
Не видно больше
Дыма в очаге,
В котле давно
Повисла паутина,

Мы позабыли думать о еде,
И каждый день —
Один и тот же голод...

Нам тяжело,
И вечно стонем мы,
Как птицы нуэдори,
Громким стоном...
Недаром говорят:
Где тонко — рвется,
Где коротко —
Еще надрезут край!
И вот я слышу
Голос за стеной,
То староста
Явился за оброком...
Я слышу, он кричит,
Зовет меня...
Так мучимся,
Презренные людьми.
Не безнадежна ли,
Скажи ты сам,
Дорога жизни
В горьком мире этом?

893

Каэси-ута

Грустна моя дорога на земле,
В слезах и горе я бреду по свету.
Что делать?
Ведь нельзя мне улететь:
Не птица я, и крыльев нету!

894

Песня о благополучном путешествии и благополучном возвращении

Со времен еще богов
Говорят из века в век:
«Вот Ямато! То страна,

Что заметили с небес
Боги в ясной высоте
И могуществом ее
Наделили с давних пор.
То страна, где сила слов
Счастье людям принесла». —
Так передавали нам,
Сказ ведя из века в век.
И все люди, что живут
В нынешние времена,
Это все перед собой видят,
Ведают про то...
И хоть множество людей
Наполняют ту страну,
Все же повелитель наш,
Тот, что озаряет высь,
Солнца лучезарный сын,
Милостью тебя почтил,
Выбор свой остановив
На тебе, чей славный род
С давних пор вершил дела
В Поднебесной при дворе.
Высочайший тот указ
Получив,
В страну Китай,
В дальний незнакомый край,
Ты отправился теперь.
И когда отчалишь в путь,
И у берегов морских,
И в открытом море, знай:
Встанут боги на пути,
Будут всем повелевать,
Будет множество богов
На корме тогда стоять,
Твой корабль вести вперед.
Боги неба и земли
И страны Ямато бог —
Оокунимитама,
В белых облаках паря,
С ясной высоты небес,
С вечных сводов
Вниз глядя
На простор морских равнин,
Будут охранять тебя!

А в тот день,
Когда дела
Ты закончишь и домой
Повернешь в обратный путь,
Снова, как и в прошлый раз,
Боги встанут на корме,
Будут на море глядеть,
Будут охранять тебя!
Будто по канату ты
Прямо по морским волнам
От Тиканосаки вверх,
Где Отомо-сторона,
К Мицу — к милым берегам,
Сразу к пристани сюда
К нам причалишь свой корабль!
Будь же счастлив, друг, в пути,
Возвращайся поскорей!

895—896

Каэси-ута

895

В Отомо, в Мицу,
Освятив обрядом
Зеленые сосновые леса,
Стоять я буду, друг мой, ожидая...
Скорей на родину вернись!

896

Если только я услышу, что причалил
В бухте Нанива
Корабль твой дорогой,
Я, не завязав шнуры у платья,
Побегу скорей тебя встречать!

*Песня, сложенная о том, как в старости одолевают
болезни, а годы проходят в страданиях и думах о де-
тях*

Этой жизни краткий срок,
Что лишь яшмою блеснет,
Как хотелось бы прожить
Тихо и спокойно мне,
Как хотелось бы прожить
Мне без горя и беды.
Но в непрочном мире здесь
Горько и печально все,
А особенно тяжка
Наша доля, если вдруг,
Как в народе говорят,—
В рану, что и так болит,
Жгучую насыплют соль;
Или на тяжелый вьюк
Бедной лошади опять
И опять добавят груз.
Так в слабеющем моем теле
В старости еще
Вдруг добавился недуг.
Дни в страданиях я влачу
И вздыхаю по ночам.
Годы длинные подряд
Лишь в болезнях проводя,
Неустанно плачу я,
Проклиная жребий свой.
Думаю лишь об одном:
Как бы умереть скорей,
Но не знаю, как смогу
Я покинуть этот мир.
Разве брошу я детей,
Что вокруг меня шумят,
Будто мухи в майский день?
Стоит поглядеть на них —
И горит огнем душа.
В горьких думах и тоске
Только в голос плачу я!

898—903

Каэси-ута

898

Ныне сердцу моему
Не утешиться ничем!
Словно птица, что кричит,
Укрываясь в облаках,
Только в голос плачу я!

899

Без надежды каждый день
Только в муках я живу
И хочу покинуть мир.
Но напрасны думы те:
Дети преграждают путь.

900

Много платьев у ребенка богача,
Их вовек ему не износить,
У богатых в сундуках
Добро гниет,
Пропадает драгоценный шелк!

901

А у бедного — из грубого холста
Даже платья нет, чтобы надеть.
Так живем,
И лишь горюешь ты,
Но не в силах это изменить!

Словно пена на воде,
 Жизнь мгновенна и хрупка,
 И живу я, лишь молясь:
 О, когда б она была
 Прочной, крепкой, что канат!

Жемчуг иль простая ткань —
 Тело брренное мое
 Ничего не стоит здесь...
 А ведь как мечтаю я
 Тысячу бы лет прожить!

*Песня [Яманоз Окура] о любви
 к сыну Фурухи*

Семь родов сокровищ есть
 Драгоценных на земле,
 Но зачем богатства мне,
 Раз у нас родился сын —
 Фурухи, подобный сам
 Драгоценным жемчугам!
 По утрам, в рассвета час,
 В час, когда еще видна
 Предрассветная звезда,
 В мягкой ткани покрывал
 На постели у себя
 То сидел он, то вставал,
 И, бывало, вместе с ним
 Забавлялся я всегда.
 А лишь вечер приходил
 И вдали, на небесах,
 Звезды появлялись вновь,
 За руки меня он брал,
 Говорил: «Идемте спать,
 Папа, мама не должны
 Сына покидать!»

В серединку лягу к вам!» —
Он ласкался, говоря, —
И, казалось, расцветали
Травы счастья для меня!
Думал я тогда, любуясь:
«Время минет, подрастешь,
Ждет ли радость, ждут ли беды,
Встретим их с тобой!»
Как большому кораблю,
Доверяли мы ему,
Но подул тогда неожиданно
Ветер злой со стороны,
Заболеел малютка наш,
Как нам быть, не знали мы.
Перевязь из белой ткани
Мы надели на себя,
И кристальной чистоты
Зеркало в руке держа,
Мы богов небес молили,
К небу взоры обратив,
Мы богам земли молились,
Низко головы склонив.
«Будет жив или не будет, —
Все зависит от богов», —
Думал я и всей душою
Им молиться был готов.
И в отчаянье и горе
Заклинал богов, молил,
Но напрасно было, — вскоре
Потеряли мы тебя...
Постепенно становился
Все прозрачнее твой лик,
С каждым утром, с каждым утром,
Все слабее был язык.
И блеснувшая, как яшма,
Жизнь прервалась навсегда...
И вскочил я, как безумный,
Закричал от горя я!
То катался по земле я,
То смотрел на небеса,
То в отчаянье и горе
Ударял я в грудь себя.
Ведь дитя, что я лелеял,
Упорхнуло — не вернуть!

Вот он, этой жизни бременной
Горький и тяжелый путь!

905—906

Каэси-ута

905

Оттого что очень еще молод,
Он не будет знать, куда идти,
Принесу тебе богатые дары,
Из подземных царств гонец суровый,—
На спину возьми его и отнеси!

906

Поднося дары,
Молить тебя я буду,
Ты не обмани мое дитя,
Поведи прямым путем малютку,
Покажи, где путь на небеса!

КНИГА ШЕСТАЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

907

Песня Каса Канамура, сложенная во время посещения императрицей [Гэнсё] дворца Тоцумия в Ёсину летом седьмого года Ёро [723], в пятом месяце

Там, где мчится водопад,
У горы у Мифунэ,
Дерево тога,
Зеленея, разрослось,
Ветки свежие пустив
Друг за другом вслед.
Друг за другом вслед
Тысячи веков и впредь
Так же будут управлять
Повелители земли
В дивной Ёсину-стране,
В Акицу в своем дворце.
Потому ль, что боги в нем,—
Величав собой дворец,
Потому ль, что хороша
Та страна, где он стоит,—
Все смотрел бы на него!
Так кристальны реки здесь,
Так прекрасны склоны гор!
И недаром решено
Было со времен богов,
Чтобы здесь стоял дворец!

908—909

Каэси-ута

908

Хотел бы каждый год,
Как ныне, любоваться
Волнами белыми, что пенятся и мчатся
В прекрасном Ёсину
На лоне чистых вод!

909

Оттого что горы поднялись высоко
Белыми цветами, что несут богам,—
Падают с вершины мчащиеся воды,—
Сколько ни гляжу,
Не утомится взор!

910—912

Каэси-ута из неизвестной книги

910

Оттого ли, что живут здесь боги,
Все бы любовался этой красотой.
Сколько ни гляжу,
Как мчатся водопады в дивном Ёсину,—
Не наглядеться мне!

911

Прекрасны воды Акицу-реки,
Что тысячи веков здесь, в Ёсину, струятся,
Конца не зная.
Так же без конца
К ним буду приходить и любоваться.

Не белые ль цветы,
 Что девы в Хацусэ
 Из ткани делают для алтарей богов,
 Как будто бы цветут на пенистой волне
 У водопада в Ёсину?

Песня, сложенная Курамоти Титосэ

Как на ткани дорогой
 Дивно вытканый узор,
 Есть чудесная страна!
 Словно грома дальний звук,
 Только слухи до меня
 Доносились каждый раз
 О прекрасном Ёсину!
 И теперь, когда смотрю
 С гор, покрытых хиоки,
 На просторы той страны:
 Всюду, где речная мель,
 Наступает лишь рассвет,
 Подымается туман,
 А лишь вечер настает,
 Там кричит речной олень,
 Но ведь я теперь в пути,
 Где шнура не развязать,
 И так жаль, что я один
 И люблюсь без тебя
 Чистым берегом реки...

Казси-ута

Вершины Мифунэ над водопадом
 Хоть и внушают робкий трепет мне,
 Но и вблизи вершин
 Нет дня, нет даже часа,
 Чтоб думать о тебе я позабыл!

915

У Ёсину-реки, там, где тидори
 Все время плачут, слышен шум волны,
 Не умолкая ни на миг.
 И звукам этим вторя,
 Все время в мыслях непрерывно ты...

916

Не так уж много миновало дней,
 Сиявших ярко рдеющей зарею,
 А от тоски моей
 Над Ёсину-рекой
 Туманы поднимаются все время!

917

*Песня, сложенная Ямабэ Акахито зимой первого года
 Дзинки [724], в пятый день десятого месяца, когда
 император [Сёму] путешествовал по стране Ки*

Из долины Сапта,
 Где покорно служим мы
 В вечном храме — во дворце,
 Где правление вершит
 Мирно правящий страной
 Наш великий государь,
 Из долины Сапта,
 Позади бегущих волн
 Виден взору вдалеке
 Остров средь морских равнин.
 И у чистых берегов,

Лишь подует ветерок,
 Волны белые шумят.
 А отхлынет вдаль прилив,
 Водоросли-жемчуга
 Собирают на ладьях.
 Это вечно было так —
 Чтили со времен богов,
 С незапамятных времен
 Горы острова Тама,
 Что за красоту свою
 Дивной Яшмой назван был!

918

Каэси-ута

Там, где остров на взморье,
 У берегов каменистых
 Поднялись, зеленея, жемчужные травы морские,
 И когда наступает прилив и от глаз их скрывает,
 Как о них я тогда безутешно тоскую!

919

В этой бухте Вака,
 Лишь нахлынет прилив,
 Вмиг скрывается отмель,
 И тогда в камыши
 Журавли улетают крича...

920

*Песня Каса Канамура, сложенная летом второго года
 Дзинки [725], в пятом месяце, когда император [Сёму]
 прибыл в Ёсину, во дворец Тоцумия*

Между распростертых гор
 В белой пене вниз бегут
 И шумят потоки вод
 В дивной Ёсину-стране!
 И когда взгляну вокруг

На прекрасный дивный вид
Рек кристальных, — вижу я,
Как тидори над водой
Песни звонкие поют,
А внизу — речной олень,
Загрустив, зовет жену.
Сто почтеннейших вельмож,
Слуги славные твои,
Там и тут,
Со всех сторон
Вереницами идут.
Каждый раз,
Как я смотрю,
Восхищаюсь всей душой
И хочу, чтоб было так
Вечно, тысячи веков,
И чтоб не было конца,
Как в венце из жемчугов,
Я молю об этом вас,
Боги неба и земли,
Хоть и трепещу душой...

921

Казси-уга

Пусть тысячи веков люблюсь, все равно
Я не устану никогда смотреть
На дивные места, где пышный твой дворец
Среди бегущих в белой пене вод
В прекрасном Ёсину незыблемым стоит!

922

О, если б жизнь моя и жизнь всех людей
Отныне стала б вечной на земле,
Как вечная скала,
Где льется водопад
В стране прекрасной — Ёсину!

Песня, сложенная Ямабэ Акахито

Дивный Ёсину-дворец,
 Где правление вершит
 Мирно правящий страной
 Наш великий государь,
 За зеленою стеной
 Громоздящейся листвы
 Он укрыт от глаз людских;
 Посреди кристальных рек,
 Что струятся без конца,
 Подымается он ввысь,
 И весной кругом цветут
 Вишен пышные цветы,
 А лишь осень настаёт,
 Расстилается туман.
 Словно горы в вышине,
 Много выше, чем они,
 Будет славы блеск расти.
 Словно воды этих рек,
 Что струятся без конца,
 Сто почтеннейших вельмож,
 Слуги славные твои,
 Будут вечно вновь и вновь
 Приходить к тебе сюда!

924—925

Каэси-ута

В этом Ёсино дивном,
 Здесь, в горах Кисаяма,
 На верхушках высоких зеленых деревьев,
 Что за шум поднимают
 Своим щебетом птицы?

Когда ночь наступает,
 Ночь, как черные ягоды тута,
 Там на отмели чистой,
 Где деревья хисапп, —
 Часто плачут тидори...

Песня, сложенная Ямабэ Акахито

Мирно правящий страной
 Наш великий государь,
 В дивной Ёсину-стране,
 На просторах Акицу
 Ставит на полях ловцов
 Караулить след зверей.
 А среди прекрасных гор
 Им расставлены стрелки.
 На охоте поутру —
 Ловит вопреки он в горах,
 На охоте ввечеру —
 Он выслеживает птиц,
 И, построив в ряд коней,
 На охоту едет он
 На весенние поля
 В яркой зелени густой!

Каэси-ута

И видно мне, как посреди долин
 И распростертых гор,
 В руках сжимая стрелы счастья,
 Охотники из свиты государя
 Несутся, подымая шум...

*Песня Каса Канамура, сложенная зимой второго года
Дзинки [725], в десятом месяце, когда император
[Сёму] пребывал во дворце Нанива*

Блеском озаренная
Нанива-страна!
«Это старое село,
Где плетни из тростника», —
Говорил о ней народ,
Думать бросили о ней.
Равнодушными с тех пор
Были люди к той стране.

А за это время там
Вбили крепкие столбы,
Вбили славные столбы
Из деревьев хиноки
И построили дворец,
Что называли Нагара,
Длинный, словно волокно
В пряже конопли.

И когда страную ты
Начал править во дворце,
Множество придворных слуг
Славных воинских родов
Там раскинули шатры,
На долине Адзифу
(Адзи — птиц морских зовут),
И столицей теперь
Стало старое село,
Хоть и было это все
Остановкою в пути...

Пусть в заброшенных полях село лежало,
 Но когда наш государь великий
 Начал управлять здесь Поднебесной.
 Вмиг село простое
 Сделалось столицей!

Видно, выплыли ладьи без перекладин,
 На которых едут юные рыбаки:
 В шалашах дорожных
 Слышен с моря
 Тихий всплеск гребущих где-то весел...

Песня, сложенная Курамоти Тигосэ

Так красивы берега...
 Оттого к траве морской,
 Что у моря поднялась
 И сгибается к земле,
 Лишь затишье поутру,—
 Набегает вмиг волна
 Сразу в тысячи рядов.
 Лишь затишье ввечеру,—
 Набегает вмиг волна
 Сразу сотнями рядов.
 Словно волны, что бегут
 К этим чистым берегам,
 Все сильнее и сильнее,—
 Все сильнее и сильнее,
 С каждым месяцем и днем,
 День за днем люблюсь я
 Этой дивной красотой.
 Но в короткий этот миг
 Разве насмотреться мне

На крутые берега
В Суминоэ стороне,
Где кругом, вздымаясь ввысь,
Волны белые шумят?..

932

Каэси-ута

Хочу на память я окрасить платье
В красивой красной глине берегов
В стране далекой Суминоэ,
Где в тысячи рядов волна встает,
Сверкая белоснежной пеной...

933

Песня, сложенная Ямабэ Акахиго

Как не ведают конца
Небо и земля
И как вечны в небесах
Солнце и луна,
Так в заливе Нанива,
Озаренном блеском волн,
Неизменно во дворце
Правит славною страной
Наш великий государь!
Как святую солнцу дань
Той страны, где в дар несут
Славный плод земли богам,
Из Нусима рыбаки,
Из Авадзи держат путь,
В ряд построивши челны,
На глубоком дне морском
Груды жемчуга собрав,
Государю в дар везут.
И почтенья полон я,
Видя, как везут дары!

Каэси-ута

Вот в затишье утра
 Всплески волн я услышал:
 Верно, челн с рыбаками
 Плышет из Нусима
 К государю с дарами.

*Песня Каса Канамура, сложенная в третьем году
 Дзинки [726], в пятнадцатый день девятого месяца,
 во время пребывания императора [Сёму] в провин-
 ции Харима, в Инами*

В Накидзуми,
 В Фунаэ
 Виден остров, что зовут
 Авадзисима.
 Слышал я, что в бухте там
 Мацухо
 Рыбачки есть,
 Что в затишье поутру
 Собирают на ладьях
 Водоросли-жемчуга,
 А в затишье ввечеру
 Жгут из водорослей соль.
 Но надежды нет уплыть
 Мне туда,
 Чтоб видеть их,
 Словно нет уже во мне
 Сердца рыцаря теперь,
 Словно слабая жена,
 Подчинился я тоске
 И хожу, блуждаю здесь...
 О, как полон я тоски!
 Оттого, что нет весла,
 Оттого, что нет ладьи...

936

Я в море плыть хочу, чтоб увидеть
 Рыбачек юных, что срезают
 Морские водоросли-жемчуга...
 О, если б весла мне, о, если бы ладью,
 Пусть даже на море бушуют волны!

937

О, сколько ни брожу и ни смотрю,
 Я любоваться не устану
 На волны белые, что набегают
 На берег Фунасаэ
 В Накидзуми...

938

Песня, сложенная Ямабэ Акахито

Мирно правящий страной
 Наш великий государь,
 Словно в небе божество
 Ведает с высот своих,
 Управляет он страной
 Здесь, в Инами,
 Средь равнин
 Оминохара.
 В бухте славной Фудзии,
 Где из фудзи-волокон
 Грубую готовят ткань,
 Если ловят в море рыб —
 Шум от лодок рыбаков,
 Если выжигают соль —
 Люди сходятся толпой.
 Дивно бухта хороша!
 Ведь недаром ловят рыб
 И прекрасны берега!

Ведь недаром жгут там соль
И как знак, что вновь и вновь
Будут приходить сюда
Любоваться на нее,
Отмель чистого песка
Блещет яркой белизной!

939—941

Каэси-ута

939

И в море открытом,
И у берега — волны спокойны.
Это, выйдя на ловлю,
В Фудзии — ближней бухте,
Рыбачьи челны с шумом двинулись в море.

940

В поле дальнем Инами,
К земле прижимая тростник невысокий,
Сколько спал я ночей,
Сколько дней, долгих дней я провел одиноко,
И теперь я о доме далеком тоскую!

941

Вот и бухта Акаси!
Отхлынул прилив на дороге,
Завтра, завтра
Наполнится радостью сердце:
Я все ближе и ближе к родимому дому!

*Песня, сложенная Ямабэ Акахито, когда он проезжал
остров Карани*

Птицы адзи шумной стаей
Пролетают надо мною,
И глаза не видят милой,
Рукава из мягкой ткани
Ты не стелешь в изголовье.
На ладье, что смастерил я
Из коры деревьев вишни,
Весла закрепив,
Поплыл я.
Вот селение Нусима,
Что в Авадзи,
Миновал я,
И меж островов Карани,
Миновав Инамидзума,
Посмотрел когда,
Где дом мой —
Среди дальних гор лазурных,
Я не смог его увидеть!
В тысячи слоев сгрудились
Белых облаков громады,
И за каждой, каждой бухтой,
Что оставил за собою,
И за каждым, каждым мысом,
Где скрывался я порою,
Через всех путей изгибы, —
О, куда б ни приплывал я,
Все тоска со мной о доме...
Слишком долги дни скитаний!

943—945

Каэси-ута

На острове этом Карани,
Где срезают жемчужные травы морские,

Если был бы бакланом,
Что ищет добычу,
Я не думал бы столько, наверно, о доме!

944

Когда к островам
Довелось мне причалить,
Как завидовал я
Кораблям из Куману,
Плывущим в Ямато!

945

Только ветры подули,
Боясь, чтобы волны не встали,
Под защиту
Узкой маленькой бухты Цута
Мы решили укрыться...

946

*Песня, сложенная Ямабэ Акахито, когда он проез-
жал бухту Минумэ*

Возле берегов морских
В тихой бухте Минумэ,
От которой недалек
Остров Авадзисима,
Где подносят в дар богам
Урожая славный плод,
У пустынных берегов
Водоросли я возьму,
Водоросли «вглубь-взгляну».
Бухту обогнув кругом,
Срежу нежную траву,
Что зовут «не-говори».
Словно водоросли, я
В сердца глубь взглянуть хочу,
Но подобен я траве,

Что зовут «не-говори», —
Имя берегу свое
И не шлю тебе гонца,
Хоть, тоскуя о тебе,
Не могу на свете жить!

947

Казси-ута

Если б даже к тебе я привык,
Как к одежде своей привыкают
Рыбаки из Сума, выжигая обычно в ней соль, —
Все равно, я и на день один,
Не забыл бы тебя, дорогая...

948

Песня, сложенная весной четвертого года Дзинки [727], в первом месяце, когда по императорскому приказу молодые принцы и придворные были подвергнуты заключению в управлении дворцовой охраны

В зелени густых лиан
Склоны Касуга-горы...
И в туманах голубых
Лишь наступит там весна,
Над горою вдалеке
Дымка легкая встает,
Сразу песни запоет
В Такамато соловей.
Множество придворных слуг
Славных воинских родов,
Как мы ждем весенних дней
С нетерпеньем и тоской,
Ту желанную пору,
Когда день летит за днем,
Как за гусем дикий гусь
Вереницей в небесах!
Как мечтаем мы всегда,
Если б вечно было так:
Чтоб с толпой своих друзей

Веселиться и шуметь,
Чтоб, построив в ряд коней,
Мчатся вихрем по селу!
Даже говорить о том —
Страшно и подумать нам!
Если б знать нам наперед,
Если б раньше нам узнать,
У прозрачных вод Сахо,
Там, где плачут кулики,
Взяли б корни сугэ мы,
Что растут среди камней,
Травы синубугуса
Сняли б страшную вину!
Ах, в текущих струях вод
Очищение от грехов
Мы бы приняли тогда!
Оттого, что страшен нам
Тот приказ, что отдал здесь
Наш великий государь,
Сто почтеннейших вельмож,
Слуги царские, теперь
Не выходят из дворца
На дорогу,
Что давно
Здесь отмечена была
Яшмовым копьем.
Взаперти они сидят
И тоскуют эти дни....

949

Каэси-ута

Сожалея, что ивы и сливы цветы
Отцветут уже скоро в Сахо,
Вышли все погулять.
И об этом теперь —
Шум великий в покоях дворца!

950—953

*Четыре песни, сложенные во время пребы-
вания императора [Сёму] во дворце Нанива
в пятом году [Дзинки (728)]*

950

Говорят, великий государь
Повелел воздвигнуть на горах заставу,
Говорят, поставил сторожей,
Но пока я в горы не проникну,
Я покоя не найду себе!

951

Когда взглянул,
Мне близкой показалась
Жемчужина, сверкавшая средь скал,
Жемчужину я эту не оставлю,
Пока не станет навсегда моей!

952

Привыкли надевать китайские одежды...
В селенье Нара у меня в саду
Растет сосна,— и об одном молю:
Пускай найдется человек хороший,
Чтобы украсил жемчугом сосну!

953

И даже в день, когда отправлюсь в путь
За горы дальние, где дикие олени
Протяжно стонут,
Даже в этот день,
Ужели я с тобой опять не встречусь?!

Песня принца Касивадэ

Как я завидую гусям тем диким,
 Что утром, на морском слетаясь берегу,
 Добычу ищут,
 А настанет вечер,—
 Летят в Ямато — родину мою!

Песня Исикава Тарихито, второго заместителя генерал-губернатора Дадзайфу

Ты не тоскуешь ли
 О тех горах Сахо,
 Где люди при дворе
 Со стрелами бамбука
 Живут и чувствуют, что это дом родной?

Песня, сложенная в ответ генерал-губернатором Дадзайфу царедворцем Отомо [Табито]

Если это — страна, управляет которой
 Государь наш великий
 И правящий мирно,
 То Ямато иль нет,—
 Все равно,— так я мыслю...

957—959

Песни, сложенные зимой [пятого года Дзинки (728)] в одиннадцатом месяце, когда чиновники Дадзайфу возвращались домой после паломничества в храм Касии и, остановив коней у залива Касии, высказывали по очереди то, что было у них на душе

957

*Песня генерал-губернатора Дадзайфу царедворца
Отомо [Табито]*

Итак, друзья,
В заливе Касии
Морские водоросли соберем наутро,
Пусть даже вымокнет в струящейся воде
Рукав одежды нашей белотканый!

958

Песня Оно Ою, первого заместителя генерал-губернатора Дадзайфу

Срок наступил: подует скоро ветер,
Что в час прилива начинает дуть.
Ах, в бухте Касии,
Пока прилива нету,
Мне жемчуг-водоросли хочется собрать!

959

Песня Уно Охито, губернатора провинции Будзэн

Вот бухта Касии, которой любовался
Я постоянно, мимо проходя,
Но с завтрашнего дня
Я больше не смогу,
Как раньше, ею любоваться...

*Песня, сложенная генерал-губернатором Дадзайфу
царедворцем Отомо Табито в мыслях о далеком
дворце Ёсину*

Даже скалы
Средь быстрых потоков в Хаято
Красотой не сравнятся
С водопадами Ёсину,
Где играют форели.

*Песня, сложенная генерал-губернатором Дадзайфу,
царедворцем Отомо [Табито], когда, ночуя у горячих
источников Сугита, он слышал крики журавля*

Тот журавль, что плачет
В тростниках в Юнохара,
Будто я,
Не тоской ли он полон о милой?
И ночью, и днем он все время там плачет...

*Песня, сложенная во втором году Тэмпё [730], когда
по высочайшему приказу Отомо Титари прибыл в Да-
дзайфу в качестве гонца с экстренным поручением*

Средь ущелий гор
Скалы мохом поросли...
Ох, и страшно мне!
Песню просите вы все,
А придумать не могу....

Песня сложенная госпожой Отомо Саканоз зимой [второго года Тэмпё (730)] в одиннадцатом месяце, когда она, покидая дом Отомо Табито в Дадзайфу, направлялась в столицу и переходила гору Утешу, в Мунаката в провинции Тикудзэн, на острове Кюсю

Это боги —
 Сукунахикона,
 Оонамути
 Назвали, верно, так.
 Но зовут напрасно
 Гору здесь — «Утешу»,
 Ведь тоски моей и тысячную долю
 Не утешить что-то ей никак.

Песня, сложенная Отомо Саканоз при виде раковин на берегу, когда она плыла морем в столицу

Когда о милом я тоскую,
 Так тяжело становится мне вновь...
 Будь время у меня,
 Собрав, взяла б с собою
 Морские раковины «позабудь любовь»!

965—966

Две песни, сложенные [прелестницей Кодзима], когда зимой, в двенадцатом месяце Отомо Табито, генерал-губернатор Дадзайфу отправлялся в столицу

Если б ты был простой человек, мой любимый,
 Может быть, я надежду имела б на счастье,
 Но ты родом из знатных,
 И мне не придется
 Помахать на прощанье рукавом белотканым!

Дорога в Ямато
 Скрыта вся облаками,
 Но пока от меня ты не скрылся за ними,
 Легкий взмах рукава моего на прощанье
 Не сочти ты за дерзость!

967—968

*Две песни, сложенные первым советником
 двора Отомо Табито в ответ на песни пре-
 лестницы Кодзима*

Ах, когда проходить мне придется Кодзима
 В стороне дальней Киби
 По дороге в Ямато,
 Верно, буду тогда вспоминать я Кодзима,
 Мной любимую деву, что осталась в Цукуси.

Я ли это,
 Который считал себя раньше
 Мужем стойким, отважным,
 Буду смахивать слезы
 На насыпи этой дорожной — Мидзуки?

*Две песни, сложенные в третьем году
Тэмнэ [731], в которых царедворец Отомо
[Табито], первый советник двора, находясь
у себя дома, в столице Нара, тоскует о род-
ных местах*

969

Ах, совсем ненадолго
Мне пойти и взглянуть бы!
В Камунаби пучина
Обмелела, быть может,
Стала слабым потоком?

970

Ах, в те дни, когда будут цветы осыпаться
С веток дерева хаги
В Курусунооно,
Я пойду
И богам принесу свою жертву!

971

*Песня Такахаси Мусимаро, сложенная в четвертом
году [Тэмнэ (732)], когда Фудзивара Умакай был на-
значен на должность военного инспектора дорог*

В эти дни, когда кругом
Стала алой от росы
Нежная листва,
И над Тацута-горой
Тучи белые встают,
Ты, что в дальний путь идешь
Через горы и холмы,
Через цепи сотен гор

Будешь ты держать свой путь,
И в Цукуси стороне,
Нас хранящей от врагов,
Завершив свой славный путь,
Подели ты слуг своих,
В разные пошли концы
И веди им оглядеть
Все границы дальних гор
И границы всех полей
До пределов, где звучит
Эхо между горных скал,
До пределов, где ползет
По земле живая тварь,
Разузнай дела страны!
Ныне — скрыто все зимой,
А когда придет весна,
Птицею летящей ты
Возвращайся поскорей!
И когда начнут сверкать
Алых цуцудзи цветы
На дорогах, у холмов,
Возле Тацута-горы,
И когда начнут цвести
Вишен нежные цветы, —
Как у Яматадзу, здесь,
В яркой зелени листвы
Тянется навстречу лист
К каждому листу, —
Я навстречу поспешу,
Чтоб приветствовать тебя!
Только бы вернулся ты!

972

Каэси-ута

Пусть будет войск
Несметное число,
Ты храбрецом себя покажешь, знаю,
И всех без лишних слов
Сумеешь победить!

*Песня императора [Сёму], исполненная им, когда он
подносил вино военным инспекторам дорог*

О, когда из здешних мест,
Други, двинетесь вы в путь,
В дальний край моей страны,
Где правление вершу,
Со спокойною душой
Буду здесь я пребывать,
Простирая руки к вам,
Буду вас я ожидать.
Я — верховный властелин,
Царственной своей рукой
Вас прижму к груди своей.
Милостями одарив,
Заклучу в объятия вас,
Милостями одарив,
И вино, что будем пить
В день, когда вернетесь вы,
Будет это же вино —
Лучшее из вин!

Каэси-ута

Не забывайте, то дороги,
Где надлежит лишь рыцарям идти!
Не будьте же
В пути беспечны,
Друзья отважные мои!

Песня Абэ Хиронава, второго советника двора

Как хорошо бы
Жить и жить на свете!
О жизнь короткая моя,
Что жемчугом блеснет,— и нету...
Хочу, чтоб длилась долго ты!

976—977

*Две песни, сложенные Камикосо Оюмаро,
когда он переходил гору Кусака в пятом
году Тэмнэ [733]*

976

В бухте Нанива следы прилива —
Водоросли, ракушки —
Запомню хорошо,
Оттого что милая ожидает дома
И о них начнет расспрашивать меня!

977

О, верно, по дороге этой
Прямой тропой проходя,
Назвали люди
«Озаренным»
Вид моря в бухте Нанива!

978

*Песня, сложенная Яманоз Окура, когда он был
тяжело болен*

Отважным мужем ведь родился я.
Ужель конец короткого пути
Без славы,
Что могла из уст в уста,
Из года в год, из века в век идти?

Песня Отомо Саканозэ, посланная племяннику Якамоти, когда он, покидая ее дом в Сахо, возвращался в свою западную резиденцию

Легка одежда
На возлюбленном моем.
О ветер, дующий среди долин Сахо,
Не дуй жестоко так до той поры,
Пока он не вернется в дом родной!

Песня Абэ Мусимаро о луне

Скрывает от дождя прекрасный зонт...
Гора Микаса — «зонт прекрасный»,
Не оттого ли, что он поднят высоко,
Луна еще не показалась в небе,
А ночь становится темнее и темней!

981—983

Три песни Отомо Саканозэ о луне

Верно, оттого что так высоки
Горы Такамато,
Здесь, в Каритака,
Очень что-то поздно засветила
Выходящая из-за горы луна.

Ночью черной, как черные ягоды тута,
Встал туман...
И такая печаль
Видеть в небе луну,
Что едва в темноте этой светит...

983

О, как чудесно любоваться
Небесным блеском, что выходит из ворот
Равнин небес, где показался
Прекрасный юноша
Над гребнями горы!

984

Песня девушки из провинции Будзэн о луне

Куда ушла она, за облаками скрывшись,
Не знаю я.
Не ты ли, милый мой,
В разлуке хочешь у себя полюбоваться
Моей любимую луной?

985—986

Две песни принца Юхара о луне

985

Юноша — прекрасный месяц
В небе дальнем,—
Принесу тебе богатые дары.
Только пусть длина чудесной этой ночи
Станет равной сотням, тысячам ночей!

986

Для того чтобы пришел друг милый
Из ближайшего
Соседнего села,
В этот поздний час в полях широких
Озарила ль путь ему луна?

Песня Фудзивара Яцука о луне

Луна, что с нетерпением ждал,
 От взоров спряталась
 За гребнями Микаса,
 Как за полями шляпы, что скрывает
 От взоров лик девицы молодой.

*Песня принца Итихара, сложенная на пиру и честву-
ющая его отца — принца Аки*

Цветы, расцветшие весной,
 Когда пройдет пора, цвет изменяют свой...
 Так будь же вечен ты,
 Как вечны скалы,
 Мой друг — отец глубокочтимый мной!

*Песня принца Юхара об обряде изгнания злого духа
из вина*

Опьянел я от вина,
 От обильного вина,
 Что здесь славили теперь, заклинанья говоря,
 Рыцари, взмахнув мечом
 И вонзив свой меч в вино!

*Песня Ки Кахито, сложенная при виде сосны на за-
росшем холме в Томи*

Сосна, что тысячу веков способна жить,
 Цветущая и древняя, как боги,
 Что на холме заросшем
 С давних пор стоит, —
 Неведомы ее мне годы...

991

Песня того же Кахито, исполненная им, когда он достиг окрестностей реки Хацусэ

Бегущая со скал
Струится в белой пене
Река Хацусэ,— нету ей конца...
И без конца я приходить к ней буду
И буду любоваться без конца...

992

Песня Отомо Саканоз о селе, где находится храм Гангодзи

В селе старинном
Асука есть храм,
Но храм другой, что Асука зовется
В столице Нара, дивной в зелени листвы,
Как посмотрю, во много раз прекрасней!

993

Песня Отомо Саканоз о молодом месяце

Месяц миновал —
И зачесалась бровь,
Тонкая, как месяц молодой:
Верно, встреча будет мне с тобой,
О котором долго тосковала!

994

Песня Отомо Якамоти, сложенная при взгляде на молодой месяц

Когда, подняв свой взор к высоким небесам,
Я вижу этот месяц молодой,
Встает передо мной изогнутая бровь
Той, с кем один лишь раз
Мне встретиться пришлось!

Песня Отомо Саканоэ, сложенная на поэтическом турнире среди своих родственников

Беспечно веселясь,
Давайте пить вино!
Ведь даже травам и деревьям
Весною суждено цвести,
А осенью — опасть на землю!

Песня Аmanoинукай Окамаро, сложенная по приказу императора [Сёму] в шестом году [Тэмнэ (734)]

Мне, одному из подданных твоих,
Есть знак, что силу жить всегда дает,
Когда подумаю, что я родиться мог
Во времена, наполнившие славой
Небесную и всю земную твердь!

997—1002

Шесть песен, сложенных во время путешествия императора [Сёму] во дворец Нанива весной [шестого года Тэмнэ (734)] в третьем месяце

<Неизвестный автор>

Как раковины сидзими
На берегу Кохама в Суминоэ,—
Их не открыть никак,—
Ужели и любовь я буду лишь скрывать
И вечно жить, тоскуя?

<Песня принца Фунэ>

Там, далеко, среди колодца облаков,
 Где горы Ава, словно брови, выступают,
 Плывущая ладья...
 Куда она плывет,
 Где ждет ее причал — никто не знает...

<Песня принца Морибэ>

Вот дождь из Минумэ
 Пришел сюда!
 А рыбаки селения Сихацу
 Сушили сети у себя,—
 Не вымокнуть бы им от этого дождя!

<Песня принца Морибэ>

О, если б милая была со мной,
 Мы с ней вдвоем бы слушали всегда
 На отмели морской
 Кричащих журавлей,
 Чьи голоса мне слышны в алый час зари.

<Песня Ямабэ Акахито>

Вот достойные рыцари
 На охоту светлейшую вышли,
 И придворные дамы
 Волочат подолы пурпурной одежды...
 О кристальная отмель!

1002

<Песня Абэ Тоёцугу>

Мы лошадей
Задержим, остановим
И красной глиной этих берегов
Страны прекрасной Суминоэ
Окрасим платье и уйдем!

1003

Песня, сложенная Фудзии Онари, губернатором провинции Тикуго, при виде рыбацкого челна, показавшегося вдалеке

Как видно, юные рыбачки
Искать решили дорогие жемчуга,
Я вижу, как выходит их ладья
В открытом море,
Где бушуют волны!

1004

Песня Курацукури Масухито

Ты, что явился неожиданно ко мне,—
Домой ушел,
Увы, и не послушав даже
Лягушек пение
У светлых вод Сахо!

1005

Песня, сложенная Ямабэ Акахито по высочайшему приказу, во время пребывания императора [Сёму] во дворце Ёсину летом восьмого года [Тэмпё (736)], в шестом месяце

Дивный Ёсину-дворец,
Где изволит тешить взор
Мирно правящий страной
Наш великий государь!
Оттого что высоко
Горы в небо поднялись,—
Тянутся по склонам их
Вереницы облаков.
Оттого что быстры так
Горные течения рек,—
Струи падающих вод
И прозрачны и чисты.
Горы встали божеством:
Взглянешь — и боготворишь.
Дивно реки хороши;
Взглянешь — свежестью пахнёт.
И как горы в вышине
Не исчезнут никогда,
И как реки, что текут
И не перестанут течь,
Месту, где стоит дворец
С сотнями дворцовых слуг,
Никогда
Не знать конца!

1006

Каси-ута

Со времен всемогущих богов
Во дворце этом, в Ёсину дивном,
Всегда пребывали и вершили правленье
Земли властелины,
Оттого что здесь горы и реки прекрасны!

1007

*Песня принца Итихара, в которой он печалится, что
он единственный сын*

Безгласные деревья — и они
Ведь, говорят, имеют братьев и сестер,
А я единственным являюсь сыном,
И как печально
Быть мне одному!

1008

*Песня Имибэ Куромаро, в которой он упрекает друга
за запоздалый приход*

Ах, нерешительная бледная луна,
Что скрыта гребнем гор,
Появится ли в небе?
Появишься ли ты? Все жду тебя,
А ночь становится темнее и темнее...

1009

*Песня экс-императрицы [Гэнсё], сложенная зимой
восьмого года Тэмпё [736], в одиннадцатом месяце,
когда принцу Кацураги было пожаловано звание и
родовое имя Татибана*

О дерево Татибана!
Пусть даже на плоды, цветы,
На листья,
Пускай на ветки иней упадет,
То дерево стоять зеленым будет вечно!

1010

Песня Тагибана Нарамаро, сложенная по приказу императора

Подобно снегу, что ложится
В ущельях гор, сгибая до земли
Большие ветви древних криптомерий,
Пусть прибавляет время годы нам,
Оно не свалит нас на землю!

1011—1012

Две песни, сложенные зимой восьмого года Тэмпё [736], в двенадцатый день двенадцатого месяца, когда сыновья придворных, ведавших песнями и плясками, собрались в доме Фудзии Хиронари и слагали песни, устроив поэтический турнир

1011

[Неизвестный автор]

Когда бы я послал тебе сказать,
Что слива расцвела у дома моего,
Ведь это означало бы: «Приди!» —
И если б ты пришла на этот зов,
Я не жалел бы об опавших лепестках!

1012

[Неизвестный автор]

Мой сад игрушечный,
Где вешнею порой
Поет, не умолкая, соловей
И ветви гнутся вниз под тяжестью цветов,
Ты постоянно посещай, мой друг!

1013—1014

Две песни, сложенные весной девятого года [Тэмпё (737)], в первом месяце, когда Татибана Саи и другие царедворцы пировали в доме верховного судьи принца Кадобэ

1013

<Песня хозяина — принца Кадобэ>

Когда бы мог заранее я знать,
Что ты пожалуешь ко мне домой,
И в доме у себя
И у ворот
Я все устал бы яшмой дорогой!

1014

<Песня Татибана Аянари>

О милый друг, кого хочу увидеть
Я завтра вновь,
Хоть и видал его
Вчера, позавчера
И даже ныне!

1015

Песня принца Энои, сложенная в ответ на песню принца Кадобэ

Мне кажется, чем ждать,
Усыпав яшмой путь,
Приятней насладиться этой ночью,
Когда к тебе приходит близкий друг
Совсем негаданно, неожиданно...

1016

Песня, сложенная весной, во втором месяце, во время пира в доме младшего левого секретаря Косэ Сукуна-маро, где собрались придворные чиновники из императорской свиты

Переправы далекие
Водных равнин
Я с трудом перешла и явилась сюда,
Чтобы только увидеть, как здесь, на пиру,
Веселится сегодня дворцовая знать!

1017

Песня, сложенная Отомо Саканозэ летом в четвертом месяце, когда она совершила паломничество в храм Камо и, возвращаясь домой вечером, проходила гору Осака и любовалась морем в Оми

Ах, горы Тамукэ,
Где в дар приносят ткани из века в век,
Я нынче перешла...
Среди каких полей, в какой долине
Найду себе я временный ночлег?

1018

Песня монаха из храма Гангодзи, сложенная в десятом году Тэмпё [738], в которой он горюет о себе

Вот она — сиратама,
Неизвестна она людям,
Пусть не знают, не беда,
Пусть не знают,—
Лишь бы я знал об этом,
А другие — пусть не знают, не беда!

1019—1023

*Песни, сложенные, когда Исоноками Ото-
маро был сослан в страну Тоса*

1019

О вельможа славный наш
Исоноками Фуру!
Слабой женщиной
Ты был очарован, искушен,
Оттого привязан ты,
Как веревкой бедный конь,
Как олень иль дикий вепрь,
Стрелами ты окружен,
С трепетом приказу вняв
Государя своего,
Удалился ты тогда
В отдаленье мест глухих,
Дальних, как небесный свод.
Платье постирав свое,
Колотушкою побив,
С гор далеких Мацути
Не вернешься ль ты домой?

1020—1021

С трепетом приказу вняв
Государя своего,
Удалился ты в страну,
Что за морем залегла,
Что лежит вдали от нас,
Ты возлюбленный мой друг.
Боги грозные, о ком
И сказать великий страх,
Боги Суминоэ вдруг,
В образе людей явясь,
Пусть сойдут с высот своих,
На корме, на корабле
Направляют пусть в пути!
И у дальних островов,
Что ты будешь проплывать,
У скалистых мысов всех,

Что ты будешь огибать,
Пусть встречаться не дадут
С бурной пенистой волной,
С грозным ветром на пути.
Чтоб, не зная страшных бед
И недугов избежав,
Возвратился ты домой
В прежнюю свою страну!

1022—1023

1022

У отца родного я
Ведь зеницей ока был!
И у матери родной
Я зеницей ока был!
У заставы Касико,—
Где дары несут богам
Люди множества родов,
Что в столицу держат путь,—
У заставы Касико,
Жертвы принеся богам,
Я лишь удаляюсь прочь
От столицы дорогой,
В Тоса — дальний путь держи!

1023

Казси-ута

В Оосаки берега богов
Неудобные, и пусть пролив там узкий,
Но из многих сотен моряков,
Говорят, никто не мог проехать мимо,
Только я проехать принужден...

1024—1027

*Четыре песни, исполненные на поэтическом
турнире в доме правого министра Татибана
Мороз осенью в восьмом месяце, двадца-
того дня*

1024

<Песня Кособэ Цусима>

В Воротах вечности — в Нагато
В открытом море остров есть
Карисима.
Любимый друг, подобно острову в Нагато,
Желаю жить тебе я много тысяч лет!

1025

<Песня Татибана Мороз, сложенная в ответ>

О друг мой дорогой, — тебе,
Ко мне исполненному
Искренней любовью,
Желаю много, много тысяч лет
Счастливой и достойной жизни!

1026

Все сто почтеннейших вельмож
Из славной свиты государя
И ныне, так же как и ране,
Досуга не имеют, говорят,
И оттого в селенье наше не придут!

1027

Под сенью померанцевых цветов
 Один шагаю по дороге,— и думы разное сулят,
 Как перекресток, где манят
 В любую сторону дороги,—
 И мучусь я, а ты не ведаешь о том!

1028

Песня Отомо Саканоэ

Оттого что рыцари напали
 В Такамато среди гор на след его,
 Он спустился с гор сюда, в село.
 Вот он — пойманный зверек,
 Забавный мусасаби!

1029

Песня, сложенная Отомо Якамоти во временном дворце в Коти, когда император Сёму прибыл в провинцию Исэ зимой двенадцатого года Тэмнэ [740], в десятом месяце, в связи с тем что Фудзивара Хирацугу задумал мятеж и поднял войска

В приюте временном живу среди полей
 Близ устья протекающей реки
 И в те часы,
 Когда приходит ночь,
 О рукавах любимой я грущу!

1030

Песня императора [Сёму]

Когда взглянул кругом
 В Аганомацибара,
 Где ждут возлюбленных, томятся от любви,
 Над бухтой, где прилив от берегов отхлынул,
 Кричали, пролетая, журавли...

1031

Песня Тадзихи Иэнуси

Тебя, что осталась дома,
Вспоминаю всегда с любовью
И на мысе Сидэносаки
Богам подношу я ткани
И думаю: будь же счастливой!

1032—1033

*Две песни Отомо Якамоти, сложенные во
временном дворце в Садза*

1032

Пока сопровождаю я тебя
В твоём пути, великий государь,
У дорогой жены
В объятьях мне не спать,—
Ведь целый месяц с той поры прошёл!

1033

Быть может, это рыбаки Сима,
Страны, что дань приносит рыбою и рисом.
Мне видно, как плывут
На море их ладьи,
Что мастерами сделаны в Куману!

1034

*Песня Отомо Адзумахито, сложенная во временном
дворце Таги в стране Мино*

Вот эта дивная вода!
О ней с древнейших пор
Передавали люди,
Что старцам молодость она даёт —
Струя прославленного водопада!

1035

Песня, сложенная Отомо Якамоти

Не потому ль, что дивен водопад
Реки Тадо с ее кристальной влагой,
С древнейших пор
Здесь строили дворцы
Среди полей зеленых Таги!

1036

Песня, сложенная Отомо Якамоти во временном дворце в Фува

Когда бы не было кругом меня застав,
Пустился б я тогда
В обратный путь:
Так хочется в объятьях мне уснуть
На изголовье из твоих любимых рук!

1037

Песня Отомо Якамоти, восхваляющая столицу Куни, сложенная им осенью пятнадцатого года Тэмнэ [743], в шестнадцатый день восьмого месяца

Столица родины моей,
Что здесь мы ныне заложили!
Когда взгляну
На прелесть рек и гор,
Я вижу впрямь, что нет ее красивей!

1038—1039

Две песни Такаока Коти

1038

Ведь родина моя совсем недалеко,
И оттого, что надо перейти
Одну лишь цепь
Лежащих близко гор,
Исполнен я отчаянной тоски!

1039

О, если бы с тобою, милым другом,
Мы были здесь вдвоем,
Мне было б все равно,—
Пусть даже и луна не светит
Из-за высоких гор в селении моем!

1040

Песня, сложенная Отомо Якамоти во время поэтического турнира, устроенного принцем Асака в доме младшего левого секретаря Фудзивара Яцука

С небес извечных
Льет поток дождя...
И эту ночь, любимое дитя,
В твоём приюте
Провести мечтаю...

1041

Песня, сложенная на поэтическом турнире, когда придворные чиновники собрались в доме Абэ Мусимаро весной шестнадцатого года [Тэмпё (744)], в пятый день первого месяца
<Неизвестный автор>

Вот юки — «снег», а «юки», ведь,— «идти»,
 И он идет и серебрит сосну,
 Что «мацу» звать, а это значит «ждать»,—
 И ждет она прихода твоего...
 Как этот снег, не буду я идти, а буду, как сосна, стоять и ждать...

1042—1043

Песни, сложенные на пиру, когда, поднявшись на холм Икудзи, все собрались под сосной в одиннадцатый день первого месяца шестнадцатого года Тэмпё [744]

1042

<Песня принца Итихара>

Одна осталась старая сосна —
 О, сколько же веков стоит она?
 И то, что от порывов ветра
 Звон слышится среди ее ветвей,
 Нам говорит, что лет немало ей!

1043

<Песня Отомо Якамоти>

Не знаю жизни я,
 Что яшмою блеснет,
 И узел мной завязанных ветвей
 Сосны зеленой будет означать,
 Что долго, долго жить хочу я на земле!

1044—1046

*Три песни, сложенные в печали о заброшен-
ной столице Нара*

1044

[Неизвестный автор]

Не оттого ли, что сердце окрашено густо
Алым цветом любви,
В Нара-столице
Долгие годы
Мог бы я жить и жить...

1045

[Неизвестный автор]

О, этот мир и суетный, и бренный!
Как он не вечен,
Ныне понял я,
Когда увидел я столицу Нара,
Что стало с ней теперь и чем она была!

1046

[Неизвестный автор]

Как этот плющ — всегда зеленый,
Сумею ли опять помолодеть?
Смогу ли я увидеть снова
Столицу Нара
В дивной зелени листвы?

1047

Песня, сложенная в печали о старом селении Нара

<Из сборника Танабэ Сакимаро>

О Ямато-сторона,
Где правление вершит
Мирно правящий страной

Наш великий государь!
Это дивная страна,
Правили которой здесь
Вечно, со времен богов,
Внуки славные небес.
О столица Нара, ты,
Что заложена была,
Для того чтобы всегда
Принцы здешней стороны,
Что рождались во дворце,
Правили б из века в век
Поднебесной в той стране
Тысячи спокойных лет,
Бесконечные века...
О столица Нара,
Где
Лишь наступят дни весны
В свете солнечных лучей,
Как на Касуга-горе,
На Микаса на полях,
Среди зарослей ветвей
Вишен прячутся цветы,
Птицы каодори там
Распевают без конца.
А лишь осень настает
С белым инеем, росой,
Как у склонов Икома,
У Тобухигаока,
Ветви хаги наклонив, осыпая лепестки,
Бродит по полям олень
И кричит, зовя жену...
Взглянешь ты на горы ввысь —
Любо взору твоему,
Взглянешь на селенье ты —
И в селе чудесно жить!
Множество придворных слуг
Славных воинских родов
Выстроили в ряд дома
И застроили село.
О дворец, что, думал я,
Будет вечно процветать —
До тех пор, пока здесь есть
Небо и земля,
О столица Нара, ты,

На которую всегда
Уповали всей душой, —
Оттого что наступил
В нашей жизни новый век,
Все покинули тебя
С государем во главе.
Как весенние цветы,
Быстро твой померкнул блеск.
И как стаи певчих птиц
Улетают поутру,
Сразу все отбыли прочь...
И на улицах твоих,
На дорогах, где, неся
За спиной своей колчан
И бамбук торчащих стрел,
Люди царского дворца
Проходили взад-вперед,
Даже конь не пробежит,
Не пройдет и человек,
Никого не видно там —
Опустело все вокруг!

1048—1049

Казси-ута

1048

Оттого что изменились времена
И столицей старой называют Нара,
На дорогах
Сорная трава
Стебли подняла свои высоко!

1049

Оттого что все пустынной и пустынной
Ты, столица Нара,
Близкая душе,
Каждый раз, как выхожу из дома,
Все растет и множится печаль!

*Песня, восхваляющая новую столицу
в Куни*

Бог, живущий на земле, —
 Наш великий государь!
 В Поднебесной, на земле,
 Где правление вершишь
 На восьми на островах,
 Хоть и много разных стран,
 Но страна, где хороши
 Цепи величавых гор,
 Но село,
 Где с двух сторон
 Реки сходятся, струясь, —
 То Ямасиро-страна
 Среди славных гор Косэ,
 То селенье Футаги,
 Где поставили столбы
 И воздвигнули дворец,
 Где отныне правишь ты!
 Оттого что близки там
 Реки —
 Чисты звуки струй,
 Оттого что близки там
 Горы —
 Громко пенье птиц.
 А лишь осень настает,
 Громко слышно среди гор,
 Как олень зовет жену.
 А когда придет весна,
 На холмах, на склонах гор
 Густо травы зацветут
 И в ущельях горных скал
 Раскрываются цветы,
 Заставляя гнуться вниз
 Ветви тяжестью своей.
 О, как дивно хороша
 Та долина Футаги!
 И величия полно
 Место, где стоит дворец!
 И, наверно, услышав,
 Что прекрасен этот край,

Наш великий государь
По желанью своему
Порешил, что будет здесь
Императорский дворец,
Где бамбуком на земле
Место обозначил он!

1051—1052

Каэси-ута

1051

Наверно, оттого что так прекрасна
Долина Футаги,
Здесь, в Миканохара,
Решили выбрать эти дивные места
И императорский дворец воздвигнуть!

1052

Высоки горы здесь
И чисты струи рек,
И сохранит на множество веков
Божественный и величавый вид
Великий императорский дворец!

1053

[Снова песня, восхваляющая столицу в Куни]

У дворца у Футаги,
Где правленье ты вершишь,
Наш великий государь,
Наш светлейший, славный бог,
В чащах зелени густой

Горы поднялись ввысь
И, стремящиеся вниз,
Чисты струи светлых рек,
А весной, когда в лесах
Песни соловей поет,
Здесь, на скалах среди гор,
Все сверкает и блестит,
Как богатая парча:
Раскрываются цветы,
Наклоня ветви вниз
Пышной тяжестью своей.
Осенью, когда олень
Среди гор зовет жену,
Омрачающий лазурь
Льет с небес осенний дождь,
И от этого в горах
Крашенная в алый цвет
С кленов падает листва...
Чтобы множество годов,
Пребывая на земле,
Правил Поднебесной ты,
Будет множество веков
Неизменно процветать
Место, где стоит дворец!

1054—1058

Каэси-ута

1054

О, если даже перестанет течь
В долинах горных
Идзуми-река,
У этого прекрасного дворца
Не пропадет вовек великолепья блеск!

1055

Когда глядишь на цепи дальних гор,
Гор Футаги, то думаешь одно:
Что неизменно будет жить в веках
То место дивное,
Где высится дворец!

1056

Гора Касэ — гора Катушка...
На катушку, говорят, мотают нить
Девы юные.
Твой срок достигнут:
Ты столицей пышной стала в наши дни!

1057

На горе Касэ густые рощи.
И поэтому разносится, звеня,
Каждым утром
Голос соловья,
Пролетающего с громкой песней.

1058

Кукушка, что поет
На склонах гор Кома,
Из-за того что очень далека
На Идзуми речная переправа,
Совсем не прилетает петь сюда.

1059

*Песня, сложенная в весенний день в печали
о заброшенной всеми Миканохара*

Есть столица здесь, в Күни,
В Миканохара!
Оттого что высоко
В небо горы поднялись
И прозрачны струи рек,

Мчащихся кругом...
Говорил всегда народ:
«Хорошо здесь будет жить».
Думалось мне всегда:
«Хорошо здесь пребывать».
Но считается она
Старым, брошенным селом...
И любишься страной,
Но не видно в ней людей,
А посмотришь на село —
В запустении дома...
О любимая моя,
Как могла ты стать такой?
Среди славных гор Касэ,
Гор, где люди чтят богов,
У раскрывшихся цветов
Так чудесен свежий блеск,
И приятно сердцу там
Пенье сотен певчих птиц!
О, как жаль, что то село,
Где прекрасно было жить,
Где хотел бы жить всегда,
Брошенным стоит теперь!

1060—1061

Каэси-ута

1060

В Миканохара,
В Куни, столица
Опустела и заброшена стоит,
Оттого что свита государя
Переехала отсюда навсегда.

1061

Цветов прекрасных блеск
Не изменился здесь,
А люди важные из свиты государя,
Сто знатных и почтеннейших вельмож,
Столицу старую покинули навеки.

Песня, сложенная во дворце Нанива

Нанива — дворец,
 Что изволит посещать
 Мирно правящий страной
 Наш великий государь,—
 Возле моря поднялся,
 Там, где ловят разных рыб...
 Близко он от берегов,
 Где находят жемчуга,
 Оттого в нем поутру
 Слышен громкий шум волны,
 Словно мощных крыльев взмах,
 А в затишье ввечеру
 Слышен громкий всплеск весла...
 И в рассвета алый час,
 Лишь откроешь ты глаза,
 Станешь слушать в тишине:
 У владыки вод морских,
 Слышишь — схлынул вдаль прилив,
 И на отмели зовут
 Кулики далеких жен.
 А в зеленых тростниках
 Громко журавли кричат...
 Все, кто видел тот дворец,
 Без конца ведут рассказ,
 Все, кто слышал сказ о нем,
 Увидать его хотят,
 О чудеснейший дворец
 Адзифу,
 Куда несут пищу, как святую дань,
 Сколько ни любуйся им,
 Не устанет жадный взор!

1063—1064

Каэси-ута

1063

От покоев пышного дворца
В Нанива, где бывает государь,
Море близко,
И поэтому видна
Лодка, на которой юные рыбачки...

1064

Лишь только схлынет на море прилив,
Как в дальних тростниках
Летающих журавлей
Зовущий жен несется грустный крик,
И даже во дворце все время слышен он!

1065

Песня, сложенная, когда проезжали бухту Минумэ

В бухте дальней Минумэ,
Что считали с давних пор,
Со времен, когда был бог,
Славный бог Ятихико,
Сотни разных моряков
Разных стран и островов
Славной гаванью,
Куда
Приставали всякий раз
Сотни разных кораблей,
Поутру — от ветерка
Волны белые шумят,
Вечеру — с морской волной
Прибывает к берегам
Водоросли-жемчуга.
О морские берега,
Где песок кристально чист,
В море иль домой плывешь,—

Сколько ни глядишь на них,
Не устанет жадный взор!
Верно люди говорят,
Будто каждый человек,
Что хоть раз взглянул на них,
Будет век передавать
Сказ о дивных берегах,
Восхищаясь их красотой!
И пройдут пусть сотни лет,
Восхищаться будет вновь
Этой дивной красотой
Чистых белых берегов!

1066—1067

Касси-ута

1066

Как в зеркало кристальное глядишь
На воды чистые залива Минумэ.
Не те здесь берега,
Чтоб сотни кораблей
Могли пройти, не залюбуясь красотой!

1067

Оттого что чисты берега,
Оттого что бухта красотой блистала,
Со времен богов, бросая якоря,
Тысячами корабли стекались сюда,
К берегам чудеснейшим Овада!

КНИГА СЕДЬМАЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

Поют о небе

1068

<Из сборника Какиномото Хитомаро>

Вздывается волна из белых облаков,
Как в дальнем море, средь небесной вышины,
И вижу я:
Скрывается, плывя,
В лесу полночных звезд ладья луны.

1069—1086

Поют о луне

1069

Обычно никогда о ней не думал,
Но вот настала ночь,
Когда жалею я,
Что эта светлая луна
Уходит и скрывается от взора.

1070

Ах, даже дальние поля в Каритака,
Где потрясают славным луком,
Охотясь, рыцари,—
Ведь даже те поля сегодня ночью светлая луна
Кристалльным озаряет блеском!

1071

Пока стоял и ждал,
Не выйдет ли луна,
Что не решается на небе показаться
Из-за высоких гребней дальних гор,
Ночь темная уже сошла на землю.

1072

Хочу, чтобы луна,
Что завтра ночью
Вновь засверкает ярко в вышине,
Спускаясь, задержалась в небе,
И эта ночь продлилась бы вдвойне!

1073

Ниспадают жемчуга на нитях шторы,
О, какой никчемной кажется луна
В час ночной, когда сидишь одна
И через бамбуковые шторы
В одиночестве глядишь на небосвод!

1074

Эта луна,
Что сияньем своим озаряет
Склоны горные Касуга, — эта луна
И в саду моей милой,
Наверное, так же кристально сияет...

1075

Оттого ль что далек
До равнины морской
Путь, что следует лунному свету пройти,
Эта ночь, когда слабо сияет луна,
С каждым часом темней и темней...

1076

Как прозрачно чиста
Этой ночью луна,
Когда сотни вельмож,
Покидая дворец,
Веселятся...

1077

Пускай бы на западных склонах
Дальних гор появилась застава,
Чтоб месяц, по небу плывущий
Ночью черной, как ягоды тута,
Не исчезнул с небесного свода!

1078

Если светлая эта луна
Появилась здесь,
То, наверное, милая вышла из дома,
И меня ожидает, и думает:
«Может, сейчас он придет?»

1079

Месяц светлый, что должен сиять,
Как поверхность прозрачных зеркал,
Не облака ль белотканые
Скрыли от взора?
Иль небесный туман затянул пеленой?

1080

Вечные своды небес
Озаряющий месяц...
Не со времен ли богов
Он уходит и снова приходит,
А годы идут и идут....

1081

Ночью черной, как черные ягоды тута,
Ясный месяц, по небу плывущий,
Прекрасен,
И, пока любовался я нежным сияньем,
Вдруг упала роса на рукав белотканый...

1082

Нынче можно увидеть
Даже мелкую гальку
В глубине многоводной открытого моря.
Так сияет, сверкая, в небесах ясный месяц,
Когда темная ночь на земле наступает...

1083

Не потому ль, что перед инеем туман
Все заволок в далекой вышине,—
Подумал я,—
Не вижу светлую луну,
Плывущую в извечных небесах...

1084

О, до какой поры
Стоять и ждать луну,
Что не решается на небе показаться
Из-за высоких гребней дальних гор,—
Ведь ночь уже спускается на землю...

1085

К дому подойдя, где милая живет,
Помашу ей рукавом издалека...
Над деревьями
Взошедшую луну
Вы не застилайте, облака!

1086

Верно, из-за рода славного Отомо,
Где так много рыцарей отважных,
Что колчан и стрелы носят за спиной,
Свет луны сияет нынче ярко,
В знак того, что славой их страна сверкает...

1087—1089

Поют о тучах и облаках

1087—1088

<Две песни из сборника Какиномото Хитомаро>

1087

На реке на Анаси
Встала в пене белая волна.
В Макимоку,
Над вершиной Юцуки,
Верно, дождевые тучи собрались!

1088

Вместе с шумом
Мчащихся потоков,
Что бегут среди распростертых гор,
Над вершиной Юцуки далекой,
Подымаясь, проплывают облака...

1089

В океане, в голубой дали
Не видно взору даже островка,
И среди морских равнин,
Качаясь на волне,
Лишь белоснежные восходят облака...

1090—1091

Поют о дожде

1090

Верно, милая моя
Платя красного подол
Промочила весь насквозь,—
Ведь от мелкого дождя
Нынче даже я промок!

1091

Дождь, не лей с такою страшной силой,
Чтоб одежды промочить мои,—
Вниз надел я нынче платье милой,
Сшитое на память,
В знак любви!

1092—1098

Поют о горах

1092—1094

<Три песни из сборника Какиномото Хитомаэ>

1092

Склоны гор в священных рощах хиноки
В Макимуку,
О которых лишь слышал,
Где богов гремящих слышен гул,
Наконец я нынче увидал!

1093

Как было б хорошо, когда бы следом
За цепью гор святых,
Что тянутся грядой,
Гора бы показалась Макимуку,
Где спят в объятьях девы молодой!

1094

Свои одежды
В алый цвет окрашу:
Там, где богам подносят сладкое вино,
Где поднялись святые горы Мива,
Покрылись склоны алою листвою!

1095

Когда взгляну на горы Мива,
На мест святых божественный простор,
Я вспоминаю рощи солнечных деревьев
В стране Хацусэ,
Скрытой среди гор...

1096

Преданий древних
Я не знаю,
Но даже с той поры, когда увидел я
Тебя впервые, лет прошло немало,
Гора небесная — Кагуяма!

1097

Милый мой, приди ко мне!
Говорит: «Приди» — гора Косэ.
Но ко мне
Ты не приходишь все равно,
Знать, гора Косэ — название одно!

1098

На дороге дальней, в стороне Кии,
Говорят, стоит гора «Жена».
...Ларчик с гребнем крышкою накрыт...
И у гор Футагами из двух вершин одна
Тоже называется «Жена», а я — один...

Поют о холмах

1099

Если б в Катаока на холмах зеленых,
Что передо мной открылись на пути,
Семена бы дуба я посеял,
Смог бы этим летом
Тень я там найти?

1100—1115

Поют о реках

<Две песни из сборника Какиномото Хитомаро>

1100

Как в Макимуку воды Анаси
В долинах горных без конца струятся,
О, так же без конца
Я буду приходить
И снова ими любоваться!

1101

Когда ночь наступает,
Ночь, как черные ягоды тута,
Подымается шум
На реке Макимуку,—
Уж не буря ли это?

1102

Чистота журчання струй текущих
Средь долин зеленых узкой речки,
Что обвила поясом
Микаса-горы,
Схожие с короной государя!

1103

Ту заводь тихую большой реки
В прекрасном Ёсину,—
Что, думал, не увижу,
Наверно, больше никогда,—
Сегодня снова я увидел!

1104

Коней построив в ряд,
Нам захотелось
Полюбоваться в Ёсину рекой,
И вот, минуя горы, мы явились
И посетили дивный водопад!

1105

Ёсину-реку, что славится красою,
Что я не видел
И по слухам только знал,
У берегов Мупуда, там, где заводь,
Сегодня, наконец, я увидал!

1106

Любуясь ныне
Чистою долиной,
Где плачет в тишине речной олень,
Когда еще, минуя эти горы,
Приду я любоваться на нее?

1107

Оттого что на реке Хацусэ,
Похожие на белые цветы,
Кристалльной чистоты
Бегут, сверкая, струи,
И я пришел взглянуть на эту красоту!

1108

Оттого что быстро мчатся струи
Реки Хацусэ,
Достигая глубины,
Кристаллы звуки набегающей волны,
Катящейся через плотины...

1109

Оттого что быстро мчатся струи
Реки Хинокума
В Хинокума,
Я за руку б тебя, любимый мой, взяла,
Но, если я возьму, пойдут людские толки!

1110

Отыскать собираясь
Поблизости новое поле,
Чтоб посеять священные там семена,
Завязки одежды своей замочил я,
Шагая по отмели этой реки.

1111

И в старину, наверное, внимали,
Как и теперь,
И восхищались им,
Журчаньем
Струй прозрачных Фурукава!

1112

Девушка, надевшая впервые
На себя веночек ханэкадзура,
Очень молода. «Идем со мною!»
У реки Идем-со-мною
Так кристальна звуков чистота...

1113

Над речкой малой
Вдруг туман сгустился,
Хоть у источника, где бьет вода ключом
И с быстротою страшной вниз стремится,
Я жалобы богам не произнес!

1114

Там, где мой шнур
Был завязан рукою любимой,
Юя-река, к отдаленным твоим берегам
Вновь возвратясь, любоваться я буду тобою
Бесконечное множество лет...

1115

О пути реки далекой Юя,
Где завязывают шнур любимой,
Говорят, что раньше, в старину,
Люди так же любовались ею,
Только кто об этом может знать?

Поют о росе

1116

К росе небесной, в иней превращенной,
Что, падая, лежит на волосах моих,
Таких же черных,
Словно ягоды у туты,
Лишь прикоснусь я — исчезает вмиг...

Поют о цветке

1117

Когда на море обогнул я остров,
Цветок увидел на скалистом берегу.
Пусть дует ветер
И бушуют волны,
Пока я не сорву, я не уйду...

1118—1119

Поют о листьях

<Две песни из сборника Какиномото Хитомаро>

1118

Те люди, что жили в далекие годы,
Наверное, так же, как делаю ныне,
Здесь, в рощах священных
По имени Мива,
Венками себя украшали из листьев.

1119

Реки текущей убегает воды,
Как воды рек, уходят люди навсегда,
Зеленых листьев на венки здесь не срывают,—
И оттого печали вся полна
Священных солнечных деревьев роща в Мива!

Поют о мхе

1120

Ковер из мха на мысе Аонэгатакэ!
Здесь, в дивном Ёсину,
Кто выткал тот ковер,
Не продавая даже нитки,
Не делая стежка — ни вдоль, ни поперек?

Поют о травах

1121

На дороге, по которой прохожу
К дому, где живет любимая моя,
Камыши зеленые и густой бамбук.
Если буду проходить там я,
Ты склонись к земле, бамбуковая чаща!

1122—1124

Поют о птицах

1122

Возле отмели речной, куда летят
Утки акиса,
Что между гор летают,
Ты не поднимайся,
Белая волна!

1123

Речных оленей,
Плачущих тидори
В долине чистых вод
Реки Сахо
Я нынче позабыть не в силах!

1124

Тидори, подымающие шум
У вод реки Сахо прозрачных!
Лишь наступает ночь,
Я голос слышу ваш
И после этого заснуть уже не в силах!..

1125—1126

Тоскуют о родине

1125

О Камунаби — сердцу милое село,
Где между гор
Встает тумана дымка
И на кристальной отмели тидори
Далеких призывают жен!

1126

Еще ведь не прошли
Ни месяцы, ни годы,
А здесь, на Асука-реке,
Из камешков мосток на отмели прибрежной
Уже исчез...

1127—1128

Поют о колодце

1127

Так прозрачна и чиста вода,
Бьющая из родника,
Что с гор бежит в долину...
Я, что собирался уходить,
Не могу никак уйти отсюда!

1128

Ты, сверкавший блеском,
Как цветы асиби,
Сделал здесь колодец каменный в земле.
Сколько я ни пью колодезную воду,
Я никак напиться не могу!

Поют о яматогото

1129

Когда возьму я в руки кото,
То раньше звуков появляется печаль.
А может быть,
В глубинах кото
Скрывается моя жена?

1130—1134

Сложено в Ёсину

1130

Когда взгляну на гору Микумари
В прекрасной Ёсину-стране,
Что божеством предстала в вышине,
Внушая страх отвесною скалою,—
Как ею восторгаюсь я!

1131

Когда дивное Ёсину ныне увидел,
Которое с древности любят все люди,
Я понял — недаром его так любили:
Прекрасны там горы,
Прекрасны там реки!

1132

Имэновада — царство сновидений,—
 Пустыми оказались те слова!
 Ведь наяву
 Его увидел я
 Лишь оттого, что с давних пор мечтал об этом!

1133

Я слуга из свиты божества — внука всемогущего богов.
 О трава бессмертия — токородзура!
 Еще дольше, чем живет она,
 Вечно буду приходить сюда
 Снова любоваться этой красотой!

1134

Как крепкие дубы и скалы
 У Ёсину-реки
 Красуются всегда,—
 Всегда я буду приходить сюда,
 Пока не канут в бесконечность годы!

1135—1139

Сложено в провинции Ямасиро

1135

Как видно, на реке на Удзигава
 Нет места, где потоки вод мелки,
 И голоса, зовущие ладьи,
 Людей, что адзиро там караулят,
 То там, то тут становятся слышны...

1136

О водоросли сугамо,
Растущие у берега Удзигава...
Лишь оттого, что там река быстра,
Сорвать не мог, без них пришел сюда,
А мог бы принести тебе в подарок!

1137

Родич древний,
С Адзиро сравненный!
Если бы той девой я была,
Я к тебе бы ныне приплыла,
Пусть и не была бы щепкой жалкой!

1138

Хоть и кричат:
Пуškai плывут ладьи
Через стремнину Удзигава! —
Но, верно, эти крики не слышны,
Ведь даже взмах весла не слышен...

1139

Люди в тихая — могучий род,
Род-река зовется Удзигава.
И не оттого ль, что в ней чиста волна,
Люди, что уходят в дальние края,
Силы не находят с ней расстаться?

1140—1160

Сложено в провинции Сэтцу

1140

Птицы синагатори сидят рядами...
И когда пришел я в поле Инану,
Над горою Арима
Встал туман вечерний,
Я теперь приюта не найду...

1141

Оттого ли что течение быстро
Бурных вод
Реки Мукогава,
Брызгами из-под копыт коня
Промочил насквозь в дороге платье!

1142

Чтоб жизнь моя счастливою была,
Я зачерпнул воды из родника,
Что в Таруми
Бежит, шумя, со скал,
И воду эту жадно пить я стал!

1143

На землю ночь сошла,
У мацурабунэ — ладьи из Мацура,
По Хориэ плывущей,
Так громко слышен нынче всплеск весла
Не оттого ли, что течение быстро?

1144

О, как досадно мне,
Что вдруг прилив нахлынул!
Я думал обогнуть
Изгибы берегов
Страны прекрасной Суминоэ...

1145

Рукав, что замочил
В морской волне в Тину,
Когда искал я ракушки
Для милой, —
О, сколько ни сушу, не высохнуть ему!

1146

Любимый человек
В моем дому живет...
А как хотелось бы увидеть
Мне глину желтую далеких берегов
Страны прекрасной Суминоэ!

1147

Будь время у меня,
С собою взял бы вновь
Я раковины в бухте Суминоэ,
Что прибывает к берегам волною,
Которые зовут «забудь-любовь»!

1148

На глину желтую прекрасных берегов
Далекой бухты Суминоэ,
Куда с друзьями мы примчались на конях,
На глину желтую, что ныне я увидел,
Я любоваться буду тысячи веков!

1149

Морские раковины «позабудь-любовь»,
Что я вчера увидел на дороге,
Где путь лежит
В край дальний Суминоэ,—
Одни слова: я не забыл любовь!

1150

Хотел бы дом иметь на берегу морском
В краю прекрасном Суминоэ.
Я восхищался бы, любуясь там всегда,
Как приливает белая волна
К песчаным берегам и убегает в море.

1151

Те волны, что все время набегают
И омывают Мицу берега
В стране Отомо,
Убегают в море,
И нам неведомы их дальние пути...

1152

Вот весел легкий шум
Мне слышится вдали:
Наверное, рыбачки молодые
На лодках вышли в море собирать
Жемчужные морские травы...

1153

Никогда я не смогу забыть,
Как у берегов Наго,
В далеком Суминоэ,
Мы, коней своих остановив,
Драгоценный жемчуг собирали...

1154

Вот дождь идет,
Шалаш мы строим свой...
Когда же наконец
Прилив в Аго отхлынет
И будем собирать мы жемчуг дорогой.

1155

В Наго, у моря, в час рассвета
Остатки разные, прибитые волной,
Лежат, наверное, и ныне
На этих берегах пустынных,
Разбросанные по земле...

1156

Цвет платья, что было окрашено мною
Прекрасными хаги в стране Суминоэ
В Тоодзатоону,
От времени ныне
Безжалостно выцвел...

1157

Хоть и не знаю я, когда подует
Попутный ветер, всё равно
У моря синего в Аго,
Пока прилив отхлынул, в час рассвета
Хочу срезать я водоросли-жемчуга...

1158

В Суминоэ
Волны белые на взморье,
Дунет ветер — набегут на берега,
И когда в тот миг взгляну на берег,
О, каким прозрачным кажется он мне!

1159

Чистота журчания волны,
Набегающей с далекого простора,
Омывающей подножие сосны
В Суминоэ
Возле берега морского...

1160

Стоя в бухте Нанива на берегу,
В час, когда прилив уже отхлынул,
Я взглянул кругом:
Над морем журавли
Пролетают мимо, к острову Авадзи...

1161—1250

Сложено в странствии

1161

Ведь в пути теперь один скитаюсь,
Вдалеке остался дом родной,
И в вечерний час, когда осенний ветер
Веет холодом, в далеком небе
Гуси с криком пролетают надо мной!

1162

Не оттого ли, что встала на море волна,
В гавани здесь, в Матоката,
Прибрежные птицы,
Жен призывая своих, над водой поднялися,
Приблизившись к берегам?..

1163

В тихой гавани Аютигата,
Верно, схлынул с берегов прилив:
Видно, как ладья,
Что вышла в бухту Тита,
На морском просторе вдаль спешит...

1164

Когда прилив от берегов отхлынул,
Далекими вдруг стали голоса
Кричащих журавлей,
Что к бухте полетели
И, верно, кружат возле берегов...

1165

Журавль, что ищет для себя добычу
У берегов в затишье ввечеру,
Оттого что в час прилива
Волны встали,
Жалобно зовет свою жену к себе...

1166

Вот эта дивная долина, что искали
В пути все люди,
Что живали в старину
И платья красили душистыми цветами,—
Долина хаги в стороне Ману...

1167

Ту траву зеленую «имя-назови»,
Что я видел
На скалистом берегу,—
О, с какого острова рыбак
Срежет ту заветную траву?

1168

И сегодня, наверно,
Жемчужные травы морские
Поломались от белой бегущей волны,
Что нахлынула в восемь рядов,
И лежат в беспорядке у моря...

1169

В далеком море, в Оми,
Гаваней не счесть.
О, где же ты
Корабль свой причалишь
И будешь травы связывать в пути?

1170

Если собрались облака
В Садзанами,
Над горой Намикура,
Говорят, что быть тогда дождю, —
Возвращайся, милый мой, сюда!

1171

Все думаю о побережье дальнем
В Мионокатину,
В Такасима,
Куда причаливал и ждал погоды
Корабль государя моего.

1172

Где кормчий,
Что велел плыть в море кораблю,
Отчалившему в этот час от бухты
Каториноура
В стране Такасима?

1173

На реке Ниу,
Где сплавляют, говорят, священный лес
Люди из Хида,
Долетают с берегов слова,
А корабль, увы, не проплывет!

1174

Град идет: ка-си-ма-си-ки...
Касиманосаки показался мыс,
Оттого что волны поднялись,
Неужели мимо проплыву? —
Ведь о мысе этом столько я мечтал!

1175

Когда я с завистью смотрю на журавлей,
Что улетают и перелетают горы
В далеком Хаконэ,
В Асигара,
Как о Ямато полон я тоскою!

1176

В Унаками-бухте, здесь,
Летом тянут коноплю...
На морские берега
Налетели стаи птиц...
От тебя же вести нет!

1177

Оттого ль что чисты берега
Озера Миката в стороне Вакаса,—
Ухожу ли, возвращаюсь я,—
Сколько ни гляжу на эти берега,
Не могу налюбоваться вволю!

1178

Как будто Инамину миновал,
Мне видно, как высоко встали волны
В далекой бухте Хикаса,
Которая зонтом зовется — от солнца,
Солнца, что плывет по небесам...

1179

Как, верно, дома
Буду тосковать
Я о луне, что блеском озаряла
Асадзи — мелкую траву,
Растущую в полях Инами...

1180

Катящиеся у пустынных берегов
Грозны и страшны голубые волны.
Ужели остров Авадзисима
Пройду и не увижу я —
Ведь от меня совсем он близко!

1181

О Тацута-гора,
Где утренний туман,
Не прерываясь, тянется повсюду.
В тот день, когда отчалит мой корабль,
Как тосковать о ней в разлуке буду!

1182

Не белые ли натянули паруса
На лодках рыбаков, —
Так кажется глазам.
А это в бухте Томоноура
Бушующие волны в пене встали!

1183

Коль буду счастлив я в своей судьбе,
 Опять вернусь и буду любоваться
 На бухту Томо — Щит,
 Что рыцарь благородный
 Всегда имеет при себе.

1184

Я, словно птица,
 Качаюсь на море,
 И если я слышу, что сильно шумят
 На дальнем просторе огромные волны,
 Какая встает в моем сердце тоска!

1185

На многовесельной ладье отплыл,
 В затишье утреннем покинув берега,
 И в Мицу славная Мацубара,
 С которой глаз я не сводил, плывя,
 Теперь за волнами виднеется вдали...

1186

Травы собирающие
 Юные рыбачки
 Промочили рукава насквозь...
 И хотя промокшую одежду сушат,
 Но никак не высохнет она!

1187

<Песня из сборника Какиномото Хитомамаро>

«Не рыбак ли то ловит здесь рыбу сетями?» —
 Верно, думают люди, смотря на меня,
 Что явился сюда любоваться пустынным
 Чистым берегом этим
 В бухте Акуура.

1188

Азалия
На побережье Тоцу,
Куда, минуя горы, путь лежит,
До той поры, как я приду обратно,
Не расцветая, жди меня!

1189—1195

<Семь песен, сложенных Фудзивара Фусасаки>

1189

О буря, не шуми
На океане
До той поры, как в гавани Ина,
Где птицы синагадори летают,
Корабль наш не причалит к берегам!

1190

Причалим корабли,
Вобьем колы
И смастерим шалаш скорее для ночлега:
У берегов вдоль бухты Нагаэ
Проплыть бывает трудно мимо!

1191

В ворота любимой заходят — выходят...
«Заходят-выходят» зовется река,
И струи там быстры,
Поэтому конь мой споткнулся:
Наверное, дома тоскует она обо мне!

1192

У горы Мацуты, что сверкает
Ярко-белой тканью в вышине,
В реках горных
Конь совсем мой не шагает:
Верно, дома ты тоскуешь обо мне!

1193

Гора Любимая — Имонояма,
Что здесь напротив поднялась
Горы Любимый — Сэнояма,
Согласье, верно, милому дала:
Меж ними перекинут мостик...

1194

Когда ты выйдешь к бухте Саига
В стране Кии
И поглядишь кругом, —
Огни костров, зажженных рыбаками,
Виднеются повсюду между волн...

1195

Так приятно сердцу моему
Платье, тканное из конопли, носить,
Милая моя, что сеешь коноплю
Возле гор Имо и Сэ
В стороне Кии!

1196

<Из старинных собраний песен>

Когда милая спросит меня о подарках,
Чтобы мог поднести ей подарок в ответ,
Собираю ракушки...
Волны белые взморья,
Не дайте промокнуть мне нынче насквозь!

1197

Раковины «позабудь-любовь»,
О которых рыбаки сказали:
«Стоит в руки взять —
Забудешь про любовь», —
Тешат лишь обманными словами.

1198

Журавли, что живут возле берега моря,
Чтобы пищу себе добывать в камышах,
В час, когда рассветает
И холоден ветер прибрежный,
Жен своих призывают с тоской!

1199

Верно, по морю плывут ладьи,
Собирающие водоросли в море.
Видно, как вспорхнули журавли
С острова Имо,
Там, где залив Катами...

1200

Моя ладья,
Не удаляйся в море!
Я ожидаю
Встречную ладью
И в бухту ей навстречу поплыву!

1201

В океане,
Дно наполнив шумом,
К берегам стремится вставшая волна...
Так и я душой к тебе стремился.
Каменистых берегов краса!

1202

Не потому ли, что о нем тоскую
Я больше, чем о диких берегах,
Тот остров маленький
Вдали от бухты Тама
Мне грезится порою даже в снах.

1203

На каменистом берегу, у моря,
Ломал я ветки, жег, сушился у костров,
Лишь с думой о тебе
Нырлял на дно морское,
И вот принес морей далеких жемчуга!

1204

Оттого что чисты берега,
Я люблюсь у прибрежных скал.
Люди, что посмотрят на меня,
Думают, уж не рыбак ли я,
Хоть и не ловлю я в море рыбу...

1205

Весло на взморье,
Подожди немного!
Хочу полюбоваться я,
Так будет жаль, когда село родное
Вдруг спрячется от глаз моих вдали...

1206

Пусть на берег хлынут
Волны взморья,
Захватив с собой прибрежные морские травы,
Среди них навряд ли будет жемчуг,
Что тебя, мой милый, превосходит!..

1207

Хоть и собирался я приплыть
К Авасима славным берегам,
Но напрасно:
Там, в проливе Акаси,
До сих пор еще шумит волна...

1208

Когда я горы проходил
В тоске о милой,
Какая зависть обуяла там меня
К горе Сэнояма — горе Любимый,
Что не тоскует о любимой так, как я...

1209

Если бы родились вы людьми,
Мать бы берегла вас, как зеницу ока,
Горы милые — Имо и Сэ
У реки, в стране Кии далекой,
Где платья славятся из конопли...

1210

Когда в пути
Я тосковал о милой,
Как я завидовал тогда,
Что рядом здесь стоят всегда
Гора Любимая с горой Любимый.

1211

У дома твоего, любимая моя,
Лежит на этот раз моя дорога, —
Хотя б на миг один
Мне покажись,
Пускай не будет сказано ни слова!

1212

Пройдя Атэ,
Там, где гора Итока,
Я вижу вишен нежные цветы,
Хочу, чтоб вы, не осыпаясь, здесь цвели,
Пока из странствий не вернусь обратно!

1213

О Утешения гора!
Одно название — слово это.
Моя тоска по-прежнему сильна,
И даже тысячную долю
Мне утешения гора не принесла!

1214

И даже листья солнечных деревьев
На склонах горных Осутэ,
Что висят здесь, на пути в Атэ,
Которые давно, давно не видел,
За эти годы мохом поросли.

1215

Пока ты здесь, как следует смотри на остров Яшмовый, —
Когда в столице Нара, прекрасной в зелени листвы,
Твои друзья, что ждут,
О нем тебя вдруг спросят, —
Что им тогда ответишь ты?

1216

Коль нахлынет прилив,
Что им делать тогда,
Юным этим рыбацкам,
Что уплыли в далекое море, где их могут схватить
Руки страшные бога — владыки глубокого дна?

1217

Хорошо любоваться
На Яшмовый остров,
Только радости эти не тешат меня:
Ведь когда возвращаться я буду в столицу,
Верно, буду о нем постоянно грустить!

1218

Море в Куроуси
Ныне алым цветом все сверкает:
Верно, сотни знатных дам
Из нарядной свиты государя собирают
Водоросли, ракушки возле берегов...

1219

В вечерний час, когда у бухты Вака
Бушует в пене белая волна
И холоден на взморье
Резкий ветер,
Я о Ямато думаю с тоской!

1220

Ради милой девы, мной любимой,
Чтобы жемчуг для нее найти,
В стороне Кии
У мыса Юра
Я провел весь этот долгий день!

1221

Весла быстрые моей ладьи,
Вы меня не увозите в край другой
От страны Ямато:
Сердце, полное любви,
Не пресытилось еще ее красотой!

1222

Я на Яшмовый остров смотрю,
Наглядеться не в силах.
Как мне быть?
Заверну и с собой унесу
Для тебя, что не видела этой красы несравненной...

1223

Глубоко дно в открытом море,
Чтобы причалить к берегам могла
Плывущая ладья,
Пускай подует ветер,
Не подымая высоко волны.

1224

Подернулась тумана дымкой
Гора Обаяма.
Спустилась ночь,
И я не знаю, где причалит
Моя плывущая ладья...

1225

Спустилась ночь,
И на морском просторе
Неясен путь, лежащий по волнам.
Тот лодочник, что призывал на помощь,
Сумел ли он причалить к берегам?..

1226

Вот волны поднялись,
Не виден берег
Селенья Миваносаки,
Каким путем к нему ладье пройти?
Ведь здесь не обойти опасную дорогу...

1227

Стоя на скалистом берегу,
Оглядел кругом морскую даль:
Верно, вышли в море рыбаки
На ладьях морскую собирать траву,
Видно, как вспорхнули чайки в небеса.

1228

На ладьях, плывущих возле берегов,
В гавани Михо,
В Кадзахая,
Лодочки громкий поднимают шум,
Верно, в море волны поднялись!

1229

Моя ладья,
Причалим к бухте Акаси,
Не удаляйся
На просторы моря:
На землю ночь уже сошла...

1230

Пусть миновали мы
Священный мыс Канэ,
Бедою страшной путнику грозящий,
Но все равно я не забуду никогда
О боге грозном острова Сика.

1231

Верно, южный ветер нынче дует,
Небо затянула пелена.
В устье, в Ока,
Там, где стебли зеленеют,
Подымаясь, катится волна...

1232

Пусть в океане
Волны белые страшны,
И все же,—
Вознеся богам молитвы,—
Что, если в море нам отправить корабли?

1233

Девы молодые, в руки гребни взяв,
Чешут пряжу, ткани ткут свои
На станке на ткацком,—
Остров Ткань я вижу,
В море меж волнами виден он вдали...

1234

Стремительна волна в часы прилива,
И оттого что я кружу у берегов,
— То не рыбак ли нынче удит рыбу? —
Подумают, наверно, обо мне,
Скитальце по просторам дальним моря...

1235

Высоко волны поднялись кругом.
Мой лодочник, скажи, что делать нам?
Подобно птицам водяным,
Забиться ль в лодке сном
Иль дальше будем плыть мы по волнам?

1236

Если ты мне гредишься все время,
Если ты являешься во сне,
Значит ты тоскуешь непрерывно,—
Как морские волны непрерывно
Заливают в Такасима берега...

1237

Хоть и тихо,
Все же где-то волны
Заливают, верно, берега,
Оттого что и сквозь стены дома
Слышу я все время шум морской...

1238

Пусть шумят, бушуя, эти волны
В Такасима,
На реке Адо,—
Все равно тоской о доме я исполнен
И печален мне мой временный приют!

1239

В океане,
Сотрясая скалы,
Встающая волна бежит на берега,
И я хочу скорее к ним причалить,
Кристально чисты эти берега...

1240

Словно драгоценным ларчиком любуюсь,
По горам священным
Я бродил,
И прекрасны мне казались горы,
И с тоской я думал о былом...

1241

Словно черные ягоды тута,
«Черные волосы» горные склоны назвали.
Утром я их перешел
И весь вымок насквозь по дороге
В холодной росе, что легла поутру у подножья...

1242

Если б целый день, бродя горами
Распростертыми,
Искал бы я приюта,
Может, дева, стоя в ожиданье,
Предложила бы мне временный приют?

1243

Взглянул кругом:
Село недалеко.
Кружа обходными путями,
Пришел теперь я к дорогим полям,
Где, провожая, ты махала шарфом белым.

1244

Девы молодые
Из волос распущенных делают прически...
«Делают-прически» названа гора.
Облака, ее не закрывайте:
На места родные посмотреть хочу!

1245

Как порой канаты на челнах рыбачьих
Рыбаками с берегов Сика
Тянутся с трудом, —
С трудом, с тоской на сердце
Я ушел, покинув милый дом...

1246

Там, где рыбаки на берегах Сика
Выжигают соль над яркими кострами,
Из-за ветра
Дым не вьется ввысь,
Стелется туманом меж горами...

1247—1250

<Четыре песни из сборника Какиномото Хитома-
ро>

1247

Как приятно любоваться мне на горы,
Что Любимый и Любимая зовут,
Их когда-то сотворили боги —
Сукунамиками
И Онамути.

1248

Когда у водорослей в море
Начнут цвести цветы,
Скажите мне.
На их красу сверкающую глядя,
Любимую мою я буду вспоминать!

1249

Когда собирала, мой друг, для тебя
Я плоды водяного ореха
В пруду Укину,
Мой окрашенный соком рукав
Вымок в водах пруда, но мне не было это помехой...

1250

Я, что пошел собирать
Горных сугэ плоды
Для любимой моей,
Блуждая по тропам в далеких горах,
Провел среди гор целый день!

ПЕСНИ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

1251—1254

<Из старинных собраний песен>

Поют о птицах

1251

Тидори, плачущие возле берегов
Реки Сахо,
Скажите, почему.
Долину этих чистых вод любя,
Проноситесь вы над рекою вдаль?

1252

Это только люди равнодушно
И небрежно говорят о ней.
Ведь долину чистых вод
Мы любим сильно,
Знак запрета вы не вешайте над ней!

Поют о рыбаках

1253

О рыбаки из гавани Сига,
Что в Садзанами, славной стороне,
Вы не ныряйте
Без меня на дно!
Пусть даже волны в море не встают...

1254

К большому кораблю
И весла льнут.
Мы без тебя на дно
Нырять не будем,
Пусть даже волны в море не встают!

1255—1266

Песни к случаю

1255

Лунною травой цукигуса
Это платье крашу нынче я
И мечтаю для тебя, любимый мой,
Я окрасить платье
В яркие цвета!

1256

Дымка вешняя покрыла поле,
С поля к дому
Путь прямой ведет,
Но чтоб встретиться с тобою, милый,
Я кружила без конца, пока пришла.

1257

На краю идущей вдаль дороги
Лилия сверкнула из густой травы.
Оттого что ты,
Как тот цветок, мне улыбнулась,
Я могу ль назвать тебя своей женой?

1258

Когда слышишь и знаешь,
Что слова утешенья,
Тебе говорят просто так,
Чтоб молчанье прервать,—
О, как горько бывает в такие минуты!

1259

Любимая,
Что в майский день в горах
Цветы унохана в руках держала...
О, только бы коснуться ее рук,
Пусть облетят цветы, жалеть не стану!

1260

Платья пестрые,
Что не ко времени сейчас,
Хочется мне на себя надеть,
Хоть в долине хаги, в стороне Сима
Не настало время расцвести цветам.

1261

О горная тропа,
Где он ходил бывало
В селенье к милой, страж окрестных гор...
Какой заброшенной теперь тропа вдруг стала,
Как видно, он забыл любимое село!

1262

Ты, что цепи горные прошел,
Где камелии прекрасные цветут
На зеленых склонах распростертых гор,
И оленей поджидаешь, — как же ты
Бережешь, наверно, милую жену!

1263

В алый час, на рассвете,
Ночные вороны кричали,
А на горной вершине,
На верхушках деревьев,
До сих пор тишина и покой...

1264

Я на западный базар в столице
Поутру отправился один
И, не осмотревшись,
Шелк купил.
Ох и поплатился я за это!

1265

Дыры на холщовых платях стражей,
Что служить уходят
Этот год...
Кто за ними там теперь присмотрит
И починит, и зашьет?

1266

На корабле большом в бушующее море
Я вышел
И в отчаянье плыву.
О милое дитя, которое люблю,
Мне твой лишь взор спасенья знаком служит!

Раздумье у развалин

1267

Руины столицы, по которой когда-то
Ходили не раз
Сто почтенных вельмож!
Если б с дальнего моря
Не нахлынули волны,
Быть может, еще уцелела б она!

1268—1269

*<Две песни из сборника Какиномото
Хитомаро>*

1268

Руки дев любимых служат изголовьем
На горе Макимукуяма...
Та гора вечна.
А тот, кто нас покинул,
Не обнимет больше никогда!

1269

Как пена на волнах прозрачных рек,
Что с грохотом бегут по склону гор
Макимукуяма,—
Таков и человек, что в мире здесь живет,
Таков и я!

*Высказываются мысли по поводу разных
вещей*

<Из старинных собраний песен>

1270

Среди гор Хацусэ,
Скрытых ото всех,
Светлая луна, что в небесах сияет,
Уменьшаясь, вырастает вновь,—
Человек же вечности не знает!

В странствии

<Из сборника Какиномото Хитомаро>

1271

Ах, к дому дальнему,
Где милая живет,
Что виден лишь в колодце облаков,
Давай скорее станем добираться,
Шагай же, вороной мой конь!

СЭДОКА

1272—1294

<Двадцать три песни из сборника Какиномото Хитомаро>

1272

Лезвие меча в ножны вложено...
Вот Вложено-поля, и на тех полях, на «Ирину»,
Милая моя, что рвет кудзу-траву,
Подвязав тесемкой рукава,
Верно, чтоб одеть меня,
Обрезает стебли собранной травы!

1273

В Суминоэ хаги есть.
Цветом хаги красят здесь
Платья в пестрые цвета.
Пригласив китайских швей
С птичьим щебетом речей,
Платье сшила для тебя!

1274

В Суминоэ,
В Идэми на берегу,
Не срезайте вы зеленую траву,
Чтоб видеть мне,
Как девы там идут,
Намочив подола красные в росе!

1275

— В Суминоэ
Жнец, что жнешь поля,
Разве нету у тебя раба? —
— Раб-то есть, но это ни к чему, —
Поле собственное
Я для милой жну!

1276

Там, у берега, где пруд,
Не срезайте вы бамбук
Под деревьями цуки.
Ах, хотя бы на него
В память друга моего
Буду я глядеть с тоски!

1277

У принцессы, что живет на небесах,
У принцессы на святых полях
Не коси, смотри, зеленую траву!
Черных раковин черней
К черным волосам твоим
Скверна всякая прильнет!

1278

В пору летнюю в тени,
В спальенке своей, внутри,
Милая, что шьешь теперь наряд,
Для него подкладку мастера,
Если шьешь ты платье для меня,
Больше шей, чем шила год назад!

1279

Ясневый лук — лук Адзуса натянут...
В стороне Натянут, или Хикицу,
Есть зеленая не-говори-трава.
И пока цвести придет ее пора,
Будем вместе мы с любимой иль не будем,
Никому не говори, трава!

1280

Дни работ указывает храм...
По дороге, в храм святой идя,
Только платье разорвала я!
Словно яшмы порванная нить,
Думы все в смятение у меня,
Лучше бы уж дома оставалась я!

1281

Ту одежду, что я соткала,
Силу рук молодых не падя,
Для тебя, мой любимый,
Мне какими цветами
С приходом весны
Окрасить на память тебе?

1282

Лестница ведет в амбар — кура...
На горе Курахасияма
Встанут тучи белые сейчас.
Только их я видеть захочу,
Только думаю я задумаю свою,
Встанут тучи белые сейчас!

1283

Лестница ведет в амбар — кура...
На реке Курахасигава
Где ж из камешков мосток,
Тот, где в юные года
Проходили мы с тобой?
Где ж из камешков мосток?

1284

Лестница ведет в амбар — кура...
Близ реки Курахасигава
Есть камыш — сидзусугэ.
Срезал я,
А шляпу-то не смел...
Есть речной камыш — сидзусугэ...

1285

Даже в день весны
На поле стоишь усталый ты,
Милый, жаль тебя!
Нет у тебя жены,
Нежной, как весенняя трава,
На поле стоишь усталый ты.

1286

Здесь, в Ямасиро,
 У храма у Кусэ,
 Ты не рви зеленую траву!
 В лучший час расцвета своего
 Пусть сверкает красотой она,
 Ты не рви зеленую траву!

1287

Хороши из зелени венки...
 На равнине дальней Ёсами
 Как хотел бы встретить я людей.
 Рассказал бы им рассказы я
 О стране далекой Оми, где я был,
 Где со скал бежит прозрачная струя...

1288

— В гавани для кораблей
 Все верхушки камышей
 Кто сегодня поломал? —
 — Чтоб смотреть, как милый мой
 Машет, машет рукавом,
 Камыши сломала я!

1289

Кличешь ты теперь собак,
 Скачущих через плетень,
 И охотой занят, друг,
 Где заросших гор простор.
 Средь лазоревых тех гор,
 Отдых дай коню, мой друг!

1290

Там, на дне, глубоко под водой,
Жемчуг-водоросли в глубине,
Там растет не-говори-трава.
С милою моей вдвоем
Мы пришли сюда тайком от всех,
Никому не говори, трава!

1291

Дети, вы, что косите траву
На холме зеленом около меня,
Не годится там ее срезать.
Пусть останется нескошенной она,—
Ведь сюда придет любимый мой ко мне,
Накормлю травой его коня.

1292

Возле бухты
В небольших лесах
Разве звери ловятся легко?
Засучив
Рукав свой белотканый,
Поджидает зверя милый мой!

1293

Падает на землю град...
В Оми, дальней стороне,—
Ива у реки Адо.
Нож ту иву не берет,
Срежут — вновь она растет,
Ива у реки Адо.

1294

К солнцу, что восходит поутру,
Обращается народ с мольбой...
На горе Мольбы — Мукаинояма
Видно, как взошла теперь луна.
Те, кто жен имеют в дальней стороне,
Верно, глядя на нее, тоскуют о жене.

1295

Из-за гор Микаса голубых,
Что в долине Касуга видны,
Выплывает в небеса ладья луны.
У людей столицы
В чарках для вина
Отражается лучистая луна.

ПЕСНИ-АЛЛЕГОРИИ

*<Пятнадцать песен из сборника Какино-
мото Хитомаро>*

1296—1298

Сравнивают с платьем

1296

Ныне спитое
Пестрое платье
Привлекает к себе мои взоры,
И о нем я мечтаю все время,
Хоть ни разу надеть не случилось.

1297

В ярко-алые цвета хочу
Я окрасить платье,
Но боюсь,
Как надену, засверкает алый цвет,
И узнают люди про мою любовь!

1298

Пусть судачат люди,
Все равно
Буду продолжать я ткать его —
Холст мой —
Платье белое из конопли.

1299—1303

Сравнивают с жемчугом, с яшмой

1299

Ах, на море, где утки целой стайей
Все вместе собрались,
Я, на челне плывя,
Со дна себе достану жемчуг белый,
Но люди пусть не знают ничего.

1300

И там, и здесь, на побережье,
Средь камешков простых находится она,—
О яшма белая!
Тайком от всех на свете
Хочу тобой полюбоваться я!

1301

Из-за яшмы прекрасной,
Что надета на руки
Владыки морского,
Я, кружа возле берега бухты,
Ныряю на дно беспрестанно...

1302

У морского владыки
Дорогая жемчужина есть, погруженная в воду,
И ее я увидеть мечтал,
И ведь тысячу раз говорил я об этом
Рыбаку, что ныряет туда постоянно!

1303

И хотя тот рыбак,
Что нырял нынче в море,
Передал обо мне и о мукe моей,
Но не знает он сердца владыки морского,
И он мне не сказал, что увижу ее!

1304—1305

Сравнивают с деревом

1304

Сердца тайники,
Где я любовь скрываю,
Как скрывают облака от взоров горы.
Но, наверно, обо всем узнают
На деревьях зеленеющие листья!..

1305

Все гляжу и наглядеться не могу
На листву деревьев, что растут
На горе Хитогуни — Чужой-стране.
Чувствую в сердечной глубине —
Дороги те листья стали мне!

Сравнивают с цветком

1306

Цветок, что рос внизу
Под алою листвою
Средь этих гор,
Лишь мельком увидав,
Теперь еще сильнее я тоскую.

Сравнивают с рекой

1307

Говорили напрасно:
«По этой реке
Дозволено плыть кораблю».
На каждой речной переправе в пути
Здесь сторож стоит на посту.

1308—1310

Сравнивают с морем

1308

Если беда случится
У пристани, где наблюдают
За этим огромным морем, —
Куда меня уведешь ты,
Чтобы скрыться от страшной бури?

1309

Пусть дует ветер и бушует море,
Катя свои ревущие валы,
Но, если ждать до завтра
Слишком долго,
Пусть будет так, как пожелаешь ты...

1310

Оттого что страшны боги островов,
Скрытых вдалеке за облаками,
Мы не видимся с тобою, милый мой,
Но пускай нам суждена разлука,
Им вовек не разлучить сердца!

1311—1315

Сравнивают с платьем

1311

С тех пор как слышал,
Что люди, которые носят черного цвета одежду,
Тревоги не знают,
Мне так захотелось надеть на себя
Их простую одежду!

1312

Если б стал я скверно относиться,
Если б я пренебрегал тобой,
Разве платье, что внизу носил я,
Что от времени успело загрязниться,
Я надел бы сверху на себя?

1313

Надеваю под одеждой верхней
Платье, крашенное
В ярко-алый цвет.
Если бы его надел я сверху,
Как шуметь бы начала молва!

1314

Хотя и убого то платье,
Что стирано было не раз,
Платье невзрачное, черного цвета,
И все-таки как захотелось его мне надеть
В сегодняшний вечер.

1315

Ведь живу
В селе Сима в Татибана
И от дома далеко река.
Оттого и спшила я, не выбелив совсем,
Платье нижнее свое из полотна.

Сравнивают с нитью

1316

Нитям, что окрашены девами в Коти,
Суждено, как видно,
В ряд один идти,
Но хотя выходит все один лишь ряд,
Эти нити вряд ли я порвать смогу!

1317—1327

Сравнивают с жемчугом, с яшмой

1317

На дне на глубоком многоводного моря
Жемчужина белая скрыта водою.
Пусть ветер бушует,
Пусть море мятежно,
Все равно я жемчужиной той завладею!

1318

Оттого что светло дно глубокого моря,
Драгоценную яшму, погруженную в воду,
Я увидеть хочу!
И ведь тысячу раз говорил я об этом
Рыбаку, что ныряет туда постоянно!

1319

Погруженную в воду прекрасную яшму,
Ту, что дно озаряет
В этом море огромном,
Взять хочу и молюсь:
— О не дуй больше, ветер!

1320

На дне на глубоком многоводного моря
Дорогая жемчужина есть, погруженная в воду,
Ах, о ком же другом,
Свое сердце терзая,
Я тоскою любовною ныне исполнен?

1321

О этот мир, мир горя и обмана,
Не вечно ль ты таков, мир суеты и зла?
И в мыслях вижу
Рвущуюся нить,
С которой падает нанизанная яшма...

1322

Жемчужину ту, что в заливе Симацу, в Ама,
В море Исэ
Глубоко залегла под водою,
Даже после того, когда в руки свои я возьму,
Верно, буду любить все сильнее и сильнее!

1323

На дне морском среди равнины бесконечной
Жемчужина лежит, сверкая белизной,
Но не судьба...
О, неужели вечно
Я буду жить, тоскуя лишь о ней?

1324

Коль было сказано, что яшмовая нить
Навеки скреплена любовью
Глубокою, как корни тростника,
То разве сможет развязать ее рука
Совсем чужого человека?

1325

Тот, кто жемчужины прекрасные берет,
Но не украсит ими перстень свой,
Ах, человек,
Что в ларчик все кладет,
Не потеряет ли он жемчуг дорогой?

1326

Жемчужину прекрасную хочу,
 Что украшает с давних пор собою руки
 Владыки дна...
 Переменю ей нить
 И сделаю жемчужиной своею!

1327

Осенний ветер, я тебя прошу,
 Не дуй все время здесь
 До той минуты,
 Пока свои я не украшу руки
 Жемчужиною, что на дне лежит.

Сравнивают с яматогого

1328

Вот жемчужное малое кото,
 Что лежит у меня на коленях...
 Если б не было этого кото,—
 Если б не было бед и препятствий,—
 Может, я не любил бы так сильно!

1329—1330

Сравнивают с луком

1329

Если натянул бы тетиву
 Я на луке дивном из Адатара
 В славной стороне Митиноку,
 Если б выстрелил из лука, в тот же миг,
 Верно, люди осудили бы меня!

1330

Дерево для лука — маюми,
Что растешь в Хосокава,
В Минабути,
До тех пор, пока рукоятку кожей я не оберну,
Ты не выдай людям ничего!

1331—1335

Сравнивают с горой

1331

Пусть я знаю,
Что гора опасна,
Там, где скалы громоздятся на пути,
Все равно тебя любить я буду,
Хоть и знаю, что тебе я не ровня.

1332

К той горе крутой,
Где нависают скалы,
Я приник — и замерла душа.
Но уйти оттуда я не в силах,
Оттого что сердцу та гора мила.

1333

Горой Сахо
Пренебрегал я раньше,
А вот теперь, когда взглянул я на нее,
Так дорога она вдруг стала сердцу...
О ветер, в сторону ее не дуй!

1334

На скалах каменных, в глубинах гор
Растет повсюду мох.
И страшно мне, и я боюсь тебя,
Но с сердцем, где любовь,
Что с этим сердцем делать мне?

1335

Слишком велика была любовь,
Я не мог унять порыв такой,
И запрета знак повесил я
На горе, что «Девой чудной красоты
В перевязях жемчугов» зовет народ.

1336—1352

Сравнивают с травой

1336

Скрытое зимой
Расцветает в день весны.
Люди, жгущие траву на полях весной,
Не довольно ли вам жечь?
Сердце жжете вы мое!

1337

Поле с травами душистыми кая,
Что в Такама, в Кацураги зацвело,
Если б только раньше мог я знать,
Я повесил бы давно запрета знак,
А теперь как сожалею я!

1338

Золотистая трава цутихари,
Что растешь у дома моего,
Ты не крась одежду
Юноши того,
Кто тебя не любит от души.

1339

Собираюсь я покрасить платье
В яркие цвета
Травой цукигуса,
Но печально то, что говорили:
Блекнут очень быстро те цвета.

1340

Цвета мурасаки
Нить свиваю я,
Собираюсь нынче нанизать
Яркие плоды татибана,
Что растут средь распростертых гор!

1341

Нанизали жемчуга на нить...
Поле в Оти с мелкою осокой,
Не придется мне тебя косить,
Верно поле то косить будет другой,
Жалко поле с мелкою осокой!

1342

Оттого что поднялась гора высоко,
Солнце в час вечерний скрылось за горой,
Надо было бы повесить знак запрета,
Чтобы мог все время видеть поле,
Где растет асадзи — мелкая трава!

1343

Оттого что велика молва,
Все гадал и так, и эдак я,
Эх, когда б в полях в Ивасиро-стране
Под деревьями зеленую траву
Довелось бы мне тогда скосить!

1344

Как мечтаю я о деве молодой,
Что собрала б для меня плоды суга
Из священной рощи Унадэ, где живут отважные орлы,
И окрасив платье соком тех суга,
Пусть надела б это платье на меня!

1345

Вечности не знают люди на земле...
Голубой камелии цветок,
Тот, что на горе Чужой-страны растет
В поле Акицу,
Увидел я во сне.

1346

Оминаэси-цветок растет...
Средь долин, полей Сакисава
Есть равнина с травами кудзу.
О, когда же из волокон этих трав
Я сотку одежду для себя?

1347

С той поры как только я приметил
На тебя похожую траву,
Я над ней повесил знак запрета:
Не косите ни в горах, ни в поле, люди,
Вы асадзи — мелкую траву!

1348

С той поры
Как в Тамаэ, в Мисима,
Я запрета знак повесил над травой,
Я считаю ту траву комо своею,
Хоть скосить ее я не успел...

1349

Ужели так живя,
И дальше мне стареть?
Ведь не бамбук я мелкий, что растет
В полях Оораки, где падает теперь
На заросли его чудесный белый снег...

1350

На поле в Ябасэ, в стране далекой Оми,
О мелкий, зеленеющий бамбук!
Ужель к нему мне не приладить перья,
Не сделать стебель меткою стрелой, —
Ведь так любим бамбук прекрасный мной!

1351

Травой цукигуса, травую лунной
Мне хочется свое окрасить платье,
Пусть даже в утренней росе
Насквозь промокнув,
Оно утратит яркие цвета...

1352

Сердце мое
Так зыбко, так зыбко оно!
Как болотные травы укинунава,
Ни к берегу близко, ни вдаль, где моря,
Колеблясь, не могут уплыть никуда...

Сравнивают с рисом

1353

Пусть еще в Фуру, в Исоноками,
На поле зеленом с рисом молодым
Колос не созрел,
Я все равно повешу
Знак святой запрета — буду сторожить!

1354—1359

Сравнивают с деревом

1354

Роща хаги средь полей Ману
С белоснежною осокой,
Платье ты окрасила тому,
Кто тебя не любит
Всей душою.

1355

Дровосек, что вытесал столбы
Из святых деревьев хиноки,
Вряд ли приготовил загодя
Их для простеньких сторожек небольших,
Что на время строятся в полях.

1356

Деревцо момоноки,
Что поднялось на вершине горной,
Будет ли давать оно плоды? —
Человек один спросил меня об этом,
Так, смотри же, сердце береги!

1357

Ведь не раз вскормившая меня,
Говорила матушка моя:
«Даже тут лист простой
В нашем деле, если трудишься с душой,
Превратится в шелковый наряд».

1358

Сердцу милый дом мой...
Возле дома персик
До низу покрылся зеленью листвы,
Неужели будет лишь цвести цветами,
И на нем не будут созревать плоды?

1359

Ту ветку нежную, что стала зеленеть
У лавра молодого на холме,
Я в руки взял,
И так я горевал,
Что ждать цветов придется долго мне!

1360—1365

Сравнивают с цветком

1360

Ко мне, что любит,
Жизни не щадя,
Ужели ты изменишься ко мне?
Ужели ты, как те цветы в горах —
Ямадзиса, — что изменяют цвет?

1361

Цветок камелии в полях Асасава,
В стране прекрасной Суминоэ.
Не знаю я, когда наступит день
Окрасить платье мне
Твоими лепестками!

1362

Кто мог сорвать
Цветок мой караай,
Что я посеял и растил, мечтая,
Когда наступит осень золотая,
Окрасить платье тем цветком...

1363

У хаги, что цветет
Средь Касуга-полей,
С одной лишь стороны
Набухли почки.
Но ты не порывай со мной!

1364

Осеннее дерево хаги,
Которым хотел любоваться,
Плодов от которого долго, любя, ожидал,
Цветет до сих пор лишь одними цветами,
Еще не приносит плодов...

1365

Осенний хаги, что растет у дома,
Где дева милая моя живет,
Когда пора плодам,
Любовь к нему сильнее,
Чем в те часы, когда цветы цветут!

Сравнивают с птицами

1366

Даже птицам, что приюта ищут
Возле отмелей, где заводь, в тишине,
На реке, на Асука,
Даже им понятно,
Что в таких местах не зашуметь волне...

Сравнивают со зверьком

1367

Как зверек мусасаби, что живет на верхушках деревьев,
На горах Микуни
И всегда поджидает там птицу,
Так и я буду ждать твоего появления,
Буду сохнуть, тебя ожидая в разлуке...

Сравнивают с облаком

1368

Пусть стану облаком,
Что из Ивакура-долины
Поднявшись, в Акицу плывет,
Я буду ждать тогда,
Что встречи час придет!

Сравнивают с громом

1369

Ты словно грома бог,
Что с грохотом и блеском
Гремит среди небесных облаков,
Когда взгляну — я трепета исполнен,
Когда не вижу — мучаюсь в тоске.

1370—1371

Сравнивают с дождем

1370

Ах, дождь не лил
С такой большою силой,
И потому, текущая вода,
Ты не беги стремительно отсюда,—
Ведь люди могут все узнать...

1371

Ведь не надеваю это платье
В дождь, что льет с извечной высоты,
Но так странно —
Рукава мои
Никогда сухими не бывают...

1372—1375

Сравнивают с луной

1372

Нет ночи, чтоб я на него не глядела,
На юношу — бога луны,
Что плывет высоко в небесах,
Но приблизиться только к нему
Не дано мне судьбою.

1373

Горы Касуга,
Вы, верно, высоки.
Не могу никак дожждаться я луны,
Чтоб на лилию полюбоваться мне,
Что растет на каменистом берегу...

1374

Так мучительна
Темная ночь без просвета,
О луна, что я жду, говоря про себя:
«Ну когда же, когда?»
Пусть она засияет скорее!»

1375

Жизнь, тающую так легко,
Как иней поутру,
Ради кого же
Хочу на тысячи я лет продлить?
Не думал никогда над этим...

Сравнивают с красной глиной

1376

Глина красная из местности Уда,
В стороне Ямато
Красит почву.
Если б на тебя была похожа я,
Как бы люди насмехались надо мною!

1377—1378

Сравнивают с богами

1377

О нет, не потому что лег запрет меж нами,
Ведь я не божество,
Как боги в Миморо,
Где славят их молитвой и дарами,
Запрета нет, но много глаз людских...

1378

Даже в храмах,
Где наложены запреты,
Где богам с мольбой несут дары,
Я могу переступить ограду,
Так сильна моя любовь к тебе!

1379—1384

Сравнивают с рекой

1379

Если Асука-река,
Что всегда, всегда течет,
Перестала бы вдруг течь,
То увидела бы ты,
Что всему причина есть!

1380

Хоть в текущих струях Асука-реки
Зеленеют водоросли-жемчуга,
Но воздвигнуты плотины на воде,
Потому друг к другу не склониться им,
Не соединиться никогда...

1381

У реки у Хиросэ,
Воды смочат только рукава
Так она мелка.
Человека с мелкою душой
Разве полюблю я сердцем глубоко?

1382

О, если даже перестанут течь
Реки Хацусэ
Мчащиеся воды,
Ведь сердце это, полное любви,
Добиться счастья все равно не сможет!

1383

Если бы я вздыхал о тебе,
Обо всем бы люди узнать могли,
Потому и любовь, что кипела во мне
Бурной горной рекой,
Я в себе заглушил...

1384

Пусть под водой
Дышать бывает трудно,
В потоках быстрых рек
Пусть тяжело стоять,—
Я все равно любовь ей не открою!

Сравнивают с закопанным деревом

1385

Рубанок в руки взяв, стругают...
Как те деревья, что закопаны в земле,
В речной долине Югэнокавара,
Не будет скрытою
Моя любовь к тебе...

1386—1391

Сравнивают с морем

1386

К большому кораблю
Приладив много весел,
Отчалил я от берегов,
В открытом море будет дно глубоко,
Пускай отхлынул временно прилив!

1387

Из Фусигоэ — страшных мест
Скорей хотелось мне уйти,
Я ждал с надеждой подходящий час,
Но я не рассчитал нахлынувшей волны,
И весь промок от брызг ее насквозь...

1388

Омывая скалы, набегают в бухте
На берег повсюду
Белая волна.
Если бы к нему я близко подходила,
Верно, зашумела б злобная молва.

1389

В бухте с моря на скалистый берег
Набегающая белая волна,
Если ты не в силах
Отойти отсюда,
Так плещись у берега тогда!

1390

Думать лишь о том, что в море, в Оми,
По волнам бушующим пути опасны,
Выжидать все время, чтобы ветер стих...
А ведь годы будут проходить напрасно,
Так и не удастся плавать по морям!

1391

В затишье утреннем
Хочу полюбоваться
На приливающую белую волну,
Но все напрасно: этот грозный ветер
Ее не пустит в сторону мою.

1392—1393

Сравнивают с песком бухты

1392

Мурасаки трава знаменита...
«Знаменитая-бухта» покрыта
Прекрасным и чистым песком.
На этих песчаных дорогах ужели заснуть не придется
И буду лишь только касаться песка невзначай рукавом?

1393

Там, в Тоёкуни,
На побережье Кiku,
Чистого песка полна земля,—
Если б только чистым было твое сердце,
Ах, о чем мне было б горевать?

1394—1397

Сравнивают с водорослями

1394

Не трава ли ты морская,
Что растет на каменистом берегу
И, когда прилив нахлынет, исчезает?
Видишь мало ту зеленую траву,
А о ней тоскуешь — много...

1395

На каменистом, диком берегу,
Куда все время волны приливают,
Трава растет «не-говори».
Ведь это значит «тайну береги»
И только в сердце, в глубине горы!

1396

Травы мурасаки знамениты...
В Знаменитой-бухте — Надака
«Имя-назови» растет трава.
Как она, я срока жду, когда смогу
К берегу склониться своему.

1397

Заливающие дикий берег волны
Ныне страшны,
Но не для меня,
В море водоросли-жемчуга
Ненавистными от этого не стали.

1398—1402

Сравнивают с кораблем

1398

В Садзанами,
В бухте Сигацу,
Управляет кормчий кораблями,
А вот сердцем управляешь ты,
И забыть тебя оно не в силах!

1399

Сотни раз проходят
Островов десятки
На плывущем в море корабле,—
В сердце же моем, которым ты владеешь,
Не пройдет вовек к тебе любовь.

1400

От одного к другому острову идя,
Быстроходная плывущая ладья,
Будешь ли ты ждать, чтоб ветер стих?
Так и годы долгие пройдут,
И с любимой не будет встреч!

1401

К островку, лежащему в открытом море,
Над которым поднялся туман,
Оттого что ветер,
Не дойдет корабль,
Хоть и сердцем тянется к нему...

1402

Если расставаться —
То расстаться в море,
А когда причалишь к берегам
И войдешь уже с дороги в гавань,
Можно ли тогда расстаться нам?

СЭДОКА

1403

Там, в долине вечных криптомерий,
Где жрецы богов могучих славят,
К алтарю неся дары святые,
Я рубил дрова,
И вот за это —
У меня едва-едва топор не отобрали...

ПЛАЧИ

1404—1415

1404

Тебя, которым любовалась я,
Как зеркалом прекрасным ране,
Случайно я нашла
В полях Абанону,
Как жемчуга опавших померанцев...

1405

Когда сказали люди мне,
Что было на полях Акицуну,
Подумав о тебе, чей бранный прах
Развеяли сегодня поутру,
Я не могу унять моей печали...

1406

Когда исчезло, уплывая,
То облако, что поутру вставало
В полях Акицуну,
Как я затосковала о прошлом, нынешнем, о человеке том,
Которого навек уже не стало...

1407

В скрытой ото всех
Стороне Хацусэ среди гор
Легкой дымкой поднялся туман.
Облако, что уплывает вдаль,
То не милая ль жена моя?

1408

Не обман ли это все,
Не пустой ли это слух?
Люди говорят,
Что в горах Хацусэ ты
Навсегда обрел себе приют...

1409

Все жду любимую, что удалилась в горы,
С печалью думая о том, как хороша
Среди осенних гор
Листва пурпурных кленов,
Но сколько я ни жду, не явится она.

1410

О бренный мир!
Ведь это правда:
Не может дважды жить на свете человек,
Когда подумаю, что больше не встречаться
С моей любимой, что ушла навек...

1411

Кого среди людей назвать счастливым?
Того, кто слышит голос милой
До той поры,
Как черный волос
Не станет белой сединой!

1412

Думая, что, верно, милый мой
Ходит, может быть, куда-нибудь к другой,
Словно сломанный бамбук, тогда
Отвернувшись от него спала
И раскаянья полна теперь!

1413

У домашних птиц — у петухов,
И растрепанным бывает хвост
И опущен книзу иногда.
Как и у меня, у них спокойным сердце
Не бывает, верно, никогда!

1414

О, если бы была жива,
Любимая моя, с которой вместе
Я на подушке спал из трав комо,
О, как ценил бы, верно, я тогда,
Что ночь спускается на землю!

1415

Приславшая мне яшмовую ветку
Любимая, ты ль — эти жемчуга?
На чистых склонах гор,
Повсюду распростертых,
Я рассыпал их сам, и падали они...

1416

Из неизвестной книги

Приславшая мне яшмовую ветку
Любимая, не ты ли — те цветы?
Среди зеленых гор,
Повсюду распростертых,
Я рассыпал их и исчезло все...

1417

Песня странствования

Когда я выплыл утром в море,
В Наго,
Среди равнины вод,
Моряк в пути меня окликнул.
Как был мне дорог тот моряк!

КОММЕНТАРИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

- п. 1 «Правление императора Юряку» (457—479) — в тексте: «Правление верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Асакура в Хацусэ». Правление императора обозначалось указанием на его местопребывание, так как по древнему японскому обычаю с приходом к власти нового императора особым гаданием определяли его местопребывание и строили новый дворец. (Только с VIII в., следуя китайским обычаям, впервые утвердили столицу Нара как постоянный центр страны.) Такие описательные обозначения японских императоров связаны, видимо, с существованием в древней Японии религиозных запретов, так как по древним японским верованиям произнесение имени могло навлечь беду на его носителя. Наличие словесных табу подтверждается рядом песен М.

Верховный владыка (сумэра микото) — обычный титул императоров, которым, согласно древним мифам, приписывалось божественное происхождение. Император (этим принятым в японоведении переводом слова «тэнно» пользуемся здесь условно) был в те времена вождем общеплеменного союза, объединявшим функции правителя страны и верховного жреца («мия» «дворец», а также «храм»).

Дворец Асакура — резиденция императора Юряку, находился в селении Асакура в местности Хацусэ уезда Сики провинции Ямато.

В песне представлен старинный народный обычай, связанный со словесным табу и встречающийся неоднократно в песнях М.: девушка не смеет назвать свое имя постороннему, так как назвать себя кому-либо значило бы доверить ему свою судьбу, дать согласие на брак.

Песня рисует обычную картину быта древней Японии, когда девушки, держа в руках корзины и особые лопатки с заостренным концом, занимаются сбором трав, корней, овощей, которые шли для приготовления пищи. Когда же плоды или травы собирают, чтобы принести их в подарок, в песнях обычно фигурируют юноши, мужчины. Эта песня одна из очень популярных песен М.

Авторство Юряку подвергается сомнению (М.-код.) (см. А. Е. Глускина, Проблема авторства в «Манъёсю», — «Историко-филологические исследования», М., 1967, стр. 331—337).

- п. 2 «Правление императора Дзёмэй» (629—641) — в тексте: «Правление верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Окамото в Такэти» (см. п. 1).

Дворец Окамото — находился в уезде Такэти провинции Ямато (см. п. 1 о дворце Асакура).

Кагуяма — одна из трех гор провинции Ямато (Кагуяма, Ми-минаси, Унэби), неоднократно воспеваемых в песнях и прославленных в легендах; иногда называется Амэ-но Кагуяма — небесная гора Кагуяма, так как, согласно легенде провинции Иё, эта гора спустилась с небес (см. «Фудоки», «Записи провинции Иё», М.-код.). («Фудоки» — этногеографические и топографические описания японских провинций, составленные по приказу императрицы Гэм-мё в 713 г.; содержат также легенды, песни, предания. В настоящее время полностью сохранились лишь пять «Фудоки»; «Бунго-фудоки», «Идзумо-фудоки», «Харима-фудоки», «Хидзэн-фудоки» и «Хитати-фудоки»). «Среди равнин морей» — равнины морей (унабара) в этой песне многими комментаторами толкуются как вид оз. Ханьясу, но мы считаем, что этот образ здесь дан в широком плане (всей страны).

Акицусима (Акидзусима) — одно из старинных названий Японии, «мк» к слову «Ямато».

Это название («акицу» — «стрекоза», «сима» — «острова») согласно «Нихонги» возникло в связи с тем, что легендарный император Дзимму во время путешествия заметил, что очертания островов страны похожи на распластанную стрекозу (М.-код.). «Нихонги» или «Нихонсёки» — историческая хроника Японии, составленная в 720 г. и охватывающая период до правления императрицы Дзито (687—696). Главными составителями являются О-но Ясумаро и То-нэри-синно (сын императора Тэмму). Считается первой официальной историей Японии. (О макура-котоба — «мк» — см. А. Е. Глускина, К изучению древнего стиля японской поэзии, — «Народы Азии и Африки», № 3, 1967, стр. 95—105.)

Эта песня — одна из очень популярных песен М. Дым, поднимающийся из очагов, является символом благоденствия (К). Образ чаек, порхающих над широкими равнинами моря, символизирует красоту природы (МС).

Песня относится к «кунихомэ-но ута», «песням, восхваляющим страну», в которых отражена древняя вера в магическую силу слов. По древним верованиям, хвалебные песни такого рода приносили счастье и благоденствие стране. Из-за отсутствия каэси-ута (в М. «нагаута» обычно имеют «каэси-ута») ее считают очень древней и авторство Дзёмэй подвергают сомнению.

- п. 3—4 Хасихито Ою — имел звание мурадзи, был чиновником в составе посольства в Китае в 5-м г. правления императора Котоку (649 г.). В М. — две его песни.

Императрица Когёку — в тексте: «Накацу сумэра микото» — титул императрицы, имя не указано (см. п. 1) — здесь: жена императора Дзёмэй. После смерти мужа царствовала под именем Когёку (642—644). В 645 г. уступила трон своему брату Котоку, после его смерти вновь вступила на престол под именем Саймэй (655—661).

Авторство Хасихито Ою подвергается сомнению. Некоторые комментаторы приписывают песню самой императрице.

- п. 5 Принц Икуса — о нем ничего не известно. В М. — две его песни. В старину икуса-но окими называли главных полководцев (МС). Но так как в песне говорится о путешествии императора к месту отдыха, то вероятнее, что речь идет о принце Икуса. Иначе в заголовке было бы указано имя полководца.

В примечании к песне сказано, что в «Нихонсёки» о путешествии императора в провинцию Сануки не упоминается, а также ничего не известно о принце Икуса. Однако в «Руйдзю-карин» (сборник песен, составленный поэтом Яманоз Окура, один из частных сборников, которые цитируются в М., не сохранился) и в «Записях провинции Иё» («Иёкуни-фудоки» — НКБТ) говорится, что Дзёмэй в 11-м году своего правления (640 г.) 14-го дня 12-го месяца совершил путешествие во дворец, что у горячих источников в провинции Иё. Полагают, что на обратном пути в 641 г. он заезжал в провинцию Сануки (МС).

«Словно на куски печень вся разбита» — в старину верили, что в печени находится душа человека (ТЮ).

Нуэко (нуэкодори, нуэдори, совр. торацугуми, *Turdus aurens*) — птица с громким пронзительным криком. Обычно служит сравнением с громко плачущим или стонущим человеком.

Перевязь жемчужную — макура-котоба (далее — мк) к слову «надевать», «надевают», когда обращаются с молитвой к богам о благополучном возвращении и т. п.

- п. 7 «Правление императрицы Когёку» — в тексте: «Правление верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Асуканокавара» (см. п. 1, 3).

Дворец Асуканокавара — находился на западном берегу р. Асука в уезде Такэти провинции Ямато (см. п. 1).

Принцесса Нукада (вторая половина VII в.) — младшая сестра принцессы Кагами, одна из лучших поэтесс М. Ей принадлежат три нагаута и десять танка. В песнях М. она выступает как предмет любви и раздора двух братьев — императоров Тэмму и Тэндзи. Вначале была возлюбленной младшего брата — принца О-ама (будущего императора Тэмму), родила ему дочь (принцессу Тотти — см. п. 22). Впоследствии стала женой старшего брата — императора Тэндзи и уехала к нему во дворец Оцу, в провинции Оми. Последние годы жизни провела в Ямато.

Временный приют (карио) — любая временная постройка для ночлега, обычно шалаши из камыша или тростника, а также сторожки на рисовых полях для охраны урожая от птиц, животных и т. п.

Столица Удзи — здесь место, где находился дворец императора, а не место его постоянного пребывания и административный центр. В старину, во время путешествия императора, любые временные помещения, где он останавливался в дороге, назывались «временными дворцами» (кари-мия) или «дорожными дворцами» (юки-мия), а места, где находились эти дворцы, — столицами только потому, что там останавливался император.

Обстоятельства и время создания песни неизвестны. В «Руйдзю-карин» песня приписывается императору Котоку, совершавшему в 648 г. путешествие в провинцию Оми (прим. в тексте). Некоторые комментаторы (ОХ) приписывают авторство императрице Когёку-Саймэй (см. п. 8). В авторских указателях она по традиции числится за Нукада.

- п. 8 «Правление императрицы Саймэй» — в тексте: «Правление верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Окамото в последующее время» (см. п.1).

«...во дворце Окамото в последующее время» — указано в отличие от предыдущих заголовков, где было: «во дворце Окамото» и речь шла о Дзёмэй, царствовавшем там до Саймэй (см. п. 2).

Императрица Саймэй (655—661) — императрица Когёку (см. п. 3). В 660 г. корейские княжества Кома и Кудара, просили военной помощи у Саймэй. Она отправила туда войска, которые сама возглавила, и умерла в пути в Асакура, в провинции Тикудзэн, на о-ве Кюсю 68 лет.

Песня сочинена принцессой Нукада в 661 г., когда Саймэй отправлялась в военную экспедицию для покорения Сираги — одного из трех княжеств Кореи, и Нукада, бывшая в свите императрицы, сложила перед отплытием эту песню (МС).

В «Руйдзю-карин» эта песня приписывается императрице, которая, «отправляясь на остров Кюсю, приплыла в Нигитадзу, в провинцию Иё и, преисполнившись грустных воспоминаний о своем пребывании здесь с покойным супругом — императором Дзёмэй, сложила эту песню» (прим. к тексту). Однако заголовок песни и традиция закрепили авторство за поэтессой Нукада. В то же время комментаторы указывают и на народные истоки песни: среди анонимных песен М. имеется аналогичная.

- п. 9 Есть много вариантов расшифровки песни; приведен наиболее древний, приписываемый Сэнгаку (XIII в.).

Появление образа луны в М. во многих песнях приписывают влиянию китайской поэзии. В народных японских песнях основное внимание уделяется солнцу, облакам, ветру, дождю — всему тому, от чего зависит урожай. Из М. образ луны перешел в японскую классическую поэзию X—XIII вв., где получил широкое хождение в песнях осени, любви, разлуки.

- п. 10 Императрица Когёку-Саймэй — в тексте: «Накацу сумэра микото» (см. п. 3). Имя не указано, есть основания полагать, что это — Когёку-Саймэй, потому что в п. 3 императрица фигурирует под этим титулом и, кроме того, из «Нихонсёки» известно, что именно она совершала неоднократно путешествия в провинцию Кии. В М. — три ее песни, подписанные этим титулом (10—12). «Завяжем на холме на счастье стебли трав!» — имеется в виду старинный народный обычай (куса-мусуби) «завязывание трав» или (кусанэ-мусубу) «завязывание корней трав» (стеблей, ветвей деревьев), сопровождавшееся молением об исполнении желания (о благополучном пути, о долгой жизни или, как здесь, — о неизменной любви) и т. п. Первоначально, по-видимому, молили о долголети и завязывание было магическим актом: не дать душе уйти из тела, — потом оно стало молением о счастье вообще, о благополучном пути и т. п.

- п. 11 Шалаш (карио) (см. п. 7, временный приют).

Песня сложена во время путешествия (МС).

- п. 12 В «Руйдзю-карин» песни (10—12) приписаны императрице (прим. к тексту). Однако, судя по содержанию и другим песням М., все они были, по-видимому, записями народных песен, сделанными во время путешествия императрицы. Сходные мотивы встречаются в разделе народных песен М.

- п. 13 Имеется в виду известная легенда о любви двух гор — Кагуяма и Миминаси — к горе Унэби и об их вражде и споре, настолько нашумевших, что из священной провинции Идзумо явился один из богов (Або-но Оками), чтобы усмирить этот спор (ЦД). Легенда есть в «Харима-фудоки».

Существует такая же легенда о трех горах в провинции Рикутю, где якобы горы Иватэ и Хаятинэ враждуют из-за любви к горе Химэками: когда над горами Хаятинэ и Химэками ясно, гора Иватэ покрыта облаками, когда же ясно над горами Иватэ и Химэками, над горой Хаятинэ нависают облака.

Накацуоинэ (или Накацуоэ) — впоследствии император Тэндзи. Песня сочинена им в правление Саймэй, когда он был наследным принцем.

Император Тэндзи враждовал со своим братом (будущим императором Тэмму) из-за любви к принцессе Нукада и поэтому, услышав в провинции Харима предание о трех горах, он сочинил песню, сопоставляя эту легенду со своей судьбой (МС).

Некоторые комментаторы (К.) считают, что легенда говорит о любви двух женщин к одному мужчине, но большинство (Морибэ и др.) склоняется к противоположному мнению. Так как этот мотив в песнях М. обычно представлен в виде любви двух юношей к девушке и даже имеет особое название: «цума-арасои» — «спор из-за жены», мы считаем, что последняя точка зрения правильнее. Кроме того, название горы Унэби (измененное «унэмэ» — «придворная красавица») и «мк» к ней — «тамадасуки» жемчужные повязки — принадлежность чаще женского костюма. Такое толкование подтверждается и обращением Тэндзи к этой легенде.

- п. 14 Согласно «Харима-фудоки», речь шла о равнине в уезде Ибо, а не в уезде Инами, но именно в Инами легенда была известна в таком варианте (МС) (см. п. 13).

- п. 15 Песня идет под заголовком предыдущей в виде каэси-ута, но, как явствует из содержания, является самостоятельной (на что указывают и все комментарии).

В примечании к тексту также указывается, что «данная песня не похожа на каэси-ута. Однако в древнем тексте М. она была записана как каэси-ута и поэтому помещена вслед за предыдущей песней».

- п. 16 «Правление императора Тэндзи» — в тексте: «Правление верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Оцу, в провинции Оми» (см. п. 1).

Император Тэндзи (662—671) — сын Дзёмэй и Когёку-Саймэй, старший брат Тэмму.

Министр Фудзивара — Фудзивара Каматари (см. п. 94).

Песня принцессы Нукада самая ранняя из сохранившихся на эту тему. В дальнейшем сравнение весны и осени встречается часто в поэзии, особенно в период Хэйан (IX—XII вв.). Этот мотив заимствован из поэзии древнего Китая, и поэтические турниры на эту тему устраивались в подражание китайским обычаям.

- п. 17 Песня считается одной из лучших поэтессы Нукада; сочинена во время перенесения столицы из Асука в Оцу, в провинцию Оми (667 г.), в пути, когда Нукада покидала Асука, где она оставляла своего прежнего возлюбленного (Тэмму) и направлялась к его старшему брату (императору Тэндзи) в Оцу.

В «Руйдзю-карин» песни 17 и 18 приписываются Тэндзи (прим. к тексту). Однако составитель М. и последующие комментаторы правильно считают ее песней Нукада, что подтверждается и песней 19.

- п. 19 Принцесса Иноэ — о ней ничего не известно. В М. — одна ее песня.

Заголовок песни в тексте соединен с заголовком песни 17 (Нукада-но окими Оми-но куни-ни кудариси токи цукурэру ута, Иноэ-но окими сунавати катауру ута). Для удобства читателя в переводе мы перенесли его к песне 19, к которой он непосредственно относится. Он вызывает сомнение у комментаторов, ибо «катауру ута» — «ответная песня», «песня, сложенная в ответ» — на первый взгляд не имеет отношения к предыдущим песням и написана от лица женщины, к тому же неизвестной. В примечании к тексту указывается, что песня помещена здесь только потому, что в древнем тексте М. она была записана вслед за песней принцессы Нукада. Однако нам представляется, что древняя запись не случайна. Во времена М. часто складывали песню от лица другого человека (см. п. 227 и др.). Песня принцессы Иноэ раскрывает причину тоски Нукада. Уезжая к супругу — Тэндзи, она оставляла своего прежнего возлюбленного. Ее тоска и сожаление о покидаемых родных местах были, как видно, связаны и с ее чувством к Тэмму. Это и дополнила от ее лица принцесса Иноэ, которая была, возможно, ее наперсницей, посвященной в эту сердечную тайну.

Хаги (*Lespedeza bicolor*) — один из семи осенних цветов, постоянный образ осени. Цветет мелкими цветами красноватого и лилового цвета. В песне упоминается старинный способ окрашивания материи. Цветы хаги употреблялись для этой цели особенно часто.

- п. 20 Песня адресована наследному принцу — младшему брату императора Тэндзи, сложена в период, когда Нукада уже стала женой Тэндзи.

В «Нихонсёки» говорится, что в 5-й день 5-го месяца в 7-м г. своего правления (668 г.) Тэндзи охотился в полях Камо (прим. к тексту). Этот день является популярным праздником — «Танго-но сэкку» — «Праздником мальчиков». В этот день устраивали традиционную охоту за лекарствами (кусури-гари), точнее охоту за оленями, вторичные рога которых употребляются в качестве лекарства (МС). Кроме того, этот день считался важным для определения погоды на весь сезон.

Мурасаки (*Lithospermum erythrorhizon*) — многолетняя трава, цветет мелкими белыми цветами, похожими на фиалки, корень ее употреблялся для окрашивания тканей в фиолетовый цвет с красноватым оттенком (мурасаки), отсюда название травы, и считался ценным красителем, ее специально разводили на участках, куда вход посторонним был запрещен (МС). Здесь поля мурасаки служат аллегорией чужой собственности.

Запретные поля (симэну) — поля, оцепленные священными рисовыми веревками в знак запрета ступать на них посторонним.

В «Кодзики» (712 г.) в одном из древних мифов говорится о том, как богиня солнца Аматэрасу, разгневавшись на своего брата Сусаноо, спряталась в небесную пещеру, и мир погрузился во тьму. Восторжествовали злые силы, и появились всевозможные

беды. Тогда боги стали совещаться, как вызвать богиню из пещеры, и пытались различными магическими актами воздействовать на нее. Наконец, богиня Удзума, известная своим безобразием, стала плясать перед пещерой, сбрасывая с себя одежды. И тут боги разразились громким хохотом. Богиня солнца, удивившись, что в ее отсутствие боги веселятся, из любопытства вышла из пещеры, и в этот момент два бога, стоявшие у входа в пещеру, закинули ей за спину рисовую веревку и, преградив вход в пещеру, не дали скрыться богине солнца. Они сохранили таким образом для мира солнечный свет и спасли от гибели все живущее. Поэтому веревка из рисовой соломы, завязанная жгутом, стала знаком запрета, ограждающим от злых сил, от беды. Ею огораживали от посторонних лиц рисовые поля, а позднее она стала просто символом собственности.

Махатэ рукавом (содэ фуру) — постоянный образ в песнях любви в М.; служит любовным знаком, выражает призыв и прощальный привет при разлуке. В старину рукава одежды были узкими и длинными и махали обычно свешивающейся частью рукава.

Вся песня построена на аллегории, здесь — намек и на скрытую любовь, и на то, что она запретна, и на то, что окружающая свита замечает отношения Нукада и Тэмму.

- п. 21 Принц О-ама — будущий император Тэмму. Тема любви к чужой жене встречается в ряде песен М. Появилась даже легенда о том, что вражда братьев из-за любви к Нукада была одной из причин мятежа (672 г.), известного в истории Японии под названием «Дзинсин-но ран» (мятеж годов Дзинсин) (ЦД), когда Тэмму восстал против Тэндзи и его сына Кобуна и занял престол.

- п. 22 «Правление императора Тэмму» — в тексте: «Правление верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Киёмихара, в Асука» (см. п. 1 — об императоре Юряку).

Дворец Киёмихара в Асука (см. п. 1 — о дворце Асакура) — находится в уезде Такэти провинции Ямато.

Старая служанка Фубуки (Фубуки-но тодзи или Фуки-но-тодзи; «тодзи» — в старину назывались домоправительницы, экономки, кормилицы, няньки, старые служанки, исполнявшие роль дуэний; иногда служило почтительным наименованием для женщины; в обращении значит «хозяйка») — приближенная принцессы Тоти, сопровождавшая ее в Исэ. В М. — три песни.

Принцесса Тоти — дочь принца О-ама (будущего императора Тэмму) и принцессы Нукада, жена сына императора Тэндзи. После мятежа Дзинсин (см. п. 21) опечаленная враждой между отцом и мужем — императором Кобуном, она отправилась за утешением в священный храм богини Солнца, в Исэ. Священный храм (Камумия) — храм Исэ-но дайджингу — главный храм богини солнца Аматэрасу в провинции Исэ, куда обычно совершали паломничество представители императорского дома.

...«Мхом не зарастает ни одна священная скала» — скалы у реки, омываемые водой, не зарастают мхом и поэтому кажутся вечно молодыми.

В примечании к тексту указывается, что в «Нихонсёки» имеется запись, согласно которой в 4-м г. правления Тэмму (676 г.) весной, во 2-м месяце, принцесса Тоти и принцесса Абэ (буду-

щая императрица Гэммё) шли на поклонение в храм Исэ, но о Фубуки ничего не сказано. Однако мы полагаем, что это не противоречит тексту М., так как из-за низкого социального положения Фубуки могла не быть упомянута в официальной летописи.

- п. 23 В примечании к тексту указывается, что, согласно «Нихонги», в 676 г. в правление Тэмму принц Оми был сослан в провинцию Инаба, а в заголовке песни по ошибке переписчиков указан о-в Ираго. О принце Оми больше ничего не известно. В М. — одна его песня. В песне говорится об одном из очень распространенных занятий среди рыбаков — собирании водорослей, которые употреблялись в пищу.
- п. 24 Принц Оми, говоря в своей песне, что будет кормиться, собирая водоросли, подчеркивает этим, что обречен на существование простого рыбака (см. п. 23).
- п. 25 Песня императора Тэмму, сочиненная во время хождения по горным дорогам в Ёсину. В несколько ином варианте повторена рядом как запись из другой книги (имеются в виду разные сборники, использованные при составлении М.). Ни дата, ни обстоятельства, при которых она была сочинена, неизвестны, предполагают, что была сложена Тэмму после того, как Нукада покинула его и уехала к его старшему брату Тэндзи, и передает тоску любви (см. п. 17—19).

Наличие ряда вариантов (2293, 3260) песни позволяет предполагать, что это запись распространенной народной песни или несколько измененный автором вариант народной песни.

- п. 26 Ни дата, ни автор песни не указаны, известно лишь, что она с самого начала была помещена в М. В примечании к тексту указывается, что это вариант предыдущей песни (см. п. 25).
- п. 27 Известная песня императора Тэмму, построенная на игре слов: «хорошо», «хороший» (по-японски три слова: «ёки», «ёку», «ёси»; последнее входит в название Ёсину — «хорошее поле»).

В примечании к песне приведена справка из «Нихонсёки», что в 5-м месяце 8-го года правления Тэмму (680 г.) император находился в Ёсину, поэтому песню относят к этому времени.

«Хорошие люди» — понимающие, мудрые люди (МС).

- п. 28 «Правление императрицы Дзито и императора Момму» (697—707) — в тексте: «Правление верховного владыки, ведавшего Поднебесной во дворце Фудзивара» (см. п. 1 об императоре Юряку). Во дворце Фудзивара правили Дзито и Момму.

Песня рисует картину быта древней Японии, где обычно в начале лета вынимали из сундуков летнюю одежду и просушивали ее на солнце. Наблюдение над природой связано здесь с деталями быта.

Эта песня вошла впоследствии в «Синкокинсю» (XIII в.) и в антологию «Хякунин-иссю» — «Собрание ста песен ста поэтов» (XIII в.) в слегка измененной форме. Варианты имеются в М., в кн. X.

Императрица Дзито (687—696) — дочь императора Тэндзи и супруга императора Тэмму; на 11-м г. правления уступила трон племяннику — будущему императору Момму — и первая получила титул «дадзё-тэнно» — экс-императрицы; умерла в 701 г. Белотка-

ная — постоянный эпитет (мк) к слову «одежда», так как в старину одежда в Японии делалась обычно из белой ткани. Впоследствии этот эпитет получил значение ярко-белого, ослепительно белого цвета.

- п. 29 Одна из знаменитых песен Какиномото Хитомаро (конец VII — начало VIII в.) — одного из крупнейших поэтов М. Биографические сведения о нем не сохранились. Известно лишь, что он занимал скромную должность при дворе (служил у принца Хинамиси, затем у принца Такэти) и умер в 707 (709?) г. вдалеке от столицы в провинции Ивами, где провел последние годы жизни. Хитомаро прославлен как лучший мастер нагаута (тёка) — «длинных песен» (элегий, од и т. д.). Знамениты его плачи о возлюбленной. Из коротких песен (танка) пользуется славой первая песня кн. VII. Он и Акахито являются основоположниками японской национальной поэзии, и их называют обычно «двумя гениями».

«Со времен мудрейших, тех, что знавали солнца знак» («хидзири»; «хи» «солнце»; «дзири» от «сиру» «знать»; впоследствии стало обозначать «мудрец») — здесь: со времен первых японских правителей, определявших по солнцу время посева и начало земледельческих работ.

Боги — здесь: первые японские правители.

Цуга (Tsuga Sieboldi) — вечнозеленое дерево из семейства пихт.

- п. 32 Петитом к заголовку указано, что в некоторых рукописях М. автором песни значится Такэти Курохито в звании мурадзи. Однако во всех изданиях по традиции стоит имя Такэти Фурухито. О последнем никаких сведений нет. Есть предположение, что это другое имя Такэти Курохито (см. п. 58).

Старые развалины в провинции Оми — речь идет о некогда блестящей столице Оцу, в Садзанами, в провинции Оми (см. п. 1, 16).

- п. 33 В песне отражены древние верования в существование местных богов, охраняющих страну (боги земли в противоположность небесным богам).

- п. 34 В МС высказывается предположение, что это песня Яманоэ Окура. В примечании к тексту указано, что об этом путешествии императрицы Дзито в 4-м г. Сютё (689 г.), осенью, в 9-м месяце, в провинцию Ки упоминается в «Нихонги».

Принц Кавасима — второй сын императора Тэндзи. В М. — две песни (см. 1711).

В песне отражены древние обычаи подношения богам. Дары богам (тамукэгуса) в виде символических колосьев риса из нарезанных длинных и тонких полосок бумаги или ткани, из волокон, связанных пучком и подвешиваемых к деревянному стержню, а также пряжу или куски ткани подносили перед отправлением в путь, молясь, чтобы путешествие было благополучным.

- п. 35 Принцесса Абэ — впоследствии императрица Гэммё (708—714) (см. п. 76). В М. — три ее песни. Это путешествие она совершала спустя год после смерти мужа, и поэтому гора Сэнояма, или гора Сэ («сэ» — «старший брат», «муж», «мужчина», означает также «милый друг», «милый», «любимый»), вызвала в ней воспомина-

ние о любимом муже. Горы Сэнояма и Имояма («имо» — «младшая сестра», «жена», «женщина», означает также «милая», «возлюбленная», «любимая») в песнях М. служат образом счастливых влюбленных.

- п. 36 Одна из песен Хитомаро, воспевающая красоты Ёсину (см. п. 25, 27). Согласно «Нихонсёки», императрица Дзито неоднократно посещала дворец в Ёсину (прим. к тексту), но к какому времени относится эта песня, неизвестно.

- п. 38—39 Дата написания песен неизвестна, так как, согласно «Нихонги», императрица Дзито неоднократно совершала путешествия во дворец Ёсину (689, 691 гг. и др.— прим. к тексту), который служил местом пребывания императоров в разное время года.

«Посылается баклан» — имеется в виду ловля рыбы с помощью бакланов — распространенный способ ловли рыбы в старину.

«Расставляют сеть для рыб» — имеется в виду ловля рыбы сетью «садэ», имеющей форму неглубокого мешка, прикрепленного краями к четырехугольной бамбуковой рамке, подвязанной к длинной бамбуковой палке при помощи ручек, идущих от углов рамки. Еще чаще сеть подвязывалась с двух сторон к двум бамбуковым палкам, которые у конца соединялись вместе таким образом, что рамка имела форму треугольника.

- п. 40 Полагают, что Хитомаро написал эти песни (40—42) в думах о жене, хотя упоминание о ней имеется только в третьей песне цикла (п. 42). Жена поэта состояла в свите и сопровождала императрицу Дзито в 692 г. весной, в 3-м месяце, в провинцию Исэ, в то время как он оставался в столице Асука.

«Подолы одежды» — здесь говорится о принадлежности парадной одежды (мо) в виде шлейфа, закрепляемого сзади широким кушаком.

- п. 41 В песне приведена картина одной из обычных в то время придворных забав, когда зная, подражая рыбакам, срезала водоросли у берегов (МС).

Первая строка — мк, в данном случае зачин, связанный, по видимому, с образом жены, так как драгоценные запястья были обычным женским украшением в придворной среде (см. п. 40).

- п. 43 О жене Тагима Маро, имевшего звание махито, ничего не известно. В М.— две ее песни.

Сочинена в тоске по мужу, который длительное время был в отсутствии, сопровождая в 692 г. (см. п. 40) императрицу Дзито.

Набари — название гор, а также одна из форм глагола «прятаться», отсюда игра слов в песне и скрытый намек.

- п. 44 Песня написана во время того же путешествия императрицы Дзито, что и песня 40, т. е. в 692 г. Об этом путешествии есть записи в «Нихонги» (прим. к тексту).

Исоноками Маро — при императоре Момму (697—707) занимал пост левого министра (садайдзин). В М.— одна его песня. В период, к которому относится песня, состоял в должности второго советника двора. Его авторство подвергается сомнению, так как в «Нихонги» говорится о Такэти Маро. Высказывается предположение, что песня принадлежит Хитомаро и относится к циклу, посвященному жене (40—42).

«Идзами» «когда увидимся» — отсюда игра слов в песне и скрытый намек.

- п. 45 Принц Кару — будущий император Момму, сын наследного принца Хинамиси (или Кусакабэ), скончавшегося в 689 г. Песня посвящена описанию путешествия принца к месту погребения отца и ночлега в поле, где любил охотиться отец.

Хиноки (*Chamaecyparis obtusa*) — «солнечные деревья», японский кипарис, в песнях М. встречаются как «священные», «прекрасные деревья».

Сусуки (или обана) (*Miscanthus sinensis*) — одна из осенних трав, цветет пышными колосьями, отчего верхушки ее сравнивают с флагами.

- п. 46 Тоска о прошлом, о которой говорится в песнях, означает не далекое прошлое, а предшествующие год-два (МС).

- п. 47 «Сюда пришли мы в память о тебе» — имеется в виду отец Кару, принц Хинамиси, который обычно охотился в этих местах.

- п. 50 Автор неизвестен. Одни исследователи считают, что это песня рабочего люда, отбывавшего трудовую повинность («экимин», или «эдати-но-тами» — «народ, выполняющий подневольный труд» от «эки», «эдати» — «подневольный труд», «мин», «тами» — «народ» — МС), другие же полагают, что песня сочинена посторонним человеком, наблюдавшим, как работают на постройке дворца крестьяне. Многие считают, что эта песня принадлежит Хитомаро, так как некоторые строки схожи с его песнями.

В песне восхваляется правление императрицы Дзито и говорится о строительстве дворца в Фудзивара, куда в 694 г. была перенесена столица из Асука. О переезде императрицы в этот дворец 6-го дня 12-го месяца того же года имеется запись в «Нихонги» (прим. к тексту).

«Знаки вешие храня, черепаха нам сулит новый, благодатный век...» — постройке нового дворца и перенесению столицы предшествовали различные гадания, при помощи которых определяли счастливое место для новой столицы (см. п. 1). Панцирь черепахи калили на огне и по трещинам определяли будущее.

- п. 51 Принц Сики (VII в.) — четвертый сын императора Тэндзи, один из лучших придворных поэтов. В М. — шесть его песен.

С 6-го г. правления Дзито (693 г.) стали строить дворец в Фудзивара и в 7-м г. в 12-м месяце туда была перенесена столица.

Фудзивара — местность в уезде Такэти провинции Ямато.

Унэмэ — придворные красавицы, прислуживавшие на пирах. Из различных деревень для двора отбирались самые красивые и талантливые; их обучали танцам и песням; они развлекали гостей на пирах, иногда играли роль наперсниц императриц. Впоследствии унэмэ отбирались из дочерей провинциальных чиновников. Институт унэмэ был специально оговорен в кодексе законов Тайхорё (701 г.).

- п. 52 В старину колодцами (и) называли любой водоем: озера, реки и т. п. (МС). Мы переводим здесь «мии» — «священные колодцы», так как чистая вода источника и т. п. чтилась особо и считалась даром богов (ЦД).

Песня обращена к императрице Дзито (см. п. 28, 50, 51).

- п. 53 В примечании к текстам п. 52 и 53 указывается, что автор песен неизвестен.

«Как завидую я...» — автор песни имеет в виду необычайную красоту местности, где расположен дворец, которым будет любиться дворцовая свита и в грядущие годы (МС).

- п. 54 Сакато Хитотари — о ней ничего неизвестно, сопровождала бывшую императрицу Дзито в 701 г. в провинцию Кии. Путешествие происходило в сентябре, почему Сакато и думает с тоской о весенних полях. Здесь и далее указываются месяцы лунного календаря.

- п. 55 Цуки Оми — имел звание обито, был придворным чиновником, сопровождал императора Тэмму в 673 г. во время его путешествия по восточным провинциям. В М. — одна его песня.

Песня сочинена во время того же путешествия Тэмму, что и предыдущая. Возможно, что это запись народной песни.

Провинция Кии славилась своим полотном. Поэтому полотняная одежда жителей стала постоянным образом (мк), связанным с этой провинцией.

- п. 56 Касуга Ою — имел звание курабито, одно время был монахом, затем вернулся к светской жизни. В М. — восемь его песен, все они связаны со странствованиями.

Когда была сочинена эта песня, неизвестно, возможно, в одно время с песнями 54, 55, тем более что она также воспекает поле в Косэ, но только в весеннее время.

- п. 57 Нага Окимаро — имел звание имики, в М. — 14 его песен (см. также п. 3824).

Песня обращена к лицу, находившемуся в свите, сопровождавшей Дзито.

- п. 58 Такэти Курохито — имел звание мурадзи, один из талантливых поэтов М., современник Хитомаро, служил при дворах Дзито и Момму (конец VII — начало VIII в.). В М. — 18 его песен. Почти все они — песни странствований по провинциям Оми, Микава, Ямасиро, Сэтцу.

- п. 59 Принцесса Ёса — умерла в 3-м г. Кэйун (706 г.). В М. — одна ее песня; сложена, когда принцесса оставалась в столице, а ее муж, служа при дворе, сопровождал экс-императрицу Дзито (см. п. 57, 58).

- п. 60 Принц Нага — сын императора Тэмму; умер в 715 г.; был искусным придворным поэтом; в М. — пять его песен.

Песня сочинена во время путешествия императрицы Дзито в 702 г. в провинцию Микава. Принц Нага сочинил эту песню в думах о придворной даме, сопровождавшей императрицу.

В песне игра слов: Набари — название гор и в то же время одна из форм глагола «прятаться».

- п. 61 Девушка из рода Тонэри — полагают, что служила при дворе Дзито (конец VII в.). В М. — три ее песни.

Песня сочинена во время того же путешествия, что и предыдущая песня, когда проезжали провинцию Исэ.

В песне игра слов, связанная с названием бухты.

- п. 62 Мину Окамаро — в тексте имени нет, расшифровано по СН. В 701 г. он входил в состав посольства, отправленного императо-

ром Момму в Китай. В песне отражен обычай, когда во время путешествия, чтобы оно было благополучным, подносили дары богам. Наиболее опасными считались путешествия в Китай, дорога у берегов Цусима, где море бывало особенно бурно.

- п. 63 Яманоз Окура (659—733) — выдающийся поэт М., был придворным чиновником, жил некоторое время в Китае. Окура знал китайский язык, китайскую литературу и философию, писал стихи на китайском языке, в его творчестве заметны следы влияния китайской поэзии. Большинство произведений написано в пору пребывания его в южной Японии, на о-ве Кюсю. Только под конец жизни Окура вернулся в столицу Нара, где и умер.

В песнях Окура впервые в японской поэзии нашли отражение социальные мотивы. Из его произведений наиболее знаменита поэма «Диалог бедняков» (см. п. 892—893).

Песня была сложена, когда Окура жил в Китае в составе посольства, отправленного из Японии во 2-м г. Тайхо (702 г.). Он вернулся домой в 704 г.

- п. 64 Дворец Нанива — находился в селении Нанива, совр. г. Осака. Ямато — родина принца.
- п. 65 Эта песня, как и предыдущая, была сочинена во время путешествия императора Момму во дворец Нанива; существуют разные толкования ее. Возможно, это запись народной песни.
- п. 66 Окисомэ Адзумахито — имел звание мурадзи, жил в правление Момму (конец VII — начало VIII в.). В М.— четыре его песни.
- п. 67 Такаясу Осима — жил в правление Дзито (конец VII в.). В М.— одна его песня.
- п. 68 Принц Мутобэ — умер в 1-м г. Тэмпё (729 г.). В М.— одна его песня.

Раковины «позабудь», или раковины забвения (васурэгаи), — по народному поверью, они помогают забыть горе, несчастную любовь, если хранить их при себе. В основе поверья лежит вера в магию слов («котодама-синко» — букв. «вера в душу слов»), в то, что слова обладают действенной силой. Об этом свидетельствуют многие названия гор, раковин, трав в песнях М. (травы «позабудь», раковины «позабудь-любовь», гора «Утешу» и др.). К. же объясняет это тем, что раковины эти очень красивы и, любуясь ими, люди забывают о горе.

- п. 69 Девушка из Суминоэ — имя и биография неизвестны. В М.— одна ее песня, относящаяся к концу VII в.
- В старину девушки в знак любви или на память окрашивали одежды возлюбленному. Обычно это делали при помощи цветов и трав, но в некоторых песнях М. говорится о желтой или красной глине, которую растирали на ткани (см. песни 932, 1002 и др.).
- п. 70 Птица ёбукодори — «зовущая птица», нарицательное название для ряда птиц (каккодори, каодори и др.), крик которых похож на зов, так называют в песнях и кукушку. О ней часто поется в М. в песнях любви и печали.
- п. 71 Осакабэ Отомаро — жил во времена Момму (конец VII — начало VIII в.). В М.— одна его песня.

- п. 72 Фудзивара Умакаи (694—737) — имел звание асоми, сын Фудзивара Фухито, был крупным государственным деятелем, поэтом, подвизался в области литературы и военного искусства, занимал ряд высоких должностей. Был одним из редакторов «Фудоки». В бытность свою губернатором провинции Хитати (719—723) общался с поэтом Такахаси Мусимаро. В М.— шесть его песен. Данная песня относится к первым годам Тэмпё, когда Фудзивара Умакаи был министром церемоний (724 г.). В М.— шесть его песен. ...«Срезают жемчужные травы морские» — говорится о собирании морских водорослей, которые употребляли в пищу и для подарка.
- п. 73 Камелия (цубаки) (*Camellia japonica*) — метафора возлюбленной, любимой жены.
Дуновение ветра служило приметой того, что милый помнит, любит, скоро придет. Перевод по СН.
- п. 74 В примечании к тексту указывается, что некоторые считают автором этой песни императора Момму (697—707). Однако сюжет ее настолько часто повторяется в песнях М., что ее скорее следует считать записью народной песни или ее вариантом.
- п. 75 Принц Нагая — сын принца Такэти, внук императора Тэмму. Занимал ряд высоких должностей. Однако в 729 г. был обвинен в измене императору Сёму; приговоренный к смерти, покончил жизнь самоубийством; похоронен в горах Икума. Полагают, что он оказался жертвой интриг дома Фудзивара. В М.— 5 его песен; его стихи есть и в «Кайфусо», сборнике стихов на китайском языке, составленном в 751 г. (Составитель неизвестен. Из 64 авторов сборника 18 являются одновременно авторами М.: принц Кавасима, принц Оцу, император Момму, принц Ямакума, Отомо Табито, принц Сакайбэ, Касуга Ою, Сэна Юкибуми, Тори Сэнрё, принц Нагая, Абэ Хиронива, Ёсида Ёроси, Фудзивара Фусасаки, Фудзивара Маро, Фудзивара Умакаи, Асада Ясу, Исоноками Отомаро, Фудзии Хиронари.)
Данная песня — одна из характерных песен странствования, в которых путник тоскует о жене или возлюбленной, что дала бы теплую одежду или высушила б мокрую одежду странника. Если это не запись народной песни, то во всяком случае она близка народным песням, представленным в М.
- п. 76 Императрица Гэммё (708—714) — принцесса Абэ. Годы правления назвала Вадо «японская медь» — по случаю того, что в столицу из провинции Мусаси был доставлен в дар императрице огромный самородок меди. В М.— три ее песни.
В песне говорится о подготовке к бою с племенами эбису, которые восстали как раз в период вступления на престол императрицы Гэммё.
Панцирь (томо) — защищал воина от стрел, делался из кожи наподобие мешка, выложенного мехом. Панцирь с помощью кожаного шнура прикреплялся к левой руке и левому боку воина.
- п. 77 Принцесса Минабэ — дочь императора Тэндзи, старшая сестра императрицы Гэммё. В М.— одна ее песня.
- п. 78 В приписке к заголовку песни говорится, что в некоторых книгах она обозначена как песня императрицы Дзито, однако обстоя-

тельства, при которых она была написана, подтверждают авторство императрицы Гэммё.

В 710 г., когда двор переехал из дворца Фудзивара во дворец Нара, в Асука оставалась могила мужа Гэммё — принца Кусакабэ, о чем она печалится в песне.

- п. 79 В примечании к п. 79 и 80 указано, что автор этих песен неизвестен.

Есть два толкования этой песни: речь идет о постройке императорского дворца, о трудностях постройки, о выражении преданности императрице (ЦД) или о собственном доме и о любви к жене (МС). Судя по другим песням М., правильное первое толкование.

Столица из Фудзивара в Нара была перенесена в правление Гэммё в 710 г.

«И дорогой проходя, что отмечена давно яшмовым копьем...» — (мк) образ, сложившийся на основе мифа, рассказывающего о том, как бог Ниниги, внук богини солнца Аматэрасу, спускался на землю с небес, чтобы править страной Ямато, а его проводник — мифическое существо Сарута-хико — имел при себе копье, которым указывал дорогу.

- п. 81 Принц Нагата — сын принца Нага. В 716 г. был губернатором провинции Оми. В 729 г. стал начальником дворцовой охраны; умер в 737 г. В М. — шесть его песен.

Чистая вода источников, колодцев и т. п. считалась в старину даром богов и была священной, как и сами колодцы. Священный храм провинции Исэ (Исэ-но ицуки-но мия) — Исэ-но дайджингу — великий храм богини солнца Аматэрасу.

«...охраняемой ветром могучих богов» (камукадзэ-но) — мк к провинции Исэ, связана с преданием о том, что каждый раз, когда враги собирались высадиться на берег Японии, в провинции Исэ, где находится храм богини Аматэрасу, у берегов поднимался страшный ветер, начиналась буря, и враги вынуждены были бежать.

- п. 82—83. Эти две песни приписываются принцу Нагата. Однако в примечании к тексту высказано предположение, что это старинные народные песни.

Судя по содержанию, они вряд ли были сочинены у священного колодца, как п. 81, и, вероятно, сложены в разное время, при разных обстоятельствах, хотя автор, возможно, один и тот же. К этому склоняются многие комментаторы (М-код., МС и др.).

- п. 84 Дворец Саки — резиденция принца Нага, находился в местности Сики провинции Ямато. Перевод сделан по СН.

КНИГА ВТОРАЯ

- п. 85 «Правление императора Нинтоку» — в тексте: «Правление верховного владыки, ведающего Поднебесной во дворце Такацу, в Нанива» (см. п. 1).

Иванохиэ (?—347) — жена императора Нинтоку. В М. — четыре ее песни.

О Нинтоку и Иванохиэ имеются записи в «Нихонсёки» и «Кодзики». («Кодзики» — «Записи о делах древности» — историко-

мифологический свод, составленный в 712 г. О-но Ясумаро. В мифологической части содержатся древние космогонические мифы, а также миф о богине солнца Аматэрасу и другие. Историческая часть начинается с легендарного императора Дзимму и кончается правлением императрицы Суйко, 593—628). Иванахимэ очень любила своего супруга, но, когда во время ее путешествия в провинцию Ки он изменил ей с принцессой Ята, она покинула его и жила отдельно.

Песни 85—88 считаются самыми древними в М. Однако есть сомнение в авторстве Иванахимэ (МС).

- п. 86 «Чтоб изголовьем стало подножие высоких этих гор...» — этот образ объясняется тем, что в старину хоронили в пещерах, в горах.
- п. 87 Есть два толкования этой песни: одни считают, что в ней речь идет о настоящем инее, другие — что это метафора седых волос. Так как в М. такая метафора встречается в ряде песен — можно считать, что и здесь речь идет о седине, в этом убеждает контекст.
- п. 88 По поводу авторства Иванахимэ, так же как и по поводу авторства п. 84, имеются сомнения (МС). В песнях 86—88 заметно влияние народных песен.
- п. 89 Вариант п. 87. Однако здесь образ инея не является метафорой (см. стк. 1—2).
- п. 90 Принцесса Сотоори — дочь императора Ингё (412—455), младшая сестра принца Кару. В М. — одна ее песня. Песне предшествует предисловие: «В „Кодзики“ сказано: принц Кару тайно сблизился со своей младшей сестрой [принцессой Сотоори] и за это был сослан к горячим источникам в провинции Иё. Тем временем принцесса не в силах выдержать тоски, последовала за ним и тогда ею и была сложена эта песня, в которой говорится...»

О принце Кару см. п. 3263. Песня является близким вариантом п. 85, однако им приписывают разные источники и разных авторов. Песня 85 взята из «Руйдзю-карин» как песня Иванахимэ, эта песня взята в М. из «Кодзики». В «Нихонги» упоминаются и Иванахимэ, и Сотоори (прим. к тексту).

В старину разрешались браки между родственниками, преследовались лишь браки между единоутробными братьями и сестрами, как в данном случае.

Яматадзу (совр. «намисо», *Sambucus Sieboldiana*) — японская бузина; листья у нее расположены друг против друга, поэтому являются постоянным сравнением (мк) для людей, идущих навстречу друг другу. В примечании к тексту указано: «То, что здесь именуется яматадзу, является нынешним мяцукугои».

- п. 91 «Правление императора Тэндзи» — см. п. 16. Это единственная песня, которая говорит об отношениях императора Тэндзи к принцессе Кагами.
- п. 92 Принцесса Кагами (впоследствии жена Фудзивара Каматари) — старшая сестра одной из лучших поэтесс М. — Нукада. Сведений о ее жизни почти нет. В М. — пять ее песен.

Судя по песням М. (см. п. 489), обе сестры любили Тэндзи, но женой его стала Нукада — младшая сестра.

В песне Кагами намекает на то, что свое чувство она скрывает от всех и оно незримо, как вода, текущая под сенью деревьев и скрытая листвою.

п. 93 Перевод двух первых строк дан на основании толкования К. Мор.

п. 94 Фудзивара Каматари (614—669) — основатель знаменитого рода Фудзивара (первоначальное имя — Накатоми Камако), крупнейший государственный деятель в правление императоров Котоку, Тэндзи и императрицы Саймэй. В М. — две его песни.

«Зеленый плющ... для влюбленных служит ложем он» — речь идет о так называемом санэкадзура (*Kadsura japonica*), или санакадзура, — плюще для майского ложа, упоминание о котором встречается во многих песнях М., и в частности в записях народных песен (см. кн. XIV). «Са» — сокр. от «сацуки» — «месяц май» (месяц посадки риса), как и в японских народных песнях в слове «саотомэ» — «майские девушки», «нэ» — ложе. В таком толковании убеждает и значение глагола «санэру» — «спать с милым», так как в мае сельскохозяйственные обряды, связанные с посадкой риса, заканчивались брачными играми на полях.

Миморо — священные горы, под этим названием известны и горы Мива (см. подробнее кн. XIII, п. 3222).

п. 95 Унэмэ — см. п. 51. Оскорбление унэмэ каралось законом. Бывали случаи, когда унэмэ становились наложницами императоров, один из сыновей Тэндзи был рожден унэмэ (МС). Случай с Каматари — высоким сановником — также является особым.

п. 96 Кумэ Дзэндзи — жил во времена императрицы Дзито (конец VII в.), биография неизвестна. В М. — три его песни. Провинция Синану в древности славилась изготовлением луков. В тексте передаваемая игра слов: хiku — «натягивать» (лук) и «увлекать» (с собой).

п. 97 Девушка из дома Исикава. В М. есть ряд песен, подписанных Исикава-но працумэ («працумэ» — «девушка», «госпожа» и т. п.), среди них девушка, переписывавшаяся с Кумэ Дзэндзи (п. 97, 98), жена Фудзивара Сукунамаро (п. 4491), затем мать Отомо Саканозэ, жена Отомо Ясумаро (п. 518, 4439), жена Отомо Сукунамаро (п. 108, 129) и придворная дама, переписывавшаяся с Отомо Тануси (п. 126, 128).

Песня является ответом, написанным в аллегорическом плане. Автор сравнивает себя с тетивой. Натянуть тетиву — сделать своей женой.

п. 100 Речь идет о древнем обычае во время праздника Ниинамэ-сай — Праздника вкушения первого риса — подносить богам и императору первые колосья риса. Население восточных провинций (Адзума) поставляло этот священный дар в особых ящиках ко двору, а затем его подносили храму. Шнур священного груза был обычно завязан очень крепко, чтобы все было доставлено в полной неприкосновенности.

п. 101 Отомо Ясумаро — отец поэта Табито, поэтессы Отомо Саканозэ, а также Отомо Тануси и Сукунамаро, имел звание сукунэ. Достиг высокого положения. Был первым советником двора и главным полководцем. В М. — три его песни. Данная песня отнесена ко времени Тэндзи (662—671), но считается, что здесь ошибочная запись, так как Ясумаро получил звание сукунэ позже, при Тэмму (673—686).

Девушка из дома Косэ — см. п. 102.

В песне автор в аллегорической форме намекает на то, что

красавице (прекрасному плющу) надлежит дать согласие на брак сейчас, иначе в дальнейшем ей будет трудно выйти замуж.

В тексте использована народная поговорка: «Деревьев, на которых нет плодов, коснулись грозные боги».

- п. 102 Девушка из дома Косэ — дочь первого советника двора, будущая жена Отомо Ясумаро. В М. — одна ее песня.

«...Расцветают лишь цветы» — в песнях любви обычный образ «любви на словах»; «нет плодов» — значит возлюбленные не принадлежат друг другу.

- п. 103 «Правление императора Тэмму» — см. п. 22. Песня адресована жене Тэмму, дочери известного государственного деятеля Фудзивара Каматари.

«В моем селе» — имеется в виду селение Асука, где находился дворец Киёмихара, резиденция Тэмму.

Песня носит шуточный характер. В те времена, судя по песням М., большой снег всегда служил предметом особого любования. В старину император имел несколько жен. Главную жену звали «огисаки», среди остальных жен — «кисаки» — различались «хи», «фудзин», «бунин», «хин» (даны в нисходящем порядке). Дочь Каматари была на положении «фудзин». Ее называли также Охара-но тодзи «хозяйка Охара» по названию местности, где была ее резиденция (см. п. 4479).

- п. 104 Шуточный ответ, посланный императору Тэмму.

- п. 105 «Правление императрицы Дзито» — см. комм. к п. 28. Принцесса Оку (661—701) — дочь императора Тэмму, старшая сестра принца Оцу. С 14 лет посвящает себя служению в храме богини солнца в Исэ. В М. — шесть ее песен.

Так как Оцу погиб в 696 г., то, по-видимому, эта песня, как и последующая, была сложена раньше указанного в заголовке времени. Заголовок, возможно, указывает лишь на время их записи.

Принц Оцу — младший брат принцессы Оку, после смерти отца, императора Тэмму, по совету монаха Гёсин собирался завладеть престолом. Он прибыл тайно в храм Исэ, где встречался с сестрой, но это стало известно, и он получил приказ вернуться в столицу, в провинцию Ямато.

- п. 106 Принц Оцу погиб после того, как по доносу принца Кавасима был раскрыт его заговор. Так как в этих песнях говорится об осени, т. е. о том времени, когда это произошло, можно предположить, что сестра кое-что уже знала, провожая его.

- п. 107 Принц Оцу (663—686), в М. — четыре его песни (см. п. 105).

- п. 108 Девушка из дома Исикава — впоследствии жена Отомо Сукунамаро.

- п. 109 Цумори Тору — был широко известен своим искусством гадания.

- п. 110 Принц Хинамэси (Хинамиси, он же принц Кусакабэ) — сын императора Тэмму, умер в 689 г. В М. — одна его песня (подробнее см. п. 167). Онако — имя девушки из дома Исикава, будущей жены Фудзивара Сукунамаро. Комментаторами отмечается близость этой песни по образам к народной песне.

- п. 111 Принц Югэ (?—699) — сын императора Тэмму, младший брат принца Нага. В М.— семь его песен (см. п. 467).

Когда императрица Дэито ездила в Ёсину, принц Югэ сопровождал ее и из Ёсину отправил эту песню Нукада в столицу. Предполагают, что это было в 690 или 691 г., в 4-м или 5-м месяце. Возможно, принц послал песню Нукада, потому что его отец (Тэмму) часто навещал Ёсину, и Нукада, будучи его фавориткой, сопровождала его.

Юдзуруха (*Daphniphyllum macropodum*) — вечнозеленое растение с очень длинными листьями и мелкими зеленовато-желтыми цветами. Название цветов юдзуруха начинается с той же буквы, что и имя принца, поэтому вся песня носит аллегорический характер.

- п. 112 Это последняя песня Нукада. Предполагают, что она писала ее в возрасте около 50 лет (МС). См. п. 111.
- п. 113 В песне отражен широко распространенный в то время обычай присылать стихи, прикрепленные к ветке сосны, к цветку и т. п.
- п. 114 Принцесса Тадзима (? — 708) — дочь императора Тэмму, сводная сестра принца Такэти (п. 199) и принца Ходзуми (п. 203). В М.— четыре ее песни. Судя по песням М., она была возлюбленной Ходзуми (см. п. 116, 1515).
- п. 115 Причины ссылки принца неизвестны, есть предположение, что он был сослан из-за любви к Тадзима.
- п. 116 Судя по заголовку и содержанию песни, речь идет, по-видимому, о тайном бегстве.
- п. 117 Принц Тонэри (?—735) — сын императора Тэмму. По приказу императрицы Гэнсё принимал участие в составлении «Нихонсёки» (720 г.) В М.— три его песни. Песня адресована возлюбленной принца, предполагают, что она служила при дворе (см. п. 61).
- п. 118 В песне использована поговорка: «хито-ни коирарэба юи-но ну-рэру» «коли любима кем — повязка в волосах промокнет (от слез)», т. е. «быть любимой — знать слезы». Одновременно в песне содержится намек на то, что она тоже любит принца.
- п. 119 Принцесса Ки (см. п. 390) — сводная младшая сестра принца Югэ.
- п. 120 Хотеть опасть, как цветок, отвести, как клен, и т. п. — значит хотеть умереть.
- п. 121 Песня сочинена в аллегорическом плане. Жемчуг-водоросли — метафора принцессы. Срезать водоросли — сделать своей женой.
- п. 122 Чужая жена — здесь лишь образ недоступной любви, образ любимой, которая будет принадлежать другому (см. п. 119).
- п. 123 Миката Сами (конец VII в.). В М.— семь его песен. 123 — Песни адресованы будущей жене.

Волосы — один из обычных образов в песнях любви и разлуки. Не глаза, не губы, а именно волосы возлюбленной чаще всего воспеваются в песнях М.

В старину муж не брал жену к себе в дом, а навещал ее в ее доме (СН).

п. 124 Дочь Соно Икуха — будущая жена Миката Сами; жила во времена Дзито (конец VII в.). В М.— одна ее песня.

п. 126 Придворная дама Исикава — см. п. 97. За песней в тексте следует послесловие:

«Об этой песне рассказывают следующее:

Отомо Тануси по прозванию Тьюро был красив, изыскан в манерах и не знал себе равных. И те, кто видели его, и те, кто слышали о нем, не могли не восхищаться им.

В то же время жила одна дама из рода Исикава. Постоянно печалилась она о трудностях своей одинокой жизни и захотелось ей жить вдвоем с Тьюро. Хотела она написать ему об этом, но не было подходящего гонца. Тогда выдумала она предлог, прикинулась бедной старухой, согнулась, взяла в руки котелок и пошла к его покоям. Постучавшись, она сказала глухим голосом: „Пришла я, бедная соседка, попросить огонька у вас“. Тьюро, против ее ожидания, не разобрав в темноте, кто это, не поддался на уловки, и она, получив просимый ею огонек, отправилась домой. После, когда рассвело, она устыдилась своего поступка и в то же время негодовала, что не исполнилось желание ее сердца. Поэтому она сложила песню и, послав ее, превратила все в шутку.

Тьюро — «второй брат», «второй сын» (букв. «второй мужчина»); такое обозначение братьев, сыновей заимствовано из китайских обычаев.

п. 127 Отомо Тануси — имел звание сукунэ. Второй сын Отомо Ясумаро, младший брат Отомо Табито. В М.— одна его песня.

п. 128 Хотя в примечании к тексту песни написано, что она была послана в знак сочувствия, однако многие комментаторы считают ее шуточной, в которой Исикава издевается над Тьюро.

п. 130 При каких обстоятельствах сложена песня, неизвестно. Речь идет о родном брате Нага, принце Югэ. Некоторые комментаторы предполагают, что в тексте ошибка и речь идет о младшей сестре. Однако при существовавших тогда придворных интригах вполне допустимо, что принц Нага не мог из-за каких-либо обстоятельств прийти сам на свидание к брату.

п. 131 Одно из знаменитых стихотворений Хитомаро (см. п. 29), посвященных разлуке с женой. Предполагают, что Хитомаро ехал в столицу, как и все провинциальные чиновники, отчитываться о делах своей провинции. Песня 223 говорит о том, что он умер в провинции Ивами во 2-м г. Вадо (709 г.) или в 4-м г. Кэйун (707 г.). Эта песня сложена после 702—703 гг.

п. 135 Песня Хитомаро, также посвященная разлуке с женой. Фукамиру — водоросли, растущие в глубоких местах (фукамиру «смотреть вглубь»), — народное название.

п. 139 В примечании к тексту п. 138 и 139 указывается, что они помещены здесь как варианты песен 131 и 132.

п. 140 Ёсами — жена Какиномото Хитомаро. В М.— три ее песни.

п. 141—142 Принц Арима — сын императора Котoku; в М.— две его песни. В 11-м месяце 4-го г. царствования Саймэй (658), воспользовавшись тем, что она отправилась в путешествие к горячим источникам в провинцию Кии, он задумал мятеж, но был разобла-

чен, схвачен и отправлен к местопребыванию императрицы. Эти две песни он сочинил в дороге, проезжая Ивасиро. В надежде на помилование принц Арима завязал в пути ветки сосны (см. п. 10). Однако наследный принц — Накацуоинэ (будущий император Тэндзи) решил сам дело, и принц Арима был повешен у заставы Фузисиро, на пути во дворец 11-го дня того же месяца.

п. 143 В песне говорится о принце Арима.

п. 144 Песня, как и предыдущая, сочинена под влиянием воспоминаний о принце Арима, завязавшем, согласно древнему поверью, ветви у сосны, моля о благополучии (см. п. 141).

п. 145 Возможно, это ответ на одну из предыдущих песен — Окимаро или Арима (МС).

В песне отражена вера в бессмертие души, которая встречается и в других песнях М. под влиянием буддизма.

В примечании к песне указывается, что хотя предыдущие песни не являются надгробными плачами, но выражают печаль, близкую к плачам, поэтому помещены в этом разделе.

п. 146 Автор неизвестен. Речь идет о ветках сосны, завязанных принцем Арима (см. п. 141). Есть мнение, что это — искаженная запись песни Окимаро (п. 143 — К. Маб.). Однако, судя по другим песням М., несмотря на близкий вариант, она может принадлежать другому автору.

п. 147 «Правление императора Тэндзи» — см. п. 16.

Императрица Яматохимэ — жена императора Тэндзи; в М. — четыре ее песни.

Речь идет о болезни Тэндзи на 10-м году правления (671 г.), в 9—10-м месяце. В песне отражен древний обычай, когда, глядя на небеса, люди определяли судьбу, предсказывали счастье или беду.

п. 148 Заглавие не соответствует песне, которая была, по-видимому, сочинена после кончины императора. В песне отражена древняя вера в то, что душа умершего витает в небесах.

Император Оми — так называли Тэндзи, так как резиденция его была в провинции Оми.

Зеленые флаги — образ зеленых деревьев.

п. 150 Автор неизвестен.

п. 151 После смерти, перед тем как тело предадут погребению, оно находится в усыпальнице.

«Завязала бы святой запрета знак» — см. п. 20.

п. 152 Тонэри Ёситоси — неизвестная придворная дама, никаких сведений о ней нет; в М. — три песни под такой подписью (см. п. 61, 118). Песня сложена в связи с кончиной императора Тэндзи.

п. 153 Песня сложена Яматохимэ (см. п. 147) в связи с кончиной императора Тэндзи.

«Там, где ловят чудище-кита» — мк к слову «море» (уми). В старину «уми» обозначало любое естественное водохранилище (океан, море, озеро и т. п.). Присоединение данной мк, по-видимому, первоначально было отражением реальной характеристики и моря и океана. Однако впоследствии эта мк приобрела окаменевший характер и стала присоединяться к любому обозначению

уми, даже когда речь идет об озере, как в данном случае (Море в Оми, или Оми-но уми, называли в старину оз. Бива).

- п. 154 Песня второй жены императора (см. п. 103), имя неизвестно. В М.— одна ее песня.

Запрета знак — речь идет о стражах, охраняющих императорские заповедники (см. п. 20).

Песня сложена в связи с кончиной императора Тэндзи.

- п. 155 Согласно «Сёку-Нихонги», в октябре 3-го г. правления Момму (699) в Ямасина была воздвигнута усыпальница императора Тэндзи, которого оплакивает Нукада.

- п. 156 «Правление императора Тэмму» — см. п. 22.

Принц Такэти (см. п. 199) — сводный младший брат принцессы Тоти, дочери императора Тэмму, умершей в 7-м г. его правления (679).

- п. 157 Короткие отрезки или полоски ткани — одна из обычных жертв, приносимых на алтарь богов (см. п. 34).

«Из священной конопли» (масо) — волокна конопля шли на изготовление ткани, приносимой на алтарь; конопля считалась священной.

Последняя строка переведена согласно толкованию СН.

- п. 158 Цветок ямабуки (см. VIII—1435) — метафора принцессы. В песне говорится о месте ее погребения.

- п. 159 «И одежды рукава из простого полотна» — имеется в виду траурная одежда.

- п. 160 В песне приводятся для сравнения, по-видимому, магические акты, имевшие место в те времена.

Эта песня была записана значительно позже, чем сложена, поэтому в заголовке Дзито названа экс-императрицей.

- п. 161 «И звезды покидают небо, и покидает небеса луна» — говорится об умерших ранее принцах и о смерти императора.

- п. 162 «В дальней стороне Исэ, что неизбежно хранят ветры грозные богов» (см. п. 81).

«Поднялся туманом ты» — имеется в виду туман, оставшийся после погребального обряда сожжения.

- п. 163 «Правление императрицы Дзито и императора Момму» — см. п. 28.

О принце Оцу и принцессе Оку см. п. 105, 106.

Оку приехала в столицу в 1-м г. Сютё (686), в 11-м месяце 16-го дня, а принц Оцу умер в 10-м месяце 3-го дня.

- п. 165 Гора Футагами (Футаками) — гора Двух вершин, олицетворяющих два божества — мужское и женское (мужа и жену) (см. п. 3955 и 3985).

- п. 166 Асиби (*Picris japonica*) — небольшие белые цветы, цветут ранней весной пышными соцветиями, очень красивы, широко распространены в Японии всюду: в полях, среди гор, особенно много их в окрестностях Нара.

- п. 167 Принц Хинамиси (Хинамэси), или принц Кусакабэ, — старший сын императора Тэмму и императрицы Дзито, был наследным

принцем, умер в 3-м году правления Дзито (689), в 4-м месяце, 13-го дня. Хитомаро служил у принца.

Аматэрасу — богиня солнца, согласно японской мифологии — родоначальница императорского дома.

«Бог сошел тогда на землю, чтоб страну управлять», — говорится о правлении императора Тэмму.

«Дверь пещеры отворив, поднялся наш бог на небо и не возвратился вновь» — говорится о смерти императора Тэмму.

«Если мог бы ты теперь Поднебесной управлять» — здесь и ниже говорится о принце Хинамиси.

Маюми — холм в уезде Такэти провинции Ямато — место погребения принца Хинамиси.

- п. 169 Полагают, что эту песню сложила принцесса, любуясь цветами по дороге из Исэ в столицу. Императрица Дзито сравнивается здесь с солнцем, а почивший принц Хинамиси — с лунной (хинамиси «наряду с солнцем»). Предполагают, что песня является каэси-ута к п. 199, сложенной во время пребывания останков принца Такэти в усыпальнице (прим. в тексте).

- п. 170 Сима («остров») — дворец Хинамиси в уезде Такэти (совр. Такайти), в селении Такэти. Назван так оттого, что оказался на острове, когда во дворцовом саду вокруг него вырыли пруд.

Ханатидори — род водяных птиц. Комментаторы указывают, что в период М. ими не только любовались, но разводили и кормили их, исходя из древних верований в переселение душ. (По-видимому, речь идет о буддийских представлениях о переселении душ.)

«По людскому взгляду стосковавшись» — птицы, тоскуя по умершему принцу, не вырают, как обычно, на дно пруда, а ждут, когда он придет любоваться ими.

- п. 171 Песни 171—193 — песни дворцовых стражей (тонэри), охранявших покои принца. Среди дворцовой стражи в личной охране императора и принцев (утитонэри, утидонэри) обычно служили сыновья и младшие братья знатных сановников, имевших высокие ранги.

- п. 176 «Вместе с небом и землей» — т. е. вечно.

- п. 178 Игрушка-сад (сима) — искусственный сад миниатюрных размеров, прилежавший ко дворцу. Такие сады с глубокой древности устраивали при дворцах и домах знати.

- п. 182 В этой песне название холма Маюми раскрывается как холм, где покоится прекрасный лук принца: «ма» — «прекрасный», «юми» — «лук».

- п. 185 Цуцудзи (*Rhododendron indicum*) — японские азалии, растут в горной местности, в старину их разводили и в садах; цветут начиная с весны все лето; бывают белого, желтого, лилового, чаще всего алого цвета.

- п. 187 Имеется в виду перекинутый через пруд мост, которым любовался принц.

- п. 190 «Как стлоб из дерева святого» — священное дерево (маки) — обычно шинок «солнечное дерево», японский кипарис; считается очень прочным строительным материалом.

- п. 191 Поля Уда — возможно, что здесь говорится о полях Аки (см. п. 45—48) в уезде Уда.

Охотничья одежда (кэгоромо) — одежда из меха, из шкуры зверя.

- п. 192 «Как только этот год начался» — т. е. как только скончался принц.

- п. 193 «Не зная дня и ночи, ходили без конца рабы» — автор имеет в виду постройку пышного мавзолея для принца, куда теперь ходит вся свита.

В примечании к тексту указано, что в «Нихонги» имеется запись о том, что принц скончался в 3-й год Дзито (689), летом, в 4-м месяце.

Есть предположение, что все 23 песни сочинены Хитомаро; другие полагают, что это песни слуг, но сколько было авторов — неизвестно (см. п. 171).

- п. 194—195 Принцесса Хацусэбэ — дочь императора Тэмму. Речь идет о смерти принца Кавасима — сына императора Тэндзи. Предполагают, что он был мужем принцессы (МС).

В примечании к тексту говорится, что эта песня была преподнесена Хацусэбэ, когда в Оти совершалось погребение Кавасима, и что, по сообщениям «Нихонги», принц скончался в 5-м г. Сютё (691 г.) осенью, в 9-м месяце.

- п. 196 Принцесса Асука — дочь императора Тэндзи, скончалась на 4-м г. правления Момму (700 г.), в 4-м месяце, 4-го дня.

Адзи — вид диких уток с пестрым оперением (желтое с черным); очень распространенный в Японии; всегда летают стаями и громко кричат.

Нуэдори — см. комм. к п. 5.

- п. 197 В подтексте песни выражена мысль, что жизнь девы Асука в отличие от вод реки Асука нельзя никакими способами задержать здесь, на земле (К. Мор.).

- п. 198 В песне игра слов: «асу» — «завтра», напоминает, как и река Асука, об имени принцессы Асука.

- п. 199 Принц Такэти — сын императора Тэмму, стал наследным принцем после смерти Хинамиси, скончался в 10-м г. правления Дзито (696 г.), в 7-м месяце, 10-го дня; был главным полководцем армии во время мятежа Дзинсин-но ран, при Дзито — первым министром. Хитомаро служил у старшего брата Такэти, а после его смерти — у Такэти.

Усыпальница в Киноэ — место погребения ряда лиц императорского дома.

Первые четыре строки — традиционный зачин плачей.

«Он возвел себе чертог...», — говорится о Тэмму, отце Такэти, усыпальница которого находится в долине Магами. Некоторые комментаторы считают, что речь идет не об усыпальнице, а о дворце Киёми императора Тэмму, однако, исходя из контекста, ясно, что имеется в виду усыпальница. Во время мятежа годов Дзинсин войска Тэмму, пройдя через горы Фува, напали на провинцию Оми — место пребывания императора Тэндзи, где в то время находился его сын — Кобун.

«Меч корейский в кольцах был» (мк) — зачин; у корейских мечей к рукоятке были прикреплены кольца.

«Он призвать изволил» — говорится о Тэмму.

«И когда доверил он принцу...» — говорится о Такэти.

«Призывающий в поход барабана громкий бой...» — здесь и далее описывается мятеж Дзинсин, когда младший брат умершего императора Тэндзи — принц О-ама, будущий император Тэмму, поднял мятеж в Есину (пров. Ямато) и пошел войной на сына своего старшего брата — Кобуна, царствовавшего в провинции Оми, во дворце Оцу. В результате похода Тэмму оказался победителем, а император Кобун, его племянник, после 8 месяцев правления был побежден и покончил жизнь самоубийством в Ямадзакки, в провинции Оми.

«Белые цветы на священных алтарях» — искусственные цветы из ослепительно белой материи, которые приносились на алтарь; постоянное сравнение (мк) для всего сверкающего.

«Платья яркой белизны» — белые траурные одежды.

«Из долины Кудара, где звучат чужие речи». — Кудара — название одной из древних областей Кореи. Это же название дали местности в Японии между Киноэ и Асука в северной части уезда Кацураги, где жили корейские и китайские переселенцы, поэтому «мк» к Кудара (как постоянная характеристика этой местности) стало выражение «где звучат чужие речи».

«И жемчужные повязки мы наденем в эти дни» — т. е. будем совершать молебствия.

п. 200 В песне говорится о погибшем принце Такэти. Согласно древнему мифу, императорам приписывалось божественное происхождение и считалось, что и после смерти они возвращаются на небо, к богам.

п. 202 В примечании к тексту песни сказано, что в «Руйдзю-карин» говорится, что это песня принцессы Хинокума, обращенная с упреком к храму Накисава, и приведена запись из «Нихонги», где указано, что принц Такэти скончался в 10-м г. Дзито (696), осенью, в 7-м месяце.

«Управлять стал солнцем в вышине» — см. п. 200. Храм Накисава — находится теперь в уезде Сики, у подножия горы Кагуяма.

Принцесса Хинокума — предполагают, что она — сестра принца, в М. — одна ее песня.

п. 203 Принц Ходзуми — сын императора Тэмму; был возлюбленным своей сестры, принцессы Тадзима, и за это был сослан в провинцию Оми (дата неизвестна) (см. п. 114, 115), впоследствии — муж Отомо Саканоэ, умер в 715 г. В М. — пять его песен. Тадзима скончалась в 1-м г. Вадо (710 г.), в 6-м месяце. Предполагают, что эта песня была сложена зимой того же года.

п. 206 Комментаторы полагают, что автор этой песни тот же Адзумахито, что и песен 204—205.

п. 207 «В майский день зеленый плющ ложем будет нам» — см. п. 94. «С веткой яшмовой гонец» — в старину к ветке дерева «адзуса» привязывали яшму и посылали с гонцом в знак приветия либо с особым известием. Иногда посылали подарок, к которому прилагалась песня или письмо. Поэтому яшмовая ветка стала «мк» к слову «гонец».

«Словно осеневый лук, прогудев, спустил стрелу»... — постоянный образ (мк) неожиданного горя, страшной вести и т. п.

Время написания песни неизвестно. Предполагают, что она была сложена раньше, чем п. 131.

п. 209 «Опали листья алые у клена» — постоянный образ, связанный с ушедшим навсегда человеком.

п. 210 «Поднималось пламя вверх» — говорится о погребальном обряде сожжения.

Горы Хагай — представление о них связано с древней верой в загробное царство, в то, что души людей после смерти уходят в прекрасный мир, связанный с горой Хагай — горой вечности и счастья, недоступной живущим на земле.

п. 211 Милая, с которой любовался вместе (луной, цветами и т. п.) — обычное обозначение для возлюбленной, жены; широко распространено в песнях М. В песне отражен древний обычай любования осенней луной (обычно 15 августа).

п. 213 «Стала теплом навсегда» — говорится о погребальном обряде сожжения.

п. 216 В те времена постель умершего оберегали и оставляли ее в том виде, какой она была при жизни (К. Мор.).

п. 217 Песня посвящена гибели унэмэ (см. п. 51) из местности Цу уезда Кибі провинции Битю, бросившейся в реку.

п. 219 Дитя из Оцу — предполагают, что унэмэ жила со своим мужем в Оцу в провинции Оми. В старину унэмэ обычно звали по названию местности, из которой они происходили. «Дитя из Оцу» — перевод сделан по комментариям Тю (см. п. 217).

п. 220 Песня была сложена, по-видимому, по дороге в Цукуси (см. 302, 304), так как о путешествии Хитомаро по провинции Сануки неизвестно.

Песни, сложенные при виде умерших в дороге людей, неоднократно встречаются в М. Историк Хани Горо считает, что это трупы крестьян, возвращавшихся домой после отбывания трудовой (и воинской.— А. Г.) повинности и умерших в пути от истощения и голода. О том, что странник умер от голода, говорится и в приведенной каэси-ута (см. п. 221).

«Лик являя божества...» — в японской мифологии провинция олицетворялась в виде божества.

«Путь, что отмечен был давно яшмовым копьем» (см. п. 79).

п. 221 Ухаги (совр. ёмэна, *Asteromaca indica* или *Aster indicus*) — овощи невесты, их собирают во время обрядовых полевых игр (СН). Это многолетнее съедобное растение, цветет осенью бледно-лиловыми цветами, в пищу идут листья; растет в изобилии на полях у гор Сами.

п. 222 «Вместо изголовья, где шелк ложился рукавов» — рукава женской одежды, положенные в изголовье, т. е. объятия жены — постоянный образ, перешедший из народной в придворную поэзию.

п. 223 «Подножье скал заменит изголовье» — в старину хоронили в пещерах, среди скал, в горах.

Хитомаро умер в провинции Ивами, по мнению К. Маб., в начале годов правления Вадо (709 г.), а Сайто Мокити считает, что в 4-м году правления Кэйун (707 г.).

- п. 224 «С ракушками смешался навсегда» — обряд сожжения трупа Хитомаро происходил на берегу р. Исикава.
- п. 226 Тадзихи — фамилия, имя не указано, имел звание махито. Возможно, один из друзей Хитомаро и Ёсами. Есть мнение, что это Тадзихи Касамаро (К. Мас). В М.— три его песни.
- п. 227 Есть предположение, что это запись песни Тадзихи, сложенная на этот раз от лица Ёсами (см. п. 226), жены Хитомаро.
В примечании к тексту указывается, что автор ее неизвестен, песня помещена вслед за предыдущей согласно записи старинной книги.
- п. 228 Кавабэ Мияхито — в М.— шесть его песен.
Судя по легендам, видимо, идет речь о красавице, которая не знала, кого выбрать из любивших ее юношей, и повесилась в лесу, — иначе непонятно, о какой славе говорит автор. Следующая песня также дает основание думать, что речь идет о красавице, которая, не зная, кого выбрать из любивших ее юношей, бросилась в воду и утопилась. Оба мотива представлены в песнях-легендах М. (см. кн. IX, XVI).
- п. 230 В «Сёку-Нихонги» приведены другие даты смерти принца — 2-й г. Рэйки (716), 8-й месяц.
Каса Канамура — один из лучших поэтов М. Современник Табито, Окура, Акахито; имел звание асоми. В М.— много песен из его сборника, значительная часть их посвящена путешествиям, которые он совершал, состоя в императорской свите. В М.— 43 его песни.
- п. 231 «Любоваться некому тобою» — речь идет о принце, который любил любоваться хаги.
- п. 233—234 Варианты песен 231, 232.

КНИГА ТРЕТЬЯ

- п. 235 В примечании к тексту указывается, что в одной из книг говорится, что песня была преподнесена принцу Осакабэ, сыну императора Тэмму, и в ней сказано:

Великий принц, недаром
Являешься ты богом на земле,
И потому дворец воздвиг себе
На склонах горных бога Грома,
Что прячется в небесных облаках.

По-видимому, это вариант одного из традиционных мотивов придворной поэзии.

- п. 236 Сии (Сихи) — К. рассматривает как фамилию, другие — как прозвище. Речь идет о рассказчице, развлекавшей императрицу. В М.— одна ее песня.
- п. 238 «...по императорскому приказу...» — неизвестно, был ли это приказ Дзито или Момму.

Некоторые комментаторы считают, что песня связана с путешествием императрицы Дзито. Однако в «Сёку-Нихонги» есть лишь записи о путешествии Момму в 699 г. в Нанива. Возможно,

экс-императрица Дзито сопровождала его в этом путешествии. Здесь говорится о дворце в Нанива, резиденции Котоку (645—654), ставшей впоследствии местом отдыха императоров.

- п. 239 Четыре первые строки — постоянный зачин.

Удзура — японский перепел, обычно прячется в траве и летает лишь ночью.

- п. 241 Деревья хиноки — в песнях М. называют часто «маки» «священные деревья», «прекрасные деревья». Словом «маки» обозначаются также сосны и криптомерии, т. е. те деревья, которые считаются священными.

Есть разные толкования этой песни: 1) это — каэси-ута к п. 239, сложенная при виде большого пруда в Каридзи, и в ней восхваляется принц Нага; 2) это не каэси-ута, а самостоятельная песня, сложенная во время путешествия императора, и восхваляет императора, по приказу которого вырыли пруд; 3) песня сложена во время путешествия принца Нага, но восхваляет добродетель императора, по чьему приказу вырыт пруд. Полагаем, что песня могла быть использована во всех трех случаях. В старину часто одну и ту же песню исполняли в различных близких ситуациях, используя при этом и чужие песни, сложенные по аналогичному случаю.

Слово «море» в период М. обозначало любое большое водоемное пространство, но, по-видимому, здесь это гипербола, характерная для панегирической поэзии.

- п. 242 Мотив недолговечности всего земного (мудзё), появившийся под влиянием буддийских учений, получил развитие лишь в последующей классической поэзии и не характерен для поэзии М.

- п. 243 Принц Касуга — под этим именем в М. встречаются два лица: сын принца Сики (см. п. 669) и принц Касуга, служивший при дворе Момму и умерший в 699 г., которому и принадлежит в М. эта единственная песня.

- п. 244 Вариант песни 242.

- п. 245 Мидзусима — легенды, связанные с островом, рассказывают о чудесном появлении на нем воды во время посещения острова императором Кэйко (71—130), который обратился к богам с мольбой о даровании жителям воды. Полагают, что приезд принца Нагата связан с объездом провинции Хиро в служебном порядке, но, возможно, одновременно и с его желанием принять очищение в знаменитом источнике этого острова (М.-код.).

- п. 247 Автор точно неизвестен, так как были два царедворца Исикава: Исикава Миямаро и Исикава Кимико (прим. к тексту).

- п. 249 Расшифровка текста условна.

- п. 250 В примечании к тексту приводится вариант песни, указывающий на ее народные истоки («Миновали мы дев, что срезают жемчужные травы морские, и шалаш себе строим на мысе Нудзима теперь, где поля покрывают зеленые летние травы...»).

- п. 251 «Шнур, что любимую завязан был...» — в старину обычно при разлуке, давая обет верности, возлюбленные завязывали друг у друга шнуры одежды и клялись не развязывать их до следующей встречи.

В примечании к тексту дан вариант зачина, указывающий на народные истоки песни.

п. 255 В примечании к тексту приводится вариант концовки, указывающий на народные истоки песни.

п. 256 Гомо (комо) — то же, что макомо (*Zizania latifolia*), — многолетние травы, растущие на болотах, у рек, озер; из них плетут рогожки, циновки. Срезанные травы гомо — постоянный образ беспорядочно плывущих по морю челнов и т. п., а также душевного смятения, беспокойных дум и т. п.

п. 257—259 Камо Тарихито — имел звание кими, в М. — три его песни. Песни 257, 259 описывают заброшенное место, где раньше был дворец наследного принца Такэти.

Оси, или осидори (*Aix gabriculata*), и такабэ (*Mergus serrator*) — род диких уток.

«За незаметный срок» — т. е. со времени смерти Такэти.

Суги (*Syrpdomeria japonica*) — японская криптомерия.

п. 260 Вариант п. 257. К песне имеется примечание в виде вопроса: не была ли она сочинена в печали о былом, когда столицу перенесли в Нара (710 г.). Но комментаторы считают это позднейшей припиской и притом неверной, так как песня относится к более раннему времени (МС).

п. 261 Принц Ниитабэ (?—735) — сын императора Тэмму.

п. 262 Перевод песни на современный язык обычно отсутствует. Текст и комментарии даны по К. Мор.

п. 263 Осакабэ Таримаро — о нем ничего не известно, в М. — две его песни.

п. 264 В песне отражен способ рыбной ловли при помощи плетеных ловушек (адзиро), прикрепленных к шестам или кольям (адзирогги) и забиваемых в дно реки. Чтобы привлечь рыбу, жгли костры. Рыба шла на огонь и попадала в ловушку. Этим способом ловили мелкую рыбу на оз. Бива и особенно на р. Удзи поздней осенью или ранней зимой.

п. 266 Тидори — собирательное название для многих птиц; обычно под этим названием в М. встречается японский кулик.

п. 267 Мусасаби — летяга, обычно ютится в кроне деревьев, охотясь за птицей. Предполагают, что песня написана в аллегорическом плане и в ней содержится намек на политическую обстановку того времени, когда при дворе были распространены заговоры и заговорщики часто сами попадались в ловушку (К. Мор.).

п. 268 В примечании к тексту указано, что песня, возможно, была сложена после переноса столицы из Асука в Фудзивара. Поэтому комментаторы полагают, что принц посетил оставленную столицу и, слыша крики тидори, сложил эту песню.

п. 269 Девушка из дома Абэ — о ней ничего не известно, в М. — пять ее песен.

В песне речь идет о выжженной поверхности горы; толкуется как шуточная детская песня (К. Мор.).

п. 270 Такэти Курохито — современник Хитомаро, служил при

дворах Дзито и Момму. Почти все его песни — о путешествии (см. п. 32).

Красный корабль (акэ-но сохобунэ) — в те времена правительственные корабли обычно красили в красный цвет (МС). Однако красная ладья встречается также в народных песнях, легендах. Полагаем, что такая окраска связана с народными поверьями, по которым красный цвет спасает от болезней и бед.

- п. 271 В песне передана обычная картина, наблюдаемая во время отлива у берега моря, воспетая во многих песнях М., когда журавли устремляются в поисках пищи к обнажившимся берегам.

- п. 276 Песня сложена Курохито, когда он, окончив службу в провинции Микава, возвращался в столицу.

В тексте игра слов: Микава — название провинции одновременно «три реки»; Футами — название местности (от которой идут два пути), «футами» — «два вида», «два зрелища», отсюда «два пути»; «один», «одно» выступает в тексте самостоятельно.

Вариант песни 276 помещен в М. без номера.

- п. 277 Цуки — род вяза (совр. кэяки, *Selkova serrata*). Алая листва служила предметом любования, и автор грустит, что ему не удастся полюбоваться ею. Наиболее красивой считалась листва кленов и цуки.

- п. 278 Одна из песен М., описывающих тяжелую жизнь рыбацек в те времена.

Исикава Отоцуко — настоящее имя Исикава Кимико, Отоцуко — прозвище (прим. к тексту), в М. — две его песни. Считают, что Исикава, упоминаемый в заглавии песни девушки из Харима (п. 1776), то же лицо. Однако многие полагают, что в заглавии ошибка, и это песня женщины из рода Исикава.

Эта песня в несколько измененном виде помещена в древней японской повести начала X в. «Исэ-моногатари», в 87 эпизоде. «...Гребешков: не вынимают, чтобы пригладить волосы свои»... — обычно гребни, гребешки хранились в особых ларцах или ящиках.

- п. 280 По обычаям того времени считалось обязательным привезти домой подарок из путешествия, отчего в языке древней Японии и, в частности в песнях М., встречается особое слово «цуту» — подарок, привезенный из путешествия. Автор песни предлагает нарвать в подарок домой цветы хаги.

- п. 281 Жена Такэти Курохито — сведений о ней нет, в М. — одна ее песня.

- п. 285 Тадзихи Касамаро — имел звание махито; современник Хитома-ро; путешествовал по провинции Кии, бывал в Цукуси. В М. — три его песни.

Гора Любимый (Сэнояма) — известная гора в провинции Кии.

Шарф из таку — шарф из ткани белого цвета, изготавливаемой из волокон коры деревьев таку. Будучи обычной принадлежностью женской одежды, он стал постоянным эпитетом (мк) к слову «надевать» (какэру).

- п. 286 Касуга Ою — друг Тадзихи Касамаро, сопровождавший его в путешествии,

- п. 287 Царедворец Исоноками — под этим именем в М. выступают два лица: Исоноками Маро и его сын Исоноками Отомаро. Автор данной песни — Исоноками Отомаро (К., К. Мас., СН, М.-код.), придворный сановник, занимал высокие должности, одно время был в ссылке в провинции Тоса, в конце жизни был вторым советником двора; умер в 750 г. В «Кайфусо» — три его песни, в М. — пять. В заголовке песни дата путешествия и имя императрицы не указаны, но мы уточняем заголовок, исходя из установившегося мнения большинства исследователей. В «Сёку-нихонги» есть запись о путешествии Гэнсё в 1-м г. Ёро (717 г.) в провинцию Мино и о том, что она посетила провинцию Оми. Полагают, что Отомаро сопровождал ее, когда она была в Сига, в Оми (К. Мор., МТ). Авторство его отца Маро исключается, так как он умер за несколько месяцев до этого путешествия.

Вариант п. 574.

- п. 288 Ходзуми Ою — имел звание асоми, служил при дворе императрицы Гэнсё и императора Сёму. В 6 г. Ёро (722) он был сослан на о-ва Садо и вернулся после амнистии, объявленной в 740 г. в правление Сёму. В М. — три его песни.

Примечание к тексту, которое позволяет считать, что она написана в одно время с п. 287, — неверно. Песни 3240, 3241 (кн. XIII) подтверждают предположение, что песня написана по дороге к месту ссылки на Садо.

- п. 289 Хасихито Оура — имел звание сукунэ, в М. — две его песни.

Светлый лук — не лакированный, белый лук из сандалового дерева маюми считался самым гибким и крепким.

- п. 291 Ода Цукау — о нем ничего не известно, в М. — одна его песня.

- п. 292 Цуно Маро (в некоторых изданиях Року Маро), в М. — четыре его песни.

В песне получила отражение легенда о небесной деве Ама-но Сагумэ, о чем есть упоминание в «Кодзики» и «Нихон-сёки», а также в «Сэтцу-кун-фудоки». Легенда провинции Сэтцу говорит о том, как божество Амэвака-хико, получив лук и стрелы, спустилось на землю по велению богов, чтобы усмирить страны, и, женившись на дочери местного бога по имени Ситатэру-химэ, восемь лет не давало о себе знать. Его спутницей, следовавшей за ним и служившей ему, была небесная дева Ама-но Сагумэ. Она обладала чудодейственной силой: угадывала и предвещала счастье и несчастье, понимала пение птиц, разгадывала сны. (ТЮ считает, что речь идет о древних шаманках — «мико», которые в мифе приняли облик небесной девы.) Боги послали небесную фею в облике фазана Кигиси-но накимэ на землю, чтобы узнать причины его молчания и неповиновения и потребовать его возвращения. Фазан, прилетев на дерево перед воротами Амэвака-хико, стал петь, но дева Ама-но Сагумэ, услышав пение и поняв его смысл, подговорила Амэвака-хико убить фазана, что тот и сделал, понеся впоследствии за это наказание.

По преданию, дева Ама-но Сагумэ причалила к берегам этой гавани, и в записях обычаев и легенд провинции Сэтцу говорится, что именно поэтому гавань получила название Такацу — «Высокая, благородная гавань».

- п. 293 «Держа в руках мешки» (кугуцу) — речь идет о плетеных сетках в виде мешков, куда складывают водоросли.

- п. 295 Сосновый бор на побережье Суминоэ — одно из красивейших мест, где совершал прогулки император.
Далекий бог — мк к словам «великий государь».
- п. 296 Тагути Масухито — о нем ничего неизвестно, в М.— две его песни.
- п. 297 Бухта Таго — место, откуда открывается самый красивый вид на гору Фудзи. В те времена губернатор обязан был точно в срок являться к месту назначения и вынужден был передвигаться даже ночью. Поэтому автор песни огорчен тем, что не мог полюбоваться днем одним из красивейших зрелищ в Суруга.
- п. 298 Бэнки — согласно примечанию в тексте — монашеское имя Касуга Ою (см. п. 56).
- п. 299 Автор Отомо Ясумаро — см. п. 101.
- п. 300 Горы Тамукэ — место, где отправляющиеся в путь непременно приносили жертвы богам, моля о благополучном путешествии, о свидании с возлюбленной, о том, чтобы всегда быть с ней вместе, и т. п.
- п. 302 Абэ Хиронива — имел звание асоми, был губернатором провинции Иё на Сикоку. Впоследствии занимал ряд высоких должностей. Умер в 732 г. в М.— четыре песни.
- п. 304 «Владенья отдаленные...» — имеется в виду область Дадзайфу на о-ве Кюсю (см. п. 492). Последней строкой Хитомаро хочет подчеркнуть красоту острова, которым он любит, проезжая Внутреннее Японское море.
- п. 305 Такэти Курохито — см. п. 32.
Песня обращена к другу. В примечании к тексту указывается на Сёбэна как автора песни. По этому поводу см. п. 278.
- п. 306 Принц Аки — сын принца Касуга, больше о нем ничего не известно, в М.— четыре его песни. О дате путешествия точно неизвестно. Одни считают, что речь идет о путешествии в провинцию Исэ в 12-м г. Тэмплё (740 г.), записанном в «Сёку-Нихонги», другие, — что речь идет о путешествии императрицы Гэнсё в провинцию Мино во 2-м г. Ёро (718 г.), когда она посетила и Исэ.
- п. 307 Монах Хакуцу — о нем ничего не известно, в М.— три его песни.
Песня связана с неизвестной легендой.
Кумэновакуго — легендарное лицо. Есть разные версии о его происхождении (молодой рыцарь из рода Кумэ или принц Окэ и др.), но все они подвергаются сомнению. Известно лишь, что он жил отшельником в пещере Михо, скрываясь от людей.
- п. 308 «А люди, что в пещере этой жили...» — подразумевается Кумэновакуго (см. п. 307).
- п. 310 Принц Кадобэ — занимал высокую должность при дворе, умер в 745 г., в М.— пять его песен.
В те времена существовал обычай вместе с возлюбленной сажать деревья, цветы.
- п. 311 Курацукури Масухито имел звание сугури (см. п. 1004), в М.— две его песни.
Гора Кагами — место погребения (см. п. 417). Вероятно, автор имеет в виду близкого человека, оставленного там. Есть предположение, что это слуга принца Коти, погребенного на этой горе.

- п. 312 Строительство новой столицы в Нанива началось в 726 г. при императоре Сёму, закончилось в 732 г. Фудзивара Умакай следил за строительством столицы.
- п. 313 Тори Сэнрё — одно время был судьей в провинции Иё (см. «Кай-фусо»). В 721 г. состоял на службе у наследного принца. Умер 59 лет. В М.— две его песни.
- п. 314 Хата Отари — имел звание асоми, в М.— одна его песня.

- п. 315 ...царедворцем Отомо... — в данном случае — Отомо Табито.

Отомо Табито (665—731) — один из пяти лучших поэтов М., был придворным чиновником, занимал высокие должности при дворе, но подвергся опале и долгие годы прожил в ссылке на о-ве Кюсю, только под конец жизни, в 730 г., ему было разрешено вернуться в столицу, где он и умер. Был другом Яманое Окура. Из его поэтических произведений наибольшей известностью пользуется цикл песен «Гимн вину», в них он высмеивает буддийских и конфуцианских книжников. В его поэзии, так же как в поэзии Окура, есть следы влияния китайской поэзии. Он был очень образованным человеком, знал прекрасно китайскую литературу, писал китайские стихи. Табито — зачинатель сатирического жанра в японской поэзии. В М.— одна его нагаута и 76 танка.

Песня была написана в 1-м г. правления Сёму (724), вместе с каэси-ута (п. 316) считается единственной сохранившейся от периода, предшествовавшего ссылке автора на о-в Кюсю.

- п. 317, 318 Ямабэ Акахито (первая половина VIII в.) — народный поэт Японии; был незначительным придворным чиновником. Акахито много путешествовал по стране, и большинство песен его были сложены во время путешествий. Акахито является лучшим певцом родной природы и известен как непревзойденный мастер танка. В М.— 54 его песни.

Песня представляет собой оду Фудзи — священной горе, любимой и почитаемой японским народом, воспетой в песнях, поэмах, легендах. Ода считается самым замечательным произведением Акахито. Особой славой пользуется каэси-ута. Она вошла отдельно в сборник ста лучших песен, составленный в XIII в., и до сих пор сохранила самостоятельную славу.

- п. 319 Анонимная песня, посвященная горе Фудзи.

«Даже облака небес к ней боятся приплывать» — так высока вершина Фудзи и так почитается эта священная гора.

«И огонь, что в ней горит». — Фудзи — действующий вулкан, и над ним всегда видна струйка дыма, говорящая о вечном огне в нем, по легенде, «вечном огне любви». Вместе с тем вершина горы всегда покрыта снегом. Оба эти образа часто встречаются в песнях как символы вечности, с ними сравнивается вечная любовь и т. п. По народным поверьям, там живет божество, охраняющее страну Ямато.

- п. 320 15 июня считается самым жарким днем, когда полностью тают все снега, даже на горе Фудзи, хотя тут же вершина вновь покрывается снегом.

- п. 321 Некоторые комментаторы (МС) полагают, что песни 319—321 принадлежат перу Акахито, другие приписывают их Мусимаро

(СН, ОХ). В примечании к тексту указывается, что они встречаются среди песен Такахаси Мусимаро. Возможно, что это народные песни, записанные им.

Такахаси Мусимаро — один из талантливых поэтов М. имел звание мурадзи, жил в начале VIII века; был современником Акахито, Окура, Табито. Судя по песням, некоторое время жил в столице, затем служил чиновником в провинции Хитати, когда губернатором ее был Фудзивара Умакай. Принимал участие в составлении «Хитати-фудоки», главным составителем которых был Фудзивара Умакай. В М. только две песни подписаны его именем. В других случаях его песни сопровождаются примечаниями, что это «песни из сборника Мусимаро» или «Из песен Такахаси Мусимаро». Он часто путешествовал по провинциям Сэтцу, Кавати, Нанива. Среди его песен много записей народных песен, легенд. Считают (МС), что даже некоторые песни восточных провинций записаны им.

п. 322 Акахито вспоминает в этой песне о принце Сётоку-тайси (572—621), известном государственным деятеле (см. п. 415). Оми, или моми (*Abies firma*), — род хвойных.

п. 324 Речной олень — так в песнях М. называют лягушку, кваканьем которой японцы наслаждаются наравне с пением соловья.

п. 325 Песня была сложена Акахито.

Густой, долго не проходящий туман служит образом постоянства чувств.

п. 327 Монах Цукан — о нем ничего не известно. В М. — две его песни.

Монахи в ту пору занимались и заклинаниями. Поэтому девушки, послав ему высушенную раковину, шутя просили его вернуть ей жизнь.

п. 328 Ону Ою — имел звание асоми; умер в 732 г. В М. — две его песни. Одно время служил в Дадзайфу (см. п. 304) в качестве чиновника 2-го класса (сёни).

Столица Нара славилась своим великолепием. Многие песни в М. воспевают ее красоту и пышность.

п. 329 Отомо Ёцуна — имел звание сукунэ, в М. — пять его песен.

Чиновники, ведавшие пограничными стражами, отвозили стражей обычно на о-в Кюсю. По-видимому, и в данной песне пребывающий на Кюсю чиновник грустит об оставленной им столице.

Цветы фудзи (*Wistaria floribunda*) — японская глициния, встречается лилового, сиреневого, белого цвета, растет в полях и горах, цветет поздней весной и летом. Цветы спускаются с веток длинными рядами, напоминающими струящиеся волны, отчего называют их фудзинами («волны фудзи»), что стало вторым их названием и особым поэтическим сравнением и образом.

п. 330 Столица Нара славилась цветами фудзи. Поэтому эти цветы всегда напоминали о столице. Полагают, что песня обращена к поэту Табито — генерал-губернатору округа Дадзайфу на о-ве Кюсю, сосланному туда из столицы.

п. 331—335 Эти пять известных песен Отомо Табито были сложены им на о-ве Кюсю, когда он был назначен генерал-губернатором округа Дадзайфу. Ему было в это время уже более 60 лет.

Все эти песни проникнуты тоской по столице Нара. Некоторые

считают (ТЮ), что чувство тоски вызвано потерей в Цукуси любимой жены. Однако нам представляется, что пребывание его на Кюсю носило по многим признакам принудительный характер и этим объясняется особенно острая тоска по родине.

В песне 332 Табито через образ малой речки Киса иносказательно передает тоску по родине, мечтая о возвращении в родные места (см. п. 331).

- п. 333 «Как тоскую всегда я о старом селенье...» — имеется в виду столица Нара. Такое метафорическое обозначение родины, и в частности столицы, встречается и в других песнях М.

Трава «позабудь» (васурэ-гуса) (*Memecallis fulva*) — трава забвения — полевая трава, цветет розовато-желтыми цветами (бывают и темно-лиловые), напоминающими лилии; разводят ее и в садах. Существовало народное поверье, что если носить эту траву с собой, то забудешь о своем горе, тоске и т. п. Иногда ее называют коивасурэ-гуса — трава «позабудь-любовь» (см. п. 2475).

В песне 335 Табито передает свои опасения о том, что за его отсутствие многое могло измениться на родине. Так как фути «бездна» — обычно метафора глубоких чувств, то возможен и такой подтекст песни: не омельчали ли чувства тех, кто остался там, на родине?

- п. 336 Сами Мандзэй — см. п. 572.

«Яркие огни в полях Цукуси» — обычно весной выжигали старую траву на полях, отчего этот зачин и является постоянным для страны Цукуси (т. е. мк).

Вата, привезенная из Цукуси, славилась высоким качеством и была особенно теплой, ею подбивали зимнюю одежду. В те времена вату привозили из Индии, ее ввозили в Цукуси, а оттуда поставляли императорскому двору. Поэтому одежда на вате была редкостью.

- п. 337 Одна из шуточных песен Окура.

- п. 338—350 Эти 13 песен (338—350), восхваляющие вино, иногда переводимые как «Гимн вину», — наиболее известные сочинения Табито, создавшие ему славу. Они были сложены во время пребывания его на о-ве Кюсю в провинции Цукуси уже после смерти его жены (т. е. после 728 г.; точная дата неизвестна).

Одни считают эти песни подражанием китайскому поэту Тао Цяню (К.), другие видят в них желание Табито утешиться вином после смерти любимой жены (ТЮ). Третьи считают, что в этих песнях Табито высмеивает буддизм и конфуцианство (ЦД). В издании же М. обществом Ниппон-Гакудзюцу синкокай (Manyoshu, Токуо, 1948) они характеризуются как «серия анакреонтических песен, выражающих эпикурейскую философию». Однако нам представляется, что в этом цикле Табито под предлогом восхваления вина не только издевается над конфуцианством и буддизмом, но и подвергает критике официальную политику японского императорского двора того времени, покровительствовавшего буддизму и конфуцианству.

- п. 338 В этой песне поэт высмеивает схоластические споры конфуцианских и буддийских книжников.

- п. 339 Табито имеет в виду легенду, записанную в китайском историческом памятнике «Вэй-чжи», в которой говорится, что в свое вре-

мя, когда китайский император Тайцзун из удела Вэй запретил употребление рисовой водки, ее стали пить тайно и называли «святой», если речь шла об очищенной водке, и «мудрецом» неочищенную водку.

- п. 340 «Семь великих мудрецов» (нана-но сакасики хито) — имеются в виду китайские «семь мудрецов из бамбуковой рощи» (Чжу-линъ-ци-сянь), жившие в III в. н. э.: Цзи Кан, Юань Цзи, Шань Тао, Лю Лин, Юань Сянь, Сян Сю, Ван Жун. В предании говорится, что во времена Цзинь семь мудрецов уединились в бамбуковой роще, занимались поэзией и философией и услаждали себя вином и игрой на лютне.

- п. 343 ЦД считает, что содержание этой песни навеяно китайской легендой о Чжэн Цюане, который перед смертью просил, чтобы кости его зарыли за домом гончара для того, чтобы они превратились в глину и из них сделали сосуд или чашу для вина и он пропитался насквозь вином.

ТЮ толкует эту песню как выражение недовольства Табито жизнью вдали от столицы и стремление забыть в вине горе, вызванное безутешной печалью о жене.

- п. 344 Большинство песен о вине очень скудно комментируются в японских изданиях. ЦД отмечает лишь, что в этой песне Табито злословит по адресу тех, кто не понимает вкуса вина. По Морибэ, речь идет о конфуцианских и буддийских книжниках, что кажется более убедительным, судя по другим песням цикла.

- п. 345 Эта и следующая песни носят парный характер. В ней Табито выражает как бы протест против «сокровищ» буддизма, широко пропагандировавшегося в те времена. Выражение «сокровища, не имеющие цены» (атаинаки такара) взято из буддийской сутры «Хоккэкэ».

- п. 346 В китайском историческом памятнике «Шицзи» (автор Сыма Цянь) говорится о герое Суй-гун Чжу Яне, который в награду за помощь змею получил от него «озаряющий ночь нефрит». Кроме того, в «Чжаньго це» («Планы сражающихся царств») описывается случай, когда князь Чу преподнес князю Цинь нефрит, озаряющий ночь. И, наконец, в «Шуцзи» имеются записи о том, что из стран южных морей был получен также «нефрит, озаряющий ночь» (ЦД).

Парный характер песен позволяет думать, что в данном случае автор выражает протест против «ценностей» китайской культуры, в том числе и конфуцианства, также как в предыдущей песне — против буддизма.

- п. 347 «Уронить слезу спьяна» (эйнаки-суру) — интересно обратить внимание на неоднократное употребление этого глагола Табито, как бы все время утверждающего одну и ту же мысль, что главная прелесть вина в том, чтобы опьянеть и выплакать свое горе.

По-видимому, Табито, говоря здесь о «дороге всех утех» в контексте с предыдущими песнями имеет в виду увлечение конфуцианством и буддизмом. Он не находит в этом утех и считает, что для таких, как он, противников официальной идеологии, выход только в вине.

- п. 348 Здесь имеются в виду перерождения, ожидающие человека, согласно буддийским учениям, после его смерти. Человек, прожив-

ший безгрешно, может надеяться в будущей жизни обрести награду за добродетель, между тем как душа грешного человека должна понести наказание и в будущем мире должна предстать в облике животного, птицы, мошки и т. п.

ЦД отмечает иронию Табито по адресу последователей буддизма, верующих в переселение душ, в загробную жизнь, где будут искупаться грехи, совершенные в этом мире. Ёсинори Ёсидзава рассматривает эту песню как один из наиболее ярких образов гедонизма (МС, п 123).

Исходя из содержания всех предыдущих песен нам представляется, что эмоциональный акцент здесь, конечно, на иронии, и поэтому песню никак нельзя рассматривать как выражение гедонизма.

- п. 349 «Всем живущим на земле, суждено покинуть мир» — К. в своих комментариях приводит цитату из «Шицзи» Сыма Цяня о том, что «все, что живет, умирает», желая этим подчеркнуть истоки поэтических настроений Табито, бывшего большим знатоком китайской литературы. Песня развивает тему, затронутую в предыдущей, где Табито издевался над верой в загробный мир и перевоплощение душ. Здесь он противопоставляет этой вере свой взгляд на жизнь.
- п. 351 В песне отражен один из популярнейших мотивов — непрочность, эфемерность (мудзё) этого мира, навеянный буддийскими учениями.
- п. 352 Принц Вакаюэ — о нем ничего не известно, в М.— одна его песня.
- п. 353 Гора Такаки — Высокая.
- п. 354 Хэки Оою — о нем ничего не известно, в М.— одна его песня.
- п. 355 Оси (Оиси) Махито — имел звание сугури, в М.— одна песня. Боги Онамуте и Сукунабикона. В мифологическом своде «Кодзики» говорится, что оба эти бога участвовали в создании страны Ямато. Песня связана с легендой, которая осталась неизвестной.
- п. 356 Ками Фурумаро. В М.— одна его песня. Песня посвящена воспоминаниям о родных местах. В примечании к тексту указывается другой вариант зачина, что говорит о народных истоках песни.
- п. 357 Одна из шести (357—362) лирических песен странствования Ямабэ Акахито. В М. эти песни помещены подряд, но были ли они сочинены во время одного путешествия, неизвестно.
- п. 358 «Малый челн, на который я с завистью ныне смотрю!» — имеет в виду челн, плывущий в столицу, на родину поэта.
- п. 360 Собирать морские травы, водоросли — см. п. 72. Привозить подарок с побережья было широко распространенным обычаем, существовало даже специальное слово «хамадзую» — «подарок с побережья».
- п. 361 К. Маб. считает эту песню сочинением жены Акахито. Мотори Норинага приписывает ее женщине из гостиницы, где останавливались путешественники. Однако большинство комментаторов считает, что это сочинение Акахито. Тю указывает, что песня может быть и обращением к другу.

Однако во многих песнях М. этот мотив характерен именно для песен женщин, когда они просят «ветер не дуть», «дождь не идти» и т. п., так как милый переходит сейчас через горы или вообще находится в пути. Кроме того, это не единственная песня Акахито, написанная от лица женщины (см. п. 1425). Здесь, нам кажется, это запись народной песни в обработке Акахито.

- п. 362 Мисаго — птицы из породы, близкой орлу, внешне похожие на ястреба.

В песне отражен один из древних обычаев (см. п. 1).

Сходные песни имеются в этой же книге (п. 363) и в кн. XII среди анонимных песен.

- п. 363 См. предыдущую песню Акахито. Возможно, это запись его же песни, взятая из другой книги, либо вариант народной песни на ту же тему, что и песня 3077 в кн. XII, собрании народных песен.

- п. 364 Стреляя в далекое дерево на горе Сиоцу, Каса Канамура, как и многие рыцари того времени, забавлявшиеся стрельбой и знавшие силу своего лука и свое умение, мечтает о славе.

- п. 365 В песне отражено древнее народное поверье: если конь споткнулся по дороге, значит, дома тоскуют, думают о тебе.

- п. 366 Перевязь из жемчугов, или жемчужная перевязь — см. п. 5.

- п. 368 В примечании к тексту указывается, что Исоноками Отомаро был назначен губернатором провинции Этидзэн. Однако в хрониках нет подтверждения этого факта, между тем в кн. VI имеются песни (1022—1023), сложенные им в ссылке в провинции Тоса. Повидимому, и эта песня, выражающая тоску о родных местах, относится к тому же времени.

- п. 369 Автор неизвестен, но песня встречается среди песен Каса Канамура (прим. в тексте), поэтому авторство приписывается ему.

- п. 370 Вторая строка переведена согласно толкованию Аракида Хисаои (Цуки-но отиба).

- п. 371 См. п. 340.

- п. 374 Песня написана в аллегорическом плане. Гора Каса, или гора Шляпа, — метафора возлюбленной: «Я хочу сделать тебя своей женой; что бы ни случилось, не встречайся с другими» — вот смысл песни.

- п. 375 Принц Юхара (середина VIII в.) — сын принца Сики. В М. — 19 его песен.

- п. 377 Есть два толкования этой песни: одни считают, что она обращена к возлюбленной, о которой говорится в предыдущей песне; другие, — что песня обращена к важному гостю. Исходя из контекста, мы придерживаемся второго толкования.

- п. 378 В песне иносказательно говорится о прошедшей славе Фудзивара Фубито (659—720) — прежнего первого министра и главы государственного совета (дадзёдайзина). Он был сыном Фудзивара Каматари и занимал должность министра во время правления четырех императоров: Дзито, Момму, Гэммё и Гэнсё.

- п. 379 Отомо Саканозэ (госпожа Отомо Саканозэ, VIII в.) — дочь Отомо Ясумаро и «придворной дамы высокого ранга из дома Исикава»,

сводная сестра поэта Отомо Табито и Сукунамаро, тетка составителя М. Отомо Якамоти, была замужем за принцем Ходзуми. После его смерти в 724 г. стала женой Фудзивара Маро, а впоследствии женой своего сводного брата Отомо Сукунамаро, которому родила дочь, известную в М. под именем «старшей дочери Отомо Саканозэ», ставшую женой Якамоти. Одно время Саканозэ жила на о-ве Кюсю у своего старшего брата Отомо Табито, когда тот был генерал-губернатором Дадзайфу, в 730 г. вернулась в столицу Нара.

Отомо Саканозэ известна как одна из лучших поэтесс М. Пользуются славой ее «Песня упреков» и «Мольба к богам», а также послание к дочери. В М.—85 ее песен, в основном любовная лирика.

В песне подробно описываются жертвоприношения и обряды, которыми обычно сопровождаются молитвы и которые часто встречаются в песнях М. Божествам подносят ветки священного дерева «сакаки» или вечнозеленых деревьев, пряжу, волокна; сосуд со священным вином зарывают в землю; молодой бамбук нанизывают на нить и т. п. Значение этих жертвоприношений не поясняется, но они обычно сопровождают молитвы богам, когда просят о встрече с любимым человеком, о благополучном пути, о продлении жизни и избавлении от бед. В примечании к тексту сказано, что в 5-м г. Тэмпё (733), зимой, в 11-м месяце, эта песня была сложена во время жертвоприношения богам рода Отомо, поэтому она и имеет такое название.

- п. 381 Девушка Кодзима из Цукуси, или прелестница Кодзима, в М.—три ее песни, все они посвящены Табито.

Поэт Табито после трех лет пребывания на о-ве Кюсю в 730 г. получил разрешение вернуться в столицу. Песня была послана ему перед отъездом.

- п. 382 Тадзихи Кунихито — имел звание махито. Был чиновником. О нем больше ничего не известно. В М.—четыре его песни.

Цукуба — священная гора, известное место древних брачных игр и хороводов. Гора имеет две вершины, которые олицетворяют собой женское и мужское божества.

- п. 384 Эта песня отмечена как песня Акахито, но без указаний, где и когда была сочинена.

Карааи (*Celosia Crestata*) — по-видимому, старинное название цветов, малоизвестное позднейшим комментаторам, поэтому толкуется по-разному. Одни считают, что это летние цветы, так называемые бэнибана (К. Маб. и др.); другие считают, что это кэйтогуса — петушиный гребень (К., К. Мас.). Третьи считают, что это осенние цветы, об этом свидетельствует и песня 1362 (К. Мор.); по словарю «Манъёсю-дзитэн» — совр. кэйто — осенние цветы красного, желтого, белого цвета, разводились в садах.

Здесь цветок — символ девушки, возлюбленной, что характерно для народных песен.

- п. 385 Фея Цуминоэ — героиня одной из старинных японских легенд. В примечании к тексту указано, что хотя эту песню приписывают некому юноше по имени Умасинэ из Ёсину, который якобы преподнес ее феи Цуминоэ, но в записях легенды данной песни нет. Позднейшие комментарии указывают на сходные песни в «Кодзики» и в «Бидзэн-фудоки». В последнем случае песня полностью

совпадает с песней в М.; вариант ее есть и в «Хитати-фудоки». Песня, по-видимому, в те времена была очень популярна. О легенде см. п. 386. Цуминоэ — букв. «ветка дикой шелковицы».

п. 386 Песня навеяна легендой о фее Цуминоэ, в которой рассказывается, что юноша по имени Умасинэ, живший в одной из красивейших местностей провинции Ямато — Ёсину, однажды сидел на берегу реки, где им была поставлена ловушка для рыб. И вот к нему приплыла ветка цуми — дикого тутового дерева. Юноша взял ее и унес к себе домой. Дома она превратилась в красавицу-девушку, которую он полюбил. Они поклялись друг другу в любви и стали мужем и женой, но вскоре после этого девушка, которая была небесной феей, улетела обратно в мир бессмертия, покинув юношу. Помня о несчастном муже, автор песни говорит, что он не взял бы эту ветку, если бы она и приплыла к нему.

п. 387 В примечании к тексту указано, что песню сложил Вакамия Аюмаро. Об авторе ничего не известно, кроме того, что он славился искусством сочинять песни. В М. — одна его песня.

п. 388—389 В примечании к тексту указано, что песни были прочитаны Вакамия Аюмаро, автор же их неизвестен. В период М. часто на поэтических турнирах, пирах читались чужие песни, поэтому именные песни указывают иногда исполнителей, а не авторов, и многие из них фактически относятся к анонимной поэзии.

п. 390 Принцесса Ки — дочь императора Тэмму, младшая сестра принца Ходзуми. В М. — одна ее песня. В песне принцесса упрекает покинувшего ее возлюбленного, но о ком идет речь, не указано.

п. 391 Сами Мандзэй (Мансэй) — см. п. 572; руководил постройкой храма в Цукуси в 4-м г. Ёро (720 г.).

Поставить тобуса... — у лесорубов в старину был обычай втыкать у основания срубленного дерева его верхушку, испрашивая таким образом благословения у богов гор и деревьев. Поэтому поставить тобуса является мк к «фунаги-киру» — «срубить деревья для кораблей» (МС).

Горы Асигара — там с древних времен брали лес для лодок, кораблей. В «Сагами-фудоки» говорится, что здесь росли деревья суги (криптомерии), которые шли на изготовление лодок, кораблей. Материал этот обладал легкостью, и корабли, сделанные из него, отличались быстрходностью. Поэтому гора и получила свое название «Асигара» — «легконогая» (МС).

«Деревья, идущие на корабли» — метафора возлюбленной. Песня считается аллегорической. Речь идет о возлюбленной, которую уводит другой человек, и автор выражает сожаление по этому поводу.

п. 392 Отомо Момоё (середина VIII в.) — имел звание сукунэ. В 729—749 гг. занимал должность старшего инспектора в Дадзайфу. Был губернатором провинций Мимасака (741 г.) и Будзэн (746 г.). В 743 г. служил помощником главнокомандующего на о-ве Кюсю. В М. — семь его песен.

п. 393 Луна — метафора девушки, с которой трудно встретиться.

п. 394 Кон Мёгун (Ё Мёгун) — близкий слуга Табито, кореец по происхождению; в М. — восемь его песен.

Песня написана в аллегорическом плане. Сосенка — метафора юной девушки.

«Повесив знак запрета»... — быть помолвленным с ней.

- п. 395 Девушка из дома Каса — одна из талантливых поэтесс М. В М. — 29 ее песен, все они адресованы Якамоти.

Надевать платье цвета мурасаки — обмениваться любовной клятвой. Песня сочинена в аллегорическом плане: не успела надеть платье, как люди уже узнали про нашу любовь.

Поля Цукума — находятся в уезде Сакада провинции Оми.

- п. 398 Фудзивара Яцука — сын Фудзивара Фусасаки, имел звание асо-ми. Придворный сановник, занимал ряд высоких должностей. Умер в 766 г. в должности первого советника двора. В М. — восемь его песен.

«Как только... цветы плодами станут» — см. п. 102.

- п. 399 Вариант предыдущей песни.

- п. 400 Отомо Суругамаро — внук Отомо Миюки, имел звание сукунэ, муж младшей дочери поэтессы Отомо Саканоз. Одно время был губернатором провинции Этидзэн (746 г.), в 757 г. участвовал в мятеже, поднятом Фудзивара Нарамаро, и был послан. По возвращении из ссылки был губернатором провинции Бинго, участвовал в усмирении эбису. В 775 г. стал государственным советником, умер в 776 г. В М. — 11 его песен.

Песня, посланная возлюбленной, когда автор узнал об изменении ее отношения к нему.

Ветка — метафора возлюбленной.

Знак запрета завязан — связан клятвой, помолвлен (о происхождении этого образа см. п. 20).

- п. 401 У Саканоз было две дочери: старшая была женой Якамоти, а младшая была помолвлена с Суругамаро. Узнав, что Суругамаро часто навещает другую женщину, она с иронией прочла ему это стихотворение. Гора — здесь Суругамаро; стража — другая женщина; знак святой запрета — помолвка с дочерью.

- п. 403 Отомо Якамоти (718—785) — сын поэта Отомо Табито, один из пяти лучших поэтов, сыгравший значительную роль в формировании ранней классической японской поэзии, составитель данной антологии. Служил при дворе, занимал разные должности. Однако, за время службы часто впадал в немилость, подолгу жил в провинции и лишь под конец жизни был возвращен в столицу. Род Отомо был заподозрен в измене императору и подвергся опале, это ускорило смерть поэта, который после смерти был лишен всех званий. Он был помилован лишь посмертно в 897 г.

Отомо Якамоти — продолжатель традиций Хитомаро и Окура. Якамоти прославился как певец любви; одними из лучших его произведений являются песни, сложенные в изгнании, откуда он посылал песни-послания своей жене — старшей дочери поэтессы Отомо Саканоз, слышущие изящным образцом любовной лирики.

Песня автором послана своей возлюбленной, будущей жене.

- п. 404 Автор неизвестен. О Сахэки Акамаро см. комм. к п. 405.

Песня аллегорическая: если б у тебя не было женщины, которую ты любишь, я, пожалуй, согласилась бы встречаться с тобой; сеять просо — встречаться с милым, приходить на свидание.

- п. 405 Сахэки Акамаро — имел звание сукунэ, в М.— три его песни.
Олень — метафора девушки, на песню которой отвечает Акамаро.
«Хоть стоял бы на дороге храм святой» — пусть на дороге были бы непреодолимые препятствия (см. п. 404).
- п. 406 Бог, которому посвящен рыцарь,— жена Акамаро. Рыцарь — Акамаро.
- п. 407 Суругамаро иносказательно говорит о младшей дочери Отомо Саканоз, сравнивая ее с молодой травой.
Канаги (*Monochoric vaginalis*) — трава, часто растет на затопляемых рисовых полях, в старину ее употребляли в пищу.
- п. 408 Здесь под цветком гвоздики подразумевается возлюбленная. Сравнение возлюбленной с цветком, водорослями, травой часто встречается в песнях антологии. Гвоздика как метафора любимой характерна для песен Якамоти.
- п. 409 Жемчужина — метафора возлюбленной.
- п. 410 Песня написана в аллегорическом плане. Поэтесса адресует ее своему будущему зятю — поэту Якамоти, за которого она собирается отдать старшую дочь и которого она собирается взять в свой дом. В песне она беспокоится за судьбу дочери.
- п. 411 «Пока не станут те цветы плодами» — пока мы не соединимся браком.
- п. 412 Принц Итихара — придворный поэт второй половины VIII в., сын принца Аки. Согласно «Сёку-Нихонги», одно время был наместником провинции Сэтцу (763), позже — руководил строительством храма Тодайдзи. В М.— восемь его песен.
Возлюбленная сравнивается с дорогим жемчугом.
- п. 413 Оами Хитонуси — имел звание кими. В М.— одна его песня.
В песне игра слов. Редкая ткань (мадои) значит также и «редко вижу»: «редко вижу тебя, и потому никак не можем стать ближе друг другу».
- п. 414 Сутэ — метафора возлюбленной.
- п. 415 Принц Сётоку-тайси (572—621) — сын императора Ёмэй. В 593 г. был объявлен наследным принцем; крупный государственный деятель, сыгравший большую роль в распространении буддизма. Построил ряд храмов, в том числе знаменитый храм Хорюдзи. В М.— одна его песня.
- п. 416 Считается выдающейся песней среди плачей. Принц Оцу сочинил ее перед смертью, когда заговор его был раскрыт. Он принял смерть в деревне Осада. В примечании к тексту указана дата: «Десятый месяц, зима, первый год Сютё (687), дворец Фудзивара».
- п. 417 Принцесса Тамоти. В М.— три ее песни. Предполагают, что она была женой принца Коти, который, согласно «Сёку-Нихонги», в 687 г. отправился в Цукуси и в 689 г. был назначен генерал-губернатором Дадзайфу, где и умер.
- п. 420 Принцесса Ниу — о ней ничего не известно, в М.— пять ее песен.
О принце Ивата также ничего не известно.
Поле Сасара — по народным поверьям, находится на небесах.

Нанафусугэ — народное название особого вида лилий, употребляемых при магических заклинаниях, гаданиях, заговорах.

В песне говорится о погребении принца на горе Хацусэ.

- п. 423 Принц Ямакума — сын принца Осакабэ, умер в 723 г. В М.— три его песни.

В примечании к тексту указано, что некоторые считают эту песню произведением Хитомаро.

- п. 425 К песням 424 и 425 имеется примечание, что они сложены принцем Ямакума от лица принца Ивата после смерти принцессы Ки.

- п. 427 Ни о Тагути Хиромаро, ни о Осакабэ Таримаро ничего не известно (см. п. 263).

- п. 428 О девице из дома Хидзиката ничего не известно.

- п. 429 О девице из провинции Идзумо ничего не известно.

- п. 430 В песне упоминается образ, связанный с известным мифом о стране Идзумо. Однажды бог Сусано, спустившись в селение Суга в стране Идзумо, встретился с девой Инада, спас ее от восьмиглавого змея и построил для нее дворец, где «в восемь ярусов вставали облака» (НКБТ, «Кодзики», т. 1, стр. 89, Токио, 1958). Поэтому облака в восемь ярусов (рядов) — мк для страны Идзумо.

- п. 432 Легендарная красавица Тэкона неоднократно воспевается в песнях известных поэтов и в народных песнях М. (431, 1807, 3385, 3387 и др.). Тема о легендарной красавице сближает песню с народными песнями. Очень часто образ Тэкона ассоциируется с привычной женской работой в те далекие времена, а именно со срезанием и собиранием водорослей, которые служили пищей.

Выражение Акахито «и другим собираюсь поведать» отмечает-ся как указание на существовавшую в те времена преимущественно устную традицию.

- п. 433 Одна из двух песен, сочиненных Акахито во время путешествия в Кацусика, где находилась могила легендарной красавицы Тэкона.

- п. 434 Заголовок повторен ошибочно (см. п. 228) и к приведенным песням не имеет отношения (К. Мор.).

Есть мнение (К. и др.), что в этой песне, и в п. 307 и 435, имеется в виду Кумэновакуго. Название местности подтверждает это.

Цуцудзи — японская азалия, цветет алыми цветами (см. п. 185).

- п. 435 Кумэновакуго — см. п. 307.

Доблестный — мк к слову «кумэ», так как считается, что род Кумэ ведет свое начало от бога Амацу-кумэ-но микото, охранявшего путь внука богини Аматэрасу, когда он спустился на землю, чтобы управлять страной, и от его потомка бога Окумэ-но микото, который отличился военными заслугами и подвигами при легендарном императоре Дзимму (см. также п. 434).

- п. 436—437 Песни относятся к песням любви, ошибочно объединены с двумя предыдущими песнями Кавабэ (см. также п. 434). К песне 437 есть примечание, указывающее, что заголовок четырех песен (434—437) уже встречался раньше (см. п. 228).

п. 438 Эта песня была сложена Табито (см. п. 315) летом 728 г., спустя несколько недель после смерти жены (прим. к тексту), которая незадолго до этого приехала к месту новой службы мужа. Она была тоже из рода Отомо, но о ее семье никаких сведений нет; имя ее также неизвестно.

п. 439—440 Песни были сложены значительно позже, хотя и помещены под одним заголовком с предыдущей. Их относят к тому времени, когда Табито, получив новое назначение в качестве первого советника двора, должен был возвратиться в столицу, т. е. к 730 г.

В примечании к тексту п. 440 сказано, что обе песни были сложены, когда приблизилось время возвращения в столицу.

п. 441 Принцесса Курахасибэ — о ней ничего не известно, в М. — две ее песни. Принц Нагая — внук императора Тэмму и сын принца Такэти. Полагают, что он стал жертвой интриг дома Фудзивара и по указу императора покончил с собой.

«В далеких облаках ты скрылся навсегда...» — образное выражение об умершем человеке, возникло, по-видимому, из представления, что вместе с дымом от погребального обряда сожжения, исчезающим в облаках, исчезает и душа умершего человека.

п. 442 Принц Касивадэбэ — старший сын принца Нагая. В феврале 1-го г. Тэмпё (729 г.) вместе с отцом покончил жизнь самоубийством (см. п. 441).

В песне звучит грусть об изменчивости мира, непрочности земного существования, навеянная буддийскими учениями.

п. 443 Отомо Минака в звании сукунэ был чиновником (ханкан), выдающим земельными наделами (агатида), которые жаловались населению помимо обычных наделов (кубундэн), получаемых каждым по достижении шести лет (мальчики получали два тана, а девочки — две трети этого). Ведать жалованными землями вменялось в обязанность губернатору провинции, и только в Гокинаи (пяти провинциях Кансая — Ямато, Ямасиро, Кавати, Идзуми, Сэтцу) назначались специальные чиновники (агатида-цукай). Среди них были: начальник (тёкан), помощник начальника (цугикан), инспектор (ханкан), делопроизводитель (сютэн) и писец (сисэй). Последний по чину был самый низший. Таким писцом и был Хасэцукабэ Тацумаро, о котором больше ничего не известно. Предполагают, что он был родом из восточных провинций, так как его фамилия встречается среди авторов песен восточных провинций.

В песне поется о тяжелой жизни людей, которых в эпоху Нара в порядке трудовой повинности мобилизовывали и заставляли жить годы в разлуке с родными.

Жемчужный длинный плющ... (тамакадзура) — постоянный образ в М. для выражения чего-нибудь долго длящегося или тянущегося.

Со святым вином сосуд и т. д. — описание обычных жертвоприношений при совершении молитвенных обрядов, когда испрашивают у богов благополучия для близких, счастливого возвращения или встречи с любимым человеком.

Цуцудзи — см. п. 185.

«Птицей ниодори вдруг из воды всплывет»... — эти птицы глубоко ныряют, долго находятся под водой и внезапно всплывают

на воде, откуда «всплывать» стало постоянным эпитетом к ниодори, а птица ниодори — образ и сравнение для человека, неожиданно появившегося после долгого отсутствия.

Новояшмовые (аратама-но) — «мк» к слову годы (яшма, исходя из содержания ряда песен М., — поэтический образ священного зерна риса. Представление о годе, связанное у японского земледельца с новым посевом, с новым урожаем, новым рисом, способствовало возникновению этого постоянного эпитета к годам).

п. 444 «Облаком плывешь» — имеется в виду дым от погребального обряда сожжения. Считалось, что вместе с дымом улетает и душа умершего.

п. 445 «И ветки яшмовой с приветом не прислав» — см. прим. к п. 207.

п. 446—448 В песнях 446—448 поэт выражает скорбь о своей жене, которая умерла за год до этого в Цукуси.

«Эти три песни [446—448] были сложены им в тот день, когда он проезжал бухту Томо» (прим. к тексту).

Период Тэмпё — 729—748 гг.

Дерево муро (муро-но ки) — род суги, криптомерии; в провинции Мино носит название муросуки за обилие плодов (мурэ «скопище, груды»). Дерево муро, росшее в бухте Томо, было огромных размеров, широко славилось в свое время и неоднократно воспевалось в песнях.

В биографии Табито много неточностей и противоречий; в комментариях ТЮ указывается, что жена Табито приезжала на Кюсю не вместе с ним, а несколько позже. ЦД считает, что в этой песне Табито вспоминает, как жена любовалась этим деревом, сопровождая его на о-в Кюсю.

п. 449—450 Эти песни посвящены Табито умершей жене.

«Эти две песни [449, 450] были сложены им в тот день, когда он проезжал мыс Минумэ» (прим. к тексту).

п. 451—453. Эти песни являются продолжением цикла песен, посвященных Табито умершей жене.

Образ сливы в японской поэзии заимствован из китайской литературы. Однако слива, как явствует из песен М., уже всюду цвела в то время в садах Японии и ощущалась как принадлежность японского пейзажа.

п. 455 Табито не дождался расцвета цветов хаги, о которых все время спрашивал, когда лежал больной.

п. 458 «Эти пять песен были сложены Кон Мёгуном, вестовым и телохранителем Табито, который тосковал о Табито, как верный конь и преданный пес, и никак не мог победить тоску в своем сердце» (прим. к тексту).

п. 459 «Начальник дворцовых церемоний и ритуалов Агатаиноукай Хитоками получил приказ следить за болезнью Табито. Однако врачи и лекарства не возымели действия: текущую воду не остановить. И тогда в печали об этом и была сложена им эта песня» (прим. к тексту).

Агатаиноукай Хитоками — имел звание сукунэ, в М — одна его песня.

п. 461 «И в облаках навеки скрылась» — см. п. 444.

После песни в тексте следует послесловие: «Об этой песне

известно следующее: была монахиня из Сираги по имени Риган. По милости императора прибыла она из далеких мест ко двору и поселилась в доме первого государственного советника Отомо Ясумаро. Так прошло несколько лет. И вот однажды, в 7-м г. Тэмпё [735], она внезапно заболела и вскоре отошла в потусторонний мир. В то время хозяйка дома — придворная дама высокого ранга из рода Исикава находилась на излечении на горячих источниках Арима и не присутствовала на похоронах. И только дочь ее [Отомо Саканэ] оставалась дома и была на погребении. Потому она и сложила эту песню и послала ее матерю».

- п. 463 Отомо Фумимоти — сын поэта Отомо Табито, младший брат Якамоти, имел звание сукунэ; полагают, что умер в 746 г. (см. плач Якамоти о младшем брате); в М. — шесть его песен.
- п. 470 Песни 470—474 Отомо Якамоти посвящает умершей возлюбленной; личность ее не установлена.
«В горах от всех она навеки скрылась» — в те времена умерших хоронили обычно в горах.
- п. 475—477 Принц Асака — сын императора Сёму, умер 17 лет.
Править в небесах — умереть (об императоре); считалось, что после смерти император переселяется на небо и правит там. Гора Вадзука — место погребения принца.
В примечании к тексту М. указано, что приведенные выше песни (475—477) были сложены 3-го дня 2-го месяца 16-го года Тэмпё (744).
- п. 480 Род Отомо был военный, представители его служили в личной охране императора, поэтому носили всегда колчан со стрелами. «Песни 478—480 были сложены 24-го дня 3-го месяца» (примечание к тексту).
- п. 481—483 Такахаси имел звание асоми. Имя и биография неизвестны. Под такой подписью в М. — три песни.
«Эти три песни (481—483) были сложены Такахаси в звание асоми 20-го дня 7-го месяца. Имя неизвестно, однако говорят, что это сын стольничего» (примечание к тексту).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

- п. 484 Император Нинтоку (313—399) — в тексте: «Верховный владыка Нанива» (см. п. 1).
- Нинтоку имел восемь младших сестер; которой из них принадлежит авторство песни, неизвестно. Эта песня и песни Иванохимэ (85—88), жены Нинтоку, считаются самыми древними песнями М. Под этой подписью в М. — одна песня.
- п. 485 Императрица Когёку (см. п. 3) — в тексте: «Верховный владыка (или верховная владычица) Окамото» (см. п. 1). В примечании к тексту говорится, что под этим титулом могут фигурировать два лица: император Дзёмэй и его супруга императрица Когёку-Саймэй. В данном случае, исходя из сходных песен-плачей, встречающихся в М., комментаторы правильно приписывают авторство женщине, т. е. Когёку. Однако в кн. XIII есть сходная анонимная песня (3248), и некоторые комментаторы выражают сомнение по

поводу авторства Когёку (МС, К. Мор.). По-видимому, это один из традиционных плачей, использованных Когёку.

Адзи (*Frachurus japonicus*) — род уток, очень распространенный в Японии во времена М.

- п. 487 Автор неизвестен. Песня хотя и записана как каэси-ута, но не имеет связи с нагаута (п. 485).

- п. 488 Император Тэндзи — в тексте: «Верховный владыка провинции Оми» (см. п. 1).

Песня сложена, когда принцесса Нукада жила в Оми и была возлюбленной Тэндзи (см. п. 7, 17).

По народным японским приметам, если в то время, когда думаешь о любимом, подует ветер, значит любимый вспоминает о тебе, любит и придет. Нукада думала, что занавес тронул возлюбленный, и поэтому разочарована, что это всего лишь ветер.

- п. 489 Принцесса Кагами — старшая сестра Нукада, фаворитка императора Тэндзи, впоследствии жена известного государственного деятеля Фудзивара Каматари. Она сложила эту песню, когда была в опале у Тэндзи, услышав песню (п. 488) своей сестры, которая в то время была его возлюбленной. Обе сестры любили его. Обе песни встречаются вторично в М. среди анонимных песен. Приписано ли позднее авторство сестрам или просто они получили широкое хождение впоследствии и фигурировали уже без их имен, неизвестно. Во всяком случае и теперь эти песни упоминаются в числе наиболее известных песен М.

- п. 490 Фубуки (Фуки) — (в тексте: Фубуки-но тодзи; тодзи — домоправительница, хозяйка, компаньонка, старая служанка, в обращении: хозяйка). Жила во времена правления императора Тэмму (вторая половина VII в.), служила у его дочери — принцессы Тотти (см. п. 22). Песни IV—490, 491 написаны в виде песен-диалогов, первая — от лица мужчины, вторая — от лица женщины. Авторство Фубуки подвергается сомнению. Первую песню некоторые комментаторы приписывают Якамоти. Возможно, что Фубуки исполнила чужие песни, что неоднократно встречается в М.

...мне любимая грезится в снах... — по старинному народному японскому поверью, если человек думает о тебе, тоскует, то непременно увидишь его во сне.

- п. 491 Ицумо (всегда) — цветы, вид водорослей. Ицумо — народное название, что это за цветы, точно не известно.

В кн. IX М. имеется аналогичная песня, позволяющая предполагать, что здесь это запись народной песни, исполнявшейся Фубуки.

- п. 492 Дадзайфу — название военного административного округа и центра в Цукуси (старинное название провинций Тикудзэн и Тикуго) на о-ве Кюсю. Кроме того, военно-административное управление, основанное в VII в., ведавшее провинциями: Тикудзэн, Тикуго, Будзэн, Бунго, Хидзэн, Хиго, Осуми, Сацума и о-вами Ики и Цусима, а также пограничной стражей и податями, уплачиваемыми императору; находилось в провинции Тикудзэн.

- п. 493 Табэ Итихиико — о нем ничего не известно. В М. — две его песни (послания к Тонэри Ёситоси).

Тонэри Ёситоси — имя придворной дамы времен императора Тэн-

дзи (вторая половина VII в.). О ней ничего не известно. В М.— три ее песни.

- п. 496—497 Песни 496, 497 сложены Какиномото Хитомаро во время путешествия по стране Кии.

Хамаю (совр. «хамаомото», *Crinum japonicum*) — многолетнее вечнозеленое растение с длинными узкими листьями, растущими густыми рядами; цветет крупными белыми соцветиями, как дикие лилии.

- п. 498 Ответ на предыдущую песню (К.), ТЮ считает, что песни 498, 499 являются ответами на две предыдущие (496, 497), и высказывает предположение, что 498 и 499 — песни жены Хитомаро. Принимая во внимание то, что песни кн. IV — это песни-переключки (обмен посланиями), и учитывая характер и содержание их, предположение ТЮ представляется обоснованным.

- п. 500 Жена Го Данъоти — о ней ничего не известно, как и о ее муже. В М.— одна ее песня.

Оги (*Miscanthus sacchariflorus*) — многолетнее растение с широкими листьями, похоже на сосуки, осенью цветет колосьями.

- п. 501 Священная (или запретная) ограда (мидзугаки) — ограда старинного храма на горе Фуруяма.

Вариант этой песни см. п. 2415.

- п. 502 В начале лета у оленей выпадают рога, и летом едва начинают появляться новые, отсюда и это сравнение краткого мига с рогами оленя в летнюю пору.

- п. 503 По-видимому, вариант записи песни пограничного стража, покинувшего дом (см. п. 3481, 3528).

- п. 504 В М в качестве жены Хитомаро фигурируют разные лица: девушка из Кару, девушка из Ивами, Ёсами и др. Кто из них автор этой песни, неизвестно. Под такой подписью в М. помещены две песни (см. п. 1783).

- п. 505 Девушка из дома Абэ. В М.— пять ее песен, среди них — переписка с Накатоми Адзумахито.

- п. 507 Унэмэ (см. п. 51) — под этой подписью в М. помещены две песни (см. 1420).

- п. 508 Миката Сами (VII — начало VIII в.). Есть предположение, что это то же лицо, что писец Ямада Миката, который в правление Дзито стал монахом, получив монашеское имя Сами. Одно время жил в Сираги, где изучал науки и искусство. В М.— семь его песен.

Его жена, дочь Соно Икуса, также один из авторов М.

«С этой ночи, как расстанутся навеки рукава одежды нашей»... — образ возлюбленных обычно связан с переплетенными в изголовье рукавами одежды; отсюда, говоря о разлуке, обычно употребляют образ расстающихся рукавов одежды.

- п. 509 Тадзихи Касамаро (начало VIII в.) — современник Хитомаро, имел звание махито. В М.— три его песни, сложенные во время путешествия по провинциям Кии и Цукуси.

«Свой заветный красный шнур не развязываю я...» — т. е. храню обет верности (см. п. 251).

Трава «не-говори» (нанорисо) (*Sargassum fulvellum*) — вид морских водорослей, растущих в глубинных местах.

Название травы свидетельствует о древней вере в магию слов, о существовании народных заклинаний и заговоров. В М. встречается ряд подобных названий трав и раковин.

- п. 511 Жена Тагима Маро жила во времена Дзито (конец VII в.). В М.— две ее песни. Путешествие, во время которого была сложена песня, относится к 6 г. правления Дзито (692 г.).

В песне игра слов, связанная с названием гор Набари. («Набари» от «набару» — «прятаться», «скрываться».)

- п. 512 Песня деревенской девушки (Куса-но отомэ) в некоторых текстах (К. Мас.) в заглавии значится Укарэмэ-но ута — «Песня веселой девушки». Однако мы оставляем первоначальное обозначение, его толкуют как деревенская девушка, букв. «девушка из травы». Думаем, что такое название связано с сельскохозяйственными обрядами (см. кн. XIV).

- п. 514 В старину был обычай дарить возлюбленному в дорогу одежду. Предполагают (МС), что песня адресована Накатоми Адзумахито.

- п. 515 Накатоми Адзумахито — имел звание асоми, придворный чиновник, занимавший высокие посты. В М.— одна его песня, обращенная к девице из дома Абэ.

Шнур порванный — знак измены.

- п. 518 Придворная дама высокого ранга из рода Исикава — жена Отомо Ясумаро и мать поэтессы Отомо Саканозэ. В М.— две ее песни.

- п. 519 Госпожа Отомо — предполагают, что в данном случае это жена поэта Отомо Табито. Под такой подписью в М.— одна песня.

- п. 521 Молодая женщина из провинции Хитати — о ней ничего не известно. В М. под такой подписью помещена одна песня. Эта песня была сложена в 723 г., когда Фудзивара Умакаи, который был в то время губернатором провинции Хитати, возвращался в столицу.

- п. 522 Фудзивара Маро (695—737) — сын Фудзивара Фубито, был придворным чиновником высокого ранга. Был любителем песен и музыки. В М.— три его песни, все они адресованы Отомо Саканозэ — его будущей жене.

Госпожа Отомо — поэтесса Отомо Саканозэ, сестра Табито.

- п. 523 Фудзивара Маро использовал здесь старинную народную песню, приведенную в М. в кн. XIII (3264 — МС). В песню введена старинная поговорка: кто терпеть умеет, тому и годы нипочем.

- п. 524 Фусума — род одеяла, подстилка для ложа, позже — спальная одежда.

- п. 525 Отомо Саканозэ использовала здесь старинную песню, которая также включена в М. (см. п. 3313) (МС).

- п. 527 Известная песня Отомо Саканозэ, построенная на игре слов «приду», «не приду». Славится искусной игрой слов наряду с песней императора Тэмму на слова «хороший», «хорошо» (см. п. 27).

- п. 528 В примечании к тексту сказано, что госпожа Отомо, дочь первого государственного советника из Сахо — Отомо Ясумаро, была женой принца Ходзуми. После смерти принца она вышла замуж за

Фудзивара Маро. Дом ее находился в селении Саканоз (на западе местности Сахо), поэтому ее называли госпожа Отомо из Саканоз (Отомо Саканоз).

- п. 529 Комментаторы отмечают, что песня сложена в народном стиле, не свойственном изысканной поэтессе (МС и др.). Возможно, это запись или обработка народной песни, сделанная Отомо Саканоз.

- п. 530 Принцесса Унаками — дочь принца Сики, в М. — одна ее песня. Запрета знак — см. п. 20, 151. Оставить запрета знак — здесь быть связанным любовной клятвой.

В примечании к тексту сказано, что она сложена в подражание старинным песням. Однако, возможно, чтобы она соответствовала данному случаю, внесли поправки в старинную песню.

- п. 532—533 Отомо Сукунамаро — имел звание сукунэ, сын Отомо Ясумаро, младший брат Табито, муж поэтессы Отомо Саканоз был придворным сановником. В М. — две его песни.

Речь идет о трудовой повинности при дворце, куда брали красавиц (унэмэ) для услужения царским особам (см. п. 51). Песня посвящена одной из красавиц, уходящей во дворец.

- п. 535 После песни в тексте следует послесловие:

«Вот что говорят об этих песнях: принц Аки сделал своей женой унэмэ из Ягами, что в стране Инаба. Они любили друг друга и были очень счастливы. Но по повелению императора принц был наказан за то, что нарушил обычай страны, и унэмэ велено было вернуться к себе на родину. И тогда, сокрушаясь о своей судьбе, принц и сложил эти песни» (см. п. 534—535).

Унэмэ — см. п. 51.

В те времена женитьба на унэмэ считалась нарушением установленных при дворе норм поведения и виновные обычно подвергались ссылке.

- п. 536 После песни в тексте следует послесловие:

«Вот что говорят об этой песне: когда принц Кадобэ получил назначение в страну Идзумо и стал ее губернатором, он сблизился с молодой девушкой. Прошло совсем немного времени, а он уже перестал навещать ее. Однако спустя много месяцев у него снова пробудилась любовь к ней. И тогда он сложил эту песню и послал покинутой возлюбленной».

- п. 537 Принцесса Такада — дочь принца Такаясу, жила в правление императрицы Кокэн (сер. VIII в.); в М. помещена ее переписка с принцем Имаки (п. 1604). Всего в М. — семь ее песен. В кн. VIII есть песни Охара Имаки, но он жил позднее, и полагают, что это другое лицо (К. Мор.). Песни 537—542 сложены в разное время и не в том порядке, как помещены: сначала должна следовать 539, затем 538, 537, 540—542 (МС и др.).

- п. 543 В заголовке говорится о путешествии императора Сёму в провинцию Кии, о чем есть упоминание и в «Сёку-Нихонги».

- п. 544 Имосэ — см. п. 35.

- п. 551 «Авторы трех приведенных выше песен 549—551 неизвестны» (прим. в тексте).

Второй заместитель генерал-губернатора Дадзайфу — в тексте сёни — младший чиновник, служивший под началом дайни —

старшего чиновника или первых заместителей, стоявших во главе ведомства, департамента.

Исикава Тарихито — жил в первой половине VIII в., в М.— одна его песня из переписки с Табито (п. 955).

- п. 552 Отомо Миёри (?—774) — придворный чиновник высокого ранга, одно время был налоговым инспектором, затем помощником министра в министерстве по гражданским делам (мимбусё, в нем было два ведомства — налоговое и статистическое), служил губернатором провинций Тоотоми, Идзумо и др., умер в 774 г. В М.— четыре его песни.

Эту песню сложил в молодости, полагают, что в шутку от лица женщины.

- п. 553 Принцесса Ниу — придворная дама высокого ранга, находилась в столице, в то время как Табито жил на о-ве Кюсю в Дадзайфу.

- п. 554 Шуточная песня.

- п. 555 Тадзихи Агатамори — первый заместитель генерал-губернатора Дадзайфу.

- п. 556 Принцесса Камо — дочь принца Нагая, мать — из рода Абэ, в М.— три песни из ее переписки с Отомо Миёри.

Песня послана, когда Отомо Миёри уезжал в Цукуси.

- п. 557 Ханиси Мимити — о нем ничего не известно, в М.— четыре его песни, одна из них шуточного характера. Эти песни сложены, когда он плыл на корабле в столицу, где его ждала жена.

- п. 558 Комментаторы (К. Мор.) отмечают, что в те времена такой дерзкий вызов богам был святотатством.

- п. 559—562 Песни 559—562 были сложены в начале периода Тэмпё (729—749), когда Отомо Момоё служил в Дадзайфу под начальством Табито. Предполагают, что они адресованы поэтессе Отомо Саканоз (см. песни 563, 564).

- п. 562 По японскому народному поверью, брови чешутся к встрече с любимым.

Кому адресованы песни, не указано. Предполагают, что это ответ Отомо Саканоз — Отомо Момоё. Саканоз жила вместе со старшим братом Табито в Дадзайфу, но во 2 г. Тэмпё (730 г.) вернулась в столицу (см. п. 963).

Во время пребывания в Дадзайфу Отомо Саканоз и Момоё полюбили друг друга.

- п. 563—564 «Когда настала старость...» — в то время ей было всего 33—34 года; упоминание о старости и седине — всего лишь поэтический прием. Отомо Саканоз — см. п. 379.

- п. 564 «На горном сугэ не было плодов» — т. е. не было любовной близости. Горный сугэ (ямасугэ, совр. ябуран, *Liriope graminefolia*) — род горных лилий, использовался в старину при заговорах и гаданиях.

- п. 565 Предполагают, что песня адресована Отомо Миёри.

- п. 566—567 Посланцы на почтовых (хаюма-дзукаи) — так назывались вестовые в армии, посыльные для срочных поручений, гонцы, разъезжавшие обычно на коне, здесь подразумеваются Инакими и

Комаро. Инакими был сводным младшим братом Отомо Табито. Предполагают, что Комаро был сыном Инакими.

«Вот что говорится об этих песнях: незадолго до этого, летом второго года Тэмпё [730 г.], в шестом месяце, у генерал-губернатора Дадзайфу Отомо Табито внезапно появились на ногах стружья, и он был прикован к постели и сильно страдал. Срочно послали вестового доложить об этом императору. И так как доложили, что он хочет повидать своего младшего брата Инакими и племянника Комаро и поведать им о своем завещании, то был дан императорский указ, «м обоим пожаловали скакунов и велели отправляться в Дадзайфу и наблюдать за болезнью Табито. Через некоторое время наступило выздоровление. Инакими собрался покинуть Дадзайфу и отправиться в столицу. И тут старший сунья Отомо Момоё, младший секретарь Ямагүти Вакамаро, сын Табч-то — Якамоти и другие, провожая посланца, прибыли на почтовый двор в Хинамори, слегка выпили и, печалься о разлуке, сложили эти песни».

п. 568 Кадобэ Исотари — то же лицо, что Кадоудзи Исотари; в М. — две его песни.

п. 569 Асада Ясу — имел звание мурадзи. В 731 г. был чиновником в Дадзайфу (дайтэн) и присутствовал на проводах Табито. В М. — четыре его песни.

Трава мурасаки, — вернее, ее корни использовались для окраски одежды в пурпурный цвет (цвет любви).

п. 571 Отомо Ёцуна — имел звание сукунэ; одно время был судебным чиновником, надзиравшим над пограничными стражами. В М. — пять его песен.

п. 572 Сами Мандзэй (Мансэй) — настоятель (бэтто) буддийского храма Каннэн в Цукуси на о-ве Кюсю, где многие годы находился в ссылке Отомо Табито. Сами Мансэй (до пострижения в монахи — Каса Маро) имел звание асоми, был губернатором провинции, занимал высокие посты.

В 5 г. Ёро (722 г.) постригся в монахи. Во время пребывания в Цукуси был дружен с Отомо Табито.

Сравнение любимой, друга с ясным, чистым зеркалом — символом телесной и духовной красоты — постоянное сравнение в М. (мк).

п. 574—575 Эти песни написаны Табито в самые последние годы жизни, когда, получив чин первого государственного советника, он вернулся в столицу. Он не прекращал переписки с Сами Мандзэй, который присылал Табито свои песни.

п. 576 Фудзии Онари — имел звание мурадзи, в М. — три его песни.

п. 577 Заголовок ошибочен, и одежду подносил вместе с песней не Табито Такаясу, а Такаясу Табито (К. Мас.). Такой вариант нам представляется более убедительным, так как Такаясу, живший в Нанива, мог себя уничижительно назвать простым рыбаком из Нанива, в устах же Табито это непонятно.

п. 578 Эту песню Миёри сложил, когда возвращался в столицу из провинции Цукуси, покидая свой дом.

п. 581 Старшая дочь Отомо Саканоз (отец — Отомо Сукунамаро) — воз-

любленная, а затем жена поэта Отомо Якамоти. В М.— 11 ее песен, все из переписки с Якамоти.

- п. 583 Лунная трава цукигуса (*Commelina communis*) — легко и быстро увядает, поэтому служит образом быстро проходящей любви, непрочных чувств и т. п.

- п. 586 Отомо Инакими — имел звание сукунэ (см. п. 1553), младший брат Отомо Табито; старшая дочь Отомо из Тамура — дочь Отомо Сукунамаро (о ней см. п. 756).

Песня написана от лица Инакими его сестрой, поэтессой Отомо Саканоз (прим. к тексту).

- п. 591 Образы в песне взяты из народной поговорки, в которой приводится народная примета: «Если увидишь во сне, что открывают ларец, значит людям рассказали о твоих чувствах и думах» (хако-о акуру то юмэ-ни мирэба оmoi-о хито-ни сирасуру).

- п. 596 Страж островов морских (окицусима-мори) — то же, что пограничный страж (сакимори).

- п. 604 В песне отражена народная примета: если увидишь во сне рядом с собой меч, значит увидишь любимого. Если же возлюбленный увидит во сне, что берет в руки зеркало, значит, встретится с любимой. Оба эти предмета — постоянная принадлежность рыцарей и молодых дев.

- п. 608 Голодные черти (гаки) — изображения грешников в виде скелетообразных фигур, которые устанавливаются в буддийских храмах для устрашения верующих.

- п. 610 В примечании к тексту указывается, что песни 609 и 610 были посланы после того, как девица Каса и Якамоти расстались.

- п. 613 Принцесса Ямагути — о ней ничего не известно. Полагают, что переписка относится к юношескому периоду творчества Якамоти.

- п. 618 Девица из дома Омива — о ней ничего не известно, в М.— две песни из ее переписки с Якамоти.

- п. 621 «Мне нынче грезится во сне» — см. п. 490.

Жена Сахэки Адзумахито. В М.— одна ее песня. О нем см. п. 622.

- п. 622 Сахэки Адзумахито — имел звание сукунэ, в 4-м г. Тэмпё (732 г.) был инспектором Сайкайдо; больше о нем ничего не известно, в М.— одна его песня.

- п. 623 Принц Икэбэ — сын принца Кадоно, придворный чиновник, в М.— одна его песня. Песня сложена от лица женщины (см. п. 389).

- п. 624 Принцесса Сакахито — внучка принца Ходзуми.

- п. 625 Принц Такаясу, он же Охара Такаясу — имел звание махито. Был в 767 г. губернатором провинции Йё. Одно время управлял тремя провинциями: Ава, Сануки, Тоса. Умер в 742 г. В М.— три его песни.

Песня приложена к подарку. Присоединять к подарку песню и посылать другу, возлюбленной и др. было в обычае того времени.

- п. 626 Принцесса Ясиро — придворная дама высокого ранга, в М.— одна ее песня.

Святое очищение (мисоги) — старинный обряд омовения в реке для очищения от грехов.

Старое селенье — так обычно в М. называется старая столица или родина. Здесь — в первом значении; речь идет об Асука, куда принцесса направляется из столицы Нара.

п. 627 Об авторе ничего не известно. Песня написана в преувеличенно шутливом тоне. О Сахэки Акамаро см. прим. к п. 405.

п. 629 Песня сложена, когда один из гостей прислал слугу сказать, что не может прийти.

п. 630 «Первые цветы осыпаться должны» — т. е. молодая девушка должна стать женой другого.

п. 632 «Лавр, на луне растущий...» — в словаре «Вамёсё» сказано, что ещё древние мудрецы рассказывали, что на луне есть река и на ней растет лавр. Представление это идет из Китая и встречается в ряде песен М.

п. 633 «К одной прижавшись стороне» — т. е. оставив место на ложе для возлюбленной.

п. 634 Песня сложена во время путешествия вместе с принцем (МС).

п. 636 Дарить одежду возлюбленной, обмениваться одеждой в знак любви и верности — древний обычай, восплаемый во многих песнях М. По народным поверьям считается, что в одежде остается часть души любимого человека.

п. 643—645 Дама из рода Ки, или Ки Осика — дочь Ки Кахито, жена принца Аки. В М. помещена также ее переписка с Якамоти (см. п. 1452). Эти три песни (643, 644, 645) адресованы мужу, принцу Аки. Они полны упреков, так как он изменил ей с унэмэ из уезда Ягами провинции Инаба.

«...должны расстаться одежды нашей... рукава...» — речь идет о разлуке: в старину рукава стелили в изголовье возлюбленного.

п. 646 Суругамаро — был мужем второй дочери Отомо Саканозэ. Песня адресована Отомо Саканозэ.

п. 647 Эту песню Отомо Саканозэ сочинила от лица своей дочери (МС).

п. 649. Суругамаро был зятем Отомо Саканозэ. Любовный характер его переписки с тещей объясняют иногда шутливой и преувеличенной манерой письма того времени. Однако мы полагаем, что в данном случае, так же как и с Якамоти, она вела переписку от лица своей дочери, что было распространено в те времена. Будучи талантливой поэтессой, она складывала, по-видимому, песни за дочерей, не обладавших поэтическим даром.

п. 650 Эта песня была послана Отомо Саканозэ ее двоюродным братом Отомо Миёри, когда она вернулась из Дадзайфу с о-ва Кюсю (К. Маб., К. Мас.).

п. 651 Возможно, песня сочинена в Дадзайфу, на о-ве Кюсю, когда Отомо Саканозэ собиралась домой, в столицу, где ее ждали дочери. Упомянутый в песне иней указывает на глубокую осень.

п. 652 Песня сложена в аллегорическом плане.

Владелец жемчуга — муж дочери. Жемчужина — обычно метафора девушки, красавицы, здесь — дочери.

п. 657 Ханэдзу, совр. ниваумэ (*Prunus japonica*) — «садовая слива». Сэн. считает, что это садовая вишня, К. — что это садовая слива, Иноуэ полагает, что лотос. Сохранились описания ханэдзу: цветут в начале весны махровыми бледно-розовыми цветами, листья похожи на листья ивы.

п. 662 Принц Итихара — сын принца Аки. Эту песню он сочинил после путешествия в провинцию Исэ.

Садэ — сеть в виде неглубокого мешка для ловли рыбы (см. п. 38—39).

п. 663 Ато Тоситари — имел звание сукунэ, в М. — одна его песня.

п. 664 Отомо Катами — жил в первой половине VIII в., имел звание сукунэ, был придворным чиновником (см. п. 1595). В М. — пять его песен.

п. 665 Абэ Мусимаро — жил в середине VIII в., имел звание асоми, родственник поэтессы Отомо Саканозэ, служил при дворе в 742 г., был губернатором провинции Харима, умер в 754 г. В М. — пять его песен.

Эта песня была сложена в шутку и послана поэтессе Отомо Саканозэ.

п. 666—667 Песни 666, 667 — ответные песни, адресованные Мусимаро, сложенные в шутку. В кн. XIII есть сходная с п. 666 анонимная песня (2583) (см. ниже, п. 667).

В примечании к песням говорится, что матери Отомо Саканозэ и Абэ Мусимаро — придворные дамы высокого ранга — были сестрами, жившими под одной крышей. Они были близки по характеру и дружны, поэтому Отомо Саканозэ и Абэ Мусимаро часто встречались, и беседы их носили интимный характер. Эти песни они сочинили в шутку в виде диалога.

Однако некоторые комментаторы (МС) сомневаются, что это шуточные песни. Возможно, эти послания были написаны во время игры, поэтому в примечании они отмечаются как шуточные.

п. 668 Принц Ацуми — жил в середине VIII в., одно время был третьим государственным советником. В М. помещена его переписка с девицей из рода Кумэ.

Песня сложена, возможно, по чьей-то просьбе от лица женщины как обращение к возлюбленному.

п. 670—671 Кому адресована песня и кто отвечал на нее, неизвестно. Некоторые считают, что первую песню (670) следует считать песней девушки, а вторую — ответом принца, так как первая скорее похожа на женскую песню, а вторая — на мужскую.

п. 672 Кому адресована песня, неизвестно. К. Мор., исходя из аналогичной концовки, считает, что она связана с песней 658, сочиненной поэтессой Отомо Саканозэ.

п. 673—674 Когда и при каких обстоятельствах сочинены песни 673, 674, неизвестно.

п. 672 Кому адресована песня, неизвестно. К. Мор., исходя из аналогичной Якамоти, в М. — пять ее песен.

Оминаэси (*Patrinia scabiosaeifolia*) — одна из семи осенних трав (см. п. 1537), цветет мелкими желтыми цветами.

Ханакацуми (ханагацуми, *Zizania latifolia*) — один из видов ириса, совр. макомо.

- п. 679 Глубоки корни сугэ (или ямасугэ) — речь идет о горных лилиях — постоянном образе глубоких чувств, часто служащих в М. сравнением и метафорой (см. п. 564).
- п. 683—689 При каких обстоятельствах были сочинены эти песни, неизвестно.
- п. 693 Отомо Тимуро — имел звание сукунэ, в М. — две его песни. Под заголовком приписка: «Точно неизвестно» (по поводу автора).
- п. 694 Принцесса Хирокава — внучка принца Ходзуми. В М. — две ее песни, тем не менее ее отмечают как автора песен, написанных в оригинальной манере.
- п. 695 См. сходную песню 3816.
- п. 696 Исикава Хиронари — имел звание асоми, занимал разные должности при дворе, затем был губернатором провинций Харима, Суо и Иё. В М. — три его песни.
- п. 701 Предполагают, что речь идет о девице из веселых домов.
- п. 703 Дева Камунагибэ Масо (Камукобэ Масо) — полагают, что это одна из девиц, окружавших в юности Якамоти. В М. — четыре ее песни.
«...рукава минуты даже не были сухими» — влажные рукава обычно метафора слез.
- п. 705 Ханэкадзура — головной убор, венок, надеваемый девушками, достигшими совершеннолетия; точного описания его нет, одни считают, что это венок из цветов (вообще) (С), другие, — что это венок из ирисов (МС), третьи — головное украшение из перьев (К. Мор.) (см. п. 1112, 2627). У глиняных статуэток, найденных при раскопке могил (ханива), к голове были прикреплены перья птицы, поэтому возникло предположение, не ханэкадзура ли это (К. Мор.).
Возможно, что первоначально это был венок из цветов, а затем он был заменен украшением из перьев. Возможно в разных местах этот головной убор имел разный вид, но назначение было одно и то же, отсюда и различные толкования.
- п. 706 Девушка еще очень молода и не носит ханэкадзура. Поэтому ответ ее, делающей вид, что она не понимает о ком идет речь, звучит насмешкой по адресу Якамоти.
- п. 707 Дева Аватамэ — возможно, одна из девиц, окружавших в юности Якамоти. В М. — две ее песни.
«Дно любви неразделенной» (катамой-но соко) — здесь игра слов: катамой «неразделенная любовь» и «чаша [без крышки]», которая употребляется в синтоистском культе (МС).
- п. 708 В комментариях отмечается, что речь идет о каком-то магическом акте (см. п. 3778). Высказывается предположение, что дева Аватамэ принадлежала к роду, имевшему отношение к культу, к магическим церемониям, тем более что и в п. 707 ею использован образ чаши, употребляемой в обиходе синтоистского храма (МС).
- п. 709 О девице Оякэмэ ничего не известно. В примечании к тексту сказано, что сведений о ее роде нет. В М. — две ее песни.

- п. 710 Дева Ато Тобира — возможно, из той же семьи, что и Ато Тоситари (см. IV — 663). В М.— одна ее песня. По-видимому, эта песня, как предыдущая и последующая, адресована Якамоти. Похоже, что в кн. IV он собрал главным образом свою переписку с разными лицами.
- п. 711 Дева Таниха Омэ — о ней ничего не известно, в М.— три ее песни.
- п. 712 Образ священной криптомерии как нечто запретное не раз встречается в М. Култ деревьев был очень распространен в те времена (см. п. 517, 1403, 3218 и др.). В храме Мива была священная криптомерия, около которой висел знак запрета — священная веревка из рисовой соломы, указывающая, что к дереву нельзя прикасаться. В некоторых храмах и теперь есть священные деревья. Здесь криптомерия служит образом запретной любви.
- п. 716 В песне отражено народное поверье (см. п. 490).
- п. 721 Автор песни не указан. В одной из рукописей М. («Гэнряку-кохон М.») под заголовком вписано более мелко, что автор — Отомо Саканоз, жившая в Сахо, но некоторые комментаторы в этом сомневаются, так как Отомо Саканоз не была приближенной императорского двора, и высказывают предположение, что эта песня принадлежит ее матери — известной придворной даме высокого ранга (ТТ), другие полагают, что песню сложил сам Якамоти (К. Маб.). К. считает, что песня была приложена к каким-то вешам, предподнесенным императору.
- п. 723 Томи — имя семейства Отомо в уезде Сики провинции Ямато. Дом, где жила старшая дочь госпожи Отомо Саканоз, находился в селении Саканоз и был домом Саканоз. Эта песня — ответ на письмо дочери.
- п. 724 В песне отражено народное поверье, см. п. 490.
- п. 725 Автор песни не указан. В одной из рукописей М. («Гэнряку-кохон М.») вписано, как и в п. 721, что автором песни является Отомо Саканоз, жившая тогда в селении Касуга. Однако ряд комментаторов сомневается в этом, так же как в п. 721.
- Нюдори (совр. кайцубури) — род уток темно-коричневого цвета, брюшко — пепельного, глубоко ныряют и могут долго быть под водой, почему и называются также синагадори («птицы с долгим дыханием»).
- п. 734 Яшма, как и жемчуг, были самыми распространенными украшениями в те времена. Ими украшали волосы, платья и т. п., особенно распространены были браслеты. Желание стать яшмой или чтобы любимый стал яшмой с тем, чтобы с ним не расставаться — встречается и в других песнях М.
- п. 736 В песне говорится о двух очень распространенных в те времена способах гадания, часто упоминаемых в песнях М.: гадание вечерами у перекрестка (юкэ), когда идут к перекрестку и слушают разговоры прохожих, и второе — по шагам (аура), когда загадывают желание на число шагов.
- п. 741 Полагают, что эти 15 песен не были посланы одновременно. Ответа на них здесь нет (МС).

п. 743 Песня носит юмористический характер, как и песни, помещенные в кн. XVI. Последняя строка переведена согласно толкованию К. Мас.

п. 746 Песня написана в ответ на подарок, присланный старшей дочерью Саканоз.

п. 747 «Одежду... я вниз надену» — т. е. подарок близок сердцу, очень дорог. Об обычае дарить одежду см. п. 636.

п. 756 Из переписки сестер.

В примечании к тексту говорится, что старшая дочь из Тамура и старшая дочь из Саканоз — дочери первого секретаря, или начальника правой канцелярии при государственном совете Отомо Сукунамаро, его владения назывались Тамура, оттого его старшая дочь и именуется «старшая дочь из Тамура», или девица из дома Отомо в Тамура, младшая ее сестра — старшая дочь из Саканоз называется по названию владения своей матери — селения Саканоз. В М. — девять ее песен, все они адресованы сводной сестре, жене Якамоти.

п. 757 Села Тамура и Саканоз, где жили сестры, находились поблизости друг от друга.

п. 761 Птица средь течения быстрых рек не может добыть себе пищи, поэтому служит здесь образом беспомощного человека.

п. 766 Девица из рода Фудзивара — предполагают, что дочь Фудзивара Маро. В М. — одна ее песня.

п. 771 В песне использована народная поговорка: «И во лжи есть доля правды» (усо-о ну ни мо ницукавасии усо-о иу моно дэс).

п. 773 Смысл песни не совсем ясен. Считается, что в основе ее лежит какая-то легенда.

Адзисаи (*Hydrangea macrophylla*) — цветы, быстро меняющие окраску, японская гортензия, цветет пурпурными и лиловыми цветами в шестом-седьмом месяце.

Моротора (Моротира) — лицо неизвестное.

п. 782 В тексте под заголовком петитом указано, что имя девицы из рода Ки — Осика.

В песне отражен обычай, широко распространенный в те времена в Японии, судя по песням М.: когда подносили подарок (водоросли и т. п.), то вместе с ним посылали песню, в которой говорилось, как трудно достать этот подарок, чтобы подчеркнуть свою любовь к данному лицу. Кому был послан подарок, неизвестно.

п. 783 Под таким заголовком в М. помещен ряд песен (691, 692, 700, 714, 720). Возможно, что адресат их один и тот же.

п. 785 Сравнение недолговечности жизни с росой — влияние буддийских учений о бренности земной жизни. Это сравнение получило широкое распространение в классической японской поэзии X—XIII вв.

п. 786 По поводу этой песни есть много толкований. Чаще придерживаются толкования К., считающего, что здесь речь идет о молодой девушке из семьи Фудзивара Кусумаро. Слива — метафора девушки, «цветы... никак не расцветут» — т. е. она не отвечает на любовь.

- п. 787 Песня выражает радость Якамоти по поводу частого прихода слуги Фудзивара Кусумаро, приносившего вести от своего господина.
- п. 788 Молодая слива — метафора молодой девушки.
- п. 790 Речь идет об обещании, данном Фудзивара Кусумаро.
- п. 791 Ответ на песни Якамоти, присланные во второй раз.
- Фудзивара Кусумаро — сын Фудзивара Накамаро, имел звание асоми. В 761 г. был губернатором провинции Ямато, в 763 г. совмещал должность государственного советника (санги) и губернатора провинции Хитати. В 764 г. принимал участие в мятеже, поднятом отцом против правящего дома, во время которого был убит. В М. — две его песни (789, 790).

КНИГА ПЯТАЯ

- п. 793 Кому адресована песня Табито, неизвестно. Некоторые считают ее ответом на соболезнование по поводу смерти жены, выраженное ему императорским послом (см. п. 1472). Скорбь Табито о смерти любимой жены представлена в М. циклом стихов в кн. III.
- Песне предпослано предисловие, написанное в высокопарном стиле, как принято было писать в те времена.
- «Несчастье за несчастьем обрушились на меня. Непрерывно поступают ко мне соболезнования по поводу тяжелой утраты. Скорбью полно мое навеки разбитое сердце, в одиночестве лью я терзающие душу слезы. Только благодаря поддержке двух моих друзей я продолжаю в горе и печали владеть жизнью на склоне лет. Кисть моя не в силах выразить всего, что я хочу сказать. Такова скорбь, которая существовала и существует во все времена, прошлые и настоящие».
- «Кисть моя не в силах выразить всего, что я хочу сказать» — выражение из «Ицзина» — китайской классической «Книги перемен» гадательного-философского содержания VII—VIII вв. до н. э. (см. Ю. К. Щуцкий, *Китайская классическая «Книга перемен»*, М., 1960).
- После песни следует дата написания: «23 день 6-го месяца 5-го г. Дзинки [728]».
- п. 794 Некоторые комментаторы считают, что плач Окура посвящен жене Табито, но большинство исследователей рассматривают песню как плач о его собственной жене. Полагаем, что плач сложен Окуро от лица Табито и в нем говорится о жене Табито, ибо в те времена было принято сочинять плачи от лица, потерпевшего утрату, и преподносить ему свое сочинение. Окура, преподнося песню Табито, выражает ему сочувствие и понимание его горя.
- После песни следует примечание: «21 дня 7-го месяца 5-го г. Дзинки [728] преподнесено [Отомо Табито] губернатором провинции Тикудзэн Яманоз Окура».
- «Утка с селезнем своим»... — символ неразлучной пары, постоянный образ в песнях любви.
- п. 795 Спальня (цумая) — так в старину называлось специальное помещение для супругов, был ли это особый домик или комната, неизвестно (МГ).

п. 798 Ооти (совр. сэндан) — мелия японская, кустарник, цветет мелкими цветами бледно-лилового цвета.

п. 799 Появление тумана, когда возлюбленные находятся в разлуке, служит приметой того, что любимый человек вздыхает и тоскует. В песне гиперболы: глубокие вздохи вызывают ветер.

п. 800 Авторство песни приписывается Яманоз Окура.

Песне предпослано предисловие: «Жил один человек. Хотя он и знал, что отца и мать нужно почитать, но забывал о своем сыновнем долге. На жену и детей он не обращал внимания и пренебрегал ими больше, чем брошенным башмаком. Себя же именовал учителем, не похожим на всех. И хотя духом и помыслами он возносился на голубые небеса, плотью своей он погрязал в суетных заботах. Он еще не имел опыта мудрецов в таких делах, как путь добродетели и нравственные учения. Возможно, он был из тех людей, что бегут от жизни, удаляясь в долины и горы.

Поэтому, посылая ему эту песню, указывая на три основы и открывая перед ним пять учений, пытаюсь обратить на истинный путь его заблудшее сердце.

А в песне этой говорится...

Речь идет о человеке, увлекшемся завезенными из Китая идеями Лао-цзы (древний мыслитель, основатель философского даосизма, жил около V в. до н. э.) и Чжуан-цзы (последователь Лао-цзы, жил в IV—III вв. до н. э.) и забывшем основы конфуцианства, которые были господствующей моральной доктриной в древней Японии.

«Три основы» — конфуцианское понятие о трех основных взаимоотношениях, на которых зиждется устои общественного порядка: взаимоотношения государя и подданных, взаимоотношения родителей и детей и взаимоотношения мужа и жены. «Пять учений», или «пять принципов», являются также конфуцианским понятием, это: долг — для отца, забота — для матери, дружба — для старшего брата, послушание — для младшего брата и сыновняя почтительность — для детей.

«...Как приманка — птиц...» (мк) — для поймки птиц в старину ветви деревьев смазывали птичьим клеем.

п. 802—803 Эти песни Яманоз Окура сложил, живя в провинции Тикудзэн, на о-ве Кюсю.

Песне 802 предпослано предисловие: «Будда, говоря золотыми устами, наставлял нас. Он вещал: „Я люблю человечество так же, как [своего сына] Рагора“. И еще учил нас: „Нет любви больше, чем любовь к детям. Даже у самых великих святых сердца проникнуты любовью к ним. Что же говорить о людях этого мира, разве может кто-нибудь из них не любить детей?“»

Рагора (санскр. Rahula) — сын Будды.

п. 804—805 Песне 804 предпослано предисловие:

«То, что легко овладевает нами и что трудно преодолеть нам — это „восемь великих страданий“. А то, что трудно достигаемо для нас и легко истощается, — это „радости многих лет“. Об этом печалились люди в древности, и ныне мы также печалимся об этом. Оттого я и сложил эту песню, чтобы разогнать „печаль о седеющих волосах“.

А в песне этой говорится...

«Сложено в уезде Кама 21 дня 7-го месяца 5-го г. Дзинки [728 г.] губернатором провинции Тикудзэн Яманоэ Окура» (прим. к тексту). «Восемь великих страданий», согласно буддийским учениям, слагаются из четырех страданий бытия: жизнь, смерть, старость, болезни, и из четырех страданий, заключающихся в чувствах и действиях: разлучаться с тем, кого любишь, встречаться с тем, кого ненавидишь, искать и не находить и испытывать муки совести.

«Радости многих лет» — букв. «сотен лет»; здесь «сто» — показатель множественности.

«Печаль о седеющих волосах» — букв. «печаль о двух волосах». В то время Окура было 69 лет. Образ старости, как отмечал еще К., заимствован из китайских источников: «Цзо-чжуань» — летописи древнего Чжоуского царства (XII—III вв. до н. э.) и поэмы поэта Пань Юэ, посвященной осени (СН).

Вводная часть сложена под влиянием стихов китайских поэтов Ли Бо (701—762) и Мэн Цзяо (751—814) — СН.

«Жемчуг дорогой из чужих краев надеть...» — т. е. жемчуг (или яшму), привезенный из Китая или Кореи.

«Белотканым рукавом другу помахать в ответ...» — см. п. 20.

«...алый шлейф — платья красного подол...» — красный подол обычен для женской одежды тех времен. Заслуживает внимания тавтология эпитетов, характерная для народных песен.

«...черных раковин черней...» — речь идет о раковинах мина, внутри совершенно черных.

п. 806 Песне предпослано письмо:

«Падая ниц, исполненный благодарности за присланное письмо, всем сердцем внял благоуханной сути его. И сразу почувствовал я любовь такую же, что была „разлучена Небесной Рекою“, и преисполнился страдания такого, когда „обнимают столбы у моста“. И лишь об одном я молю: чтобы все было благополучно и у того, кто ушел, и у того, кто остался, и, наконец, дождался бы я, чтобы „раскрылись облака“».

Письмо и две песни (806, 807) написаны Табито во время его пребывания в провинции Цукуси, на о-ве Кюсю. Они адресованы другу, о котором известно лишь, что он жил в столице. Судя по его ответу, он хлопотал о возвращении Табито в столицу. Можно предположить, что это был Фудзивара Фусасаки, занимавший высокие посты в столице, переписка с которым помещена ниже (см. п. 812). Письмо отражает влияние буддийских идей и китайского просвещения, насаждавшихся в те времена и занимавших значительное место в системе образования.

«Любовь, разлученная Небесной Рекой» — выражение, заимствованное из китайской легенды о любви двух звезд — Волопаса и Ткачихи (Алтайр и Вега), находящихся на разных концах Млечного Пути. Табито здесь имеет в виду себя, находившегося в далекой провинции Цукуси, и своего друга, жившего в столице Нара, разлученных горами и реками.

«Обнимают столбы у моста» — выражение, заимствованное из легенды, приведенной в «Чжуан-цзы» (гл. «Разбойник Чжи»), где рассказывается, как в старину юноша условился встретиться с любимой женщиной под мостом и ждал ее там. В это время хлынула вода, но он не сошел со своего места и, обняв столб, так и умер, оставаясь верным своему обещанию (МС). Упоминание об

этой легенде стало служить впоследствии символом глубокой любви и верности.

«Тот, кто ушел» — имеется в виду, по-видимому, Табито, покинувший столицу, «тот, кто остался» — друг, оставшийся в столице.

«Дождаться, чтобы раскрылись облака» — выражение из книги «Чжун-лунь», составленной Сюй Ганом (III в.), где оно упомянуто при описании встречи Вэнь-вана (древнего правителя Китая, XII в. до н. э.) с удильщиком Тай-гун Ваном. Оно встречается и в «Кайфусо». Имеется в виду свидание с другом, находящимся в столице. Выражение о встрече с жителем столицы проникнуто пиететом, так как в столице был сосредоточен весь блеск и вся культура того времени, и до сих пор выражение «ехать в столицу» передается в японском языке глаголом «подыматься», а «уезжать из столицы» — «спускаться вниз». По-видимому, пребывание Табито на о-ве Кюсю было связано с принудительным изгнанием. Это подтверждается его перепиской с другом и тем, что возвращение представлялось ему самому невозможным, поэтому в его песнях о родине звучит тоска, граничащая с отчаянием.

«Эх, коня бы сейчас, что подобен дракону...» — образ из китайской книги церемоний династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.) «Чжоу-ли» (древнейшая часть четвертой книги пятикнижия), где конь выше 8 чи (чи — 0,32 м) считался драконом (МС), т. е. это было обозначение для лучших скакунов.

- п. 807 Из песни явствует, что у Табито было мало надежд вернуться в столицу. Это подтверждает и его друг в своем ответе (см. п. 809).
- п. 808 В песне иносказательно говорится, что друг хлопочет о разрешении вернуться в столицу Табито, сосланному на о-в Кюсю.
- п. 809 В песне иносказательно говорится, что хлопоты друга не имели результата и Табито еще долго придется пробыть в ссылке.
- п. 810 Послание Табито адресовано Фудзивара Фусасаки, придворному чиновнику, находившемуся в столице (см. п. 812). Оно было отправлено вместе с песнями и подарком.

Кото — японский музыкальный щипковый инструмент типа цитры, с узким и длинным деревянным корпусом; в VIII в. кото-яматогото имело шесть струн разной толщины, сплетенных из шелковых нитей. Играли на кото при помощи костяных плектров. Кото — один из распространенных музыкальных инструментов и в современной Японии.

Послание Табито полно намеков на известные китайские сочинения. Говоря о том, что кото сделано из боковой ветки (хикобаэ, что на самом деле не так), он использует это только как фигуральное выражение. Хикобаэ, или хикозэ, называют боковую ветвь, идущую не от ствола, а являющуюся ветвью второго порядка. В поэме китайского поэта Цзи Кана, помещенной в «Вэнь сюане» (антологии китайской литературы за период IV в. до н. э.— VI в. н. э., датированной VI в. н. э.), говорится об изящной лютике, сделанной из такой ветки; здесь — шуточный намек на это.

...«на высокой горе пустила я корни...» — имеется в виду гора Юисияма на севере о-ва Цусима. Отмечается также сходство с выражениями, встречающимися в поэзии Цзи Кана (МС).

...«Мой ствол озарял прекрасный свет восходящего солнца...» — выражение из поэмы Цзи Кана.

«Буду я служить какой цели или не буду...» — это перевод выражения, заимствованного из сочинений Чжуан-цзы, где приводятся рассуждения о годном и непригодном материале. Так, среди деревьев различаются деревья, пригодные как материал, которые срубают, и деревья, непригодные в качестве материала, которые не срубают, и они доживают до естественного конца. Среди гусей есть гуси, которые кричат, которых не убивают («годные»), и гуси, которые не могут кричать, которых убивают («негодные») и используют для трапезы. Получается, что в одном случае используется «годное» (а «негодное» оказывается в лучшем положении), во втором же случае используется «негодное». Когда, задумавшись над этим, ученики спросили Чжуан-цзы, какой истине он будет следовать, Чжуан-цзы ответил: «Я буду следовать истине, что находится посередине двух этих истин, которые говорят о материале годном и негодном» (СН). Здесь приведенное выше выражение употреблено в смысле: «Буду я использована или не буду использована [для чего-либо], неизвестно мне» (МС).

Быть постоянным спутником просвещенного человека (букв. «Быть кoto, находящимся всегда с левой стороны у просвещенного человека») — заимствовано из китайской книги «Гу ле нью чжуань», где говорится, что «у просвещенного человека справа всегда книга, слева лютня, и в этом он находит наслаждение» (СН). Говоря о просвещенном человеке, Табито намекает на Фудзивара Фусасаки.

Послание Табито, манера письма, в которой он передает свой разговор с кoto и намекает на достоинства адресата, служит образцом стиля, принятого в придворной среде, где насаждалось китайское просвещение.

- п. 812 Фудзивара Фусасаки (682—737) — друг поэта Отомо Табито, второй сын Фудзивара Фубито, имел звание асоми, был широко образованным человеком для того времени. Он был придворным сановником, занимал высокие посты. При императоре Сёму стал левым министром, а в 760 г. посмертно ему было пожаловано звание главы государственного совета (дадзёдайзин). В М.— одна его песня и послание, адресованное Табито.

Ворота дракона — пиететическое обозначение тома Табито. Выражение заимствовано из китайских источников. В «Истории Поздней ханьской династии» в жизнеописании Ли Ина его дом почтительно называют «ворота дракона» (МС). Имеется еще одно объяснение: в верхнем течении Хуанхэ есть труднодоступное место, называемое Воротами дракона (НКВТ), о котором сложена поговорка: «Если рыба сможет доплыть до него, то станет драконом». Отсюда, по-видимому, выражение и стало обозначением для важного, высокого, доступного немногим места.

- п. 813 Песне предпослано предисловие:

«В провинции Тикудзэн, в уезде Ито, в деревне Фуказ, в местности Кофунохара, на холме вблизи моря лежат два камня. Большой из них — длиной одно сяку два сун шесть бу; окружность его — один сяку восемь сун шесть бу; вес — восемнадцать кин пять рё; меньший камень — длиной один сяку один сун, окружность его — один сяку восемь сун; вес — шестнадцать кин десять рё. Формой они похожи на яйца, Говорят, красота их не поддается

описанию. Это и есть „драгоценности поперечником в сяку“. В некоторых книгах сказано, что эти драгоценные камни происходят из местности Хирасики уезда Соноки провинции Хидзэн, ими пользовались во время гаданий. Они лежат в двадцати ри от почтового двора вблизи проезжей дороги. Простые путешественники и официальные лица сходят здесь с коней и отдают им дань уважения.

А еще рассказывали старые люди, что в древние времена императрица Дзингу брала их с собой во время похода в Сираги и держала их при себе, спрятав в рукавах одежды. И будто бы это помогло ей отсрочить рождение сына и благополучно закончить поход. И поэтому прохожие чтят эти камни и передают о них следующие песни».

В примечании к песням 813, 814 указывается, что они были переданы устно неким Такэбэ Усимаро, человеком из местности Миносима села Ити уезда Нака. Запись песен приписывают Окура (СН и др.), некоторые — Табито (ОХ и др.). Тем не менее, в комментированных изданиях эти песни обозначаются обычно как песни Окура (МС, НКБТ и др.). Здесь, по-видимому, записано народное предание, подвергшееся некоторой литературной обработке одного из указанных поэтов, скорее всего Окура, так как он, в отличие от Табито, слагал обычно нагаута и проявлял большой интерес к народным песням и сюжетам (см. песни об Арао в кн. XVI, тоже, по-видимому, запись народных песен).

О народном предании, воспетом здесь, имеются записи в «Кодзики», «Нихонги», «Цукуси-фудоки», «Тикудзэн-фудоки» (СН).

В предании отражен древний культ камней, их обожествление, древние обычаи и народные поверья. В то же время песни могут быть отнесены и к историческим песням, поскольку поход в Корею и обстоятельства, сопутствующие этому, являются историческим фактом.

Императрица Дзингу (Дзингу-кого, 170—269) — супруга императора Тюай (149—200); в песнях воспевается также под именем принцессы Тарасихимэ; прожила около ста лет; известна походом в Сираги (Корею). Предание гласит, что по дороге в Корею поднялась буря, но морской бог Сумиёси сам стал кормчим корабля, огромные рыбы, поддерживали корабль и не дали ему утонуть. Король Сираги признал себя побежденным и обязался ежегодно отправлять в Японию в качестве дани 80 кораблей с золотом, деньгами, тканями и т. п. Два соседних корейских княжества также признали себя вассалами Японии. Вернувшись на родину, Дзингу благополучно родила сына, будущего императора Одзина. Она отказалась от трона, но в качестве регентши правила в течение 69 лет до своей смерти.

Сяку — 30,3 см; сун — 3,03 см; бу — 3,79 мм; кин — 600 г; рё — $\frac{1}{16}$ часть кина.

«Камни с дивным даром» (кусимитама) — по древней японской мифологии (см. «Кодзики») существовали духи двух родов: злые (арамитама) и добрые (нигимитама). Среди добрых в свою очередь различались духи счастья (сакимитама) и духи чудес (кусимитама). Здесь кусимитама считаем возможным перевести «камни с дивным даром», исходя из реального содержания этого понятия в контексте, так как тама не только «душа», «дух», но и «драгоценный камень», обладающий в данном случае чудесной силой.

п. 815 Песне предпослано предисловие:

«13 дня 1-го месяца 2-го г. Тэмпё все собрались в доме благо-родного старца — генерал-губернатора Дадзайфу, пировали и со-чиняли песни. Был прекрасный месяц ранней весны. Приятно было мягкое дуновение ветерка. Сливы раскрылись, словно покры-тые белой пудрой красавицы, сидящие перед зеркалом. Орхидеи благоухали, словно пропитанные ароматом драгоценные женские пояса, украшенные жемчугом. А в час зари возле горных вершин проплывали белые облака, и сосны, покрытые легкой дымкой, слегка наклоняли зеленые верхушки, словно шелковые балдахины. В часы сумерек горные долины наполнялись туманом, и птицы, окутанные его тонким шелком, не могли найти дорогу в лесах.

В саду танцевали молодые бабочки, а в небе возвращались на родину старые гуси. И вот, расположившись на земле под шел-ковым балдахином небес, мы придвинулись друг к другу и обме-нивались чарками с вином, забыв „о речах в глубине одной ком-наты“ и „распахнув ворот навстречу туману и дыму“, мы всем сердцем почувствовали свободу и с радостью ощутили умиротво-рение.

И если не обратиться к „садам литературы“, то чем еще выра-зить нам свои чувства?

В китайской поэзии уже есть собрание стихов об опадающих сливах. Чем же будет отличаться нынешнее от древнего? Тем, что мы должны воспеть прекрасные сливы этого сада, сложив япон-ские короткие песни — танка».

Этот цикл сложен в подражание песням о цветах сливы, по-мещенным в старинной китайской «Книге песен», а поэтический турнир на эту тему воспроизводит обычаи Китая. Цветы сливы, ввезенные из Китая, очень полюбили в стране, стали неотъем-лемой частью японского пейзажа и постоянным образом в песнях зимы и ранней весны.

Авторы цикла — чиновники округа Дадзайфу, ближайшие со-служивцы, а также друзья Табито. Кем написано предисловие, точно неизвестно. Некоторые комментаторы считают его автором Окура (К., КТ, К. Мас., СН); другие приписывают его Табито (ОХ, ТЮ, ХЯ, МХ). Последняя точка зрения наиболее обоснована, в этом убеждает письмо Ёсида (см. ниже), из которого известно, что песни в предисловие прислал ему в столицу Табито.

«Словно покрытые белой пудрой красавицы, сидящие перед зеркалом» — выражение связано с древним китайским преданием о том, как однажды на лоб принцессы Шоюан, красавицы дочери сунского императора У-ди, упали лепестки сливы, и хотя она пы-талась смахнуть их, они остались на лбу. Отсюда и пошло выра-жение «пудра сливовых лепестков» («Сун-шу»; К.).

«Словно пропитанные ароматом драгоценные женские поя-са» — за женские пояса закладывали мешочек с ароматическими веществами, и поэтому от поясов исходило благоухание. Образ орхидеи, благоухающей, как драгоценный пояс, навеян образом поэмы Цюй Юаня «Лисао» («Элегия отверженного» — сложена около 300 г. до н. э.).

«Сосны, покрытые легкой дымкой» — здесь дымка — образ собравшихся белых облаков.

Шелковый балдахин (кинутаса) — балдахин в форме зонта, который несли над важным лицом во время торжественных шест-вий и прогулок, здесь с ним сравниваются верхушки сосен.

«Забыв о „речах в глубине одной комнаты“ и „распахнув восток навстречу туману и дыму“ — т. е. говорить откровенно, от души (МС). Оба выражения заимствованы из китайских источников («Чжуан-цзы» и Ван Си-чжи «Лань тин цзи»).

Об авторе песни 815 ничего не известно; в М.— одна его песня. Некоторые комментаторы высказывают предположение, что это Ки Кахито.

- п. 816* Оно Ою — имел звание асоми. В 4-м г. Ёро (720) был секретарем управления делами при государственном совете императора (сасёбэн), умер в 732 г. В М.— три его песни.
- п. 817* Имя автора не указано. В «Сёку-Нихонги» упоминается Авата Хитоками в звании асоми, губернатор провинции Мусаси, возможно, это одно и то же лицо (МС).
- п. 818* Яманоз [Окура] — в тексте указана только фамилия (расшифровка общепризнанна).
- п. 819* Отомо [Миёри] — в тексте лишь фамилия (расшифровка по К.).
- п. 820* Фудзии [Онари] — в тексте дана лишь фамилия (расшифровка общепризнанна). Онари был губернатором в Тикуго, когда Окура губернаторствовал в Тикудзэн.
- п. 821* Каса-Сами (Каса Маро) — светское имя Сами Мандзэя до пострижения в буддийские монахи. На Кюсю он прибыл из столицы для постройки в Дадзайфу храма богини Каннон. Был настоятелем этого храма (см. п. 336).
- п. 824* А[бэ] Окисима — в тексте фамилия дана сокращенно; большинство предполагает, что это фамилия Абэ.
- п. 825* Хани[си] Момомура — в тексте фамилия дана сокращенно. Известно лишь, что он старый приятель Окура. В «Сёку-Нихонги» написано, что в 5-м г. Ёро (721) Ханиси Момомура в звании сукунэ служил вместе с Окура. В М.— одна его песня.
- п. 826* Фухито[бэ] Охара — в тексте фамилия дана сокращенно, полагают, что это Фухитобэ (МС, СН), который занимал должность главного (или старшего) секретаря Дадзайфу (дайтэн, или оки фумихито). В М.— одна его песня.
- п. 827* Яма[гути] Вакамаро — в тексте фамилия дана сокращенно, считают, что это Ямагути (МС, СН), умер в 723 г., имел звание имики, был младшим секретарем или помощником главного секретаря Дадзайфу (сётэн). В М.— две его песни.
- п. 828* Фунэ Маро — фамилия дана по МС. Фунэ Маро занимал должность главного судьи Дадзайфу (дайхандзи или окикотовару цу-каса). В М.— одна его песня.
- п. 829* Тё Сакико — полагают, что фамилия дана полностью (МС, СН), так как в «Сёку-Нихонги» встречается такая фамилия (СН). Сакико — здесь мужское имя, в старину мужские имена имели иногда окончание на «ко». Тё Сакико занимал должность лекаря Дадзайфу (якуси или кусиси). В М.— одна его песня.
- п. 830* Сахэки Кобито — в тексте фамилия дана сокращенно, полагают, что это Сахэки (МС, СН и др.), который был помощником губернатора провинции Тикудзэн. В М.— одна его песня.

- п. 831 Ита[моти] Ясумаро — в тексте фамилия дана сокращенно; в «Сёку-Нихонги» встречается Итамоти Ясумаро в звании мурадзи, полагают, что это он (СН). В М.— одна его песня.
- п. 832 Ара... Инафу — фамилия дана сокращенно, точной расшифровки нет; занимал должность священнослужителя в синтоистском храме в Дадзайфу (камудзукаса). В М.— одна его песня.
- п. 833 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Ну), расшифровки нет, поэтому в переводе приведено только имя; занимал должность старшего секретаря Дадзайфу (дайрэйси или окифумихито — старший секретарь судьи). В М.— одна его песня.
- п. 834 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Та), расшифровки нет, поэтому в переводе приведено только имя; занимал должность младшего секретаря в Дадзайфу (сёрэйси или сукунаки фумихито — младший секретарь судьи). В М.— одна его песня.
- п. 835 [Така] Ёсимити — фамилия дана сокращенно, точной расшифровки нет; занимал должность лекаря (кусуси) в Дадзайфу. В М.— одна его песня.
- п. 836 Исо Норимаро — фамилия дана по МС. Полагают, что полная фамилия Исобэ (СН). Занимал должность прорицателя (или гадалки) в Дадзайфу (онъёси или омуёдзи, а также ураноси); являлся служащим управления, ведающего гаданиями (онъёре), предсказывал судьбу по звездам, определял при помощи гадания подходящие участки для построек, посевов и т. п. В М.— одна его песня.
- п. 837 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Си), расшифровки нет, поэтому в переводе приведено только имя. Занимал должность казначея Дадзайфу (кадзоэноси или санси). В М.— одна его песня.
- п. 838 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Э), расшифровки нет, поэтому в переводе приведено только имя. Занимал должность писца (моку), что по обязанностям было равно должности секретаря в Дадзайфу (см. п. 826), но так как это был дальний край, то должность считалась низшего класса. В М.— одна его песня.
- п. 839 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Та, см. п. 834), расшифровки нет, поэтому в переводе приведено только имя; занимал должность писца. В М.— одна его песня.
- п. 840 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Мура), расшифровки нет, поэтому в переводе приведено только имя; занимал должность писца. В М.— одна его песня.
- п. 841 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Така, расшифровки нет (то же, что в п. 835)). В М.— одна его песня.
- п. 842 Фамилия автора в тексте заголовка дана сокращенно (Така, см. п. 835). В М.— одна его песня.
- п. 843 Ханиси Мимити — тот же автор, что в п. 557, хотя имя его транскрибируется здесь другими иероглифами. Он не был чиновником Дадзайфу, поэтому фамилия его как постороннего лица дана пол-

ностью; имел звание сукунэ (СН). В М.— четыре его песни, среди них и шуточные.

п. 844 Ону Куниката — об авторе ничего не известно; в материалах Сёсоина (хранилище при храме Тодайдзи в Нара, построенное в 756 г., в котором собраны вещи и документы времен императора Сёму (724—748 гг.), периода наивысшего культурного расцвета эпохи Нара), встречается его имя (СН). Он, как и автор предыдущей песни, не являлся чиновником Дадзайфу, поэтому фамилия приведена полностью (см. п. 843). В М.— одна его песня.

п. 845 Кадо[бэ] Исотари — судя по заголовку п. 568, он имел звание мурадзи, был на должности инспектора (дзё) провинции Тикудзэн. Фамилия приведена сокращенно, но расшифровка общепринята, в заголовке п. 568 она приведена полностью. В М.— две его песни.

п. 846 Ону Танри, о нем ничего не известно. В М.— одна его песня.

п. 847—848 Автор не указан, но обычно п. 847, 848 считают песнями Табито.

Зелье, о котором говорится в песне, — эликсир бессмертия. Представление о таком эликсире вместе с другими идеями Лао-цзы и Чжуан-цзы проникли из Китая и были предметом увлечения многих в те времена. В китайской книге о святых отшельниках («Ле сянь чжуань») рассказывается, как внук императора Гао-ди династии Ци (479—482) — правитель области Хуайнань по имени Лю Ань, увлекавшийся магией, был посвящен неким человеком по имени Ба Гун в секрет изготовления волшебной настойки, благодаря которой можно было взлететь на небо. И вот однажды, поощряемый Ба Гуном, он вместе с ним взлетел на небо. Петух и собака, лизнув треножник, на котором оно изготовлялось, и вкусив остатки напитка, также взлетели на небо. В «Рэники», написанной на китайском языке, где собраны буддийские предания и притчи, говорится о женщине, которая, отведав волшебной настойки (не то волшебной травы), вознеслась на небо. Об этом говорится и в «Кайфусо».

п. 849 См. п. 847.

п. 851 Сходная по содержанию песня есть у Табито, см. п. 1542.

п. 852 О лепестках, плавающих в вине, упоминается в ряде песен. Это объясняется влиянием китайских обычаев (МС).

п. 853 Песне предпослано предисловие.

Предисловие к «Прогулкам у реки Мацура»

«Однажды я ненадолго уехал в уезд Мацура. Гуляя там, я подошел к бухте у Яшмового острова и, любуясь ею, вдруг увидел юных дев, ловивших рыбу. Подобные цветам лики их не могли ни с чем сравниться, сверкающий облик их не имел себе подобного. Брови их напоминали молодые листки ивы, щеки их были похожи на розовые цветы персика. Высокий дух их был выше облаков, такое изящество, как у них, еще не встречалось в мире.

Я спросил их, где их родина, дочери чьих домов они. Сомнения охватили меня.— „Вы не из тех ли мест, где живут боги и феи?“ — спросил я.

И юные девы засмеялись в ответ: „Мы из рыбацкого дома, мы простые девушки, живущие в лачугах, крытых травой. Нет родного села у нас, нет и дома. Как же мы можем назвать себя? Мы общаемся лишь с водою, и сердце наше радуется горам. Иногда, подойдя к бухте реки Ло, завидуем плывущим красивым рыбам; иногда мы просто лежим в горах Ушань, любимся дымом и туманами. А сейчас, неожиданно встретившись с благородным гостем, мы не могли преодолеть волнение и поведали ему все, что было у нас на сердце. Не дашь ли ты нам обет на всю жизнь проводить вместе с нами свою старость?“ — „Да, да, хорошо, — ответил я, жалкий чиновник. — Я буду принимать вашим приказам“. Но тут как раз солнце зашло за горы и черный конь уже собирался покинуть эти места.

И в конце-концов, обратившись к девушкам с песней, я выразил им свои чувства и так сказал им...»

Эта и последующие песни рыбачек и странника, а также предисловие к ним сочинены в подражание китайским повествованиям о феях. Ранние комментаторы считали, что эти сочинения принадлежат Окура. Однако, начиная с К., их обычно приписывают Табито.

В «Нихонсёки», в разделе о Дзингу, написано, что летом, в 4-м месяце, она прибыла в Мацура и в маленькой речке у деревни Яшмовый остров ловила рыбу. Смастерив крючок из согнутой иглы, она насадила на него вареные зерна риса, а из ниток, выдернутых из подола, сделала леску. Затем она взобралась на камни, забросила удочку в воду и сказала: «Я хочу завоевать богатые страны на западе. Если это должно исполниться, пусть рыба попадет на крючок», — и когда она вытащила удочку, на крючке оказалась форель. С тех пор каждый год летом, в 4-м месяце, девушки забрасывают там удочки и, загадывая желания, ловят форель. Так продолжается и до сих пор. Этот рассказ в сокращенном виде есть и в «Кодзика», и в «Фудоки». В предисловии девушки предстают в виде красавиц фей.

«Мы общаемся лишь с водою, и сердце наше радуется горам» — это выражение перекликается с фразой из китайской классической книги «Лунъю» (представляющей собой запись высказывания Конфуция и его учеников, появившуюся в 450 г. до н. э.), где сказано: «Мудрые люди радуются воде, добродетельные радуются горам».

Река Лохэ — этой китайской реке, связанной с легендами о феях и воспетой в поэме Цао Чжи (III в.), помещенной в «Вэнь сюане», уподобляется р. Мацура.

«Завидуем плывущим красивым рыбам» — выражение также заимствовано из китайских источников (МС).

Ушань — гора в Китае, с которой связана легенда о прелестной фее, посетившей уснувшего там принца. Об этой горе говорится в поэме поэта Сун Юя, помещенной в «Вэнь сюане». Девушки, о которых говорится в предисловии, уподобляются этой фее.

«Солнце зашло за горы и черный конь уже собирался покинуть эти места» — эти образы и выражения также заимствованы из китайских источников и встречаются в «Вэнь сюане». «Черный

конь собирается покинуть эти места» — иносказательно говорится о гостях, возвращающихся домой.

- п. 861 В кн. V реке Мацура посвящен цикл песен. Табито не бывал там, но, зная о красоте этой местности, посвятил ей много песен.

Пурпурный, красный, алый — обычные цвета женской одежды, упоминаемые в М., когда говорится о юбке, подоле; рукава же чаще — белые, отчего «белотканый» стало постоянным эпитетом для рукавов. И теперь в старинных обрядовых представлениях и танцах японских деревень и храмов девушек и жриц наряжают в белые и красные шелка (красные «хакама» — широкие в складку штаны, похожие на юбку, и белое кимоно, заправленное в хакама).

- п. 863 Эту песню комментаторы толкуют по-разному: одни считают, что она навеяна древней легендой о феях, другие — что это отголосок предания об императрице Дзингу, ловившей когда-то в Мацура рыбу, третьи — что речь идет об обычной девушке и желании увидеть эти места. Судя по предыдущим песням, наиболее правильным представляется первое предположение.

- п. 864 Песне предпослано послание:

«Я, Ёроси, почтительно сообщая: распростершись ниц, принял твое дарственное послание, отправленное 6-го дня 4-го месяца.

Преклонив колени, открыл я ларец с письмом и, когда с благоговением читал благоуханные строки, сердце мое излучало свет, будто я „спрятал на груди своей луну Тайсо“. Меня покинули все низменные чувства, очистилось сердце мое, будто я „открыл небеса Ракко“.

Было в этом послании и другое: пребывая временно в пограничной крепости, тоскуешь ты о прежних временах и причиняешь боль своему сердцу. „Годы не остановить, как пущенную стрелу“. Тоскуя о своей прежней жизни, ты чуть ли не льешь в печали слезы. Однако „мудрые люди сохраняют спокойствие при изменениях судьбы, благородные люди не знают уныния“.

Склоняясь ниц, молю, чтобы по утрам ты возвещал благие перемены, при которых бы „с любовью оберегали фазанов“, а по вечерам проявлял „милосердие, отпускающее на свободу черепах“. Я молю, чтобы ты превзошел достоинствами древних героев Тё и Тё на сто поколений и следовал бы примеру долголетия Сё и Кё.

Одновременно я получил и сочинения, которые ты милостиво решил показать мне. Выдающиеся таланты сложили прекрасные песни на пиру, благоухавшем цветами сливы, и обменивались вопросами и ответами с прелестными феями. Это было похоже на то, „когда каждый выступал с чтением под абрикосовым деревом“, и напомнило сочинение, в котором говорится, как „сходили с колесницы у берега реки, где растут благоухающие травы“. С увлечением читаю эти песни, повторяю их на память. Благодарность и радость переполняют меня.

Искренность, с которой я, Ёроси, тоскую о хозяине, превосходит привязанность собак и лошадей. Сердце мое, устремленное ввысь к твоим добродетелям, напоминает подсолнечник, у которого лепестки и листья тянутся навстречу солнцу. Но синие моря разделяют землю, и белые облака загораживают небо. И напрасно жду все время тебя к себе... Как же мне утешить печали сердца

твоего? Сейчас самое начало осени. Падаю ниц и молю о множестве счастливых дней для тебя.

Почтительно вручаю письмо гонцу, едущему вербовать борцов. Я, Ёроси, выражаю вам свое уважение. Прошу простить за неумелое письмо».

«10-й день 7-го месяца 2-го г. Тэмпё [730 г.]» (прим. в тексте после п. 867, указывающее дату письма Ёроси, с которым им были присланы песни 864—867).

Эта и последующие три песни Ёсида были отправлены Табито с длинным посланием в ответ на его песни о сливах и о р. Мацура.

Ёсида Ёроси — монах по имени Кэйсюн, один из друзей Табито. В 700 г., в 8 месяце по приказу императора Момму возвратился к мирской жизни и стал заниматься знахарством, прославился и обратил на себя внимание императора. В миру получил имя Ёсида Ёроси и звание мурадзи. Ему приказано было обучать своему искусству учеников. В 10-м году Тэмпё (738) он был назначен главным лекарем императорского дворца; был очень образованным человеком, знал китайскую литературу, в «Кайфусо» есть две его песни. В М. — четыре его песни (п. 864—867).

«Я спрятал на груди своей луну Тайсо» — в древнем китайском предании говорится, что «когда видели Тайчу, то он излучал такую радость, будто прятал на груди луну и солнце». Тайчу (яп. Тайсо) было прозвищем Сяхоу Сюаня, героя эпохи вэйской династии, который слыл образцом добродетели и высоких духовных качеств. Цитата взята из известного китайского памятника V в. н. э. «Ши-шо синь-юй».

«Будто я „открыл небеса Ракко“» — Ракко (кит. Юэ Гуан) жил во времена цзиньской династии (III в.). Это был знаменитый оратор, обладавший редким красноречием. Комментаторы обычно приводят цитату из «Истории цзиньской династии» («Цзинь-шу»), где говорится, что, когда появлялся Юэ Гуан, «раскрывались облака и открывалось голубое небо». Этими образами Ёроси передает блестящее владение словом и стилем Табито и высокие чувства, которые вызвало в нем послание Табито.

«Мудрые люди сохраняют спокойствие при изменениях судьбы, благородные люди не знают уныния» — изречение заимствовано из «Чжуан-цзы».

«Перемены, при которых бы „с любовью оберегали фазанов“» — имеется в виду предание из китайской книги «Мэнцю» (яп. «Могю», одна из конфуцианских философских книг нач. VIII в., где собраны исторические предания, состоящая из 3 томов) о правителе Поздней ханьской династии Лу Гуна, который слыл примерным правителем, воспитавшим высокие моральные качества у своего народа. Правитель Юань Ань, усомнившись в этом, послал человека по имени Фэй Цинь проверить слухи. И вот однажды, сопровождая Лу Гуна, Фэй Цинь увидел, что дети, встречая фазана, не пытаются его ловить. Он спросил, почему они не делают этого, и дети ответили, что фазан как раз в это время кормит птенцов. Фэй Цинь понял, что слухи были справедливы и правление Лу Гуна добродетельно.

«Милосердие, отпускающее на свободу черепаху» — в одном из преданий книги «Мэнцю» говорится, как однажды в период цзиньской династии некто по имени Кун Юй купил пойманную черепаху в корзине и отпустил ее на свободу; она уползла, все время оглядываясь на него. Вскоре он получил высокий титул,

стал важным сановником и однажды на печати своей увидел изображение черепахи. Три раза он переплавлял печать, но изображение не исчезало. Тогда он понял, что милостями судьбы он обязан черепахе, а почести, полученные им,—вознаграждение за его милосердие.

«Чтобы ты превзошел достоинствами древних героев Тё и Тё — Тё и Тё яп. сокр. обозначение имен Чжан Ань-ши и Сяо Чун-го — двух государственных деятелей периода Ранней ханьской династии при императорах У-ди (140—88 гг. до н. э.) и Сюань-ди (74—49 гг.). Первый из них был министром, а второй — полководцем (137 г. до н. э.— 52 г. н. э.).

«И следовал бы примеру долголетия Сё и Кё» — Сё и Кё сокращенные имена в японском произношении святых китайских отшельников Чи Сун-цзы и Ван Цзы-цяо, о которых написано в книге «Ле-сянь-чжуань». Их всегда приводят как пример редкого долголетия.

«Похоже на то, „когда каждый выступал с чтением под абрикосовым деревом“ — заимствование из «Лунъюя». Табито приравнивается к Конфуцию, который сидел под абрикосовым деревом в то время, как ученики его читали ему. «Как сходили с колесницы у берега реки, где растут благоухающие травы» — это выражение — намек на поэму Цао Чжи, помещенную в «Вэнь сюане», где рассказывается о фее у р. Ло. Ероси хочет этим сказать, что песни Табито о феях напомнили поэму Цао Чжи.

«Сердце мое, устремленное ввысь к твоим добродетелям, напоминает подсолнечник, у которого лепестки и листья тянутся навстречу солнцу» — образ также заимствован у Цао Чжи (МС).

«Вручаю письмо гонцу, едущему вербовать борцов» — каждый год в 7 месяце император имел обыкновение смотреть борьбу. День, когда происходило состязание, называли «сумо-но сэдзю» — «праздник борьбы». Для вербовки борцов специально посылали гонцов из столицы во все провинции. Иногда вербовку поручали губернаторам. Пользуясь случаем, Ероси, живший в столице, посылает на о-в Кюсю в Дадзайфу послание и песни своему другу Табито через такого гонца.

- п. 865 «...из страны счастливой» — имеется в виду гора Хорай (см. п. 866).

Содержание песни и образы с некоторыми вариантами встречаются в песне Табито, посланной из столицы своему другу Ман-сзю, оставшемуся на о-ве Кюсю.

- п. 867 Обращение к картине природы для передачи быстротечности времени — прием характерный для поэтов М. Сходная песня встречается и у Табито (п. 452).

- п. 868—870 Песне 868 предпослано предисловие:

«Я, Окура, с искренним уважением склоняю голову и почтительно приветствую.

Я, Окура, слышал, что все губернаторы провинций и начальники главного ведомства Дадзайфу, каждый в отдельности, следуя установленным законам, объезжают и контролируют земли, находящиеся в их ведении, и наблюдают за нравами и обычаями.

На сердце своем многое имею, высказать же словами мне трудно. С почтением пытаюсь передать тремя неумелыми песнями то, что наполняет всего меня. И в песнях этих говорю...»

После песен 868—870 следует примечание, указывается дата и следует подпись:

«11-й день 7-го месяца 2-го г. Тэмпё [730].

Почтительно преподнесено Яманоз Окура, губернатором провинции Тикудзэн».

Это одна из трех песен, посланных Окура вместе с письмом к своему другу Табито. Так как Табито был начальником Окура, письмо содержит все формальные изъятия вежливости, принятые в таких случаях.

«Все губернаторы провинций и начальники главного ведомства Дадзайфу» — в тексте: «Князя четырех гор и чиновники главного ведомства». «Князя четырех гор» — выражение, взятое из китайских текстов. Имеются в виду горы: Тайшань, Хэншань, Хуашань и Хэншань, расположенные на востоке, на юге, на западе и на севере. В древнем китайском памятнике «Шу цзине» говорится о чиновниках периода Чжоу, т. е. о князьях, которые собирались у подножия этих гор, когда император выходил на охоту.

В период М. губернаторам провинций вменялось в обязанность записывать и собирать предания, связанные с данной местностью. В 713 г. императрица Гэммё направила специальный указ собирать самые разнообразные сведения о провинциях, в том числе записывать сказания о событиях древности, предания, легенды и т. п., в результате чего были созданы «Фудоки» — географические, этнографические и топографические описания провинций. Окура в песнях упоминает о двух преданиях, связанных с подведомственной ему провинцией Тикудзэн: о принцессе Мацура Саэхимэ и об императрице Дзингу или принцессе Тарасихимэ.

О Мацура Саэхимэ — см. п. 871.

- п. 869 О принцессе Тарасихимэ см. п. 813. Предание, в котором говорится, как императрица Дзингу ловила рыбу в бухте у Яшмового острова (см. комм. к п. 853), записано в «Кодзики», в «Нихонги» и «Хидзэн-фудоки».

- п. 871 Песне предпослано предисловие:

«Молодой рыцарь Отомо Садэхико по приказу императора был послан с особым поручением в страну Мимана. Снарядив корабль, он отправился в путь и все дальше и дальше уплывал по голубым волнам.

Его возлюбленная Мацура Саэхимэ, горюя о внезапной разлуке и печалась, что, может быть, ей не удастся больше встретиться с ним, поднялась на вершину высокой горы и провожала взглядом удалявшийся корабль. Доведенная до отчаяния страданием, убитая горем, она в последний момент сняла с себя белый шарф и стала махать им, а все, кто были рядом, не могли удержаться от слез. С тех пор та гора стала называться „Горой развевающегося шарфа“. Об этом я и говорю в своей песне».

Песня открывает цикл, посвященный преданию о принцессе Саэхимэ. Песни 871—875 сложены Табито, хотя есть некоторые споры по поводу того, не являются ли они песнями Окура. Но в именных указателях они числятся за Табито.

Отомо Садэхико — сын Отомо Канамура, известен как руководитель экспедиции в Сираги (Корею), получивший впоследствии титул главного полководца (тайсёгун) и с большими трофея-

ми вернувшийся в Японию. По историческим летописям, император Сэнка (536—539) отдал приказ Отомо Канамура послать своих сыновей Садэхико и Ива помочь корейскому княжеству Мимана в его междоусобной борьбе с княжеством Сираги. Садэхико помог также Кудара, другому корейскому княжеству. В хронике императора Киммэй (540—571) говорится, что в 23 г. его правления (561 г.) главный полководец Отомо Садэхико предводительствуя большой армией, покорил корейское княжество Кома и вернулся домой с огромными трофеями. Предание связано с первым его походом.

По «Хидзэн-фудоки» на востоке уезда Мацура возвышается гора Развевающегося шарфа, и в народе передают, что в древности, в правление императора Хинокума (он же Сэнка), Отомо Садэхико возглавил поход в княжество Мимана. Между тем в селении Синохара жила юная дева Ототосихимэ. Она была хороша собой, и другой такой красавицы не было в стране. Встретившись с ней, Садэхико тотчас же посватался и женился на ней. В день разлуки она с вершины этой горы, глядя вдаль, вслед отъезжающему на корабле мужу, махала шарфом, зовя его вернуться, поэтому гора и названа горой Развевающегося шарфа.

По другим версиям, Мацура Саэхимэ — так называют эту красавицу,— махая в отчаянье шарфом, превратилась в камень на этой горе.

- п. 876 Табито, получив чин первого советника двора, возвращался в столицу Нара. Это был его прощальный пир перед отъездом.
- п. 879 «Пусть все время службу ты несешь, никогда не отлучаясь из дворца» — пожелание, чтобы Табито жил все время благополучно в столице и ему не пришлось бы снова быть высланным за ее пределы.
- п. 881 Срок службы губернаторов провинций в те времена не был точно установлен, и больной Окура сожалеет, что не знает, когда кончится срок его службы в глуши.
- п. 882 Окура выражает надежду на то, что Табито похлопочет о его возвращении в столицу. Возможно, что он, как и Табито, в свое время был выслан за пределы столицы. Социальные проблемы, затронутые в песнях Окура, сочувствие беднякам позволяют думать, что его пребывание на о-ве Кюсю имело характер ссылки, тем более что в те времена высылка за пределы столицы была обычным наказанием для провинившихся чиновников. В песне говорится о его надежде на хлопоты друга, которому возвращена милость двора и который получил высокое назначение.

После песни следует примечание, указывающее, когда были сложены песни 880—882:

«6-й день 12-го месяца 2-го г. Тэмпё [730].

Почтительно поднесено [Отомо Табито] губернатором провинции Тикудзэн — Яманоз Окура».

- п. 883 Принц Мисима — в «Сёку-Нихонги» говорится лишь о его продвижении в рангах. В М.— одна его песня.
- п. 884—885 Отомо Кумагори — см. п. 886.

Асада Ясу — в должности главного секретаря (дайтэн) имел звание мурадзи. О том, что песни сложены Асада Ясу, помечено в тексте петитом в конце заголовка.

Печальная участь юного Отомо Кумагори, умершего в дороге на пути в столицу, по-видимому, была широко известна и послужила темой песен разных поэтов.

п. 886—887 Ответ на песни 884—885.

Песням предпослано предисловие:

«Отомо Кумагори был родом из уезда Масики провинции Хиго. Восемнадцати лет, в 3-м г. Тэмпё (731), 6-го месяца, 17-го дня он отправился в столицу, сопровождая губернатора провинции в качестве вербовщика борцов для императорского зрелища.

Но, к несчастью, по воле неба в дороге он заболел и умер на почтовом дворе в Таканива в уезде Саэки провинции Аки. Когда приблизился час его кончины, он глубоко вздохнул и сказал: „Говорили мне, что бrenное тело разрушается легко, и жизнь, подобную нежной пене на воде, трудно удержать. Недаром тысячи мудрецов ушли уже из этого мира, и сотни мудрых людей не смогли остаться на этой земле. Как же может такой глупый и ничтожный человек, как я, избежать своей судьбы? Меня беспокоит одно: мои старые родители остались одни в своей жалкой лачуге. Они будут ждать меня, и если я задержусь слишком долго, будут болеть душой и беспокоиться обо мне. Верно, будут они в ожидании меня стоять у ворот и, если я не приду в срок, будут горько плакать, пока не ослепнут от слез.

О бедный мой отец! О несчастная моя мать!

Не страшит меня путь, где смерть ожидает тело мое, скорблю я о родителях моих, которые останутся страдать в этом мире. И если сегодня навсегда расстанусь я с этой жизнью, то в каком другом мире я смогу увидеть их снова?»

И тогда он сложил шесть песен и умер. Вот о чем говорят эти песни».

Песня 886 начинает цикл, посвященный печальной участи молодого Отомо Кумагори и сложенный от его лица.

«Вербовщик борцов для императорского зрелища» — см. п. 864.

В песне отражены буддийские представления о бrenности земной жизни и встречаются характерные образы, созданные под влиянием буддизма (например, жизнь, подобная пене на воде; бrenный, непрочный мир и т. п.).

п. 892 Поэма «Диалог бедняков» является лучшим произведением Окура. В ней он первый из поэтов древней Японии поднял голос в защиту бедняков.

Мутное сакэ — неочищенная рисовая водка.

«Где тонко — рвется, где коротко — еще надрежут край» — народная пословица.

п. 893 После песни следует примечание: «Почтительно преподносит с низким поклоном Яманоз Окура».

п. 894 Эта песня была отправлена Окура послу Тадзихи Хиронари, отплывавшему в Китай. В те времена путь в Китай считался очень трудным и опасным; перед отъездом обращались с мольбой и дарами к богам, прося о защите в пути и о благополучном возвращении. Подобные песни играли в старину роль своеобразных магических заклинаний. Это объяснялось верой в чудодейственную силу слов (котодама). Окура сам в 701 г. во время правления Момму ездил в Китай в составе посольства Авата Махито.

«То страна, что заметили с небес» — намек на древний миф о

том, что боги, заметив страну с небес, спустились, чтобы повелевать ею.

«То страна, где сила слов счастье дивное несет» — говорится о древней вере японцев в магическую силу слов.

Оокунимитама — бог, душа страны, хранитель страны и ее обитателей, был очень почитаем, и в каждой провинции были храмы, посвященные ему.

- п. 895 Освятив обрядом (какихакитэ «навести чистоту», «убирать») — некоторые комментаторы (СН) отмечают, что это выражение содержит более глубокий и отвлеченный смысл. Исходя из содержания других песен, где указывается на обряды очищения при ожидании домой близких людей, мы позволили себе истолковать это место именно таким образом, т. е. «очистив» = «освятив обрядом» по контексту.

- п. 896 После песни следует примечание, указывающее на дату отправления песен 894—896 послу в Китае Тадзихи Хиронари (см. п. 894): «1 день 3-го месяца 5-го г. Тэмпё [733 г.] Яманао Окура.

Почтительно подношу в канцелярию его превосходительства посла, отправляющегося в Китай».

В примечании петитом указано, что песня была преподнесена фактически 3-го числа.

- п. 897 «В рану, что и так болит, жгучую насыпят соль, или на тяжелый выюк бедной лошади опять и опять добавят груз» — здесь Окура использует народные поговорки — прием, характерный для его песен.

В этой и сопутствующих ей шести песнях отражены характерные черты поэзии Окура: его думы о бедняках и сочувствие им, обращение к образам, взятым, с одной стороны, из народных песен, с другой, — навеянных буддизмом; здесь отражена его глубокая скорбь по поводу своей горькой участи и в то же время всегда присущий ему оптимизм, любовь к жизни, любовь к детям, желание долго, долго жить.

- п. 903 После песни следует примечание, указывающее на дату сочинения песен 897—903: «Сложено в 3-й день 6-го месяца 5-го г. Тэмпё [733 г.]»

- п. 904 «Семь родов сокровищ есть» — говорится о семи буддийских сокровищах. В сутре Амида это: золото, серебро, изумруд, агат, жемчуг, горный хрусталь, перламутр. В разных сутрах эти драгоценности перечисляются по-разному, но обычно не совпадают лишь две или три из них.

Травы счастья (сакикуса от «саки» — «счастье», «куса» — «травы», «растения») — в старину так называли хиноки (см. п. 45).

Однако Мотоори Норинага в «Кодзики-дэн» («Комментарии Кодзики») высказал мнение о том, что травы счастья — это горные лилии (яма-юри) — СН. Судя по песням М., горные лилии использовались в обрядах гадания о судьбе, счастье, о счастливом возвращении и т. п. Возможно, что оба мнения справедливы, разница лишь в том, что сначала только хиноки имели значение блажелательных символов, а потом и другие растения.

- п. 905 Эта песня отражает буддийские представления Окура о посмертном существовании души, в отличие от его элегии, где отражены чисто японские синтоистские обычаи: обращение к богам неба

и земли с мольбой о благополучии, о долгой жизни и т. п. Это сосуществование синтоистских и буддийских элементов в верованиях японцев того времени встречается и в других песнях М.

- п. 906 В примечании к тексту говорится, что автор песни неизвестен. Помешена же она здесь потому, что по стилю похожа на произведения Окура. Некоторые комментаторы (ОХ и др.) считают, что это — самостоятельная песня, и элегия Окура имеет одну «каэси-ута» (905), другие (СН и др.) — что это вторая «каэси-ута» к его элегии.

На первый взгляд в последних двух песнях некоторое противоречие: в первой речь идет о подземном царстве, во второй — дороге на небеса. Однако у древних японцев одновременно существовало два представления о загробном мире: и подземное царство, и «путь на небеса».

В буддийских представлениях о загробной жизни также есть путь на небеса. Вера в бессмертие души, в переселение душ и круговорот жизни и смерти определила шесть дорог для уходящего из этого мира: три хороших пути и три плохих. Один из хороших путей — это путь на небеса (К. Мас. считает, что об этом пути и идет здесь речь). Еще два пути — это переселение души в титана (асура) и в человека. Плохие пути — это путь в ад, затем переселение души в животное и в «голодного черта» (гаки) (СН).

Дары (фусэ) — здесь пожертвования, подношения будде и буддийским монахам.

КНИГА ШЕСТАЯ

- п. 907 Каса Канамура (первая половина VIII в.) — один из известных поэтов М. Дворец Тоцумия — «Особый дворец» для увеселений в Ёсину, где обычно отдыхали и развлекались члены императорского дома. Тога (цуга, Tsuga Sieboldi) — дерево из семейства сосновых. Хвоя этого дерева является символом бесконечного чередования. В песнях М. — образ вечного правления императорского дома.

- п. 909 «Белыми цветами, что несут богам» (сираубана) — искусственные цветы из волокон кодзо, бумажного дерева (Boussonetia parurifera).

- п. 913 Курамоти Титосэ — современник Акахито и Канамура, имел звание асоми. В М. — 10 его песен 7-го г. Ёро (723 г.), 5 месяца, когда он сопровождал императрицу Гэнсё в Ёсину и др.

Хиноки — «солнечные деревья», японский кипарис (см. п. 45), в тексте маки — священные деревья, под этим названием встречаются также сосны и криптомерии.

Речной олень — так называли в песнях М. лягушек. Квakanье лягушек, как и крики оленей, навевали грусть и доставляли эстетическое удовольствие, поэтому образ лягушки и оленя отождествлялся.

«В пути, где шнура не развязать» — развязывать шнур — символ любовных отношений (см. п. 251).

- п. 915 Тидори — собирательное название для многих птиц, чаще всего — японских куликов. Над рекой Ёсину постоянно слышен крик

тидори, отсюда плач тидори стал постоянным эпитетом (мк) к этой местности.

- п. 916 По древнему народному поверью, тоска и вздохи грусти рождают туманы (см. п. 799).

После песни в тексте следует примечание:

«Дата сочинения песен [913—916] точно неизвестна. Помещены они вслед [за песнями Канамура], так как близки им по содержанию. В некоторых книгах сказано: [эти песни] были сложены в 7-м г. Ёро [723], в 5 месяце, когда императрица Гэнсё посетила дворец в Ёсину».

- п. 917 «Водоросли-жемчуга собирают на ладьях» — собирание водорослей — обычное занятие рыбаков и рыбаков (водоросли идут в пищу, или из них выпаривают соль), одновременно один из видов развлечения в придворной среде; часто водоросли собирали для подарка возлюбленной или жене, который привозили из странствования или приносили с прогулки.

«Дивной яшмой назван был» — речь идет об о-ве Тамацусима (Яшмовый остров или остров Яшма), сейчас остров слился с берегом.

- п. 919 Эта танка Акахито представляет собой самостоятельную песню. К ней следующее примечание в тексте:

«Песня без даты. Однако говорится, что [Акахито] сопровождал императора во время посещения им Яшмового острова. Поэтому, исходя из даты императорского путешествия, ее поместили здесь [вслед за предыдущими песнями]».

- п. 920 Тидори — см. п. 915.

Речной олень — см. к п. 915.

- п. 920—925 Хисаги (*Mallotus japonicus*) — дерево из семейства дубовых; растет в горных долинах, листья длинные, овальные, летом цветет пышными соцветиями мелких бледно-желтых цветов.

- п. 926—927 «В руках сжимая стрелы счастья» — в древности в Японии верили, что стрелы и лук таят в себе особую силу (сацу), которая приносит счастье во время охоты (ТЮ).

После песен в тексте следует примечание: «Неизвестно, написаны ли эти песни раньше предыдущих или позже. [Лишь [потому, что сложены тем же автором] они помещены вслед за предыдущими».

- п. 928 Деревья хиноки «солнечные деревья», японский кипарис, считался священным деревом, из него делали ритуальную утварь.

«Хоть и было это все остановкою в пути» — в старину императоры, часто путешествуя по стране и останавливаясь в пути, строили временные постройки, которые назывались дворцами (кари-мия), потому что в них жил император, а местность, где он останавливался на долгое время, называлась столицей. В Нанива для путешествующего императора Сёму был построен дворец, который он сделал своей резиденцией.

- п. 930 Ладьи без перекадаин (тананаси обунэ) — лодки примитивной конструкции без доски, которую кладут обычно на дно между бортами лодки и в которую гребцы упираются ногами при гребле.

- п. 932 В старину желтая и красная глина употреблялась в качестве красителя, для этого ею натирали материю, одежду. Был обычай

окрашивать одежду на память о путешествиях или одежду возлюбленного на память о встречах.

- п. 933—934 Песни Акахито сложены во время пребывания во дворце Нанива в свите императора Сёму зимой во 2-м г. Дзинки (725 г.), в 9-м месяце.

- п. 934 Речь идет о рыбаках, поставлявших рыбу к императорскому столу и привозивших жемчуга во дворец в качестве дара (мицуги).

Нусима (Нудзима) — рыбацкое селение в Авадзи, славилось морскими промыслами (ловлей рыб, добычей жемчуга и т. п.).

- п. 935 Об этом путешествии императора Сёму есть запись в «Сёку-Нихонги».

- п. 938—941 Песни Акахито, сложенные во время пребывания в уезде Инами, в стране Харима, осенью, в 3-м г. Дзинки (726 г.), в 5-й день 9-го месяца, когда он путешествовал, сопровождая императора Сёму.

Сиби (магуро, *Thynnus sibi*) — тунец из семейства скумбриевых.

- п. 942 Эта песня и каэси-ута сложены Акахито, когда он проезжал о-в Карани, находясь в свите императора Сёму, совершавшего путешествие по стране.

Адзи — род уток, распространенный в Японии (см. п. 196).

- п. 943 «Где срезают жемчужные травы морские» — см. п. 917.

- п. 944 Ямато — центральная провинция Японии, родина поэта.

- п. 946—947 Песни передают тоску Акахито о жене, оставленной дома. Они относятся к циклу, сложенному Акахито во время путешествия. В примечании указано, что дата их написания неизвестна. Относительно времени написания их напрашиваются два предположения: 1) Акахито сопровождал императора Сёму в его путешествии по стране; возможно, эти песни были сложены во время такого путешествия; 2) одно время поэт занимал должность провинциального чиновника. Вероятно, его постигла временная опала, как Табито, и он был выслан за пределы столицы. Отсюда тоска о жене, о родных краях.

- п. 946 Водоросли «вглубь-взгляну» (фюкамиру) — «морская сосна» — народное название водорослей, растущих глубоко в море.

Трава «не-говори» (нанорисо, *Sargassum fulvellum*) — народное название морских водорослей, растущих в глубинных местах.

«Имя берегу свое» — говорится о боязни людской молвы.

- п. 947 Сума — бухта, воспетая во многих песнях М. и в позднейшей классической литературе.

«Когда сложены песни, неизвестно. Они помещены вслед за предыдущими, исходя из общего характера песен» (прим. в тексте).

- п. 948 Управление дворцовой охраны (дзюторё, или дзютотонэрирё) — согласно «Сёку-Нихонги», было впервые основано в 4-м г. Кэйун (707 г.), в 7-м месяце, ведало личной охраной императора.

Сугэ — некоторые считают, что это осока, другие полагают, что это растение из семейства лилий. В песнях глубокие крепкие корни сугэ служат образом глубокой сильной любви. Судя по этой

песне, корни имели очистительное назначение и обладали магической силой (см. п. 564).

Синобугуса — «травя забвения» — народное название; судя по песне, употреблялась для очищения от грехов (СН). В некоторых словарях указывается, что это папоротник *Davallia bullata* или *Polypodium linsage*, растущий на скалах, каменных стенах и т. п.

«Ах, в текущих струях вод очищение от грехов мы бы приняли тогда» — речь идет об обряде очищения (мисоги) в водах реки.

- п. 949 Песне предпослано предисловие: «Вот что говорится об этих песнях: в 1-м месяце 4-го г. Дзинки [727 г.] молодые принцы и придворные собрались на поле Касуга и забавлялись игрой в мяч. Внезапно небо заволокло тучами, пошел дождь, засверкала молния, загредел гром. В это время во дворце возле императора не оказалось ни свиты, ни охраны. Тогда был издан указ наказать виновных, и все были подвергнуты заключению в управлении дворцовой охраны. И там в горести и печали были сложены эти песни. Автор же их до сих пор неизвестен».

- п. 950—953 Песни 950—952 сложены в иносказательном плане. В п. 950 красавицу сторожат родители, «пока я в горы не проникну» — т. е. пока не завладею ею. В п. 951 жемчужина — метафора красавицы, возлюбленной. В п. 952 сосна — девушка, дочь.

После п. 953 в тексте следует примечание:

«Эти песни встречаются среди песен Каса Канамура. В некоторых же книгах сказано, что они сложены Курамоти Титосэ».

- п. 954 Принц Касивадэ — сын принца Нагая. В 1-м г. Тэмпё (729 г.), во 2-м месяце, будучи замешан в заговоре против правящего дома (см. комм. к п. 75) вместе с отцом покончил жизнь самоубийством. В М. — одна его песня; к ней есть примечание: «Когда сложена песня, неизвестно. Помещена она вслед за предыдущей, исходя из общего характера песен».

- п. 955 Исикава Тарихито имел звание асоми. В 5-м г. Дзинки (728 г.) был назначен вторым заместителем генерал-губернатора Дадзайфу. В М. — одна его песня.

Исикава говорит в песне о Нара, где находился дом Табито, сосланного на о-в Кюсю.

«Люди при дворе со стрелами бамбука» — стрелы бамбука — постоянная принадлежность людей императорской свиты, которые носили за спиной колчан со стрелами.

- п. 958 Оно Ою (Оно-но Ою, ум. в 737 г.) — имел звание асоми, служил чиновником в Дадзайфу у Табито, вначале был его вторым заместителем, а затем первым. В М. — три его песни.

«Мне жемчуг-водоросли хочется собрать» — см. п. 917.

- п. 959 Уно (Уну) Охито — имел звание обито. В 720 г. был губернатором провинции Будзэн. В М. одна его песня. Уно Охито с 720 по 728 г., служа губернатором, все время ездил из провинции Будзэн в Дадзайфу мимо бухты Касии. Теперь срок службы его кончался и он покидал эти места, в связи с чем и сложил эту песню.

- п. 960 Хаято — название племени и местности на о-ве Кюсю. Скалы среди быстрых потоков в этой местности славятся редкой красотой. Хаято или кумасо — племя малайского происхождения, жившее на о-ве Кюсю. Это были одни из первых обитателей японских островов.

Через сравнение двух картин природы: водопадов в Ёсину и скал средь быстрых потоков в Хаято автор передает свою любовь и тоску по родине.

п. 961 Считается, что эта песня Табито относится к 728 г., когда он потерял жену.

п. 962 Отомо Титари имел звание сукунэ. Его песен в М. нет. Титари был чиновник высокого ранга (по положению следующий за рангом Табито), поэтому ему была оказана почетная встреча. К песне есть примечание: «Вот что известно об этой песне: В доме Отомо Табито, генерал-губернатора Дадзайфу, был устроен пир в честь императорского гонца Отомо Титари. Собравшиеся в этот день на пиру обратились к верховному гонцу Фудзии Хиронари и сказали, что он должен сложить песню. И тогда Хиронари исполнил эту песню. Возможно, что это вариант п. 1334 (СН).

Фудзии Хиронари — имеет звание мурадзи, согласно «Сёку-Нихонги», в 3-м г. Ёро (719 г.) был послом в Сираги, в 743 г. был послан в провинцию Тикудзэн на Кюсю, затем был губернатором провинции Бинго. Так как должность конного гонца слишком низкая для него, то полагают, что он был послан с особо важным поручением (СН). В М. — четыре его песни.

п. 963 Отомо Саканозэ жила в Дадзайфу у своего старшего брата Табито и возвращалась в столицу незадолго до отъезда туда Табито.

Сукунахикона и Оонамути — имена двух богов, живших, согласно мифологии, в век богов и сотворивших Поднебесную.

Гора «Утешу» (от нагу «утешать») — см. гора Наго.

п. 964 Песня, как и предыдущая, сложена в пути во время возвращения в столицу. Есть мнение, что это подражание п. 1147.

Раковины «позабудь-любовь» — см. п. 68, 509.

п. 965 Помахать белотканым рукавом — имеет смысл интимной близости, любовного знака.

п. 966 Песню сопровождает послесловие.

«Об этой песне известно следующее: генерал-губернатор Дадзайфу Отомо Табито был произведен в первые советники двора и отправлялся в путь в далекую столицу. В этот день, остановив коня у крепости Мидзуки, он оглянулся на свой дом. А среди провожавших его чиновников была веселая женщина. Звали ее Кодзима. Печалась о разлуке и горюя о том, что трудно будет встретиться с ним снова, она, смахивая слезы, прочла песню о том, как сама помахала ему на прощанье рукавом».

п. 967 Кодзима — остров в провинции Кибэ, теперь это полуостров.

п. 968 Насыпь Мидзуки — была сделана для защиты Дадзайфу; следы ее сохранились вблизи станции Мидзуки на пути в Кагосима.

п. 969—970 Песни относятся к последним годам жизни Табито, когда он вернулся в столицу из Цукуси. Он тоскует о родных местах, которые еще не успел посетить по возвращении.

Камунаби — родное селение рода Отомо в Асука вблизи горы Камока. У подножия горы течет р. Асука. Ее и имеет в виду Табито, говоря о пучине в Камунаби. В этой песне (как и в п. 335) Табито иносказательно говорит о переменах, которые могли произойти там за время его отсутствия.

Курусунооно — местность, точное местонахождение неизвестно (в южной части уезда Кацураги или в окрестностях Асука).

Цветы хаги (*Lespedeza bicolor*) — очень мелкие красноватого и лилового цвета.

п. 971—972 Такахаси Мусимаро — см. п. 321.

Военный инспектор дорог (сэцудоси) — должность была впервые утверждена в 732 г. В данном случае Фудзивара Умакай был послан для контроля дорог в Сайкайдо (западный морской округ на о-ве Кюсю). Одновременно были назначены военные инспекторы дорог в Тосандо (восточный горный округ на о-ве Хонсю), Санъёдо (горный юго-западный округ на о-ве Хонсю) и Сайкайдо (западный округ на о-ве Хонсю). Эта система военного контроля была заимствована из Китая.

Хранящая от врагов (ата мамору) (мк) — постоянный эпитет к стране Цукуси, которая в старину служила крепостью, защищающей от нашествия врагов.

Цуцудзи — цветы алого цвета, японская азалия.

Яматадзу — растение, у которого листья расположены друг против друга, как бы тянутся навстречу друг другу, почему оно и служит постоянным сравнением (мк) для людей, стремящихся друг к другу, или образом человека, стремящегося идти навстречу другому.

К песням есть примечание: «Когда проверили документы о назначениях на должности, выяснилось, что 7-го дня 8-го месяца были назначены военные инспекторы дорог в Тосандо, Санъёдо и Сайкайдо».

п. 973—974 Песни обращены к трем вновь назначенным военным инспекторам дорог: Фудзивара Фусасаки (см. п. 971), Тадзихи Махито и Фудзивара Умакай (см. п. 971).

Сходная по ситуации песня помещена в кн. XIX.

«В некоторых книгах говорится, что эти песни были сложены императрицей Гэнсё» (прим. к тексту).

Императрица Гэнсё (715—723) — дочь императрицы Гэммё. Покровительствовала, как и ее мать, литературе и искусству. В период ее правления была составлена историческая хроника «Нихонги» (720 г.). Умерла в 748 г. В М. — восемь ее песен.

п. 976 Камикосо Оюмаро — имел звание имики, больше о нем ничего не известно. В М. — две его песни.

«Следы прилива» — говорится о виде берега с оставшимися после прилива раковинами, водорослями, галькой, которым было принято любоваться.

п. 978 «Вот что говорится об этой песне.

Однажды, когда Яманоз Окура тяжело заболел, Фудзивара Яцука послал к нему гонца Кавабэ Адзумахито. Окура, уже ответив ему, вдруг разрыдался и, горюя о своей болезни и смахивая слезы, произнес эту песню» (прим. к тексту).

п. 979 Род Отомо жил в Сахо, имении деда Якамоти (отца Табито) — Отомо Ясумаро, которого звали «первым советником двора из Сахо» (Сахо-дайнагон). В М. много песен, связывающих семью Отомо с Сахо. Однако, кроме этой основной резиденции, полагают, что Якамоти имел еще имение на запад от Сахо (СН), о котором упоминается в заголовке песни.

- п. 983 «Об этой песне в некоторых книгах говорится, что месяц имеет особое название — сасараэ-отоко („прекрасный юноша“). По этому поводу и была сложена песня» (прим. к тексту).
- п. 984 После заголовка в тексте дано петитом: «Имя девушки — Отаку, фамилия — неизвестна».
- п. 987 Микаса — «прекрасный зонт», «прекрасная шляпа», «корона»; так же назывались в старину ручные балдахины в форме шелковых зонтов с небольшой, натянутой на каркас оборкой; эти зонты несли над важными особами во время торжеств, прогулок, шествий и т. п.
- п. 989 В песне описывается старинный магический обряд, относительно названия которого существует много разных мнений. Он заключается в том, что присутствующие произносили слова заклинания о здоровье, счастье, успехах и, потрясая лезвием меча, якобы рубили вино, изгоняя из него таким образом злых духов (МС). В старину перед началом пира обычно восхваляли вино. Вероятно, поэтому некоторые исследователи считают, что чтение иероглифического обозначения обряда как «сакэ-о уцу» — «избивать вино» ошибочно и его следует читать «сакахогай» — «восхваление вина».
- п. 990 Ки Кахито — отец Ки Осика, жены принца Аки, — имел звание асоми. В М. — три его песни.
- п. 992 Храм Гангодзи — в старой столице Асука, назывался также храм Асука (Асукадэра). При перенесении столицы многие храмы были переведены в Нара, но Гангодзи как самое первое буддийское святилище оставался в Асука. Однако в 718 г. в Нара был основан Новый Гангодзи, который звали также храм Асука.
- п. 993 В песне говорится о древнем народном поверье: если зачесется бровь, значит будет свидание с любимым человеком.
- п. 994 В этой песне в противоположность предыдущей молодой месяц сравнивается с изогнутой бровью, но по сути говорится о сходстве одних и тех же образов. Брови были предметом особого внимания во внешности женщин, их сбивали и тушью накладывался изогнутый рисунок, значительно выше естественного положения бровей, и это было главным критерием в оценке внешности. Характерно поэтому, что в любовной лирике М. воспеваются не глаза любимой, а ее брови, и только в народных песнях изредка встречается «мэгувасико» — «узкоглазое дитя», т. е. «прекрасное дитя».
- п. 996 Аmanoинукай Окамаро — имел звание сукунэ. О нем больше ничего не известно. В М. — одна его песня.
- п. 997 Об этом путешествии императора Сёму есть записи в «Сёку-Нихонги». Песня имеет разночтения. Мы переводим согласно тексту МС.
Сидзими — корбикула японская, съедобный моллюск, створки которого обычно всегда закрыты и открываются с трудом.
- п. 999 Принц Морибэ — сын принца Тонэри. В М. — две его песни. «Песня была сложена по высочайшему повелению принцем Морибэ, когда, совершая прогулку по берегу Суминоэ, возвращались во дворец» (прим. в тексте).
- п. 1001 Песня относится ко времени пребывания Акахито во дворце

Нанива в свите императора Сёму весной 6-го г. Тэмпё (734 г.), в 3-м месяце.

«На охоту светлейшую» — имеется в виду охота, в которой участвует сам император.

Пурпурный — парадный цвет в те времена. В песне дается картина придворных развлечений: рыцари охотятся, дамы совершают прогулку.

п. 1002 Абэ Тоёцугу — имел звание асоми. В М. — одна его песня. «И в красной глине этих берегов окрасим платье и уйдем» — см. п. 932.

п. 1003 Добыча жемчуга была в старину очень распространенным занятием среди рыбацкого населения и, судя по песням М., одним из видов дани императору. Занимались этим и рыбаки, и рыбачки. Жемчугом украшали одежду, его носили в виде браслетов и т. д.

п. 1004 Курацукури Масухито — имел звание сугури; в 734 г. был чиновником управления строительства и ремонта дворцов (ути-но такуми-но цукаса или такумирё), которое было основано в 728 г. Оно занималось постройкой и ремонтом императорских дворцов и ведало подготовкой празднеств.

Лягушек пение доставляло такое же эстетическое удовольствие, как пение соловья.

«Вот что известно об этой песне: чиновник управления строительства и ремонта дворцов Курацукури Масухито в звании сугури, устроил небольшой пир и угощал на нем начальника строительства принца Саи. Солнце еще не склонилось к западу, как принц уже ушел домой. Тогда Масухито, сожалея, что принц покинул пир, не насладившись до конца вечером, сложил эту песню» (прим. в тексте).

Принц Саи — младший брат известного поэта Татибана Мороз.

п. 1005—1006 Эти песни Акахито отмечаются как последние по времени из его датированных песен в М.

п. 1008 Имибэ Куромаро — имел звание обито; в «Сёку-Нихонги» говорится, что в 3-м г., Тэмпё-ходзи (759 г.) был назначен помощником начальника внутренней канцелярии (найзикёку-но дзё). В М. — четыре его песни.

п. 1009 Принц Кацураги — он же Татибана Мороз (см. п. 1025) — имел звание сукунэ, затем асоми, сын принца Мину. В М. — одиннадцать его песен.

Татибана — вечно зеленое померанцевое дерево, символ вечного процветания (подробно см. п. 4111).

«Вот что известно об этой песне: зимой 9-го дня 11-го месяца Кацураги и Саи, отказавшись от званий принцев, просили пожаловать им родовое имя Татибана по материнской линии и уже получили согласие на это. Императрица Комё и экс-императрица Гэнсё находились во дворце. И там по этому поводу был устроен пир и сложена эта песня, восхваляющая род Татибана. Лиц, получивших звание сукунэ, жаловали вином. В некоторых книгах говорится, что эта песня была сложена императрицей Гэнсё. Однако говорят еще, что и император [Сёму], и императрица [Комё], каждый в отдельности, тоже сложили песни, но эти песни не сохранились, и до сих пор их не могут найти. Когда же теперь обратились к документам, то выяснилось, что в 8-м г. [Тэмпё— 736 г.], в 11-м месяце, 9-го дня принц Кацураги подал прошение о пожа-

ловании ему родового имени Татибана и 17-го дня ему было пожаловано имя Татибана и звание сукунэ» (прим. к тексту).

- п. 1010 Татибана Нарамаро — имел звание сукунэ, первый сын Татибана Мороз. В М.— три его песни.

- п. 1011 Песне предпослано предисловие:

«В последнее время процветают старинные танцы. Старый год уже подходит к концу. И, как полагается, всем вместе нужно исполнять старинные песни, чтобы выразить всю нашу любовь к старине. Поэтому, подражая этим вкусам, преподносим две песни на старинный лад. Если здесь среди собравшихся есть рыцари с тонкой изысканной душой, то пусть ответят нам и в состязании в форме старинной песни выразят свои мысли и чувства».

«...ведавшими песнями и плясками» — т. е. служившими в Утамандокоро — Управлении песнями и плясками.

«Ведь это значило бы передать: „Приди“» — обычно, когда расцветала слива, друзей и возлюбленных приглашали прийти любовать искусственные горы, водопады, ручьи (см. п. 178).

- п. 1012 Сад игрушечный (сима) — в саду у дома принято было устраивать искусственные горы, водопады, ручьи (см. п. 178).

- п. 1013 Татибана Саи — брат Татибана Мороз, имел звание сукунэ, встречается в М. под именем принца Саи. В М.— одна его песня.

По-видимому, это вариант популярного в те времена мотива, встречающегося и в записях народных песен, и в придворной поэзии.

- п. 1014 Татибана Аянари — сын принца Саи (Татибана Саи), имел звание сукунэ. В М. помещена одна его песня.

Предыдущая песня была, как видно, обращена к его отцу — Татибана Саи, и Аянари ответил этой песней якобы от имени отца, что было в обычаях того времени.

- п. 1015 Принц Энои — сын принца Сики. В М.— одна его песня, ответ на п. 1013, сложенную впоследствии якобы от лица Татибана Саи.

- п. 1016 Косэ Сукунамаро — младший секретарь левой канцелярии государственного совета.

После песни следует примечание: «Говорят, эта песня была написана на белой бумаге и прикреплена к стене Дома, в ее заголовке было сказано: „Венок, сплетенный феей с горы Хораи, предназначается рыцарям доблестным и изысканным. Простые смертные не могут и мечтать о нем“».

К. полагает, что песню написала и прикрепила к стене жена хозяина, назвавшись феей с горы Хораи. Другие комментаторы (МС) считают, что песню написал кто-либо из присутствующих от лица женщины. В образе феи с волшебной горы Хораи (кит. Пэнлай) — горы бессмертных — отразились представления о святых духах и феях, характерные для придворной среды того времени, получавшей китайское образование и увлекавшейся всем китайским.

- п. 1017 Храм Камо — в г. Киото, где различают два храма Камо. О них имеется упоминание в своде церемоний годов Энги («Энгисики»); один из храмов был посвящен культу предков; туда и совершала паломничество Отомо Саканозэ.

- п. 1018 Храм Гангодзи — см. п. 992.

Монах из храма Гангодзи — о нем ничего не известно, под этой подписью в М. одна песня.

Сиратама — белый жемчуг, белая яшма — символ красоты и добродетели, встречается в песнях М. как пояснительный эпитет, олицетворяя собой прекрасное, чистое, и как метафора красавицы, возлюбленной.

После песни следует примечание: «Вот что известно об этой песне: в некоторых книгах сказано, что монах из храма Гангодзи сам достиг знаний и был преисполнен мудрости. Однако никто об этом не слышал и не знал, и люди относились к нему с пренебрежением. Оттого монах и сложил эту песню, сожалея о своих [непризнанных] талантах».

- п. 1019—1023 Песни посвящены придворному чиновнику Исоноками Отомаро или Исоноками Фуру (второе его имя связано с названием местности Фуру, где жил его род).

- п. 1019 В песне отражена печальная история Отомаро. За связь с женой Фудзивара Умакая (Кумэ-Вакамэ) он был сослан в провинцию Тоса, а его возлюбленная — в Симодзукэ. Но на следующий год она была помилована и возвращена в столицу. Он же был прощен позже и вернулся в столицу только через год.

По поводу авторства песни есть разные мнения: одни считают, что она сочинена женой Отомаро, другие — что она сложена одним из его друзей, сочувствовавших ему в его несчастье; СН полагает, что песня сложена кем-то из народа, сочувствовавшим Отомаро.

«Оттого привязан ты, как веревкой бедный конь, как олень или дикий вепрь, стрелами ты окружен» — здесь говорится о том, что он был отправлен связанным и под конвоем. Однако некоторые комментаторы сомневаются в первом и приписывают это шуму, который был поднят по поводу инцидента, отчего народная песня и получила такую широкую популярность в то время (СН).

«Платье постирав свое, колотушкою побив» — по-видимому, иносказательно говорится об отбывании наказания, после чего можно будет вернуться домой.

- п. 1020 Песня написана от лица женщины.

В старину очень чтились боги в Суминоэ, которые якобы охраняли морские пути и, приняв человеческий облик, помогали иногда путешественникам в их трудном пути.

- п. 1022 Считается, что песни 1022 и 1023 сочинены Исоноками Отомаро (см. п. 1019), но есть мнение, что они сочинены кем-то от его имени.

«Дары богам несут» — по старинному обычаю в опасных местах приносили различные дары богам дороги, охранявшим путь, моля о благополучном путешествии и возвращении (см. п. 34).

- п. 1023 Берега богов — по древним представлениям японцев, никто не мог проехать мимо берегов, где обитают боги или которые они охраняют, и только автор, едуший в ссылку, принужден проехать, не полюбовавшись ими, — таков скрытый смысл песни.

- п. 1024 Кособэ Цусима — имел звание асоми, служил чиновником по судебному надзору, с 738 г. был губернатором провинции Нагато. В М. — две его песни.

Типичная застольная песня-приветствие с пожеланиями долгой жизни.

- п. 1026 В песне выражено сожаление о том, что из-за занятости друзья, наверное, не придут на пир.

После песни следует примечание: «Говорят, эта песня покойной унэмэ Тэсима была передана гостям правым министром».

Об унэмэ из Тэсима ничего не известно. В М.— две ее песни.

- п. 1027 После песни следует примечание: «Говорят что эта песня покойной унэмэ из Тэсима была передана первым секретарем министерства Такахаси Ясумаро. А в одной книге говорится, что песня была сложена Миката Сами и обращена с любовью к своей жене. А может быть, унэмэ только распевала в тех местах эту песню».

- п. 1028 Песне предпослано предисловие: «В 11-м г. Тэмпё [739], когда император [Сёму] забавлялся охотой в полях Такамато, зверек мусасаби забежал в селение, и рыцари поймали его. Зверька поднесли императору вместе с этой песней».

Мусасаби — см. п. 267.

После песни следует примечание: «Вот что известно об этой песне: ее сложила Отомо Саканоз. Зверек же погиб, его не успели поднести императору, поэтому и песня не была поднесена».

- п. 1029 «О руках любимой я грущу» — см. п. 508.

Предполагают, что речь идет о его жене — старшей дочери Отомо Саканоз (СН).

- п. 1030 Вариант п. 3890. После песни следует примечание: «Когда теперь рассмотрели эту песню, оказалось, что Аганоманубара находится в уезде Миэ, далеко от временного дворца в Коти. Верно, песня была сложена, когда временный дворец был в Асакэ; тот, кто передавал о ней, возможно, ошибся».

- п. 1031 Тадзихи Иэнуси (Януси) — имел звание махито. Из «Сёку-Нихонги» известно, что в 746 г. он был губернатором провинции Бидзэн, в 749 г. стал начальником личной охраны императора. В М.— две его песни.

После песни следует примечание: «Когда рассмотрели эту песню, появилось сомнение, была ли она сочинена во время этого путешествия [в Исэ], оттого что [Тадзихи Иэнуси] было приказано возвращаться из дворца в Коти в столицу и он не должен был сопровождать императора. Почему же он воспекает мыс Сидэносаки?»

- п. 1032 Временный дворец — см. п. 928.

Якамоти сложил эту песню в тоске по молодой жене, оставшейся дома.

- п. 1033 Рыбаки Сима — приносили дань морскими продуктами для стола государя (см. п. 934). В «Энгисики» установлены сроки подношений.

Ладьи, корабли из Куману — местности, славившейся кораблестроением.

- п. 1034 Отомо Адзумабито — жил во второй половине VIII в., имел звание сукуна. В М.— одна его песня.

В «Сёку-Нихонги» говорится о том, как в 1-й г. Ёро был отправлен придворный чиновник Тадзихи Махито в страну Мино строить дворец императрице Гэнсё. Когда императрица путешествовала по этой стране, она встретила источник в горах Тадо, где протекала река Тадо; люди, омывшиеся в этой воде, будто бы исцелялись от болезней, седые волосы становились черными, слепые прозревали. Этот источник называли водопад Ёро, о нем, по-видимому, и говорится в песне.

Временный дворец — см. п. 928.

Дивная вода — «живая вода» (отимидзу).

п. 1035 Речь идет о том же водопаде, что в п. 1034.

п. 1038 Такаока Коти — имел звание мурадзи, был придворным чиновником; в 18-м г. Тэмпё (746 г.) — губернатор провинции Хооки. В М. — две его песни.

«Ведь родина моя совсем недалеко», — имеется в виду старая столица Нара.

п. 1040 Шуточная песня, обращенная к хозяину, как будто к любимой (СН).

п. 1041 Песня целиком построена на игре слов и считается очень искусной.

п. 1042 «Звон слышится» — среди старых сосен особенно ясно слышен шум ветра, потому что старая сосна сильнее сопротивляется ветру.

п. 1043 «И узел мной завязанных ветвей» — см. п. 141.

п. 1045 В песне отмечается влияние буддийских учений о непрочности всего земного (СН).

п. 1046 Автор печалится о том, что не доживет до той поры, когда снова будет процветать столица Нара.

п. 1047 Танабэ Сакимаро — имел звание фухито. В М. вошли песни из его сборника. По-видимому, там были и его собственные и записи чужих песен.

Птицы каодори — поют обычно особенно хорошо весной.

«Неся за спиной своей колчан» — см. п. 955.

п. 1050 «Где бамбуком на земле место обозначил он» — когда строили храм или дворец, то в землю с четырех сторон втыкали бамбук и протягивали веревку из священной рисовой соломы (симэнава), что означало знак запрета — табу. Поэтому сасутаке «воткнутый бамбук» стал впоследствии мк для храма и для дворца (ТЯ).

п. 1059 В комментариях указывается, что перенос столицы в Нанива не всеми приветствовался.

п. 1062 В «Сёку-Нихонги» есть запись о том, что в 16-м г. Тэмпё (744 г.) 2 февраля столица была перенесена в Нанива. Песня принадлежит к циклу песен, восхваляющих столицу.

п. 1067 После песни следует примечание: «Двадцать одна песня, приведенная выше, взята из сборника песен Танабэ Сакимаро».

КНИГА СЕДЬМАЯ

- п. 1068 Песня считается одной из самых искусных песен Какиномото Хитомаро.

Трехдневную луну обычно сравнивают с ладьей. Этот образ встречается и в анонимных песнях М., и в «Кайфусо» — в песне императора Момму.

Эта и последующие циклы песен на определенную тему, возможно, частично были сочинены на поэтических турнирах, частично взяты из народных песен.

- п. 1073 Вариант песни 980.

- п. 1076 Эту песню сочинил один из придворных вельмож во время цукими — любования луной (СН, МС и др.), что, как и ханами — любованием цветами, было распространенным обычаем в те времена и в известной мере сохранилось до настоящего времени. Возможно, весь цикл песен о луне был сложен во время цукими на поэтическом турнире придворных.

- п. 1083 Имеется в виду плывущий ночью туман, который подымается перед тем, как должен выпасть иней (МС).

- п. 1084 Отмечается как песня, имеющая подтекст, где луна выступает метафорой возлюбленной, как это часто бывает в песнях М. Некоторые комментаторы считают, что песня представляет собой соединение двух других сходных песен (1071 и 1008 — СН). То, что мотив этот представлен в разных вариантах, позволяет думать, что он взят из народных песен.

- п. 1085 Махать рукавом — см. п. 965.

- п. 1086 Род Отомо славился военными подвигами. К этому роду принадлежал и составитель Якамоти и его отец — поэт Табито. Лук и стрелы в те времена были главным оружием и постоянным атрибутом военачальников.

«Их страна» — говорится о владениях рода Отомо — местности Отомо в провинции Сэтцу, хотя существуют мнения, толкующие в данном случае страну как Ямато, т. е. Японию (МС). Предполагают, что песня была сложена на пиру в доме Отомо (МС, СН). По-видимому, она была прочтена гостем, восхвалявшим хозяина.

- п. 1089 Эта песня была сложена кем-то из свиты во время путешествия императора в Исэ (прим. в тексте). Но кто и когда сложил ее, о каком императоре идет речь, неизвестно.

- п. 1091 Песня юноши, расставшегося с милой, сложенная им в пути, когда шел дождь (МС). В старину, судя по песням М., был обычай дарить возлюбленному платье или обмениваться с ним платьями (см. п. 514, 636 и др.).

- п. 1092 Рощи почитались как места, куда с небес спускались боги (МС). Хиноки — см. п. 913.

- п. 1093 «За цепью гор святых» — в данном случае горы Мива.

«Где спят в объятьях девы молодой» (Кора-га тэ-о макимуку) — мк, постоянное определение для гор Макимуку, связанное, по-видимому, с брачными играми, которые там устраивались в старину.

Считается, что это песня Хитомаро.

- п. 1094* В старину листьями клена не окрашивали ткани, но зато для крашения широко использовали различные другие растения, откуда и происхождение этого образа в песне (СН).
- п. 1095* Рощи солнечных деревьев, как и горы Мива, почитались как святые места, куда с небес спускаются боги.
- п. 1096* «Преданий древних я не знаю» — о горе Кагуяма известны разные легенды. В «Иё куни-фудоки» приводится легенда, по которой эта гора спустилась с небес на землю (см. п. 257). Известна также легенда о любовном споре между тремя горами, одной из которых является гора Кагуяма (см. п. 13, 14).
- п. 1097* Одна из песен М., отражающая древнее народное поверье — котодама-синко, т. е. «веру в душу слов», или в магию слов.
Первые две строки — заговор.
Гора Косэ — гора Приди (вежл.).
- п. 1098* «На дороге дальней» — речь идет о дороге в провинцию Кии из Ямато.
Гора Футагами — гора Двух вершин, олицетворявших два божества — мужское и женское (мужа и жену).
«Ларчик с гребнем крышкою накрыт» — окаменевший местный зачин.
- п. 1099* Песня сложена в аллегорическом плане: юноша спрашивает свою любимую, может ли он рассчитывать на ее любовь, если он сделает ей предложение.
- п. 1106* Речной олень — обозначение для лягушки в М. (см. п. 913).
- п. 1107* В песне говорится о священных белых цветах, которые приносят на алтарь богов; их делают обычно из ослепительно белой ткани из волокон бумажного дерева кодзо.
- п. 1109* Некоторые комментаторы считают, что это песня юноши (СН). Однако боязнь людской молвы чаще встречается в женских песнях М.
- п. 1110* Речь идет о земледельческом обряде, когда гаданием определяли место для посева освященных в храме зерен риса, с тем чтобы получить рассаду, которая должна принести хороший урожай.
Некоторые комментаторы считают, что песня аллегорическая и поле — метафора женщины (СН). Однако нам представляется, что здесь отражена существовавшая обрядность, тем более что песня помещена среди других песен, выражающих непосредственное впечатление от окружающей действительности, без подтекста.
Завязки — речь идет о завязках, которыми подвязывают шаровары хакама у колен (СН).
- п. 1112* Ханэкадзура — венок, который надевали девушкам с наступлением совершеннолетия. Точного описания его не сохранилось, одни считают, что его плели из листьев и корней ириса, другие — что это был головной убор из перьев; известно лишь, что в каждой деревне существовал свой способ плетения (см. п. 705). Обряд надевания венка происходил 5-го дня 5-го месяца (НКБТ).
В песне игра слов: Идза — название реки и в то же время обращение к кому-либо, означающее приглашение идти вместе.

- п. 1113 В песне отражено древнее поверье: слова жалобы богам вызывают туман.
- п. 1114 «Шнур был завязан рукою любимой». — В песне говорится о древнем обычае, когда жена и муж или возлюбленные, расставаясь, завязывали друг другу шнур одежды, и это являлось обетом верности. Дать развязать шнур до встречи с любимым (любимой) — нарушить обет.
- п. 1115 Комментаторы отмечают, что с этой рекой связана какая-то легенда. Но вероятней, что здесь, как и в предыдущей песне, говорится о старинных обрядах, связанных с данной местностью, рекой, потому что слог «ю» в названии реки значит «завязывать», и мк для этой реки является «шнур любимой». По-видимому, река была местом встреч возлюбленных, где, расставаясь, давались обеты верности и происходил обряд завязывания шнура.
- п. 1117 Цветок — метафора девушки, возлюбленной; ветер, волны — символ преград, препятствий.
- п. 1118 «В рощах священных» — т. е. в рощах хиноки — «солнечных деревьев» (см. п. 928). Перевод сделан исходя из реального содержания словосочетания мива-но хибара, так как горы Мива, сами по себе, считались священными, а храм, находившийся там, упоминается часто в песнях, в которых неоднократно рассказывается о приношении на алтарь вина, отчего «сладкое вино святое» стало мк к «Мива».
- «Венками себя украшали из листьев» — судя по другим песням М., это было связано с определенными обрядами или празднествами.
- п. 1119 См. прим. к п. 118.
- п. 1121 По структуре и общему характеру эту песню можно отнести к песням-заговорам.
- п. 1122 Утки акиса (совр. аиса) — перелетные дикие утки; различаются: кава-аиса — речные, уми-аиса — морские и мико-аиса — возможно, так обозначались утки, жившие в горах, где обычно расположены храмы, или это были особые священные утки (мико — шаманка, жрица синтоистского храма).
- Возможно, что это песня-заговор. Здесь характерно наличие в тексте «юмэ» — повелительной формы от глагола «иму» (табу), означающего запрещать производить действия, вызывающие несчастье, т. е. нарушать табу.
- п. 1123 Речные олени — см. п. 913.
- Тидори — японские кулики.
- п. 1125 Камунаби — в старину означало «священные рощи», и местности с таким названием имелись повсюду. Здесь — название села в уезде Такэти провинции Ямато.
- п. 1128 В старину в связи с тем, что орошение рисовых полей требовало много влаги, вода очень чтилась. Священным колодцам в песнях М. уделено много внимания, причем под колодцами подразумевалось всякое вместилище воды: и озера, и реки и т. п. (см. п. 52—53).

- п. 1129 Яматогото — одна из разновидностей национального японского щипкового инструмента кото (цитры). В старину это был шести-струнный инструмент, на котором играли при помощи костяных ноготков, надеваемых на пальцы; употреблялся он обычно во время представлений древних японских мистерий кагура и музыкально-танцевальных представлений гагаку (СНмд). С яматогото у автора связано воспоминание об умершей жене.
- п. 1130 Песня сложена, по-видимому, паломником, пришедшим на поклонение (СН).
 Микумари — гора в Ёсину, где с древних времен почитают божество Микумари, покровительствующее земледелию, но в средневековье его стали называть Микомори и почитать как божество, покровительствующее деторождению и охраняющее детей (СН) (ми — префикс, ко — «ребенок», мори от мору — «охранять»).
- п. 1133 «Я слуга из свиты божества» — т. е. из свиты императора. Японским императорам приписывалось божественное происхождение (см. п. 1).
 Токородзура (совр. тогоро, *Dioscorea tokoro*) — трава долголетия, обладающая силой вечной жизни, по поверью, возвращала жизнь.
 В песне речь идет о любовании Ёсину, красивейшей местностью провинции Ямато.
- п. 1134 Песня отмечается как трудная для толкования; перевод условный.
- п. 1135 Ямасиро — сокр. от Ямаусиро «за горами» (по отношению к столице).
 Адзиро (амисиро) — плетеный бамбуковый забор, употребляемый вместо сети для ловли рыб хю (род форелей); забор устанавливали на дне реки в виде лабиринта, и рыба, попав туда, не могла выплыть обратно. Это прославленный старинный способ ловли рыбы на р. Удзигава, им занимались в конце осени и всю зиму; ловили рыбу ночами, для привлечения ее разжигали костры.
- п. 1136 Сугамо (*Potamogeton polygonifolius*) — речные водоросли, похожие на камыш, употреблялись в пищу, а также для плетения циновок (мусиро) и для изготовления плащей (мино).
- п. 1137 Песня отмечается комментаторами как трудная для толкования. Считается народной песней, связанной с местной легендой. Красавица, к которой сватался рыбак, стороживший адзиро (см. п. 1135), отказала ему, так как к адзиро может прибиться волной только щепка от строительного леса, что сплавляют по этой реке.
- п. 1139 «Люди в тихая» (тихая бито) — мк к слову удзи — род. Обращение к древним мистериям кагура позволяет толковать это следующим образом: тихая — вид накидки, надевавшейся синтоистскими жрецами при исполнении кагура, когда они изображали богов. По-видимому, здесь речь идет о роде, представители которого выполняли жреческие функции и исполняли священные танцы в тихая. Так как в названии рода обычно указывалось его занятие (юмидзукури-удзи — род, изготавливавший луки, и т. д.), то и здесь тихая бито, естественно, стало постоянным определением к удзи, что означало род, представители которого исполняли танцы в тихая.

- п. 1140* Птицы синагатори — то же, что ниодори — водяные птицы, которые могут подолгу находиться под водой (си — совр. ики «дыхание», си-нага-тори «птица с долгим дыханием»), имеют обыкновенные сидеть рядами.
- п. 1142* «Чтоб жизнь моя счастливою была» — в местности Таруми вода славилась тем, что якобы приносила долголетие и счастье тому, кто ее пил.
- п. 1143* Ладьи из Мацура (мацурабунэ) — ладьи особой конструкции, позднее так стали называться ладьи вообще, изготовленные и в других местах.
- п. 1144* Суминоэ — одна из красивейших местностей, с которой связаны легенды, находится в провинции Танго. Однако здесь, по-видимому, говорится о другой красивой местности Суминоэ в провинции Сэтцу, так как предыдущие и последующие песни связаны с этой провинцией.
- п. 1147* В песне отражено древнее поверье котодама — вера в то, что слова обладают действенной силой. Отсюда вера в то, что если раковины «забудь-любовь» взять с собой, то непременно забудешь любовь (см. также о раковинах васурэгай «раковинах забвения» п. 1149). К. считает, что здесь речь идет об очень красивых раковинах, красота которых заставляет забыть горе, любовь и др.
- п. 1149* См. прим. к п. 1147.
- п. 1153* Собираение жемчуга, вернее раковин-жемчужин, выброшенных волной на берег, одно из любимых развлечений в те времена. Жемчуг везли в дар императору, его собирали, чтобы привезти в подарок возлюбленной или жене.
- п. 1154* «И будем собирать мы жемчуг дорогой» — см. п. 1153.
- п. 1155* «Остатки разные, прибитые волной» — имеются в виду водоросли, раковины и т. п., остававшиеся на берегу во время отлива.
- п. 1156* В память о замечательных местах обычно окрашивали платье глиной тех берегов или цветами и травами лугов и долин.
Тоодзатоону — место, которое, судя по песням М., славилось окраской тканей. Об окраске одежды цветами хаги см. выше п. 20.
- п. 1157* Срезание водорослей в часы отлива было не только занятием рыбаков, но и служило развлечением для путешественников.
- п. 1161* Гуси считаются вестниками из дома и домой, посланцами от возлюбленной и т. п. (СН) (см. п. 1614).
- п. 1162* В песне отражена обычная картина перед началом бури или непогоды.
- п. 1164* «И, верно, кружат возле берегов» — во время отлива журавли обычно кружат над берегом в поисках пищи.
- п. 1166* См. п. 1156.
- п. 1167* Песня сложена в аллегорическом плане: трава «имя-назови» — метафора девушки; с какого острова рыбак ее срежет — т. е. кто сделает ее своей женой.
- п. 1169* В песне упоминается древний обычай связывать травы (куса-

мусуби) с мольбой о благополучном путешествии, о долголети, о счастье и т. п. (см. п. 10).

п. 1171 Песня человека, оставшегося в столице и полном дум об императорском корабле, отправившемся в плавание, на котором, по-видимому, находился кто-то из близких.

п. 1173 Люди из Хида — славились как лесорубы, плотники, сплавщики леса. Поэтому выражение «люди из Хида» стало нарицательным. Священный лес (маки) — под этим названием в песнях М. воспеваются деревья хиноки, суги, а также сосны.

п. 1175 Песня человека, направляющегося из Ямато в восточные провинции.

п. 1176 Песня жены рыбака, ожидающей мужа.

п. 1177 Озеро Миката — Миката-уми. — Уми в старину означало не только «море», но и «озеро», «пруд» и т. п.

п. 1181 Песня человека из Ямато, любовавшегося горой Тацута, славящейся красотой алых кленов.

п. 1183 Томо — «щит» — перевод условный, так как это по сути кожаная повязка, которая надевается на левую руку во время стрельбы из лука, чтобы защитить ее от удара тетивой.

п. 1187 Песня странника.

п. 1188 Азалия (*Rhododendron indicum*) — цуцудзи, горная азалия — иваццудзи.

п. 1189 Возможно, песня-заговор. Об авторе песен 1189—1195 см. п. 1195. Птицы синаготори — см. п. 1140.

п. 1190 «Проплыть бывает трудно мимо» — имеется в виду необыкновенная красота берегов.

п. 1191 В песне отражено народное поверье: если конь споткнется, значит дома по тебе тоскуют (норума-но цумадзуку-но ва ути-но моно-га котира-о омоу тамэ да — поговорка).

п. 1194 Песня путешественника из провинции Ямато (МС).

п. 1195 После песни следует примечание: «Семь вышеприведенных песен [1189—1195] были сложены царедворцем Фудзивара. Год и месяц неизвестны».

В то время были известны два царедворца Фудзивара: Южный и Северный. Южный, говорят, не слагал песен, поэтому считают, что это песни Северного князя — любителя литературы — Фудзивара Фусасаки. К. утверждает, что это его песни и что иероглиф «северный» просто пропущен в тексте.

п. 1197 См. п. 1147.

п. 1199 «Собирающие водоросли в море» — см. п. 917.

п. 1204 По-видимому, это вариант народной песни; сходные песни встречались выше (252 и др.).

п. 1205 Вторая строка переведена согласно редакции ИЦ.

п. 1208—1210 Гора Сэ [нояма] — «Любимый» находится около горы Имо [нояма] — «Любимая» в провинции Кии.

- п. 1213* В песне отражена древняя вера в магию слов (см. п. 1097, п. 1147).
- п. 1215* Яшмовый остров — см. Тамацусима; славился необыкновенной красотой.
- п. 1216* Песня странника из Ямато.
- п. 1218* «Алым цветом все сверкает» — имеется в виду красный цвет женской одежды, отражающийся в воде. В старину красный (алый) цвет был одним из праздничных цветов.
- п. 1219* Песня странника из провинции Ямато.
- п. 1222* Яшмовый остров — см. п. 1215.
- п. 1223—1224* Песни странника.
- п. 1227* «Морскую собирать траву» — см. п. 917.
- п. 1230* «О боге грозном острова Сика» — один из местных богов, повелевавший морем, к которому обращались во время путешествий, моля о защите. Возможно, что это не только божество моря, но и божество, охраняющее родные места (МС).
- п. 1236* В песне отражено древнее поверье: человек, которого видишь во сне, думает о тебе.
- п. 1240* По горам священным (Миморо но яма) — чаще всего в М. — это горы Мива (см. п. 1118). Там обитал бог Ямато-но кунидاما и др., которых чтили как богов — предков племени идазumo, одного из основных племен, населявших древнюю Японию. С этими горами связано много старинных легенд.
- п. 1241* «Черные волосы» (Куроками) — гора на север от столицы Нара.
- п. 1242* Песня, сложенная странником. Некоторые комментаторы считают, что речь идет о веселой женщине, ожидающей гостя (ТТ), другие — о девушке, стоящей у ворот и ожидающей возлюбленного (К). Второе вернее, так как последний образ характерен для многих песен М.
- п. 1244* Текст песни не совсем ясен. По старинному обычаю девушки до 15—16 лет носили распущенные волосы, а в 15—16 лет начинали делать прическу. Возможно, автор, глядя на гору Юу, вспоминает о юной возлюбленной, оставленной дома, так как юу значит «делать прическу». В старину это могло носить характер определенного обряда, который, возможно, совершали у этой горы, почему она так и названа. В этом убеждают названия других гор, рек, местностей, которые хранят память об обычаях или событиях, связанных с ними. Горы в древности часто служили местом совершения различных обрядов.
- п. 1245* Песня напоминает песни сакимори — песни пограничных стражей, т. е. песни крестьян, уходивших, согласно существовавшей в те времена государственной повинности, в пограничные стражи, однако никаких примечаний по этому поводу нет.
- п. 1247* Боги Онамут и Сукунамиками, согласно мифам, записанным в «Идзumo-фудоки», создали Поднебесную. Онамут — одно из имен Окуинуси-но kami, сына Сусаноо — брата богини солнца Аматэрасу. Сукунамиками — одно из имен Сукунахикона-но kami,

сына Камимусуби-но ками, одного из творцов вселенной (см. п. 355, 963).

О горах «Любимый» и «Любимая» см. п. 1208.

п. 1248 Песня странника, тоскующего в пути о любимой, обращена к рыбакам.

п. 1249—1250 Возможно, это парные песни, песни-переключки.

п. 1252 Знак запрета — священная рисовая веревка, которой огораживали поле в знак запрета вступать на него посторонним (подробнее см. п. 70, 151). Есть предположение, что здесь иносказательно говорится о том, чтобы не стесняли свободу действий, поступков другого человека (СН). Однако отмечается, что диалог между человеком и птицами характерен для детских песен (см. п. 1251).

В примечании к тексту сказано, что в двух приведенных выше песнях поется о птицах.

п. 1253 Песня человека высокого социального положения, возможно, столичного жителя (СН), который хочет посмотреть, как рыбаки ныряют в море.

п. 1254 Ответная песня рыбаков. Предполагают, что обе песни сочинены одним лицом (СН). Однако возможно, что это народные песни-переключки двух хоров. Любопытно, что две первые строки звучат народной поговоркой. В тексте примечание: «В приведенных выше двух песнях поют о рыбаках».

п. 1259 Цветы унохана (*Dentzia crenata*) — летние цветы белого цвета, обычно воспеваются в народных песнях об урожае. Раннее осыпание цветов было плохой приметой для урожая. Возможно, песня исполнялась в мае, когда обычно происходит посадка риса и устраиваются обрядовые хороводы, танцы и т. п.

п. 1260 Пестрые яркие платья окрашиваются обычно растениями хаги (см. п. 20).

Песня звучит аллегорически, и существует предположение, что в ней говорится о любви к очень юной девушке (СН).

п. 1261 Некоторые комментаторы считают, что эта песня сложена брошенной возлюбленной, но убедительнее толкование, что она сочинена третьим лицом, наблюдавшим, как страж ходил к возлюбленной в село (МС).

п. 1262 Песня сложена крестьянкой при виде охотника, чья жизнь ощущается ею отличной от ее жизни, как и жизнь его жены (К. Маб., МС).

п. 1264 «Я на западный базар в столице» — в Нара в те времена было два базара: восточный и западный. Некоторые комментаторы считают, что песня сложена в аллегорическом плане.

«Не осмотревшись, шелк купил» — т. е. женился поспешно и неудачно (СН).

п. 1265 Говорится о крестьянах, которых в порядке государственной повинности мобилизовали в пограничные стражи на три года. В стражи брали обычно из северо-восточных провинций и отсылали в гарнизоны на северный берег острова Кюсю (МС).

п. 1267 Речь идет о развалинах столицы Оцу в провинции Оми, где был императорский дворец (Оцу-но мия).

- п. 1268 «Руки дев любимых служат изголовьем на горе Макимукуяма». По-видимому, Макимукуяма — одна из гор, где происходили обрядовые хороводы, заканчивавшиеся брачными играми.
- п. 1269 Песня проникнута буддийскими настроениями о бренности человеческого существования. Сравнение человеческой жизни с пеной на воде встречается и в других песнях М.
- п. 1270 Песня о бренности земного существования, навеянная буддийскими учениями, сходна с п. 442.
- п. 1272 Волокна стеблей травы кудзу (*Pueraria Thunbergiana*) шли на пряжу, а корни употреблялись в пищу. В древней Японии одежду обычно ткали из волокон летних трав.
Возможно, что эту песню распевала во время сбора травы мужская часть хора.
- п. 1273 В комментариях высказывается предположение (МС), что песня исполнялась при поднесении подарка. Обычай обмениваться одеждой носил как бы характер взаимной клятвы верности и любви, так как считалось, что в одежде остается часть души дарящего (см. п. 514, 636).
«Пригласив китайских швей» — китайки считались наиболее искусными швеями.
- п. 1274 Сложена юношей, который, спрятавшись в траве, наблюдал за деревенскими красавицами (СН). Интересно отметить, что женская одежда красного цвета встречается обычно в обрядовых и земледельческих представлениях в Японии. Девушки (саотомэ), одетые в белые и красные цвета (верхняя часть одежды — белая, юбка — красная), сажали на залитых водой полях рис. Возможно, в этой песне речь идет как раз об этих девушках. Представления часто принимали форму торжественных процессий, на которые приходили любоваться.
- п. 1275 По-видимому, это цикл народных песен, записанный Хитомаро. Песня, состоящая из вопроса и ответа, вероятно, распевалась двумя половинами хора.
«...нету у тебя раба?» — в те времена рабов (яцуко) продавали и покупали за снопы риса (СН) и использовали для разных работ, в частности для обработки полей.
«Поле собственное я для милой жну» — «поле собственное» или точнее «частное поле» (ватакусидо) в отличие от полей, которыми официально наделяли правительственные власти либо покупалось, либо это была пустошь или целина, которая становилась собственностью обработавшего ее (ТЮ).
- п. 1277 Песня, по-видимому, связана с определенными хозяйственными запретами. Сопоставление этой песни с обрядовыми песнями кагура позволяет нам комментировать ее иначе, чем японские исследователи, и внести некоторые поправки в чтение текста. Первая строка «амэнару» (МС, СН) прочтена неверно, в обычном зачине для первой строки должно быть пять слогов. Такой зачин в песнях кагура читается амэ-ни масу, что значит «быть, пребывать на небесах»; чтение, предложенное НКБТ (изд. 1959 г.) — амэ-ни ару, стилистически неточно, так как, говоря о богах, принято употреблять глагол масу в значении ару. Далее следует слово химэ «принцесса», которое японские комментаторы присоединяют к последующему слову сугавара «поле, покрытое травами суга», и все это

рассматривают как географическое название, местонахождение которого точно неизвестно. Между тем как в обрядовых песнях кагура зачин амэ-ни масу служит определением к принцессе Тоёока (Тоёока-хима), божеству, распоряжающемуся съестными припасами, хлебами и т. п. По-видимому, и здесь привычный зачин амэни масу (состоящий как раз из пяти слогов), присоединяющийся к слову хима, как и в песнях кагура, имеет в виду принцессу Тоёока — хранительницу хлебных запасов и всякой пищи, т. е. трав и пр.

Сугавара — «поля, покрытые суга», мы переводим, как «святые поля», так как растение суга играет определенную роль в обрядах гадания, в частности и об урожае. Мы рассматриваем песню в плане определенного хозяйственного запрета. Речь идет, по-видимому, о святых полях, находившихся якобы под покровительством принцессы Тоёока, и каждый, кто осмеливался нарушить запрет и косить там травы, навлекал на себя небесную кару. При возделывании риса на особых священных или божественных полях (мита) происходили обряды посадки риса, и эти поля огораживались священной рисовой веревкой в знак запрета входить на них посторонним. Такие поля до сих пор сохранились в некоторых деревнях и фигурируют при исполнении старинных земледельческих обрядов. Возможно, и здесь речь идет о полях, подлежащих запрету.

«Черных раковин черней» — имеются в виду раковины, внутренняя поверхность которых абсолютно черная.

Скверна — в тексте акута — «грязь», «сор», «мусор», но в данном тексте мы считаем возможным перевести его словом «скверна», тем более что в состав слова входит аку «дурной», «скверный».

- п. 1278 Песня рассматривается как обращение молодого мужа к своей жене (браки в старину были очень ранние).

- п. 1279 Вариант п. 1930, сложенной в форме танка (СН, МС).

«Не говори-трава» (нанорисо) — один из видов морских водорослей, растущих глубоко на дне моря. Песня похожа на заговор. Травы с подобными названиями («имя-назови», «позабудь-трава» и т. п.) отражают древние японские народные поверья, веру в магию слов.

- п. 1280 Песня девушки, не встретившей возлюбленного среди толпы, идущей в храм.

- п. 1282 Обычное толкование этой песни дается в плане эстетическом, автор якобы сожалеет, что встают белые облака в то время, когда он хочет любоваться горой Курахасияма. Однако это скорее песня-заговор из цикла песен вызывания дождя. Кумо — не только облако, но и тучи, а выражение мимаку хори «хочу видеть», «хочу любоваться» не соотносится с горой Курахасияма; комментаторы подставляют этот образ в переводе, считая его подразумеваемым. Между тем речь идет не о горе, а об облаках, вернее о тучах, предвестниках дождя. Кроме того, окаменевший зачин, говорящий об амбаре для риса, позволяет думать, что весь круг последующих образов связан с бытом земледельца, и подкрепляет наше толкование.

«Лестница ведет в амбар» — мк. В старину в Японии амбары были высокие и, чтобы войти в них, подставляли лестницу.

- п. 1283* Возможно, что и эта песня связана со старинными земледельческими обрядами (здесь тот же зачин, что и в предыдущей песне).
- п. 1284* Речной камыш — метафора девушки.
«А шляпу-то не сплел» — т. е. не сделал своей женой.
Сидзусугэ (*Carex dispalata*) — полагают, что это одна из пород сугэ.
- п. 1285* Возможно, что эта песня распевалась женской половиной хора во время обрядовых хороводов. Образ «жены нежной, как весенняя трава» (вакагуса-но цума), представляется нам позднейшим толкованием. Принимая во внимание, что в древней Японии весной происходили брачные игры на полях, возможно, что первоначально речь шла именно о жене этих брачных игр.
- п. 1286* Храм Кусэ — находится в уезде Кусэ провинции Ямасиро. Все, что находится около храма, считается священным и принадлежащим богам, ко всему этому нельзя прикасаться руками. Неприкосновенное часто служит в песнях М. сравнением с чужой женой, поэтому полагают, что в данной песне говорится о чужой жене и трава у храма — метафора чужой жены.
- п. 1287* Песня, сложенная Хитомаро по возвращении из провинции Оми домой, в Ёсами.
- п. 1288* Песня состоит из вопроса и ответа, которые, по-видимому, распевались разными сторонами хора — мужской и женской.
- п. 1289* Песня жены, обращенная к мужу, выехавшему летом на охоту за птицами тогари (СН). Некоторые комментаторы считают, что эта песня обращена к важному лицу, выехавшему на охоту (МС).
- п. 1290* Не-говори-трава (см. п. 1279) — древняя вера в магию слов отражена в М. и в названиях растений, и в названиях раковин, местностей, гор и т. д.
- п. 1292* Песня жены охотника.
- п. 1293* В песне иносказательно говорится о любви, которая, несмотря на все преграды и препятствия, продолжает расти. Однако по форме она напоминает песни-заговоры. Нам представляется, что существующее понимание этой песни — уже позднейшее толкование.
- п. 1294* Появление луны считается временем любовных встреч.
После песни следует примечание: «Двадцать три песни, приведенные выше, взяты из сборника Какиномото Хитомаро».
- п. 1296* Платье — метафора девушки, возлюбленной.
Надеть не случилось — т. е. девушка мне не принадлежит.
- п. 1297* Алое платье — метафора красавицы; алый цвет — любовь.
Надеть платье — сделать своей женой, возлюбленной.
- п. 1298* Платье белое из конопли (полотняное) — метафора юноши.
Буду продолжать ткать — буду с ним встречаться.
- п. 1299* Жемчуг — метафора красавицы, возлюбленной. Речь идет о тайной любви.
- п. 1300—1301* Яшма — метафора красавицы, девушки, возлюбленной.
- п. 1302—1303* Жемчужина — метафора красавицы, девушки, возлюбленной.

- п. 1304* Листья дерева — метафора возлюбленной, девушки.
- п. 1305* На листву деревьев, что растут на горе Хитогуни — Чужой-стране — речь идет о чужой жене.
- п. 1306* Цветок — метафора красавицы, возлюбленной.
- п. 1307* Река — метафора красавицы, возлюбленной. Возлюбленная дала согласие на свидание, но родители повсюду сторожат ее.
- п. 1308* Песня девушки, что тайком от родителей встречалась с юношей.
- п. 1309* Ветер и бушующее море — символ преград, гнева родителей и т. п.
- п. 1310* Девушка аллегорически говорит о гневе родителей и страхе перед ними.
После песни следует примечание: «Приведенные выше 15 песен [1296—1310] взяты из сборника Хитомаро».
- п. 1311* Одежда — метафора жизни. В черный цвет окрашивали ткань соком вареных желудей. Платье черного цвета носили представители низшего сословия.
- п. 1312* Платье — метафора возлюбленной. Если бы я пренебрегал тобою, то разве тебя — мою тайную возлюбленную («платье, надетое вниз»), возлюбленную в течение долгого времени («платье, загрязнившееся от времени»), я сделал бы открыто своей жене («надел бы платье сверху на себя»).
- п. 1313* «Платье, крашенное в ярко-алый цвет» — метафора красавицы. Носил внизу — т. е. имел тайной возлюбленной.
«Если бы его надел я сверху» — если бы сделал открыто своей женой.
- п. 1314* В песне намек на что-то случившееся в этот вечер.
Платье — метафора жизни.
Платье невзрачное черного цвета — см. п. 1311.
- п. 1315* Платье сшито не выбеленным — т. е. брак состоялся без согласия родителей (МС).
Сима, Татибана — местности с такими названиями есть в уезде Такэти, в провинции Ямато, но там есть близко река, поэтому нельзя утверждать, что именно они упомянуты в песне.
- п. 1316* Нить в один ряд (катаито) — символ одиночества, намек на отсутствие взаимной любви. Хоть ты и не любишь, но я не смогу перестать любить тебя — таков смысл песни.
- п. 1317* Жемчужина — символ красавицы, возлюбленной. Ветер, мятежное море — символ помех, преград.
- п. 1318—1319* Яшма — метафора красавицы, возлюбленной.
- п. 1320* См. п. 1317.
- п. 1321* Рвущаяся нить — символ непрочности человеческого существования.
- п. 1322* Переведено согласно толкованию К. Маб. и ИЦ.
Есть толкования, что песня связана с легендой о рыбаке по имени Симадзу (Симадзу-но ама), однако при сопоставлении с другими песнями М. толкование К. Маб. выглядит более обоснованно.

ванно, так как для народных песен характерно введение в песню географических названий. Песни о жемчужине встречаются в близких вариантах, а местности с неизвестным местонахождением имеются во многих песнях М.

Жемчужина — метафора красавицы, возлюбленной.

п. 1323 См. п. 1317.

п. 1324 Яшмовая нить — метафора человеческой жизни.

Песня юноши, сложенная в утешение своей возлюбленной, обеспокоенной, не изменил ли он ей.

п. 1325 Жемчуг — здесь речь идет о человеке, не умеющем пользоваться благами жизни.

п. 1326 Песня юноши, в которой он иносказательно говорит о красавице, принадлежащей другому, которой он хочет завладеть. Перемену ей нить — т. е. изменю ее жизнь. Сделаю жемчужиной свою — т. е. сделаю своею женой.

п. 1327 Ветер — символ помех: вздымая волны, он не позволяет нырнуть на дно за жемчугом. См. п. 1317.

п. 1328 Яматогото — музыкальный инструмент типа цитры (см. прим. к п. 1129). В песне игра слов: кото — музыкальный инструмент и «беда».

п. 1329 Лук — здесь метафора красавицы. Если бы выстрелил из лука — т. е. если бы сделал своей возлюбленной.

п. 1330 Маюми (*Euponymus Sieboldiana*) — разновидность сандалового дерева. Маюми — «дивный лук». При изготовлении лука рукоятку обертывают кожей в самом конце, когда все остальное сделано. Здесь это имеет аллегорическое значение: пока не оберну кожей рукоятку, т. е. пока не сделаю тебя своей женой.

Лук — метафора возлюбленной.

п. 1331 Гора — метафора возлюбленной, занимающей высокое положение в обществе (отсюда — гора высокая и опасная).

п. 1332 Крутая гора — метафора знатной женщины:

п. 1333 Гора — метафора девушки. Речь идет о горе, покрытой алыми кленами, поэтому юноша просит ветер не дуть, чтобы клены не осыпались. Судя по другим песням М., алый цвет — символ любви, ветер — символ помех, препятствий. Поэтому песню можно понимать так: пусть не возникает никаких помех, чтобы не утратить ее любовь.

п. 1335 Песня о любви к женщине, занимающей высокое положение в обществе. Гора — метафора знатной женщины. Знак запрета — священная веревка из рисовой соломы, которую вешают на рисовых полях, как знак собственности и запрета для посторонних. Здесь: «запрета знак повесил я» — сделал своей женой.

п. 1337 Поле с травой кая (*Torreya nucifera*) — метафора женщины, девушки. Кая — мелкая трава, употребляется для покрытия крыши. Автор горюет, что не успел во время сделать девушку своей женой и что она стала женой другого.

п. 1338 Песня матери, обращенная с предупреждением к дочери.

Цутихари, (совр. цукубанэ-гуса, *geaster hygrometricus*) — название травы, которой окрашивают одежду, растет в полях, в горах

цветет золотистыми, синими цветами. Здесь цутихари — метафора девушки.

Не крась одежду — т. е. не будь женой.

- п. 1339 Песня девушки, собирающейся отдать сердце юноше и огорчающейся тем, что людская молва говорит о его легкомыслии.

Травой цукигуса... — трава цукигуса или лунная трава (совр. цуюгуса, *commelina communis*) летом цветет синими цветами, ею красят одежду, она быстро меняет цвет, отсюда — в песнях М. — она символ непостоянства, изменчивости.

Покрашу платье — т. е. отдам сердце, стану женой.

Блекнут... те цвета — т. е. меняются чувства, отношения.

- п. 1340 Цвета мурасаки нить — лилового цвета, отливающего пурпуром, считавшегося в старину самым красивым и парадным цветом.

Плоды татигана — метафора девушки.

Нанизать (на нить) — сделать своей женой.

- п. 1341 Песня юноши, жалеющего о девушке, выходящей замуж за другого. Поле с мелкою осокой — метафора девушки. Косить поле — взять в жены.

Нанизать жемчуг на нить — т. е. сделать женой.

- п. 1342 Песня юноши, сложенная после того, как он разлучился с милой из-за неожиданных препятствий и не смог узнать, где ее дом.

Поле с мелкою травой асадзи — метафора девушки.

Повесить знак запрета — здесь: обручиться с ней.

Скрылось солнце — т. е. возникло затруднение (МС).

- п. 1343. Песня юноши, который раскаивается, что из-за людской молвы он раздумал жениться на девушке.

Трава — метафора девушки; косить траву, т. е. сделать своей возлюбленной, сделать своей женой.

- п. 1344 Песня юноши. Звучит, как песня-заговор, однако в комментариях ничего об этом не сказано, отмечается только, что песня не совсем понятна.

Унадэ — священная роща, куда якобы спускаются с небес боги, там славят Котосиронуси — бога племени Идзумо; его почитают во многих храмах провинции как бога — создателя страны Идзумо. Все, что принадлежит храмам или богам, считается священным и запретным, а в данном контексте указывает на силу любви, т. е. хочу иметь такую возлюбленную, которая решилась бы даже нарушить запреты ради меня.

Окрасить платье — т. е. стать женой.

- п. 1345 Песня сложена юношей, после того как он увидел во сне девушку, уже принадлежащую другому.

«Тот, что на горе Чужой-страны растет» — намек на чужую жену.

Первая строка зачина как бы служит эпиграфом к стиху, подразумеваемая непостоянство человеческих чувств.

- п. 1346 Песня юноши.

Трава кудзу — метафора девушки.

«Я сотку одежду для себя» — сделаю своей женой.

- п. 1347 Песня юноши. Асадзи — мелкая трава — метафора девушки, возлюбленной. Косить траву — сделать своей женой.

- n. 1348 Песня юноши.
Трава комо (род камыша) — метафора девушки, возлюбленной. Скосить траву — сделать своей женой.
- n. 1349 Песня одинокой стареющей женщины, горюющей о своей судьбе (ср. п. 2839).
- n. 1350 Песня юноши.
Мелкий бамбук — метафора девушки, возлюбленной. Сделать стрелой, прикрепив к бамбуку перья, — сделать своей женой.
- n. 1351 Песня девушки, готовой встретиться с возлюбленным, не задумываясь о будущем, о постоянстве его чувств.
Лунная трава цукигуса — метафора возлюбленного.
Окрасить платье — встретиться с ним, принадлежать ему.
Поблекнут цвета — т. е. изменятся чувства.
- n. 1352 Наиболее убедительным представляется толкование этой песни, считающее, что это песня девушки, колеблющейся дать согласие на брак, не знающей, кому из женихов отдать предпочтение.
Укинунава (*Spirodela polyrhiza*) — болотные травы.
- n. 1353 Песня юноши.
Поле с молодым рисом — метафора юной девушки, возлюбленной. Колос не созрел — т. е. еще очень молода.
Знак запрета — см. п. 1335.
- n. 1354 Песня девушки.
Роща хаги — девушка иносказательно говорит о себе. Окрасила платье — стала женой.
- n. 1355 Песня юноши, который сравнивает себя с дровосеком. Обращена к девушке, сомневающейся в его постоянстве. Столбы — символ верности.
Временная сторожка — символ изменчивого, непостоянного чувства, временной связи.
Хиноки — священные деревья, японский кипарис.
- n. 1356 Песня юноши, обращенная к возлюбленной, после того как его друг, не зная об их отношениях, спросил его о ней.
Дерево момоноки (*Prunus Persica*) — персиковое дерево, метафора девушки, возлюбленной.
Давать плоды — выйти замуж.
- n. 1357 Песня юноши.
Если лист тута может превратиться в шелк, т. е. если сильно захотеть, та, которую люблю, может стать моей женой.
- n. 1358 В песне аллегорически говорится о любви: будет лишь цвести, т. е. будут лишь любовные мечты; не будут созреть плоды — не будет брака.
- n. 1359 Песня юноши, горюющего, что его невеста очень молода и ему придется долго ждать, пока она станет его женой.
Молодой лавр (кацура) — метафора очень юной девушки, возлюбленной.
- n. 1360 Предполагают, что это песня девушки (СН).
Ямадзиса (совр. эгоноки, *Styrax japonica*) — многолетнее растение, встречается в горах и лесах, в начале лета цветет белыми (МС) и бледно-лиловыми (СНмд) цветами, быстро блекнет.

- п. 1361* Песня юноши.
 Камелия — метафора девушки, возлюбленной. Окрасить платье — сделать своей женой.
- п. 1362* Песня юноши, сожалеющего, что девушка, которую он мечтал сделать своей женой, вышла замуж за другого.
 Цветок караай — метафора девушки, возлюбленной.
- п. 1363—1364* Песня юноши, обращенная к очень юной девушке, который хочет ждать, пока она станет совершеннолетней.
 Хаги — метафора девушки, возлюбленной.
 «С одной лишь стороны набухли почки» — т. е. еще очень юная.
 «Еще не приносит плодов» — т. е. еще не принадлежит ему.
- п. 1365* Песня юноши.
 Осенний хаги — метафора девушки, возлюбленной.
 Время цветения — время до брака.
 Время плодов — время после брака.
- п. 1366* Песня девушки, сетующей на неосторожного возлюбленного, который не ищет укромного места для встречи, чтобы избежать людской молвы.
- п. 1367* Мусасаби — летяга (зоол.), живет во многих местах в Японии, питается мелкой птицей: днем прячется, а ночью появляется на верхушках деревьев, охотится за мелкой птицей.
- п. 1368* Песня сложена юношей из Ивакура, обращена к возлюбленной из Акицу.
- п. 1369* Песня юноши. С богом грома сравнивается возлюбленная, занимающая высокое положение в обществе.
- п. 1370* С дождем сравнивается свидание с любимым человеком.
 Текущая вода, не беги стремительно — слезы, не лейтесь так сильно (СН).
- п. 1371* Отмечается, что данная песня не выражает сравнение с чем-либо, как предыдущие, хотя и помещена здесь.
- п. 1372* Песня простой девушки, обращенная к знатному юноше.
 Юноша — бог луны — метафора юноши знатного происхождения.
- п. 1373* Лилия — возлюбленная.
- п. 1374* Песня юноши, ожидающего свидания с возлюбленной.
 Луна — метафора возлюбленной.
- п. 1375* Эта песня не является песней-аллегорией и помещена здесь, потому что сложена была тем же автором, что и предыдущая песня (прим. в тексте).
- п. 1376* Песня девушки, тайно сблизившейся с легкомысленным юношей. Красная глина — метафора легкомысленного юноши.
- п. 1377* Ответная песня девушки, обращенная к юноше и объясняющая ему, отчего она не приходит к нему на свидание.
- п. 1378* Песня юноши из цикла песен вопросов и ответов, связанная с предыдущей.

- п. 1379 Песня юноши, сравнивающего себя с рекой. Если б река, что постоянно течет, перестала бы течь — если б я, постоянно навещающий тебя, перестал бы приходить, ты бы поняла, что всему есть причина.
- п. 1380 Водоросли-жемчуга — автор песни и его возлюбленная.
Плотина (сигарами) — вбитые в дно кольца, обитые поперек бамбуком или другим деревом, символ препятствий, помех, которые мешают их встрече.
- п. 1385 В песне отражен старинный способ получения древесного угля, когда закапывали очень старые деревья в землю или долго держали погруженными в воду, и они таким образом начинали обугливаться.
Первая строка окаменевшего зачина аллегорически говорит о том, что покров будет снят, скрытая любовь обнаружена.
- п. 1387 Промок насквозь — потерпел неудачу.
Фусигоз — букв. «переходи лежа» — название обрывистой местности в провинции Тоса.
- п. 1388 В песне говорится о невозможности встреч с любимым человеком из-за людской молвы.
- п. 1389 Песня девушки, обращенная к юноше, который приходит к ее дому, но, боясь людских глаз, людской молвы, не решается войти в дом.
Бухта — окрестности дома; берег — дом возлюбленной (МС).
- п. 1390 Песня юноши. В песне аллегорически говорится о том, что трудно встречаться с любимой, но если бояться помех и покорно ждать, можно потерять ее.
- п. 1391 Песня юноши.
Белая волна — девушка, возлюбленная.
Ветер — символ преград, помех, в данном случае толкуется как родители девушки, ее братья (СН).
- п. 1392 Песня юноши. Мурасаки трава — один из лучших красителей, употреблявшихся в старину для окраски одежды.
Касаться рукавом — выражать ласку, симпатию, отсюда надежда на ответную любовь.
Песок — метафора девушки, возлюбленной.
- п. 1394 Песня девушки.
- п. 1395 Эта песня относится к древним заговорам, хотя об этом ничего не говорится в комментариях. Здесь — заговор, оберегающий тайную любовь от людской молвы, боязнь которой отражена во многих песнях М.
Песня отражает также древнюю веру в магию слов. Об этом говорят многие названия трав, раковин, гор и т. д.
- п. 1396 Травы мурасаки — см. п. 1392.
- п. 1397 Песня юноши. Волны — символ преград, помех. Водоросли — метафора возлюбленной.
- п. 1398 Песня юноши.
- п. 1399 Песня юноши. Вариант п. 1398.

- п. 1401* Песня сложена в аллегорическом плане: островок — возлюбленная, ветер — символ преград, помех, корабль — юноша, от лица которого поется песня.
- п. 1402* Песня юноши. Корабль, подразумевающийся в тексте, служит метафорой юноши, автора песни. В море, т. е. в самом начале любви. Когда причалишь к берегам и войдешь... в гавань, т. е. после того как начали встречаться и стали близкими.
- п. 1403* Долина криптомерий — тщательно оберегаемая возлюбленная (криптомерий — священные деревья). Рубить дрова — тайно встречаться (долина священная и рубить дрова можно только тайком). Едва топор не отобрали — едва не лишился возлюбленной.
- п. 1404* Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
В песне иносказательно говорится о том, как в поле, где происходил погребальный обряд сожжения, были найдены останки любимого.
«Как жемчуга опавших померанцев» — померанцы нанизывают на нить, как жемчуг или яшму (см. п. 1465).
- п. 1405* Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
Развеешь прах после сожжения было обычаем того времени.
- п. 1406* Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
Под облаком подразумевается дым погребального костра.
- п. 1407* Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
Хацусэ — место свершения погребальных обрядов сожжения и погребений.
Туман — имеется в виду дым после сожжения. Облако — тот же плывущий высоко вверх дым.
- п. 1408* Песня женщины, потерявшей любимого человека, о смерти которого она узнала от людей (МС). Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
- п. 1409* Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
- п. 1410* Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
- п. 1412* Сломанный бамбук, расколотый бамбук — образ того, что не воссоединяется.
- п. 1413* Песня мужа, потерявшего жену.
- п. 1414* Комо — вид камыша, идущего на плетения.
- п. 1415* Плач о погибшей возлюбленной. Ни автор, ни кому посвящена песня неизвестны.
«Приславшая мне яшмовую ветку» — в старину ветку дерева адзуса украшали яшмой и присылали с гонцом в знак привета или с особым известием, так сообщалось и о смерти возлюбленной. Поэтому яшмовая ветка стала постоянным эпитетом к возлюбленной (мк), здесь она является указанием на то, что речь идет об ушедшей навсегда возлюбленной.
«Я рассыпал их» (жемчуга) — т. е. развеивал прах.
- п. 1416* Вариант предыдущей песни (см. п. 1415). Если в п. 1415 останки назывались жемчугами, то здесь они называются цветами, лепестки которых исчезают, когда их развеивают по воздуху.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

- М. — «Манъёсю»
 М.-код. — «Манъёсю-кодза»
 МС — «Манъёсю-сосяку» (комментаторы: кн. I — Такэда Юкити, кн. II — Цутя Буммэй, кн. III — Ёсидзава Ёсинори, кн. IV — Исии Сёдзи, кн. V — Моримото Харукити), кн. VI — Симмура Идзуру, кн. VII — Кубота Митихару
 НКБТ — «Нихон-котэн-бунгаку-тайкэй»
 СНмд — Сасаки Нобуцуна, «Манъёсю-Дзитэн»
 ИЦ — Иноуэ Цутай (Иноуэ Митиясу), «Манъёсю-синко»
 К. — Кэйтю, «Дайсёки»
 К. Маб. — Камо Мабути, «Манъёсю-ко»
 К. Мас. — Камоти Масадзуми, «Манъёсю-коги»
 К. Мор. — Коносу Морихиро, «Манъёсю-дзэнсяку»
 ОС — Оригути Синобу, «Кояку-Манъёсю»
 ОХ — Омодака Хисатака, «Манъёсю-синсяку»
 СН — Сасаки Нобуцуна, «Хёсяку-Манъёсю»
 Сэн. — Сэнгаку, «Манъёсю-сё» (Сэнгаку-сё)
 ТЮ — Такэда Юкити, «Манъёсю-синкай»
 ТТ — Татибана Тикагэ, «Манъёсю-рякугэ»
 ЦД — Цугита Дзюн (Цугута Дзюн), «Манъёсю-синко»

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Абанону — местность в провинции Ямато; в старину была местом, где происходили погребальные обряды сожжения.

Абэ — остров, предполагают, что относился к провинции Сэтцу.

Ава — горы на о-ве Сикоку в провинции Ава.

Ава (Авадзи) — провинция на о-ве Сикоку (провинция Ава была также на о-ве Хонсю, см. кн. IX).

Авадзи — одна из шести провинций Южного моря (Авадзи, Ки, Ава, Сануки, Йе и Тоса).

Авадзи или Авадзисима — остров во Внутреннем Японском море.

Авасима, Авадзима — 1) островок недалеко от Авадзи (кн. III, IV); 2) остров, относится к провинции Сануки (кн. VII).

Аганомацубара — местность в провинции Сима и в уезде Миэ провинции Исэ.

Аго — местности с таким названием встречаются в разных провинциях, полагают, что здесь (кн. VII) речь идет о побережье провинции Харима в восточной части современного г. Кобэ.

Агонояма — гора в уезде Сима провинции Сима.

Адатара — местность в уезде Адати провинции Ивасиро, славилась отличными луками, которые в старину поставляли в качестве дани.

Адзума — «восточный край», общее название восточных провинций на о-ве Хонсю: совр. Кодзукэ, Симоцукэ, Хитати, Синану, Тоотомии, Суруга, Идзу, Сагами, Мусаси, Кадзуса, Симоса, Муцу.

Адо — река и гавань в уезде Такасима провинции Оми.

* Пояснения географических названий сделаны на основании текста и комментариев М. Поскольку М. содержит песни большого исторического периода (свыше 400 лет) и широкого территориального охвата, то одни и те же географические названия обозначаются в разных песнях по-разному, и одни и те же названия встречаются в разных провинциях. Например: Охарида — местность в уезде Ямада провинции Овари и местность в уезде Такэти провинции Ямато. Одни и те же горы, реки и острова обозначаются в тексте М. по-разному: Сахо-но яма и Сахояма, Анаси-но кава и Анасигава, Ава-но сима и Авасима (и соответственно даются по-разному в переводе: горы Сахо и горы Сахояма, река Анаси и река Анасигава, остров Ава и остров Авасима). Разночтения одного и того же названия даются в скобках: Нудзима (Нусима).

Акаси — 1) пролив между о-вами Хонсю и Авадзи; 2) местность на побережье провинции Харима; 3) бухта в провинции Харима.

Аки — 1) провинция на юге о-ва Хонсю, выходит к берегам Внутреннего Японского моря; 2) местность в уезде Уда провинции Ямато.

Акицу (Акидзу) — известная красотой местность в Ёсину (пров. Ямато), где находился императорский дворец для отдыха и увеселений Тоцумия.

Акицуну — местность в Ёсину недалеко от дворца Тоцумия в провинции Ямато, место совершения погребальных обрядов сожжения.

Акицусима — одно из старинных обозначений Японии (см. п. 2).

Аконэ — бухта в провинции Ки.

Акуура (Аку-но ура) — бухты с таким названием имеются в провинциях Бидзэн (кн. VII) и Ки (кн. XI).

Ами — бухта на о-ве Сикоку в провинции Сануки (п. 5).

Ами (Аго) — бухта в провинции Исэ.

Анасэ (Анаси) — река (совр. Макимуку), в тексте М. встречается как Анасигава, Анаси-но кава, Анасэ-но кава, берет начало в горах Макимуку (Макимоку), огибает с севера горы Мива и впадает в р. Хакусэ.

Аонэгатакэ — мыс в уезде Ёсину провинции Ямато.

Арима — горы к югу от горячих источников в уезде Арима провинции Сэтцу.

Арэносаки — мыс, местонахождение неизвестно.

Асану — западное побережье о-ва Авадзи.

Асигара — местность и горы в уезде Асигара-ками провинции Сагами, славилась деревьями суги, которые шли на изготовление кораблей, лодок (см. п. 391).

Асики — почтовый двор в уезде Цукуси провинции Тикудзэн на о-ве Кюсю.

Асикита — уезд в провинции Хиго.

Асука — 1) местность в уезде Такэти провинции Ямато, до 710 г. была неоднократно резиденцией императоров; 2) река.

Атэ (Ата, Ада) — местность в уезде Арита провинции Ки.

Аютигата — бухта, гавань в провинции Овари.

Ая — уезд в провинции Сануки.

Будзэн — провинция на севере о-ва Кюсю.

Вадзамигахара — местность в провинции Мино, отождествляют с совр. Сэкигахара.

Вадзука — гора в уезде Сораку провинции Ямасиро — место погребения сына императора Сёму, принца Асака.

Вака — бухта в уезде Кайсо провинции Ки, славится своим живописным видом.

Ватарай — местность в провинции Исэ, где находится знаменитый храм богини солнца Аматаэрасу (Исэ — дайджингу).

Ватары — горы, местонахождение неизвестно.

Дадзайфу — название административного округа на о-ве Кюсю в провинции Цукуси, где находилось военное управление острова.

Ёнабари — местность (теперь в центре г. Хакусэ) в уезде Сики провинции Ямато.

Ёсами — местность в уезде Аоми провинции Микава.

Ёсину (Ёсино) — местность в южной части провинции Ямато, славящаяся красотой, место отдыха императоров, начиная с императора Одзина (270—310). По настоящее время славится цветением вишен.

Ивакуни — горы в Суо, в то время вплотную примыкали к морю и, видимо, считались опасными для путешествия (К. Мор.).

Ивакура — местности с таким названием встречаются в провинциях Ямасиро, Кии, Ямато (Ёсину) — п. 1368.

Ивами — название провинции на западе о-ва Хонсю, родина жены Хитомаро.

Иварэ — местность от уезда Такэти до южной части уезда Сики провинции Ямато.

Ивасиро — скалистое морское побережье в провинции Ки (совр. Кии); название встречается и в провинции Ямасиро.

Игаи — холм в Ёнабари, место погребения принцессы Тадзима.

Идза — небольшая река, протекает в городе Нара, берет начало с горы Касуга, впадает в р. Сахо (провинция Ямато).

Идзами — гора на границе провинций Ямато и Исэ.

Идзуми — река в уезде Сораку в южной части провинции Ямасиро, впадает в р. Ёдогава. Славится быстрым течением; по ней сплавляли строительный лес, в частности, деревья хиноки (К. Мор.).

Идзуми — селение на южном берегу р. Идзуми в уезде Сораку провинции Ямасиро.

Идзумо — провинция на юго-западном побережье о-ва Хонсю.

Идэми (Идзуми) — местность в Суминоэ провинции Сэтцу.

Иё — провинция на о-ве Сикоку; в старину так называли весь о-в Сикоку.

Икадзути (Икадзути-но ока — Холм грома, был назван так при императоре Юряку) — холм в селении Асука уезда Такэти (совр. Такаити) провинции Ямато, более древнее название — Камиока (Холм богов), — одно из священных мест — миморо и камунаби (см. п. 1435, 3222, 3223).

Ики — провинция на Западном побережье о-ва Кюсю.

Икома — горы на границе провинции Ямато и Кавати, на пути из Ятато в Нанива к западу от столицы Нара.

Икудзи — холм к востоку от столицы Куни в провинции Ямасиро.

Имо — остров, полагают, что это совр. о-в Томо в уезде Кайсо провинции Кии.

Имосэ — горы в провинции Ки (Имонояма и Сэнояма).

Имояма (Имонояма) — гора «Любимая» в уезде Ито провинции Кии.

Имэновада — имеются разные толкования этого названия: 1) самая глубокая часть р. Ниу, которая берет начало в горах Ёсину и впадает в р. Ёсину неподалеку от речки Киса; 2) так называется р. Ёсину у дворца Тоцумия (п. 1132).

Ина — гавань в уезде Тоёно провинции Сэтцу.

Инаба — провинция на юго-западном побережье о-ва Хонсю.

Инаби — местность в провинции Харима.

Инами — местность в уезде Инами провинции Харима.

Инабидзума (Инабицума) — бухта, остров; судя по контексту п. 509, находился где-то в провинции Харима.

Инамикунибара — побережье в уезде Инами провинции Харима.

Инану — местность в уезде Арима провинции Сэтцу.

Инояма — гора в провинции Кии.

Иодзаки — местность в провинции Кии.

Ираго — остров, относился к провинции Микава, по другой версии, к провинции Исэ.

Ирину — местность в уезде Отокуни провинции Ямасиро.

Исаягава — река, течет у подножия горы Токо в уезде Инуками провинции Оми.

Исикава — река, протекает у подножия гор Камо в провинции Ивами.

Исоноками — местность в уезде Ямабэ провинции Ямато.

Исэ — провинция на восточном побережье о-ва Хонсю, граничила с провинциями Ки, Ямато, Оми, место старинных священных храмов, куда в главный храм богини солнца Аматэрасу совершали полочничество члены императорского дома.

Ити — село в уезде Нака провинции Тикудзэн.

Ито — уезд в провинции Тикудзэн.

Итока — гора в уезде Арита провинции Кии.

Иэносима (Иэсима) — главный остров в группе островов в юго-западной части зал. Сикама, относится к уезду Сикама провинции Харима.

Кагуяма (Амэ-но Кагуяма) — одна из трех знаменитых гор провинции Ямато (Кагуяма, Миминаси, Унэби). По легенде провинции Иё, эта гора спустилась с небес, поэтому ее называют также «горой небес», «небесной горой» (Амэ-но Кагуяма) (см. комм. 13, 28).

Кадзахая (Быстроветренная) — местность в провинции Кии, известна сильными и постоянными ветрами.

Кай — провинция в центральной части о-ва Хонсю.

Како — острова; полагают, что так называли местность у устья р. Како в провинции Харима.

Каминаби (Камунаби) — общее обозначение для священных гор провинции Ямато (Мива, Камиока и др.), а также для священных рощ и других священных мест.

Камиока — одна из священных гор вблизи столицы Фудзивара в Асука в уезде Такэти провинции Ямато (см. Икадзуту).

Камо — горы в провинции Ивами.

Камо — местность в уезде Камо провинции Оми.

Камунаби — 1) селение рода Отомо вблизи горы Камиока в уезде Такэти провинции Ямато; 2) река, течет у подножия священной горы Камиока в Асука уезде Такэти провинции Ямато; 3) см. Каминаби.

Канэ — мыс в уезде Мунагата (Мунаката, совр. Муэнката) провинции Тикудзэн.

Карани — остров, относился к провинции Харима.

Карасаки (Караносаки) — мыс, одно из восьми красивейших мест провинции Оми вблизи прежней столицы в Оцу у оз. Бива.

Каридзи — местность в уезде Сики провинции Ямато.

Каритака — местность в уезде Соноками провинции Ямато.

Кару — 1) местность в уезде Такэти провинции Ямато, славившаяся своим рынком; 2) пруд там же; вырыт при императоре Одзине (280 г.).

Касауэй — остров, относился к провинции Сэццу.

Касивара — местность в провинции Ямато, место правления первого легендарного императора Дзимму.

Касии — залив в провинции Тикудзэн на о-ве Кюсю.

Касико — застава; судя по песне, находилась по дороге в провинцию Тоса (о-в Сикоку).

Касима — мыс у бухты Миякэ в уезде Имба провинции Симоса.

Касуга — гора, долина и местность на востоке столицы Нара в провинции Ямато.

Касэ — гора вблизи дворца Куни в уезде Сораку провинции Ямасиро.
 Катами — залив, полагают что находился в провинции Кии.
 Катаока — местности с таким названием встречаются в ряде провинций, в одной провинции Ямато есть несколько Катаока.
 Катину — местность в уезде Такасира провинции Оми.
 Кацураги — 1) уезд в провинции Ямато; 2) горы на границе провинций Ямато и Кавати.
 Кацусика — уезд в провинции Симоса.
 Ки (совр. Кии) — провинция на побережье южной части о-ва Хонсю.
 Кииби — центральная часть побережья Внутреннего Японского моря.
 В 645 г. была разделена на провинции Биттю, Бидзэн и Бинго, а в 713 г. была выделена еще одна провинция — Мимасака.
 Кийэми — мыс в Иохара в провинции Суруга.
 Кийэхара — равнина в уезде Такэти провинции Ямато.
 Кику — местность в Тоёкуни на о-ве Кюсю.
 Киноэ — местность в северной части уезда Кацураги провинции Ямато, место погребения лиц императорского рода.
 Кинояма — горы на границе провинций Тикудзэн и Бидзэн; там была построена крепость императором Тэндзи. У восточного подножия гор проходила дорога из Тикуго и Бидзэн в Дадзайфу.
 Киса — 1) речка в уезде Ёсину провинции Ямато; 2) одна из вершин гор Ёсину.
 Кисаяма — горы в Ёсину, возвышавшиеся перед дворцом Тоцумия в провинции Ямато.
 Кодзима — местность в Кииби, на юго-западе о-ва Хонсю (впоследствии уезд Кодзима в провинции Бидзэн).
 Кома — горы на запад от столицы Куни, на северном берегу р. Идзуми.
 Коси — общее название для провинций: Эттидзэн, Эттю, Эттиго, Ното, Кага, называвшихся «северными», потому что они были расположены севернее столицы Нара.
 Косэ — одна из красивых местностей в уезде Такэти провинции Ямато, находилась на пути в провинцию Ки.
 Косэ — горы в уезде Такэти провинции Ямато.
 Кофунохара — долина у сел. Фуказ.
 Кохама — местность в Суминоэ провинции Сэтцу.
 Кохата — место погребения императора Тэндзи в Ямасина в уезде Удзи провинции Ямасиро.
 Кудара — долина (у р. Сога), местность между Киноэ и Асука, в северной части уезда Кацураги, провинции Ямато, где жили корейские и китайские переселенцы.
 Кудзэ — местность и уезд в провинции Ямасиро.
 Куману — местность в уезде Муро провинции Кии, славилась строительством кораблей.
 Курахаси — местность в уезде Сики провинции Ямато.
 Курахасигава — река в уезде Сики провинции Ямато.
 Курахасияма — гора в уезде Сики провинции Ямато.
 Куроками (Черные Волосы) — гора на север от столицы Нара в провинции Ямато.
 Куроуси — местность, бухта в уезде Кайсо провинции Кии.
 Курусуноону — местность в провинции Ямато.
 Кусака (Кусакаяма) — гора на границе провинции Ямато и Кавати, часть горной цепи Икума.
 Касаказ — местность у западного подножия горы Икома в уезде Нака-Кавати провинции Кавати. Полагают, что когда-то в старину недалеко от места слияния рек Ёдо[гава] и Ямато[гава] была большая

бухта такого названия, где останавливались суда, идущие по Ёдо[гава] из бухты Нанива.
Кэи — местность на западе уезда Михара провинции Авадзи.
Кюсю — один из четырех главных островов Японии, расположенный на юге страны.

Магами — местность в уезде Такэти провинции Ямато.
Магари-но икэ — пруд в уезде Такэти провинции Ямато.
Макимуку (Макимоку) — местность и цепь гор в уезде Сики провинции Ямато, на восток от гор. Мива.

Мама — 1) местность в уезде Кацусика; 2) бухта (там же), где погибла, бросившись в воду, легендарная красавица Тэкона.

Ману — бухта в уезде Муко провинции Сэтцу.

Ману — местность в уезде Муко провинции Сэтцу (западная часть совр. г. Кобэ), славилась цветами хаги. Под этим названием есть местности и в других провинциях.

Масики — уезд в центре провинции Хиго (ныне делится на Верхний Масики и Нижний Масики).

Матоката (бухта Цель) — находится в провинции Исэ (кн. I).

Матоката — гавань, по одной версии в провинции Исэ, по другой, в провинции Харима (кн. VI, VII).

Мацубара — местность в Нанива провинции Сэтцу, славившаяся своей красотой.

Мацура — 1) совр. р. Тамасима — одно из красивейших мест на о-ве Кюсю в северо-западной части близ берега моря в уезде Мацура провинции Хидзэн. Ныне уезд разделен на четыре части (восточную, западную, южную и северную) и принадлежит двум префектурам: Нагасаки и Сага. Знаменитое место ловли форели; местность в провинции Хидзэн, славилась быстроходными кораблями особой конструкции; 3) бухта в провинции Хидзэн на о-ве Кюсю.

Мацути — гора в уезде Ито на границе провинций Ямато и Кии.

Мадухо — бухта в уезде Цуна провинции Авадзи.

Маюми — холм в уезде Такэти провинции Ямато, место погребения принца Хинамиси.

Мива (Миморо) — священные горы в уезде Сики провинции Ямато.

Миваносаки (Мивагасаки) — местность в уезде Хигаси-Муро провинции Кии.

Мидзусима — остров в провинции Хиго.

Микава — провинция на восточном побережье о-ва Хонсю, граничила с провинциями Тоотоми и Овари.

Миканохара — местность в уезде Сораку провинции Ямасиро, где была расположена столица Куни.

Микаса — 1) горы, поля и местность в Касуга на восток от столицы Нара в провинции Ямато; 2) рощи на о-ве Кюсю в местности Ону уезда Цукуси провинции Тикудзэн.

Миката — озеро в уезде Миката провинции Вакаса.

Микумари — гора в Ёсину в провинции Ямато.

Микуни — горы, предположительно в провинции Этидзэн.

Мимига — горы в Ёсину; старинное название.

Миморо (Мимуро) — см. Мива (п. 3222).

Минабэ — залив в провинции Кии на юге уезда Хитака.

Мину — провинция в центре о-ва Хонсю, граничила с провинциями Оми, Овари и др.

Минумэ — бухта и мыс в уезде Муко провинции Сэтцу, одно из красивейших мест во Внутреннем Японском море.

- Мисима — местность в уезде Мисима провинции Сэтцу на западном берегу р. Ёдогава.
- Митиноку — старинное название провинции Муцу. Одна из восточных провинций о-ва Хонсю. Объединяла в VII—VIII вв. современные пять провинций: Иваки, Ивасиро, Рикудзэн, Рикютю и Муцу.
- Мифунэ — горы в уезде Ёсину провинции Ямато.
- Михо — 1) бухта в провинции Суруга; 2) бухта и местность в уезде Хитака провинции Кии.
- Мицу — залив, местность и мыс в провинции Нанива (старинное название Сэтцу), славились своей красотой.
- Миэ — река (совр. Удубэ) в уезде Миэ провинции Исэ.
- Муко — бухта в провинции Сэтцу.
- Мукогава — река в уезде Арима провинции Сэтцу.
- Муцуда — местность и река в уезде Ёсину провинции Ямато (река Ёсину, протекающая у берегов данной местности, носит название р. Муцуда).
- Набари — горы в местности Набари провинции Ига, по дороге из Ямато в Исэ.
- Нава — бухта в провинции Тоса (на о-ве Сикоку) и в Осака; которая из них имеется в виду, неизвестно.
- Нагато — провинция на юго-западе о-ва Хонсю.
- Нагаянохара — местность в уезде Ямабэ провинции Ямато.
- Наго (Утешу) — гора на о-ве Кюсю, на запад от селений Тадзима в уезде Мунагата провинции Тикудзэн.
- Наго — местность в провинции Сэтцу около совр. г. Осака.
- Нагоэ — бухта, местонахождение неизвестно.
- Надаканоура — знаменитая бухта в провинции Кии.
- Нака — уезд и гавань в провинции Сануки.
- Нака — название части уезда Цукуси на юге провинции Тикудзэн на о-ве Кюсю.
- Накидзуми — местность в уезде Акаси провинции Харима.
- Нанива — старинное название бухты Осака, города Осака, а также всей провинции Сэтцу; столица древней Японии при императоре Нинтоку (IV в.) и императоре Котоку (VII в.).
- Нара — 1) столица Японии (710—784), находилась в провинции Ямато; 2) цепь гор (Сахояма, Ахояма, Курокамияма и др.) вдоль границы провинции Ямато и Оми к северу от столицы Нара (горы Нара, Нарские горы).
- Насуги — горы в провинции Сэтцу.
- Нацуми — предполагают, что так называлась часть реки Ёсину, протекавшая в местности Нацуми в уезде Ёсину провинции Ямато.
- Нигитадзу (Нигитацу) — местность в провинции Ивами.
- Нигитадзу (Нигитацу) — пристань в провинции Иё вблизи горячих источников.
- Ниу — верхний приток р. Ёсину в провинции Ямато.
- Нотисэ-яма — гора «Потом, любимый» находится на пути в провинцию Вакаса.
- Нотосэ — река в уезде Такэти провинции Ямато.
- Нудзима — побережье в провинции Ки (кн. I).
- Нусака — бухта в провинции Хиго.
- Нусима (Нудзима) — местность, рыбацкое селение в провинции Авадзи на о-ве Авадзи славилось морскими промыслами; в качестве дани поставляло императорскому двору жемчуга, рыбу, морские продукты.

Обаяма — гора, предположительно в провинции Кии.
 Овада — местность в провинции Сэтцу.
 Ока — уезд на о-ве Кюсю в провинции Тикудзэн.
 Оми — провинция в центральной части о-ва Хонсю, в 667 г. при императоре Тэндзи туда была перенесена столица. Однако после мятежа годов Дзинсин (772 г., см. п. 13) и победы Тэмму столицу снова перенесли в провинцию Ямато.
 Ону — местность, поля в уезде Цукуси провинции Тикудзэн на о-ве Кюсю.
 Ооараки — местность в уезде Утино провинции Ямато.
 Оону — гора на о-ве Кюсю в провинции Тикудзэн.
 Оосаки — местность в уезде Кайсо провинции Кии.
 Оохара — местность в окрестностях столицы Асука в уезде Такэти провинции Ямато (называлась также Фудзивара, так как была резиденцией министра двора Фудзивара Каматары (614—669)).
 Осака — гора на границе провинций Ямасиро и Оми.
 Осима — по одному толкованию, горы, по другому — местность в провинции Ямато. По контексту (п. 91) следует считать первое толкование более правильным.
 Осуми — провинция на юге о-ва Кюсю.
 Осутэ — гора в уезде Арита провинции Кии.
 Оти — местности в уезде Такэти провинции Ямато и в уезде Сакада провинции Оми (в песнях местонахождение не уточнено).
 Отомо — старинное название местности Нанива — вотчина рода Отомо.
 Оу — море в уезде Яцука провинции Идзуми.
 Оу — бухта, местность и мыс в уезде Хими провинции Этто.
 Охара — местность в уезде Такэти провинции Ямато.
 Оцу — местность в Садзанами провинции Оми, столица при императоре Тэндзи.
 Сада — холм, продолжение холма Маюми.
 Садза — старинное название местности, местонахождение неизвестно.
 Садзанами — местность в провинции Оми, включавшая уезды Сига и Оцу, поэтому иногда поясняется как старинное или особое название уезда Сига.
 Садэносаки — мыс в уезде Сима провинции Сима.
 Саига — долина в западной части бухты Вака провинции Кии.
 Саканоз — селение на западе местности Сахо провинции Ямато, родина поэтессы Отомо Саканоз.
 Саки — болота в уезде Соноками провинции Ямато.
 Сакисава — местность западнее Нара.
 Сакура — побережье у бухты Аютигата в провинции Овари.
 Сами — гора в провинции Сануки.
 Саминэ (совр. Сами) — остров в уезде Накатадо провинции Сануки; известен своей красотой.
 Сану (Сано) — местность; К. Мор. полагает, что в провинции Ки. 2. Переправа у м. Мива в уезде Муро провинции Ки.
 Сануки — провинция на о-ве Сикоку на побережье Внутреннего Японского моря.
 Сахинокума (Хинокума) — местность в уезде Такэти провинции Ямато.
 Сахо — 1) местность к северу от столицы Нара, резиденция рода Отомо, родина поэтессы Отомо Саканоз (п. 1432); 2) горы (Сахо или Сахояма), находятся там же, в старину были местом погребений, где были сооружены усыпальницы императора Сёму и императрицы Комё; 3) река, берет начало за горами Касуга, течет в северной

- части столицы Нара и, соединяясь с р. Хацусэ, образует приток р. Ямато.
- Сацума — провинция на южном побережье о-ва Кюсю; в начале VII в. — название местности в стране Хаяхито.
- Сига — уезд в провинции Оми.
- Сидзу — пещера в провинции Ивами.
- Сидэносаки — мыс в уезде Миэ провинции Исэ.
- Сика — 1) местность и селение, на побережье бухты Хаката, на о-ве Кюсю в уезде Касуя провинции Тикудзэн; 2) остров, относился к уезду Касуя провинции Тикудзэн.
- Сима — 1) местность в уезде Такэти (совр. Такаити) провинции Ямато; резиденция принца Кусакабэ; 2) местность в уезде Ёсину провинции Ямато 1260); 3) провинция на восточном побережье о-ва Хонсю, граничит с провинцией Исэ.
- Симадзу — предположительно старинное название провинции Сима на о-ве Хонсю.
- Синану — провинция на востоке о-ва Хонсю, славилась изготовлением луков.
- Сиоцу — гора, местность в уезде Ика провинции Оми.
- Сихацу — горы и селение в провинции Сэтцу.
- Сугита — горячие источники в провинции Тикудзэн на о-ве Кюсю.
- Сума — бухта в уезде Муко провинции Сэтцу.
- Суминоэ — местность в Нанива (в провинции Сэтцу), славящаяся своей красотой.
- Сумисака — местность; в настоящее время известен лишь синтоистский храм Сумисака-дзиндзя в уезде Уда провинции Ямато.
- Суо — провинция на юге о-ва Хонсю, на побережье Внутреннего Японского моря.
- Суруга — провинция на востоке о-ва Хонсю, на берегу залива Суруга.
- Сэнояма (Любимый) и Имоэяма или Имонояма (Любимая) — горы в провинции Ки.
- Сэтцу — провинция на побережье Внутреннего Японского моря, на о-ве Хонсю.
- Таги — старинное название, местонахождение неизвестно.
- Таго — бухта в провинции Суруга; из нее открывается самый красивый вид на гору Фудзи.
- Тадо (совр. Ёро) — река в уезде Ёро провинции Мино.
- Така — местность в Ямасиро (п. 277).
- Такаки (Высокая) — гора в Ёсину провинции Ямато.
- Такамато (Такамадо) — 1) горы, местность у подножия этих гор, на востоке столицы Нара провинции Ямато, с юга отделены от горы Касуга долиной. Во времена Сёму (724—748) там был построен дворец для отдыха и увеселений. Славилась красотой осенних алых кленов; 2) поля в уезде Соноками провинции Ямасиро.
- Таканохара — равнина в уезде Икума провинции Ямато.
- Такаси — местность в уезде Сэмбоку провинции Идзуми.
- Такасима — местность в уезде Такасима провинции Оми на западном берегу оз. Бива.
- Такацу — гавань в провинции Нанива, куда по легенде причалила небесная дева Ама-но Сагумэ.
- Такацуну — горы в провинции Ивами.
- Такусима — остров, относился к уезду Симанэ провинции Идзумо.
- Такэда — фамильное владение Отомо Саканэ в уезде Сики провинции Ямато.

Такэти — уезд в провинции Ямато.

Тама — бухта в уезде Хигаси-Муро провинции Кии (кн. VII, IX), (под этим названием есть бухта — предположительно в уезде Асакути провинции Бидзэн, кн. XV).

Тамаэ — бухта в Мисима провинции Сэтцу.

Таму — село, местонахождение неизвестно.

Тамукэ — горы в уезде Сига провинции Оми, где путники приносили дары богам, чтобы путь был благополучным.

Тамура — селение (поместье Отомо Сукунамаро) в уезде Ямабэ провинции Ямато.

Танаками — горы в уезде Курита провинции Оси; в период Нара оттуда поставляли строительный лес.

Татибана — местность в уезде Такэти провинции Ямато, где находился дворец принца Хинамиси.

Тафуси — мыс в уезде Сима провинции Сима.

Тацута — гора в уезде Икума по дороге из Нанива в Ямато, славилась красотой осенних алых кленов.

Таюи — бухта в местности Цунуга провинции Этидзэн.

Тиканосаки — мыс на о-ве Тика, который лежал на пути кораблей, плывущих с материка в Японию.

Тикудзэн — провинция на севере о-ва Кюсю.

Тита — бухта в уезде Тита провинции Овари.

Тоба — гора; предположительно в провинции Ямато (п. 588).

Тобухигаока — одна из вершин гор Икома на границе провинций Ямато и Кавати.

Тоёкуни — старинное название местности и провинции на о-ве Кюсю объединявшей провинции Будзэн и Бунго.

Токо — гора в уезде Инуками провинции Оми; на юге, у ее подножия, течет р. Исаягава.

Томи — имение семейства Отомо в уезде Сики провинции Ямато.

Томо — бухта в уезде Нумакума провинции Бинго, славится красивым видом.

Тоодзатоону — местность в провинции Сэтцу, славилась мастерством в окраске тканей.

Тоцу — местность в провинции Кии, славилась необычайно красивыми азалиями.

Уда — местность в уезде Уда провинции Ямато.

Удзи — местность в провинции Ямасиро, по дороге из Ямато в Оми.

Удзи или Удзигава — река в уезде Удзи провинции Ямасиро, нижнее ее течение носит название Едогава.

Удзима — очевидно, так назывались горы в провинции Ямато, по дороге из Асука в Ёсину.

Укину — пруд; предполагают, что он был в провинции Ивами на границе с провинцией Идзумо.

Унадэ — местность в уезде Такэти провинции Ямато.

Унаками — 1) гавань в уезде Унаками провинции Симоса; 2) местность в уезде Итихара провинции Кадзуса (п. 1176).

Унэби — одна из трех знаменитых гор в провинции Ямато (см. Кагуяма).

Утину — местность, поля в уезде Ути провинции Ямато.

Фува — местность, местонахождение неизвестно.

Фува — горы в провинции Мино у заставы Фува.

Фудзи — священная гора Японии в провинции Суруга у границы провинции Каи, прославленная в легендах и песнях.

Фудзии (Фудзиэ) — бухта в уезде Акаси провинции Харима.
Фудзивара — местность в уезде Такэти провинции Ямато, где находилась столица с 687 по 710 гг. (при императрице Дзито, императоре Момму и императрице Гэммэ).

Фудзиэ (Фудзии) — бухта в уезде Акаси провинции Харима.

Фукаэ — селение на побережье о-ва Кюсю вблизи границы провинции Хидзэн.

Фуру — местность в Исоноками в уезде Ямабэ провинции Ямато.

Фурукава — река в местности Исоноками провинции Ямато, впадает в р. Хакусэ.

Фуруяма — гора в провинции Ямато.

Фусума — местность в провинции Ямато (по одной версии мк к Хикитэ).

Фусигоэ (Фусикоэ) — букв. «переход лежа» — обрывистая и опасная местность в провинции Тоса.

Футагами (Футаками) — 1) гора в уезде Кацураги провинции Ямато; 2) священная гора в провинции Эттю.

Футаги — долина в уезде Сораку провинции Ямасиро, где был построен дворец Куни и находилась столица.

Футами — местность в провинции Микава.

Хагаи — горы, местонахождение неизвестно. Чаще всего указывают провинцию Ямато, уезд Соноками, местность Касуга. Возможно совр. Вакагусаяма (п. 210).

Хаконэ — местность в уезде Асигара-Симо провинции Сагами.

Ханиясу — долина, древнее название подножия горы Кагуяма.

Харима — провинция на побережье Внутреннего Японского моря в южной части о-ва Хонсю.

Хата — местность в уезде Итииси провинции Исэ.

Хакусэ — 1) местность и горы в уезде Сики провинции Ямато, место погребальных обрядов сожжения и погребений, где находились склепы императорской фамилии; 2) река, течет там же, у подножия гор Мива впадает в р. Сахо и образует приток р. Ямато (см. Сахо).

Хаяхито (Хаято) — страна на юге Кюсю, где жило племя хаяхито (хаято)

Хиро — провинция на о-ве Кюсю.

Хида — одна из 13 провинций области Тосандо, была выделена в провинцию в 708—714 гг.

Хидзэн — провинция на юго-восточном побережье о-ва Кюсю.

Хикаса — бухта в уезде Инами провинции Харима.

Хикиману — местность в провинции Микава, славящаяся красотой цветущих хаги.

Хикитэ — горы в уезде Икума провинции Ямато.

Хикицу — местность в уезде Итосима, предположительно, в провинции Тикудзэн на о-ве Кюсю.

Химэдзима — предположительно, местность в провинции Сэтцу.

Химэсима — местность в провинции Сэтцу.

Хинамори — местность в уезде Касуя провинции Тикудзэн.

Хира — 1) гавань в уезде Сига провинции Оми; 2) горы в уезде Сига провинции Оми, на северо-западном берегу оз. Бива (п. 1715).

Хиросэ — река в уезде Кацураги провинции Ямато.

Хориз — бухта в провинции Сэтцу.

Хэсэгата — местность, местонахождение неизвестно.

Цу — местность в уезде Кибидо провинции Биттю, по другой версии, уезд провинции Биттю (совр. Цукуба).

Цукуба — священная гора в уезде Ниихари провинции Хитати.
Цукума — местность в уезде Саката провинции Оми.
Цукуси — провинция, старинное название северной части о-ва Кюсю (провинции Тикудзэн и Тикуго), в старину так называли весь остров.
Цуну — местности в провинциях Ивами (уезд Нака).
Цунуга — местности в провинциях Сэтцу и Этидзэн (совр. Цуруга).
Цуоносаки — мыс в провинции Оми.
Цусима — провинция, остров в Японском море.
Цута — бухта в провинции Харима, близ устья р. Сёкума.

Энацу — местность в провинции Сэтцу.

Югэнокавара — долина в провинции Сэтцу.
Юнохара — местность на о-ве Кюсю в провинции Тикудзэн.
Юра — мыс на западе уезда Хитака провинции Кии.
Юу — гора на о-ве Кюсю в провинции Бунго.
Юцуки — один из пиков гор Макимуку.
Юя — река, старинное название, местонахождение неизвестно.

Ябасэ — местность в уезде Курита провинции Оми.
Ябэсака — гора, точное местонахождение неизвестно. Местности с таким названием есть в уездах Сики и Такэти провинции Ямато.
Яками — горы в уезде Нака провинции Ивами.
Якицубэ — местность в провинции Суруга.
Ямасина — местность в уезде Удзи провинции Ямасиро, где находится усыпальница императора Тэндзи.
Ямасиро — провинция в юго-западной части о-ва Хонсю, граничит с провинциями Ямато, Кавати, Сэтцу и др.
Ямато — юго-западная часть о-ва Хонсю (впоследствии район Кинай, куда входили провинции: Ямато, Ямасиро, Кавати, Идзуми, Сэтцу); местопребывание главнейших японских племен, объединившихся в общеплеменной союз и заложивших здесь первые основы государственности. В японских памятниках и истории фигурирует как древнейшее наименование Японии, а по мере дальнейшего расселения японского народа и образования административной системы «куни» отдельных стран или провинций стало также наименованием главной провинции со столицей Нара.
Ясунону — местность в уезде Асакура провинции Тикудзэн, куда выезжали чиновники Дадзайфу на отдых или на охоту.
Яцури — гора в уезде Такэти провинции Ямато.
Яшмовый остров (Тамацусима) — 1) местность (возможно, когда-то был остров), теперь там деревня и храм с таким же названием, посвященный императрице Дзингу; 2) остров у бухты Вака в провинции Кии, славится своей красотой.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
А. Е. Глускина. Манъяёсю как литературный памятник	13

КНИГА ПЕРВАЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

Правление императора Юряку [457—479]

1. Песня, сложенная императором [Юряку]	67
---	----

Правление императора Дзёмэй [629—641]

2. Песня, сложенная императором [Дзёмэй] во время восхождения его на гору Кагуяма	67
3. Песня Хасихито Ою, сложенная и преподнесенная по повелению императрицы [Когёку]	68
4. Каэси-ута	68
5. Песня, сложенная принцем Икуса, когда он любовался горами во время путешествия	69
6. Каэси-ута	70

Правление императрицы Когёку [642—644]

7. Песня принцессы Нукада	70
-------------------------------------	----

Правление императрицы Саймэй [655—661]

8. Песня принцессы Нукада	70
9. Песня, сложенная принцессой Нукада во время путешествия императрицы [Саймэй]	71

Песни, сложенные императрицей [Когёку-Саймэй] во время путешествия

10. «О, долгод будет ли твой век...»	71
11. «Мой любимый...»	71
12. «Берег Нудзима, о котором мечтала...»	71
13. Песня принца Накацуоинэ о трех горах	72
Каэси-ута	
14. «Вот долина Инамикунибара...»	72
15. «Над водной равниной морского владыки...»	72

Правление императора Тэндзи [662—671]

16. Песня, которой принцесса Нукада ответила, когда император повелел министру двора Фудзивара [Каматари] устроить спор 73
17. Песня, сложенная принцессой Нукада во время ее отъезда в провинцию Оми 73
18. Каэси-ута 74
19. Песня принцессы Иноэ, сложенная в ответ [на песню принцессы Нукада] 74
20. Песня, сложенная принцессой Нукада 74
21. Песня, сложенная в ответ наследным принцем [О-ама] 75

Правление императора Тэмму [673—686]

22. Песня, сложенная старой служанкой Фубуки 75
23. Песня, сложенная неизвестным, скорбевшим о принце Оми . 75
24. Песня принца Оми, сложенная им в печали в ответ на услышанную песню 76
25. Песня, сложенная императором [Тэмму] 76
26. Из неизвестной книги 76
27. Песня императора [Тэмму], сложенная им во время пребывания во дворце Ёсину 77

Правление императрицы Дзито [687—696] и императора Момму [697—707]

28. Песня, сложенная императрицей [Дзито] 77
29. Песня Какиномото Хитомаро, сложенная им, когда он проезжал заброшенную столицу в Оми 77
- Каэси-ута
30. «В Сига, в Садзанами...» 79
31. «В Сига, в Садзанами, где большой залив...» 79

Песни Такэти Фурухито, сложенные в печали при виде старых развалин в провинции Оми

32. «Не потому ли, что сам я...» 79
33. «Грустно мне стало, когда я увидел столицу...» 79
34. Песня принца Кавасима, сложенная во время путешествия императрицы [Дзито] в провинцию Ки 80
35. Песня принцессы Абэ, сложенная ею, когда она переходила гору Сэнояма 80

Песни Какиномото Хитомаро, сложенные им во время пребывания императрицы [Дзито] во дворце Ёсину

36. «Мирно правящая здесь...» 80
37. Каэси-ута 81
38. «Мирно правящая здесь...» 81
39. Каэси-ута 82

Песни Какиномото Хитомаро, которые он сложил, оставаясь в столице

40. «В бухте Ами, далекой...» 83
41. «Рука в запястье драгоценном...» 83
42. «У Ираго далеких берегов...» 83
43. Песня, сложенная женой Тагима Маро 83
44. Песня царедворца Исоноками, сложенная им, когда он следовал за паланкином императрицы [Дзито] 84
45. Песня, сложенная Какиномото Хитомаро во время ночлега принца Кару в полях Аки 84

Каэси-ута	
46. «В поле Аки далеко...»	85
47. «Хоть это и заброшенный пустырь...»	85
48. «На полях, обращенных к востоку...»	85
49. «Наступило опять время царских забав...»	86
50. Песня, сложенная людьми, отбывавшими трудовую повинность	86
51. Песня принца Сики, сложенная им после перенесения столицы из Асука в Фудзивара	87
52. О священных колодцах дворца Фудзивара	88
53. Каэси-ута	89
<i>Песни, сложенные во время путешествия экс-императрицы [Дзито] в провинцию Ки</i>	
54. <Песня Сагато Хитотари>	89
55. <Песня Цуки Оми>	90
56. Из неизвестной книги. <Песня Касуга Ою>	90
<i>Песни, сложенные во время путешествия экс-императрицы [Дзито] в провинцию Микава</i>	
57. <Песня Нага Окимаро>	90
58. <Песня Такэти Курохито>	90
59. Песня, сложенная принцессой Ёса	91
60. Песня принца Нага	91
61. Песня девушки из рода Тонэри	91
62. Песня Касуга Ою	91
63. Песня Яманозэ Окура	92
64. Песня принца Сики, сложенная во время пребывания императора [Момму] во дворце Нанива	92
65. Песня принца Нага	92
<i>Песни, сложенные во время путешествия экс-императрицы [Дзито] во дворец Нанива</i>	
66. <Песня Окисомэ Адзумахито>	93
67. <Песня Такаясэ Осима>	93
68. <Песня принца Мутобэ>	93
69. <Песня девушки из Суминоэ, преподнесенная принцу Нага>	94
70. Песня Такэти Курохито, сложенная во время путешествия экс-императрицы [Дзито]	94
<i>Песни, сложенные во время пребывания императора [Момму] во дворце Нанива</i>	
71. <Песня Осакабэ Отомаро>	94
72. <Песня министра церемоний Фудзивара Умакай>	95
73. Песня принца Нага	95
<i>Песни, сложенные во время пребывания императора [Момму]</i>	
74. [Неизвестный автор]	95
75. <Песня принца Нагая>	95
[Правление императрицы Гэммё (708—714)]	
76. Песня императрицы [Гэммё], сложенная в первом году Вадо [708]	96
77. Песня принцессы Минабэ, преподнесенная в ответ императрице	96
78. Песня императрицы [Гэммё], сложенная весной третьего года Вадо	96

79. Из неизвестной книги. Песня, сложенная при перенесении столы из Фудзивара в Нара	97
80. Каэси-ута	98

Песни принца Нагата

81. «Когда любовался колодцем священным...»	98
82. «Опустошенное...»	98
83. «С дна морского...»	99

Дворец Нара

84. Песня, сложенная, когда принц Нага и принц Сики пировали вместе во дворце Саки	99
--	----

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕСНИ-ПОСЛАНИЯ (ПЕСНИ-ПЕРЕКЛИЧКИ)

Правление императора Нинтоку [313—399]

Четыре песни императрицы Иванахимэ, сложенные в тоске об императоре-супруге

85. «Так много дней прошло...»	103
86. «Чем так мне жить...»	103
87. «Пока живу, я буду ждать, любимый...»	103
88. «Тот утренний туман, что дымкой заволок...»	104
89. Из неизвестной книги	104
90. <Песня принцессы Сотоори>	104

Правление императора Тэндзи

91. Песня императора [Тэндзи], посланная принцессе Кагами	104
92. Песня принцессы Кагами, сложенная в ответ	105
93. Песня принцессы Кагами, посланная министру двора Фудзивара Каматари	105
94. Песня министра двора Фудзивара Каматари, посланная в ответ	105
95. Песня министра двора Фудзивара Каматари, сложенная, когда он взял в жены унэмэ Ясумико	105

Пять песен, сложенных во время сватовства Кумэ Дзэндзи к девице из дома Исикава

96. <Песня Кумэ Дзэндзи>	106
97. <Ответная песня девицы из дома Исикава>	106
98. <Песня девицы из дома Исикава>	106
99. <Ответная песня Кумэ Дзэндзи>	106
100. <Песня Кумэ Дзэндзи>	107
101. Песня Отомо [Ясумаро], сложенная им, когда он сватался к девице из дома Косэ	107
102. Песня девицы из дома Косэ, посланная в ответ	107

Правление императора Тэмму

103. Песня императора [Тэмму], посланная супруге из дома Фудзивара	107
104. Песня супруги [императора Тэмму] из дома Фудзивара	108

Правление императрицы Дзито и императора Момму

Две песни принцессы Оку

105. «Говорят, в страну Ямато отправляют...»	108
--	-----

106. «Вдвоем — и то...»	108
107. Песня принца Оцу, посланная девице из дома Исикава	109
108. Песня девицы из дома Исикава, сложенная в ответ	109
109. Песня принца Оцу, сложенная, когда он тайно встречался с девицей из дома Исикава	109
110. Песня принца Хинамиси, посланная девице из дома Исикава	109
111. Песня принца Югэ, посланная принцессе Нукада	110
112. Песня принцессы Нукада, сложенная в ответ	110
113. Песня принцессы Нукада, сложенная в ответ принцу [Югэ] . .	110
114. Песня принцессы Тадзима, сложенная в думах о принце Ходзуми	110
115. Песня принцессы Тадзима, сложенная во время ссылки [ее возлюбленного]	111
116. Песня принцессы Тадзима, сложенная ею, когда она тайно встречалась с принцем Ходзуми	111
117. Песня принца Тонэри	111
118. Песня девицы из рода Тонэри, сложенная в ответ	112

Четыре песни принца Югэ, сложенные в думах о принцессе Ки

119. «Быстро мчится Ёсину-река...»	112
120. «Чем жить, тоскуя о тебе все время...»	112
121. «Когда придет вечерняя пора...»	112
122. «Подобно кораблю большому...»	113

Три песни, сложенные во время болезни Миката Сами

123. <Песня Миката Сами>	113
124. <Песня дочери Соно Икуха>	113
125. <Песня Миката Сами>	113
126. Песня придворной дамы Исикава, посланная Отомо Тануси .	114
127. Песня Отомо Тануси, посланная в ответ	114
128. Песня той же придворной дамы Исикава, посланная Отомо Тануси — Тьюро	114
129. Песня, посланная Отомо Суканамаро придворной дамой из рода Исикава	114
130. Песня принца Нага, обращенная к младшему брату	115

Песни Какиномото Хитомаро, сложенные им, когда он, уезжая в столицу, покидал страну Ивами

131. «Там, в Ивами, где прибой...»	115
--	-----

Каэси-ута

132. «Там, в Ивами...»	116
133. «По дороге, где иду...»	116
134. Каэси-ута из неизвестной книги	117
135. «Обвита плющем скала...»	117

Каэси-ута

136. «У вороного моего коня...»	118
137. «Несущиеся вихрем листья клена...»	118
138. Из неизвестной книги	119
139. Каэси-ута	120
140. Песня Ёсами — жены Хитомаро, сложенная при расставании с ним	120

ПЛАЧИ

Правление императрицы Саймэй

Две песни принца Арима, сложенные им, когда он, печальясь о своей участи, завязывал ветви сосны

141.	«Ветви пышные сосны прибрежной...»	121
142.	«Если был бы я дома...»	121

Две песни, сложенные Нага Окимаро в печали при виде связанных веток сосны

143.	«Тому, кто здесь на берегу...»	121
144.	«С ветвями, связанными вместе...»	122
145.	Песня Яманоэ Окура, сложенная позднее	122
146.	Песня, сложенная при виде связанных веток сосны	122

Правление императора Тэндзи

147.	Песня императрицы [Яматохимэ], сложенная во время болезни императора	123
148.	Из неизвестной книги. Песня, сложенная императрице [Яматохимэ]	123
149.	Плач императрицы [Яматохимэ], сложенный ею, когда скончался император [Тэндзи]	123
150.	Плач, сложенный придворной дамой	124

Плачи, сложенные, когда останки императора [Тэндзи] находились в усыпальнице

151.	<Плач принцессы Нукада>	124
152.	<Плач Тонэри Ёситоси>	124
153.	Плач императрицы [Яматохимэ]	125
154.	Плач супруги [императора Тэндзи] из рода Исикава	125
155.	Плач принцессы Нукада	125

Правление императора Тэмму

Плачи, сложенные принцем Такэти, когда скончалась принцесса Тоти

156.	«Там, среди гор священных Миморо...»	126
157.	«Как короткие полоски ткани...»	126
158.	«Хотел пойти, чтоб зачерпнуть...»	126
159.	Плач императрицы [Дзито]	127

Из неизвестной книги. Плачи, сложенные экс-императрицей [Дзито]

160.	«Не говорят ли, что зажженные огни...»	127
161.	«Средь голубых небес...»	128
162.	Плач, который повторяла императрица [Дзито] во сне	128

Правление императрицы Дзито и императора Момму

Плачи, сложенные принцессой Оку, когда она приехала в столицу

163.	«Лучше было бы остаться мне...»	129
164.	«Тебя, кого я так мечтала...»	129

Плачи, сложенные в горе принцессой Оку

165.	«И разве я не бранный человек...»	129
166.	«Я сорвала бы цветы асиби...»	130

167. Плач Какиномото Хитомаро, сложенный им, когда останки на- следного принца Хинамиси находились в усыпальнице . . .	130
---	-----

Каэси-ута

168. «О, как жаль, что пустынно...»	132
169. «И хоть светит нам солнце...»	132
170. Из неизвестной книги	132

Плачи, сложенные дворцовыми стражами в печали после смерти принца [Хинамиси]

171. «О дворец Сима...»	132
172. «Вы, живущие у светлого пруда...»	133
173. «Если был бы жив светлейший принц...»	133
174. «Даже Маюми-холм, что в былое время...»	133
175. «Даже и во сне...»	133
176. «Ошиблось сердце то...»	133
177. «Толпой собрались мы...»	134
178. «Когда посмотрим на игрушку-сад...»	134
179. «Ах, во дворце Сима...»	134
180. «О птицы, что всегда искали здесь приют...»	134
181. «Взглянешь ныне...»	134
182. «Соколенок, ты, что здесь нашел приют...»	135
183. «О, как же горько мне...»	135
184. «К чертогам на восточной стороне...»	135
185. «Дорогу в пышных...»	135
186. «Те огромные дворцовые ворота...»	135
187. «С тех пор как ты сменил навеки...»	136
188. «В тумане утреннем...»	136
189. «В покоях пышных во дворце Сима...»	136
190. «Как столб из дерева святого...»	136
191. «Я, верно, долго буду тосковать...»	136
192. «У птиц, что пели...»	137
193. «По той дороге...»	137
194. Песня Какиномото Хитомаро, поднесенная принцессе Хацусэбэ	137
195. Каэси-ута	138
196. Плач Какиномото Хитомаро о принцессе Асука	138

Каэси-ута

197. «Когда б на Асука-реке...»	141
198. «Асука-река!» Ведь «асу» значит «завтра»	141
199. Плач Какиномото Хитомаро о принце Такэти	141

Две танка

200. «Из-за тебя теперь, о государь...»	145
201. «Словно на болоте, что травой скрыто...»	145
202. Каэси-ута из неизвестной книги	146
203. Песня, сложенная принцем Ходзуми в печали и слезах	146
204. Плач Окисомэ Адзумахито, сложенный, когда скончался принц Югэ	146
205. Каэси-ута	147
206. Еще одна танка	147

Плачи Какиномото Хитомаро, сложенные в печали и слезах после кончины жены

207. «Гуси по небу летят...»	147
--	-----

Каэси-ута

208. «Средь гор осенних — клен такой прекрасный...»	149
209. «Опали листья алые у клена...»	149
210. «В дни, когда еще жила...»	149

Каэси-ута

211. «Луна осенняя, что нас видала вместе...»	151
212. «Где горы Хикитэ...»	151
213. Плач из неизвестной книги	152

Каэси-ута

214. «Луна осенняя, что нас видала вместе...»	153
215. «Где горы Хикитэ...»	153
216. «Когда, придя домой...»	154
217. Плач Какиномото Хитомаро о гибели придворной красавицы	154

Каэси-ута

218. «Когда увидел я течение той реки...»	155
219. «В те дни, когда еще была ты с нами...»	155
220. Плач Какиномото Хитомаро, сложенный им при виде погибшего странника	156

Каэси-ута

221. «Если б с ним была его жена...»	157
222. «О, ты, что вместо изголовья...»	157
223. Песня Какиномото Хитомаро, сложенная в провинции Ивами в печали о самом себе	158

Плачи, сложенные Ёсами — женой Какиномото Хитомаро, когда он скончался

224. «О, разве люди не сказали мне...»	158
225. «И встреч наедине, и просто встреч...»	158
226. Песня, сложенная в ответ Тадзихи от лица Какиномото Хитомаро	159
227. Из неизвестной книги	159

[Правление императрицы Гэммё]

Дворец Нара

Две песни Кавабэ Мияхито, сложенные в печали

228. «Об этой юной милой деве слава...»	159
229. «Не убегай, прилив в заливе Нанива...»	160

Плачи, сложенные осенью первого года Рэйки

230. «Там, где ясеневый лук...»	160
---	-----

Каэси-ута

231. «Осенний хаги, что растешь в полях...»	161
232. «У гор Микаса, что короною встают...»	161

Из неизвестной книги

233. «Осенний хаги, что расцвел в полях...»	161
234. «У гор Микаса, что короною встают...»	162

КНИГА ТРЕТЬЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

235. Песня, сложенная Какиномото Хитомаро, когда императрица [Дзито] ночевала на холме Икадзуги	165
236. Песня императрицы [Дзито], обращенная к прислуживающей ей старухе Сии	165
237. Песня старухи Сии, поднесенная в ответ императрице	165
238. Песня, сложенная Нага Окимаро по императорскому приказу	166
239. Песня, сложенная Какиномото Хитомаро, когда принц Нага развлекался у пруда Каридзи	166
240. Каэси-ута	167
241. Каэси-ута из неизвестной книги	167
242. Песня принца Югэ, сложенная во время его пребывания в Ёсину	167
243. Песня принца Касуга, сложенная в ответ	167
244. Из неизвестной книги	168

Две песни принца Нагата, сложенные им по пути в Цукуси

245. «Как слышал я давно...»	168
246. «Из бухты Нусака...»	168
247. Песня, сложенная в ответ царедворцем Исикава	168
248. Еще одна песня, сложенная принцем Нагата	169

Восемь песен странствования Какиномото Хитомаро

249. «У мыса Мицу, на морском просторе...»	169
250. «Мы прошли Минумэ...»	169
251. «От ветра свежего, что с берега подул...»	169
252. «То не рыбак ли удит рыбу...»	170
253. «Долина Инаби! Когда я подумал...»	170
254. «Огней зажженных свет...»	170
255. «Дорогой долгою из дальнего селенья...»	170
256. «Тиха морская гладь...»	170
257. «Песня Камо Тарихито о горе Кагуяма	171

Каэси-ута

258. «Как знак того...»	171
259. «За незаметный срок...»	172
260. Из неизвестной книги	172
261. Песня Какиномото Хитомаро, поднесенная принцу Ниитабэ	172
262. Каэси-ута	173
263. Песня Осакабэ Таримаро, сложенная им, когда он ехал в столицу	173
264. Песня Какиномото Хитомаро, сложенная им, когда он прибыл к берегу реки Удзи	173
265. Песня Нага Окимаро	174
266. Песня Какиномото Хитомаро	174
267. Песня, сложенная принцем Сики	174
268. Песня принца Нагая о родине	174
269. Песня девицы из дома Абэ о горе Ябэсака	175

Восемь песен странствования Такэти Курозито

270. «Когда тоскливо было мне в пути...»	175
271. «В Сакура на поля...»	175
272. «Когда я миновал в Сихацу горы...»	175
273. «Когда я плыл по морю, огибая...»	176

274. «Мой челн...»	176
275. «О, где же я...»	176
276. «И я, и милая...»	176
Из неизвестной книги	176
277. «Напрасно мне спешить...»	177
278. Песня Исикава Отоцуко	177
<i>Две песни Такэти Курохито</i>	
279. «Моей любимой...»	177
280. «Итак, друзья...»	177
281. Ответная песня жены Курохито	178
282. Песня Касуга Ою	178
283. Песня Такэти Курохито	178
284. Песня Касуга Ою	178
285. Песня, сложенная Тадзихи Касамаро, когда по пути в страну Ки он переходил гору Сэнояма	179
286. Ответная песня Касуга Ою	179
287. Песня царедворца Исоноками, сложенная им во время путе- шествия	179
288. Песня Ходзуми Ою	179
<i>Две песни Хасибито Оура о молодой луне</i>	
289. «Взглянул кругом...»	180
290. «Не потому ль, что очень высоки...»	180
291. Песня Ода Цукаю о горе Сэнояма	180
<i>Четыре песни Цуно Маро</i>	
292. «Как обмелела...»	180
293. «В заливе Мипу...»	181
294. «Так силен ветер...»	181
295. «Сосновый бор...»	181
<i>Две песни царедворца Тагути Масухито</i>	
296. «От мыса Кйёми...»	181
297. «Ту бухту Таго, на которую и днем...»	182
298. Песня Бэнки	182
299. Песня царедворца Отомо, первого советника двора	182
<i>Две песни принца Нагая, которые он сложил, остановив коня у гор Нара</i>	
300. «Пройдя Сахо, у гор Тамукэ, в Нара...»	182
301. «Не в силах перейти...»	183
302. Песня второго советника двора царедворца Абэ Хиронива	183
<i>Две песни Какиномото Хитомаро, сложенные в пути</i>	
303. «В прославленной стране...»	183
304. «Когда взгляну я...»	183
305. Песня Такэти Курохито о старой столице в Оми	184
306. Песня, сложенная принцем Аки	184
<i>Три песни, сложенные монахом Хакуцу по дороге в провинцию Ки</i>	
307. «Камыш, расцветший пышным флагом...»	184
308. «Как скалы, вечная...»	185
309. «Сосна, стоящая у входа...»	185
310. Песня принца Кадобэ, которую он сложил, глядя на дерево в восточной стороне столицы	185

311. Песня, сложенная Курацукури Масухито	185
312. Песня министра церемоний Фудзивара Умакай	186
313. Песня Тори Сэнрё	186
314. Песня Хата Отари	186
315. Песня, сложенная по повелению императора	186
316. Каэси-ута	187
317. Ода Ямабэ Акахито, воспевающая гору Фудзи	187
318. Каэси-ута	188
319. Песня, воспевающая гору Фудзи	188
Каэси-ута	
320. «Пятнадцатого дня...»	189
321. «Так высока вершина Фудзи...»	189
322. Песня, сложенная Ямабэ Акахито по приезде на горячие источники	190
323. Каэси-ута	190
324. Песня, сложенная Ямабэ Акахито при восхождении на гору Камиока	191
325. Каэси-ута	191
326. Песня принца Кадобэ, сложенная им во время пребывания в Нанива	192
327. Песня, сложенная монахом Цуканом	192
328. Песня Ону Ою, второго заместителя генерал-губернатора Дадзайфу	192
<i>Две песни Отомо Ёцуна</i>	
329. «Все думаю с тоскою о столице...»	193
330. «Волной струящиеся вниз...»	193
<i>Пять песен царедворца Отомо [Табито]</i>	
331. «О расцвет моих сил!..»	193
332. «Жизнь моя!..»	194
333. «Поле с мелкою травкой...»	194
334. «Траву „позабудь!“...»	194
335. «Мое странствие ныне...»	194
336. Песня Сами Мандзэй о вате	194
337. Песня, сложенная Яманозэ Окура, когда он покидал пиршество	195
<i>Тринадцать песен, прославляющих вино, сложенных царедворцем Отомо Табито</i>	
338. «О пустых вещах...»	195
339. «В древние года...»	195
340. «В древние года...»	195
341. «Чем пытаться рассуждать...»	196
342. «Если ты не будешь знать...»	196
343. «Чем ничемно так, как я...»	196
344. «До чего противны мне...»	196
345. «О, пускай мне говорят...»	196
346. «О, пускай мне говорят...»	197
347. «Если в мире суеты...»	197
348. «Лишь бы на земле...»	197
349. «Всем живущим на земле...»	197
350. «Суемудрых не терплю...»	197
351. Песня Сами Мандзэй	198
352. Песня принца Вакаюэ	198
353. Песня монаха Цукана	198

354. Песня Хэки Оою	198
355. Песня Оси Махито	199
356. Песня Ками Фурумаро	199

Шесть песен Ямабэ Акахито

357. «Вот за бухтою Нава...»	199
358. «Челн, вдали огibaющий бухту Муко...»	199
359. «На острове Абэ...»	200
360. «Когда схлынет прилив...»	200
361. «На рассвете холодном...»	200
362. «Там, где птицы мисаго...»	200
363. Из неизвестной книги	200

Две песни Каса Канамура, сложенные на горе Сиоцу

364. «Хочу, чтоб люди те, которые увидят...»	201
365. «Когда дорогой горною в Сиоцу...»	201
366. Песня, сложенная Каса Канамура, когда он отплывал на ко- рабле из гавани Цунуга	201
367. Каэси-ута	202
368. Песня царедворца Исоноками [Отомаро]	202
369. Ответная песня	202
370. Песня Абэ Хиронива	203
371. Песня, в которой принц Кадобэ, губернатор провинции Идзу- мо, тоскует о столице	203
372. Песня, сложенная Ямабэ Акахито при посещении долины Касуга	203
373. Каэси-ута	204
374. Песня Исоноками Отомаро	204
375. Песня принца Юхара, сложенная в Ёсину	204

Две песни принца Юхара, сложенные на пиру

376. «Словно крыльями цветными стрекоза...»	205
377. «О, сколько ни люблюсь я всегда...»	205
378. Песня Ямабэ Акахито, воспевающая пруд	205
379. Песня Отомо Саканоз, обращенная с мольбой к богам	205
380. Каэси-ута	206
381. Песня девушки из Цукуси	206
382. Песня Тадзихи Кунихито, сложенная при восхождении на пик Цукуба	207
383. Каэси-ута	207
384. Песня Ямабэ Акахито	208

Три песни о фее Цуминоэ

385. «Град идет...»	208
386. «Если б этим вечером сюда...»	208
387. <Песня Вакамия Аюмаро>	208
388. Песня странствования	209
389. Каэси-ута	210

ПЕСНИ-АЛЛЕГОРИИ

390. Песня принцессы Ки	210
391. Песня Сами Мандзэй, настоятеля храма богини Каннон в Цукуси	210
392. Песня о сливе, сложенная Отомо Момоё, главным судьей Дадзайфу	210

393. Песня Саами Мандзэй о луне	211
394. Песня Кон Мёгуна	211

Три песни девицы Каса, посланные Отомо Якамоти

395. «Алыми корнями мурасаки...»	211
396. «Долина Ману с мелкою травой...»	211
397. «Внизу у диких скал...»	212

Две песни Фудзивара Яцука о сливе

398. «На сливе, что цветет у дома твоего...»	212
399. «Ах, если бы цветы душистой сливы...»	212
400. Песня Отомо Суругамаро о сливе	212
401. Песня госпожи Отомо Саканоз, исполненная на поэтическом турнире в кругу родных	213
402. Ответная песня Отомо Суругамаро	213
403. Песня Отомо Якамоти, посланная старшей дочери Отомо Саканоз	213
404. Песня девушки, посланная в ответ на песню Сахэки Акамаро	213
405. Еще одна песня, посланная Сахэки Акамаро [девушке]	214
406. Песня, посланная в ответ девушкой	214
407. Песня Отомо Суругамаро, в которой он сватает младшую дочь из дома Саканоз	214
408. Песня Отомо Якамоти, посланная своей возлюбленной — старшей дочери из дома Саканоз	214
409. Песня Отомо Суругамаро	215
410. Песня Отомо Саканоз о цветах померанцев	215
411. Ответная песня	215
412. Песня принца Итихара	215
413. Песня, сложенная Оами Хитонуси на поэтическом турнире	216
414. Песня Отомо Якамоти	216

ПЛАЧИ

415. Песня, сложенная Сётоку-тайси в печали при виде погибшего странника	216
416. Песня принца Оцу, которую он сложил, проливая слезы на насыпи у пруда Иварэ	217

Три песни, сложенные принцессой Тамоти, когда хоронили ее возлюбленного

417. «Душой с тобою мы...»	217
418. «В стране Тоёкуни...»	217
419. «О, если б силу мне, чтоб расколоть...»	217
420. Песня принцессы Ниу, сложенная, когда скончался принц Ивата	218

Каэси-ута

421. «То не выдумка, не ложь...»	219
422. «Сугэ, что растут на горных склонах Фуру...»	219
423. Песня, сложенная в печали принцем Ямакума, когда скончался принц Ивата	219

Каэси-ута из неизвестной книги

424. «Не скажешь разве ты...»	220
425. «В стране Хацусэ, над рекой, где ветер...»	220
426. Песня Какиномото Хитомаро, сложенная в печали при виде погибшего странника на горе Кагуяма	221

427. Плач, сложенный Осакабэ Таримаро, когда умер Тагути Хиромаро	221
428. Плач Какиномото Хитомаро о юной деве из дома Хидзиката	221
<i>Два плача Какиномото Хитомаро о девушке из Идзумо</i>	
429. «О дева юная из Идзумо-страны...»	222
430. «И пряди черные волос прекрасной девы...»	222
431. Песня, сложенная Ямабэ Акахито, когда он проезжал мимо кургана девы из Мама	222
Каэси-ута	
432. «Видел это я сам...»	223
433. «Вот в Кацусика, в дальней стране...»	223
<i>Четыре песни, сложенные Кавабэ Мияхито в четвертом году Вадо</i>	
434. «Хоть и люблюсь цветами...»	223
435. «Те травы, что росли...»	224
436. «Все эти дни...»	224
437. «И ты, и я — мы оба сердцем чисты...»	224
<i>Три песни от пятого года правления Дзинки [728]</i>	
438. «Изголовье из рук, что лежали на шелковой ткани...»	224
439. «Вот и время пришло...»	225
440. «В покинутом доме...»	225
441. Песня, сложенная в шестом году Дзинки [729] принцессой Курахасибэ	225
442. Песня, оплакивающая принца Касивадэбэ	225
443. Плач, сложенный судебным чиновником Отомо Минака	226
Каэси-ута	
444. «О, ведь вчерашний день...»	227
445. «О милый друг, что нас навек покинул...»	227
<i>Пять песен, сложенных царедворцем Отомо [Табито]</i>	
446. «Это дерево муро, любовалась которым...»	228
447. «Каждый раз, как взгляну я...»	228
448. «Ах, если б спросил, где она, что когда-то...»	228
449. «Когда я увидел...»	228
450. «Когда проплывал я один мимо мыса...»	229
<i>Три песни, сложенные по возвращении на родину</i>	
451. «Мой дом опустевший, где нету любимой...»	229
452. «В том саду, что вдвоем...»	229
453. «Каждый раз, как смотрю я на дерево сливы...»	229
<i>Шесть песен, сложенных осенью третьего года Тэмпё</i>	
<i><Песни, сложенные Кон Мёгуном></i>	
454. «О, если б ты, сверкавший славой...»	230
455. «Увы, лишь так...»	230
456. «Тоскую о тебе...»	230
457. «Ах, больше нет тебя...»	230
458. «Как малое дитя...»	231
459. <Агатаноиннукай Хитоками>	231
460. Плач, сложенный в седьмом году Тэмпё [735] Отомо Саканоз	231
461. Каэси-ута	233
462. Песня, сложенная Отомо Якамоти в шестом месяце одиннадцатого года Тэмпё	233

463. Ответная песня Отомо Фумимоти, младшего брата [Якамоти]	233
464. Песня, сложенная Якамоти при виде цветов гвоздики	233
465. Песня, сложенная Якамоти в горе месяц спустя, когда начал дуть осенний ветер	234
466. Еще одна песня, сложенная Якамоти	234
Каэси-ута	
467. «Всегда мог наступить — я это знал...»	235
468. «Если б знал я, где лежит тот путь...»	235
469. «Срок прошел — и отцвели цветы...»	235
<i>Еще пять песен [Отомо Якамоти], сложенных в безутешной печали</i>	
470. «О, только так на свете и бывает...»	235
471. «Покинувшую дом родимый...»	236
472. «Хоть знаю я давно...»	236
473. «О, каждый раз, когда там, вдалеке...»	236
474. «Пусть в годы давние на горный склон Сахо...»	236
<i>Плачи Отомо Якамоти, сложенные им весной шестнадцатого года Тэмплё</i>	
475. «И поведать это вам...»	237
Каэси-ута	
476. «Не думал я...»	238
477. «Как пышные цветы...»	238
478. «И поведать это вам...»	238
Каэси-ута	
479. «Дорога, что идет между горами...»	239
480. «Надев колчан...»	240
481. Плач Такахаси, сложенный в печали по умершей жене	240
Каэси-ута	
482. «Все это...»	241
483. «Как птица поутру...»	241

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕСНИ-ПОСЛАНИЯ (ПЕСНИ-ПЕРЕКЛИЧКИ)

484. Песня, поднесенная младшей сестрой императора Ниятоку своему возлюбленному брату	245
485. Песня, сложенная императрицей Когёку	245
Каэси-ута	
486. «Как шумят, летая между гребней гор...»	246
487. «На дороге в Оми...»	246
488. Песня принцессы Нукада, сложенная в тоске по императору Тэндзи	246
489. Песня принцессы Кагами	246
<i>Две песни старой служанки Фубуки</i>	
490. «Там, где бухта Ману...»	247
491. «Берега у реки покрывают цветы ицумо...»	247
<i>Четыре песни, сложенные, когда Табэ Итихико получил назначение в Дадзайфу</i>	
492. <Песня Тонэри Ёситоси>	247

493. <Песня Табэ Итихико>	248
494. [Песни Табэ Итихико]	248
495. [Песня Тонэри Ёситоси]	248

Четыре песни Какиномото Хитомаро

496. «Как сотнями рядов гнездятся листья...»	248
497. «И люди те...»	249
498. «Все это не дела...»	249
499. «Не оттого ль, что думаю, бывало...»	249
500. Песня жены Го Данъоти, сложенная во время его отъезда в провинцию Исэ	249

Три песни Какиномото Хитомаро

501. «О, с давних пор на склонах Фуруяма...»	250
502. «На миг один короткий, как рога...»	250
503. «Яшмовых одежд затихнул шорох...»	250
504. Песня жены Какиномото Хитомаро	250

Две песни девицы из дома Абэ

505. «Теперь...»	251
506. «Любимый мой...»	251
507. Песни унэмэ из провинции Суруга	251
508. Песня Миката Сами	251
509. Песня, сложенная Тадзихи Касамаро, когда он отправлялся в страну Цукуси	252
510. Каэси-ута	253
511. Песня, сложенная женой Тагима Маро	254
512. Песня деревенской девушки	254
513. Песня принца Сики	254
514. Песня девицы из дома Абэ	254
515. Песня Накатоми Адзумахито, посланная девице из дома Абэ	255
516. Ответная песня девицы из дома Абэ	255
517. Песня первого советника двора и главного полководца Отомо [Ясумаро]	255
518. Песня придворной дамы высокого ранга из рода Исикава	255
519. Песня госпожи Отомо	256
520. Песня, сложенная позднее неизвестным лицом в подражание [госпоже Отомо]	256
521. Песня, посланная женщиной из провинции Хитати	256

*Три песни царедворца Фудзивара Маро, посланные госпоже Отомо
[Саканоз]*

522. «Как гребень яшмовый...»	257
523. «Ведь говорят...»	257
524. «Хоть и лежал...»	257

*Четыре песни госпожи Отомо Саканоз, посланные в ответ [Фудзи-
вара Маро]*

525. «О ночь, когда твой черный конь...»	257
526. «Как непрерывно набегают вновь и вновь...»	258
527. «Скажешь мне: „Приду“...»	258
528. «У переправы на реке Сахо...»	258
529. Еще одна песня госпожи Отомо Саканоз	258
530. Песня, пожалованная императором Сёму принцессе Унаками	259
531. Песня, поднесенная в ответ принцессой Унаками	259

Две песни Отомо Сукунамаро

532. «Милое дитя, что во дворец идет...»	259
533. «Как на следы прилива, что отхлынул...»	259
534. Песня принца Аки	260
535. Каэси-ута	260
536. Песня принца Кадобэ о любви	260

Шесть песен, посланных принцессой Таката принцу Имаки

537. «Так равнодушно и жестоко...»	261
538. «Не дает покоя мне молва людская...»	261
539. «О, если б ты, любимый мой...»	261
540. «Оттого ли, что думалось мне...»	261
541. «В непрочном бренном этом мире...»	262
542. «Нет твоего гонца...»	262
543. Песня, сложенная Каса Канамура по заказу неизвестной девицы	262

Каэси-ута

544. «Чем проводив тебя...»	263
545. «О, если бы пошла я за тобою...»	264
546. Песня, сложенная Каса Канамура, когда он завоевал любовь юной девы	264

Каэси-ута

547. «С тех пор, как я ее увидел...»	265
548. «Коль быстро эта ночь...»	265

*Три песни, сложенные на почтовой станции в Асики в провинции
Тикудзэн*

549. <Неизвестный автор>	265
550. <Неизвестный автор>	266
551. <Неизвестный автор>	266
552. Песня, сложенная Отомо Миёри	266

Две песни принцессы Ницу, посланные Отомо [Табито]

553. «Как дальние края...»	266
554. «Из-за того сакэ...»	267
555. Песня, посланная генерал-губернатором Дадзайфу царедвор- цем Отомо Табито своему первому заместителю	267
556. Песня принцессы Камо, посланная Отомо Миёри	267

Две песни, сложенные Ханиси Мимити в пути

557. «Я тороплю корабль скорее плыть...»	268
558. «Дары, что я принес в священный храм...»	268

Четыре песни о любви, сложенные Отомо Момоё

559. «Спокойно жил...»	268
560. «Когда я от любви к тебе умру...»	269
561. «О, если б ты сказала мне, что любишь...»	269
562. «Ты напрасно только заставляешь...»	269

Две песни госпожи Отомо Саканозэ

563. «До этих дней...»	269
564. «Ты, с кем молва меня связала...»	270
565. Песня принцессы Камо	270

Песни Отомо Момоё, старшего инспектора Дадзайфу, [и Ямагути Вакамаро, младшего секретаря]

566. <Песня Отомо Момоё> 270
567. <Песня Ямагути Вакамаро> 271

Четыре песни, сложенные чиновниками Дадзайфу на почтовой станции в Асики

568. <Песня Кадобэ Исотари> 271
569. Песня старшего секретаря Асада Ясу 271
570. <Песня старшего секретаря Асада Ясу> 272
571. <Песня Отомо Ёдзуна, надзирателя над пограничными стражами> 272

Две песни, посланные Сами Мандзэй генерал-губернатору Дадзайфу Отомо [Табито]

572. «С тех пор, как тебя проводил...» 272
573. «Хоть белыми черные волосы стали...» 273

Две песни первого советника двора царедворца Отомо [Табито], сложенные в ответ

574. «Здесь живя, не пойму...» 273
575. «Как журавль в тростниках...» 273
576. Песня, сложенная в печали Фудзии Онари, губернатором провинции Тикуго 273
577. Песня, посланная первым советником двора царедворцем Отомо [Табито] принцу Такаясу 274
578. Песня, в которой Отомо Миёри печалится из-за разлуки . . . 274

Две песни Кон Мёгуна, посланные Отомо Якамоти

579. «С тех пор, как выделился с тобою...» 274
580. «О милый мой...» 274

Четыре песни старшей дочери Отомо Саканозэ, посланные в ответ [своему возлюбленному] Отомо Якамоти

581. «Если только будем жить на свете...» 275
582. «Пусть даже мужественный рыцарь...» 275
583. «Ужель любовь так быстро увядает...» 275
584. «Подобно облакам, что поутру встают...» 275
585. Песня госпожи Отомо Саканозэ 276
586. Песня Отомо Инакими, посланная старшей дочери [Отомо] из Тамура 276

Двадцать четыре песни девицы из рода Каса, посланные Отомо Якамоти

587. «На мой подарок, что дала на память...» 276
588. «Как сосны мацу на горе Тоба...» 276
589. «Ах, ничего не зная обо мне...» 277
590. «Ты можешь думать...» 277
591. «Ах, о моей любви...» 277
592. «Как плачущий журавль во мраке черной ночи...» 277
593. «Любя тебя...» 277
594. «Как тает белая роса...» 278
595. «Пока не умерла...» 278
596. «И даже мелкий тот песок на побережье...» 278
597. «В непрочном и неверном мире...» 278
598. «Да, от любви ведь тоже умирают люди...» 278

599. «Из-за тебя...»	279
600. «В море, в Исэ, страх внушают могучие волны...»	279
601. «И в сердце даже...»	279
602. «Лишь только наступает вечер...»	279
603. «Когда б случилось так...»	279
604. «Во сне я нынче увидала...»	280
605. «Когда бы у богов и неба, и земли...»	280
606. «И я люблю, и ты не забывай...»	280
607. «Хоть и звучит здесь колокол вечерний...»	280
608. «Любить того...»	280
609. «И в сердце даже...»	281
610. «О, если б только ты здесь находился рядом...»	281

Две песни, сложенные в ответ Отомо Якамоти

611. «Не оттого ль, что думаю всегда...»	281
612. «И дальше мы с тобой...»	281

Пять песен принцессы Ямагути, посланные Отомо Якамоти

613. «Говорят, когда о чем-нибудь тоскуешь...»	282
614. «О тебе, что мне в ответ...»	282
615. «Милый мой...»	282
616. «Пусть бранного меча клинок вонзили...»	282
617. «Оттого ль, что все сильнее любовь...»	283
618. Песня девицы из дома Омива, посланная Отомо Якамоти	283
619. Песня упреков, сложенная Отомо Саканоз	283
620. Каэси-ута	284
621. Песня жены Сахэки Адзумахито, посланная мужу	285
622. Ответная песня Сахэки Адзумахито	285
623. Песня, исполненная принцем Икэбэ на поэтическом турнире	285
624. Песня, сложенная императором [Сёму] в тоске о принцессе Сакахито	285
625. Песня принца Такаясу, посланная им неизвестной девице	286
626. Песня принцессы Ясиро, преподнесенная императору [Сёму]	286
627. Песня девушки, посланная в ответ Сахэки Акамаро	286
628. Ответная песня Сахэки Акамаро	286
629. Песня Отомо Ёдуна, сложенная на поэтическом турнире	287
630. Песня Сахэки Акамаро	287

Две песни принца Юхара, посланные неизвестной девице

631. «В тебе сочувствия...»	287
632. «Глазами вижу, но руками...»	287

Две песни, посланные девицей в ответ

633. «Не оттого ли, что тоскуешь сильно...»	288
634. «И дома, находясь с тобою...»	288

Еще две песни, посланные принцем Юхара

635. «Хотя и взял с собой я жену...»	288
636. «Мою одежду...»	288
637. Песня, посланная девицей в ответ	289
638. Еще одна песня, посланная принцем Юхара	289
639. Песня, посланная девицей в ответ	289
640. Еще одна песня, посланная принцем Юхара	289
641. Песня, посланная девицей в ответ	290
642. Песня принца Юхара	290

Три песни упреков [придворной] дамы из рода Ки

643. «Если б в этом мире...»	290
644. «Как я теперь...»	290
645. «Вот день приблизился...»	291
646. Песня Отомо Суругамаро	291
647. Песня госпожи Отомо Саканозэ	291
648. Песня Отомо Суругамаро	291
649. Песня госпожи Отомо Саканозэ	292
650. Песня Отомо Миёри, в которой он радуется новой встрече	292

Две песни госпожи Отомо Саканозэ

651. «С небес извечных...»	292
652. «Владельцу жемчуга...»	292

Три песни Отомо Суругамаро

653. «В душе...»	293
654. «Ведь месяца еще не миновало...»	293
655. «О, если бы, не чувствуя любви...»	293

Шесть песен госпожи Отомо Саканозэ

656. «Ведь только я, увь...»	293
657. «Хоть говорила я тебе...»	294
658. «Я ведь знаю...»	294
659. «С давних пор...»	294
660. «Эти люди меня разлучают с тобою...»	294
661. «Когда измучившись в тоске...»	294
662. Песня принца Итихара	295
663. Песня Ато Тоситари	295
664. Песня Отомо Катами	295
665. Песня Абэ Мусимаро	295

Две песни госпожи Отомо Саканозэ

666. «С тех пор, как виделись с тобою...»	296
667. «Измучившись в тоске...»	296
668. Песня принца Адзumi	296
669. Песня принца Касуга	296
670. Песня принца Юхара	297
671. Ответная песня	297
672. Песня Абэ Мусимаро	297

Две песни госпожи Отомо Саканозэ

673. «О, если сердце чистое такое...»	297
674. «Как на нить нанизывают жемчуг...»	298

Пять песен девицы из дома Накатоми, посланные Отомо Якамоти

675. «На болотах Саки, там где расцветают...»	298
676. «С тобой, к кому любовь...»	298
677. «О, как тоскую я о человеке том...»	298
678. «О, если б только встретиться с тобою...»	299
679. «О, если б ты сказал мне „нет“...»	299

Три песни Отомо Якамоти, сложенные в разлуке с другом

680. «О, верно, слышал ты...»	299
681. «Когда бы ты сказал...»	299
682. «Пусть ты в ответ...»	300

Семь песен госпожи Отомо Саканоэ

683. «О, это сторона...»	300
684. «Теперь...»	300
685. «Молва людская, словно заросли кругом...»	300
686. «Это время...»	300
687. «О любящее мое сердце...»	301
688. «Заметно для других, подобно облакам...»	301
689. «Ни горы, ни моря...»	301
690. Песня, в которой Отомо Миёри печалится о разлуке	301

Две песни Отомо Якамоти, посланные неизвестной девице

691. «Сто чинов придворных...»	302
692. «Безжалостная милая моя...»	302
693. Песня Отомо Тимуру	302

Две песни принцессы Хирокава

694. «Коигуса — „любовь-траву“...»	303
695. «Не будет теперь любви...»	303
696. Песня Исикава Хиронари	303

Три песни Отомо Катами

697. «Не говори...»	303
698. «Как облака, что утренней порою...»	304
699. «Как быстрая вода, текущая меж скал...»	304
700. Песня, сложенная Отомо Якамоти у ворот возлюбленной	304

Две песни девы Коти Момоэ, посланные Отомо Якамоти

701. «При встрече случайной едва-едва...»	304
702. «Месяц ясный в ту черную ночь...»	305

Две песни девы Камунагибэ Масо

703. «Со дня того, как виделись с тобою...»	305
704. «Я хочу, чтоб жизнь моя была...»	305
705. Песня Отомо Якамоти, посланная молодой девице	305
706. Ответная песня девицы	306

Две песни девы Аватамэ, посланные Отомо Якамоти

707. «Не знаю я...»	306
708. «Неужели встретиться с тобою...»	306
709. Песни Оякэма, девы из провинции Будзэн	306
710. Песня девы Ато Тобира	307

Три песни девы Таниха Омэ

711. «В том пруду...»	307
712. «Оттого ль, что грех рукой коснуться...»	307
713. «Услышав про молву людскую...»	307

Семь песен Отомо Якамоти, посланных неизвестной девице

714. «В душе...»	308
715. «По чистой отмели...»	308
716. «Ни дня, ни ночи...»	308
717. «Того человека...»	308
718. «Вдруг неожиданно...»	309
719. «Я думал о себе, что рыцарь я...»	309
720. «На тысячи мелких кусков...»	309
721. Песня, поднесенная императору [Сёму]	309

722. Песня Отомо Якамоти	310
723. Песня Отомо Саканоз, посланная из имения Томи старшей дочери	310
724. Каэси-ута	310
<i>Две песни, преподнесенные императору [Сёму]</i>	
725. «О вода прозрачная в пруду...»	311
726. «Чем жить, всегда тоскуя о тебе...»	311
<i>Две песни Отомо Якамоти, посланные старшей дочери Отомо Саканоз</i>	
727. «Траву „позабудь“...»	311
728. «Страны, где не было б совсем людей...»	312
<i>Три песни старшей дочери Отомо Саканоз, посланные Отомо Якамоти</i>	
729. «Когда бы ты был яшмой дорогой...»	312
730. «С тобой ночами виделись всегда...»	312
731. «Пускай на тысячи ладов...»	312
<i>Еще три песни Отомо Якамоти, посланные в ответ [старшей дочери Саканоз]</i>	
732. «О, ныне для меня все это не кручина...»	313
733. «В этом мире бренном и непрочно...»	313
734. «Чем так мне жить, страдая и любя...»	313
735. Еще одна песня старшей дочери Саканоз, посланная Якамоти	313
736. Еще одна песня Якамоти, посланная в ответ старшей дочери Саканоз	314
<i>Две песни старшей дочери Саканоз, посланные Якамоти</i>	
737. «Пусть что угодно...»	314
738. «О этот мир и бренный, и унылый!..»	314
<i>Еще две песни Якамоти, посланные в ответ старшей дочери Саканоз</i>	
739. Гора «Потом, любимый...»	315
740. «Не будут ли все это лишь слова...»	315
<i>Еще пятнадцать песен Отомо Якамоти, посланных старшей дочери Саканоз</i>	
741. «О, эти встречи...»	315
742. «Даже пояс...»	316
743. «О несчастная моя любовь!»	316
744. «Как только наступает вечер...»	316
745. «И ночью, и утром...»	316
746. «В бренном этом мире, где я прожил долго...»	316
747. «Одежду, что в знак памяти дала...»	317
748. «Пускай умру я от любви к тебе...»	317
749. «Хотя бы в снах увидеть тебя...»	317
750. «Всегда конец любви...»	317
751. «После встречи с тобою...»	317
752. «Когда я тоскую так сильно...»	318
753. «Я думал всегда, если встречу с тобою...»	318
754. «Когда я уходил домой...»	318
755. «Шел от тебя домой...»	318

Четыре песни, посланные старшей дочерью из дома Отомо в Тамура

756. «Быть вдалеке...»	319
757. «Когда ты далеко, печалюсь и терплю...»	319
758. «Так высоко, как горные вершины...»	319
759. «Ну как, скажи...»	319

Две песни Отомо Саканоз, посланные старшей дочери из поместья Такэда

760. «Как плачущий журавль...»	320
761. «Полна тоски...»	320

Две песни придворной дамы из рода Ки

762. «Не избегаешь нашей встречи...»	320
763. «Ведь яшмовую нить скрепили...»	321
764. Песня Отомо Якамоти, посланная в ответ	321
765. Песня Отомо Якамоти, сложенная им, когда в столице Куни он тосковал	321
766. Песня девицы из дома Фудзивара, сложенная в ответ на услышанную песню Отомо Якамоти	321

Еще две песни Отомо Якамоти, посланные старшей дочери Саканоз

767. «Не оттого ль, что далеки...»	322
768. «В Куни, где ныне правят всей страной...»	322
769. Песня Отомо Якамоти, посланная в ответ придворной даме из рода Ки	322

Пять песен Отомо Якамоти, посланные из столицы Куни

770. «Лишь потому, что много глаз людских...»	323
771. «И даже в лжи...»	323
772. «Я развязал свой шнур в надежде...»	323
773. «Ведь даже дерево безгласное и то...»	323
774. «Пусть тысячу мне раз...»	324
775. Песня Отомо Якамоти, посланная придворной даме из рода Ки	324
776. Песня придворной дамы из рода Ки, посланная в ответ Якамоти	324

Еще пять песен Отомо Якамоти, посланных придворной даме из рода Ки

777. «О, если бы пошел взглянуть я на плетень...»	324
778. «Могу ли уверять...»	325
779. «Что до дерева, покрытого корой...»	325
780. «Пусть деревья принесу с корою...»	325
781. «Ночью черной, как черные ягоды тута...»	325
782. Песня девицы из рода Ки, посланная подруге вместе с подарком	325

Три песни Отомо Якамоти, посланные неизвестной девице

783. «И позапрошлый год...»	326
784. «Наяву...»	326
785. «Как белая роса, что засверкав, легла...»	326

Три песни Отомо Якамоти, посланные Фудзивара Кусумаро

786. «Весенние дожди...»	327
787. «Ах, мнится мне...»	327
788. «Посадил я...»	327

Еще две песни Якамоти, посланные Фудзивара Кусумаро

789. «С какой тоской...»	327
------------------------------------	-----

790. «О, были б только сказаны слова...»	328
<i>Две ответные песни Фудзивара Кусумаро</i>	
791. «Глубоки корни сугэ, что растут...»	328
792. «Ведь, говорят, дождей весенних ждут...»	328

КНИГА ПЯТАЯ **РАЗНЫЕ ПЕСНИ**

793. Песня, сложенная Отомо Табито... в ответ на соболезнование [по поводу кончины его жены]	331
794. Плач <Яманоз Окура>	331

Каэси-ута

795. «Домой возвратившись...»	332
796. «Как жаль безгранично мне доброе сердце...»	332
797. «Как об этом сожалею я...»	333
798. «Верно, лепестки лиловые ооти...»	333
799. «Над горою ближнею Оону...»	333
800. Песня, посвященная обращению на истинный путь заблудшего сердца	333
801. Каэси-ута	334
802. Песня [Яманоз Окура], сложенная в думах о детях	334
803. Каэси-ута	335
804. Поэма сожаления о быстротечности жизни	335
805. Каэси-ута	337

Две песни генерал-губернатора Дадзайфу, царедворца Отомо [Табито]

806. «Эх, коня бы сейчас...»	337
807. «Наяву нам, увы, не встречаться с тобою...»	337

Две песни, посланные в ответ [другом Отомо Табито из столицы]

808. «Скакуна, что подобен морскому дракону...»	338
809. «Не увидеться нам с глазу на глаз с тобою...»	338

Отомо Табито почтительнейше подносит

810. «Когда это будет...»	339
811. «Пусть ты всего лишь...»	339
812. [Послание и песня Фудзивара Фусасаки в ответ на письмо и подарок от Отомо Табито]	339
813. [Предание о чудодейственных камнях, связанное с походом императрицы Дзинго в Сираги]	340
814. Каэси-ута	341

Тридцать две песни о цветах сливы

815. <Песня Ки, первого заместителя генерал-губернатора Дадзайфу>	341
816. <Песня Оно Ою, второго заместителя генерал-губернатора Дадзайфу>	341
817. <Песня Авата, второго заместителя генерал-губернатора Дадзайфу>	342
818. <Песня Яманоз [Окура], губернатора провинции Тикудзэн>	342
819. <Песня Отомо [Миёри], губернатора провинции Бунго>	342
820. <Песня Фудзии [Онари], губернатора провинции Тикуго>	342
821. Песня Каса-Сами	343

822.	<Песня хозяина — [Отомо Табито]>	343
823.	<Песня Отомо Момоё, старшего инспектора Дадзайфу>	343
824.	<Песня А[бэ] Окисима, младшего инспектора Дадзайфу>	343
825.	<Песня Хани[си] Моморура, младшего инспектора Дадзайфу>	344
826.	<Песня Фухито[бэ] Охара, главного секретаря Дадзайфу>	344
827.	<Песня Яма[гути] Вакамаро, помощника главного секретаря Дадзайфу>	344
828.	<Песня Фунэ Маро, главного судьи Дадзайфу>	344
829.	<Песня Тё Сакико, лекаря Дадзайфу>	345
830.	<Песня Са[хэки] Кобито, помощника губернатора провинции Тикудзэн>	345
831.	<Песня Ита[моти] Ясумаро, губернатора провинции Ики>	345
832.	<Песня Инафу, главного жреца — хранителя культа в Дадзайфу>	345
833.	<Песня Сукунамаро, старшего секретаря Дадзайфу>	346
834.	<Песня Умабито, младшего секретаря Дадзайфу>	346
835.	<Песня Ёсимити, лекаря Дадзайфу>	346
836.	<Песня Исо Норимаро, прорицателя Дадзайфу>	346
837.	<Песня казначея Дадзайфу по имени Омити>	347
838.	<Песня писца провинции Осуми по имени Мохимаро>	347
839.	<Песня писца провинции Тикудзэн по имени Махито>	347
840.	<Песня писца провинции Ики по имени Отиката>	347
841.	<Песня писца провинции Цусима по имени Ою>	348
842.	<Песня писца провинции Сацума по имени Ама>	348
843.	<Песня Ханиси Мимити>	348
844.	<Песня Ону Куниката>	348
845.	<Песня Кадо[бэ] Исотари, инспектора провинции Тикудзэн>	349
846.	<Песня Ону Танри>	349
<i>Две песни [Отомо Табито], сложенные в тоске по родным местам</i>		
847.	«Моей жизни расцвет...»	349
848.	«Чем мне пить это зелье...»	349
<i>Четыре песни о цветах сливы, сложенные в подражание предыдущим</i>		
849.	«С оставшимся на листьях белым снегом...»	350
850.	«Похитив белый цвет у снега...»	350
851.	«У дома моего душистых слив цветы...»	350
852.	«Приснился мне цветок душистой сливы...»	350
853.	[Песня Отомо Табито, сложенная во время прогулки у реки Мацура]	351
854.	Ответная песня рыбачек	351
<i>Еще три песни, посланные странником</i>		
855.	«Там, где Мацура...»	351
856.	«В дивной Мацура, в водах реки...»	351
857.	«Человека из краев далеких ждут...»	352
<i>Еще три песни, сложенные в ответ девушками</i>		
858.	«Если думы мои...»	352
859.	«Лишь наступит весна...»	352
860.	«Пусть останятся быстрые воды...»	352
<i>Три песни, сложенные позднее как отклик на предыдущие песни</i>		
861.	«У реки светлой Мацура...»	353
862.	«На реке светлой Мацура...»	353

863. «Как завидую людям...»	353
864. Песня [Ёсида Ёроси, посланная Табито] в ответ	353
865. Ответ [Ёсида Ёроси] на песни о феях в Мацура	354
<i>Две песни [Ёсида Ёроси], сложенные в глубокой тоске о друге</i>	
866. «Какой далекой...»	354
867. «Так много дней прошло...»	354
<i>[Три песни Окура, посланные... Отомо Табито]</i>	
868. «Ужели вечно слышать буду...»	355
869. «Кто видел камень...»	355
870. «Не сотни дней...»	355
871. [Песня Отомо Табито, навеянная преданием о Мацура Саёхимэ]	355
872. Песня о том же, сложенная позднее	356
873. Песня о том же, сложенная в более поздние времена	356
<i>Две песни о том же, сложенные в еще более поздние времена</i>	
874. «Среди равнины вод...»	356
875. «Махая кораблю...»	356
<i>Четыре песни Яманоз Окура, сложенные на прощальном пиру в честь Табито</i>	
876. «Когда бы в облаках я мог парить...»	357
877. «Вот люди близкие прощаются с тобою...»	357
878. «Хоть и говорили мы не раз...»	357
879. «Пусть ты вечно пребываешь на земле...»	357
<i>Три песни, в которых пытаюсь высказать свои думы</i>	
880. «В далекой, словно свод небесный...»	358
881. «Неужели будет так и впредь...»	358
882. «Коль милости тебе теперь и слава...»	358
883. Песня принца Мисима, воспевающая Мацура Саёхимэ	358
<i>Две песни, сложенные Асада Ясу от лица Отомо Кумагори</i>	
884. «От родины вдали...»	359
885. «Подобно утренней росе, что быстро тает...»	359
<i>Шесть песен, сложенных губернатором провинции Тикудзэн Яманоз Окура в ответ на песни, в которых были выражены чувства Отомо Кумагори</i>	
886. «Во дворец собрался я...»	359
887. Каэси-ута	360
888. «Незнакомый мне...»	361
889. «Если бы я в доме был родном...»	361
890. «Считая каждый день...»	361
891. «О, всего единственный лишь раз...»	361
892. Диалог бедняков	361
О т в е т	363
893. Каэси-ута	364
894. Песня о благополучном путешествии и благополучном возвращении	364
<i>Каэси-ута</i>	
895. «В Отомо, в Мицу...»	366
896. «Если только я услышу, что причалил...»	366
43 Заказ 2978	665

897. Песня, сложенная о том, как в старости одолевают болезни .	367
---	-----

Каэси-ута

898. «Ныне сердцу моему...»	368
899. «Без надежды каждый день...»	368
900. «Много платьев у ребенка богача...»	368
901. «А у бедного — из грубого холста...»	368
902. «Словно пена на воде...»	369
903. «Жемчуг иль простая ткань...»	369
904. Песня [Яманоз Окура] о любви к сыну Фурухи	369

Каэси-ута

905. «Оттого что очень еще молод...»	371
906. «Поднося дары...»	371

КНИГА ШЕСТАЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

907. Песня Каса Канамура, сложенная во время посещения императрицей [Гэнсё] дворца Тоцумия в Ёсину	375
--	-----

Каэси-ута

908. «Хотел бы каждый год...»	376
909. «Оттого что горы поднялись высоко...»	376

Каэси-ута из неизвестной книги

910. «Оттого ли что живут здесь боги»	376
911. «Прекрасные воды Акицу-реки»	376
912. «Не белые ль цветы...»	377
913. Песня, сложенная Курамоти Титосэ	377
914. Каэси-ута	377

Каэси-ута из неизвестной книги

915. «У Ёсину-реки, там, где тидори...»	378
916. «Не так уж много миновало дней...»	378
917. Песня, сложенная Ямабэ Акахито, когда император Сёму путешествовал по стране Кии	378

Каэси-ута

918. «Там, где остров на взморье...»	379
919. «В этой бухте Вака...»	379
920. Песня Каса Канамура, сложенная летом второго года Дзинки [725], в пятом месяце	379

Каэси-ута

921. «Пусть тысячи веков люблюсь, все равно...»	380
922. «О, если б жизнь моя и жизнь всех людей...»	380
923. Песня, сложенная Ямабэ Акахито	381

Каэси-ута

924. «В этом Ёсину дивном...»	381
925. «Когда ночь наступает...»	382

926. Песня, сложенная Ямабэ Акахито	382
927. Каэси-ута	382
928. Песня Каса Канамура, сложенная зимой второго года Дзинки	383

Каэси-ута

929. «Пусть в заброшенных полях село лежало...»	384
930. «Видно, выплыли ладьи без перекладин...»	384
931. Песня, сложенная Курамоти Титосэ	384
932. Каэси-ута	385
933. Песня, сложенная Ямабэ Акахито	385
934. Каэси-ута	386
935. Песня Каса Канамура, сложенная в третьем году Дзинки	386

Каэси-ута

936. «Я в море плыть хочу, чтоб увидеть...»	387
937. «О, сколько ни брожу и ни смотрю...»	387
938. Песня, сложенная Ямабэ Акахито	387

Каэси-ута

939. «И в море открытом...»	388
940. «В поле дальнем Инами...»	388
941. «Вот и бухта Акаси...»	388
942. Песня, сложенная Ямабэ Акахито, когда он проезжал остров Карани	389

Каэси-ута

943. «На острове этом Карани...»	389
944. «Когда к островам...»	390
945. «Только ветры подули...»	390
946. Песня, сложенная Ямабэ Акахито, когда он проезжал бухту Минумэ	390
947. Каэси-ута	391
948. Песня, сложенная весной четвертого года Дзинки	391
949. Каэси-ута	392

Четыре песни, сложенные во время пребывания императора [Сёму] во дворце Нанива

950. «Говорят, великий государь...»	393
951. «Когда взглянул...»	393
952. «Привыкли надевать китайские одежды...»	393
953. «И даже в день, когда отправлюсь в путь...»	393
954. Песня принца Касивадэ	394
955. Песня Исикава Тарихито	394
956. Песня, сложенная в ответ генерал-губернатором Дадзайфу царедворцем Отомо [Табито]	394

Песни, сложенные зимой пятого года Дзинки

957. Песня Отомо [Табито]	395
958. Песня Оно Ою	395
959. Песня Уно Охито	395
960. Песня, сложенная генерал-губернатором Дадзайфу царедворцем Отомо Табито	396
961. Песня, сложенная генерал-губернатором Дадзайфу царедворцем Отомо [Табито]	396
962. Песня, сложенная во втором году Тэмпё	396
963. Песня, сложенная госпожей Отомо Саканоз зимой [второго года Тэмпё]	397
964. Песня, сложенная Отомо Саканоз при виде раковин на берегу	397

Две песни, сложенные прелестницей Кодзима

965. «Если б ты был простой человек, мой любимый»	397
966. «Дорога в Ямато...»	398

Две песни, сложенные первым советником двора Отомо Табито в ответ

967. «Ах, когда проходить мне придется Кодзима...»	398
968. «Я ли это...»	398

Две песни, сложенные в третьем году Темпё

969. «Ах, совсем ненадолго...»	399
970. «Ах, в те дни, когда будут цветы осыпаться...»	399
971. Песня Такахаси Мусимаро, сложенная в четвертом году [Тэмпё]	399
972. Казси-ута	400
973. Песня императора [Сёму], исполненная им	401
974. Казси-ута	401
975. Песня Абэ Хиронава, второго советника двора	401

Две песни, сложенные Камикосо Оюмаро

976. «В бухте Нанива следы прилива...»	402
977. «О, верно, по дороге этой...»	402
978. Песня, сложенная Яманоз Окура, когда он был тяжело болен	402
979. Песня Отомо Саканоз, посланная племяннику Якамоти	403
980. Песня Абэ Мусимаро о луне	403

Три песни Отомо Саканоз о луне

981. «Верно, оттого что так высоки...»	403
982. «Ночью черной, как черные ягоды тута...»	403
983. «О, как чудесно любоваться...»	404
984. Песня девушки из провинции Будзэн о луне	404

Две песни принца Юхара о луне

985. «Юноша — прекрасный месяц...»	404
986. «Для того чтобы пришел друг милый...»	404
987. Песня Фудзивара Яцука о луне	405
988. Песня принца Итихара, сложенная на пиру и чествующая его отца — принца Аки	405
989. Песня принца Юхара об обряде изгнания злого духа из вина	405

990. Песня Ки Кахито, сложенная при виде сосны на заросшем холме в Томи	405
991. Песня того же Кахито, исполненная им, когда он достиг окрестностей реки Хацусэ	406
992. Песня Отомо Саканозэ о селе, где находится храм Гангодзи	406
993. Песня Отомо Саканозэ о молодом месяце	406
994. Песня Отомо Якамоти, сложенная при взгляде на молодой месяц	406
995. Песня Отомо Саканозэ, сложенная на поэтическом турнире	407
996. Песня Аmanoиукай Окамаро, сложенная по приказу императора	407

Шесть песен, сложенных во время путешествия императора [Сёму] во дворец Нанива

997. <Неизвестный автор>	407
998. <Песня принца Фунэ>	408
999. <Песня принца Морибэ>	408
1000. <Песня принца Морибэ>	408
1001. <Песня Ямабэ Акахито>	408
1002. <Песня Абэ Тоёцугу>	409
1003. Песня, сложенная Фудзии Онари	409
1004. Песня Курацукури Масухито	409

Песни, сложенные Ямабэ Акахито

1005. «Дивный Ёсину-дворец...»	410
1006. Каэси-ута	410
1007. Песня принца Итихара, в которой он печалится, что он единственный сын	411
1008. Песня Имибэ Куромаро, в которой он упрекает друга за запоздалый приход	411
1009. Песня экс-императрицы [Гэнсё], сложенная зимой [восьмого года Тэмпё]	411
1010. Песня Татибана Нарамаро, сложенная по приказу императора	412

Две песни, сложенные зимой восьмого года Тэмпё

1011. [Неизвестный автор]	412
1012. [Неизвестный автор]	412

Две песни, сложенные весной девятого года Тэмпё

1013. <Песня хозяина — принца Кадобэ>	413
1014. <Песня Татибана Аянари>	413
1015. Песня принца Энои, сложенная в ответ	413
1016. Песня, сложенная весной, во втором месяце, во время пира	414
1017. Песня, сложенная Отомо Саканозэ летом, в четвертом месяце	414
1018. Песня монаха из храма Гангодзи	414

Песни, сложенные, когда Исоноками Отомаро был сослан в страну Тоса

1019. «О вельможа славный наш...»	415
1020—1021. «С трепетом приказу вняв...»	415
1022. «У отца родного я...»	416
1023. Каэси-ута	416

Четыре песни, исполненные на поэтическом турнире

1024. <Песня Кособэ Цусима>	417
---------------------------------------	-----

1025. <Песня Татибана Мороз, сложенная в ответ>	417
1026. «Все сто почтеннейших вельмож...»	417
1027. «Под сенью померанцевых цветов...»	418
1028. Песня Отомо Саканоз	418
1029. Песня, сложенная Отомо Якамоти во временном дворце в Кюти	418
1030. Песня императора [Сёму]	418
1031. Песня Тадзихи Иэнуси	419

Две песни Отомо Якамоти, сложенные во временном дворце в Садза

1032. «Пока сопровождаю я тебя...»	419
1033. «Быть может, это рыбаки Сима...»	419
1034. Песня Отомо Адзумахито, сложенная во временном дворце Таги	419
1035. Песня Отомо Якамоти	420
1036. Песня, сложенная Отомо Якамоти во временном дворце в Фува	420
1037. Песня Отомо Якамоти, восхваляющая столицу Куни	420

Две песни Такаока Коти

1038. «Ведь родина моя совсем недалеко...»	421
1039. «О, если бы с тобою, милым другом...»	421
1040. Песня, сложенная Отомо Якамоти во время поэтического турнира	421
1041. Песня, сложенная на поэтическом турнире, когда придворные чиновники собрались в доме Абэ Мусимаро	422

Песни, сложенные на пиру

1042. <Песня принца Итихара>	422
1043. <Песня Отомо Якамоти>	422

Три песни, сложенные в печали о заброшенной столице Нара

1044. [Неизвестный автор]	423
1045. [Неизвестный автор]	423
1046. [Неизвестный автор]	423
1047. Песня, сложенная в печали о старом селении Нара	423

Каэси-ута

1048. «Оттого что изменились времена...»	425
1049. «Оттого что все пустыней и пустыней...»	425
1050. Песня, восхваляющая новую столицу в Куни	426

Каэси-ута

1051. «Наверно, оттого что так прекрасна...»	427
1052. «Высоки горы здесь...»	427
1053. [Снова песня, восхваляющая столицу в Куни]	427

Каэси-ута

1054. «О, если даже перестанет течь...»	428
1055. «Когда глядишь на цепи дальних гор...»	429
1056. «Гора Касэ — гора Катужка...»	429
1057. «На горе Касэ густые рощи...»	429
1058. «Кукушка, что поет...»	429

1059. Песня, сложенная в весенний день в печали о заброшенной всеми Миканохара	429
Каэси-ута	
1060. «В Миканохара...»	430
1061. «Цветов прекрасных блеск...»	430
1062. Песня, сложенная во дворце Нанива	431
Каэси-ута	
1063. «От покоев пышного дворца...»	432
1064. «Лишь только схлынет на море прилив...»	432
1065. Песня, сложенная, когда проезжали бухту Минумэ	432
Каэси-ута	
1066. «Как в зеркало кристальное глядишь...»	433
1067. «Оттого что чисты берега...»	433

КНИГА СЕДЬМАЯ

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

Поют о небе

1068. «Вздывается волна из белых облаков...»	437
--	-----

Поют о луне

1069. «Обычно никогда о ней не думал...»	437
1070. «Ах, даже дальние поля в Каритака...»	437
1071. «Пока стоял и ждал...»	438
1072. «Хочу, чтобы луна...»	438
1073. «Ниспадают жемчуга на нитях шторы...»	438
1074. «Эта луна...»	438
1075. «Оттого ль что далек...»	438
1076. «Как прозрачно чиста...»	439
1077. «Пускай бы на западных склонах...»	439
1078. «Если светлая эта луна...»	439
1079. «Месяц светлый, что должен сиять...»	439
1080. «Вечные своды небес...»	439
1081. «Ночью черной, как черные ягоды тута...»	440
1082. «Нынче можно увидеть...»	440
1083. «Не потому ль, что перед инеем туман...»	440
1084. «О, до какой поры...»	440
1085. «К дому подойдя, где милая живет...»	440
1086. «Верно, из-за рода славного Отомо...»	441

Поют о гучах и облаках

1087. «На реке на Анаси...»	441
1088. «Вместе с шумом...»	441
1089. «В океане, в голубой дали...»	441

Поют о дожде

1090. «Верно, милая моя...»	442
1091. «Дождь, не лей с такою страшной силой...»	442

Поют о горах

1092. «Склоны гор в священных рощах хиноки...»	442
--	-----

1093. «Как было б хорошо, когда бы следом...»	443
1094. «Свои одежды...»	443
1095. «Когда взгляну на горы Мива...»	443
1096. «Преданий древних...»	443
1097. «Милый мой, приди ко мне...»	443
1098. «На дороге дальней, в стороне Кии»	444

Поют о холмах

1099. «Если б в Катаока на холмах зеленых...»	444
---	-----

Поют о реках

1100. «Как в Макимуку воды Анаси...»	444
1101. «Когда ночь наступает...»	444
1102. «Чистота журчанья струй текущих...»	445
1103. «Ту заводь тихую большой реки...»	445
1104. «Коней построив в ряд...»	445
1105. «Ёсину-реку, что славится красою...»	445
1106. «Любуясь ныне...»	445
1107. «Оттого что на реке Хацусэ...»	446
1108. «Оттого что быстро мчатся струи...»	446
1109. «Оттого что быстро мчатся струи...»	446
1110. «Отыскать собираясь...»	446
1111. «И в старину, наверное, внимали...»	446
1112. «Девушка, надевшая впервые...»	447
1113. «Над речкой малой...»	447
1114. «Там, где мой шнур...»	447
1115. «О пути реки далекой Юоя...»	447

Поют о росе

1116. «К росе небесной, в иней превращенной...»	447
---	-----

Поют о цветке

1117. «Когда на море обогнул я остров...»	448
---	-----

Поют о листьях

1118. «Те люди, что жили в далекие годы...»	448
1119. «Реки текущей убегают воды...»	448

Поют о мхе

1120. «Ковер из мха на мысе Аонэгатакэ»	448
---	-----

Поют о травах

1121. «На дороге, по которой прохожу...»	449
--	-----

Поют о птицах

1122. «Возле отмели речной, куда летят...»	449
1123. «Речных оленей...»	449
1124. «Тидори, поднимающие шум...»	449

Тоскуют о родине

1125. «О Камунаби — сердцу милое село...»	450
1126. «Еще ведь не прошли...»	450

Поют о колодце

1127. «Так прозрачна и чиста вода...»	450
1128. «Ты, сверкавший блеском...»	451

Поют о яматогого

1129. «Когда возьму я в руки кото...»	451
---	-----

Сложено в Ёсину

1130. «Когда взгляну на гору Микумари...»	451
1131. «Когда дивное Ёсину ныне увидел...»	451
1132. «Имэновада — царство сновидений...»	452
1133. «Я — слуга из свиты божества...»	452
1134. «Как крепкие дубы и скалы...»	452

Сложено в провинции Ямасиро

1135. «Как видно, на реке на Удзигава...»	452
1136. «О водоросли сугамо...»	453
1137. «Родич древний...»	453
1138. «Хоть и кричат...»	453
1139. «Люди в тихая — могучий род...»	453

Сложено в провинции Сэгцу

1140. «Птицы синагатори сидят рядами...»	454
1141. «Оттого ли что течение быстро...»	454
1142. «Чтоб жизнь моя счастливою была...»	454
1143. «На землю ночь сошла...»	454
1144. «О, как досадно мне...»	455
1145. «Рукав, что замочил...»	455
1146. «Любимый человек...»	455
1147. «Будь время у меня...»	455
1148. «На глину желтую прекрасных берегов...»	455
1149. «Морские раковины „позабудь-любовь“...»	456
1150. «Хотел бы дом иметь на берегу морском...»	456
1151. «Те волны, что все время набегают...»	456
1152. «Вот весел легкий шум...»	456
1153. «Никогда я не смогу забыть...»	456
1154. «Вот дождь идет...»	457
1155. «В Наго, у моря, в час рассвета...»	457
1156. «Цвет платья, что было окрашено мною...»	457
1157. «Хоть и не знаю я, когда подует...»	457
1158. «В Суминоэ...»	457
1159. «Чистота журчания волны...»	458
1160. «Стоя в бухте Нанива, на берегу...»	458

Сложено в странствии

1161. «Ведь в пути теперь один скитаюсь...»	458
1162. «Не оттого ли, что встала на море волна...»	458
1163. «В тихой гавани Аютигата...»	459
1164. «Когда прилив от берегов отхлынул...»	459
1165. «Журавль, что ищет для себя добычу...»	459
1166. «Вот эта дивная долина, что искали...»	459
1167. «Ту траву зеленую „имя-назови“...»	459
1168. «И сегодня, наверное...»	460
1169. «В далеком море, в Оми...»	460
1170. «Если собрались облака...»	460
1171. «Все думаю о побережье дальнем...»	460
1172. «Где кормчий...»	460
1173. «На реке Ню...»	461
1174. «Град идет: ка-си-ма-си-ки...»	461

1175. «Когда я с завистью смотрю на журавлей...»	461
1176. «В Унаками-бухте, здесь...»	461
1177. «Оттого ль что чисты берега...»	461
1178. «Как будто Инамину миновал...»	462
1179. «Как, верно, дома...»	462
1180. «Катящиеся у пустынных берегов...»	462
1181. «О Тацута-гора...»	462
1182. «Не белые ли натянули паруса...»	462
1183. «Коль буду счастлив я в своей судьбе...»	463
1184. «Я, словно птица...»	463
1185. «На многовесельной ладье отплыл...»	463
1186. «Травы собирающие...»	463
1187. <Песня из сборника Какиномото Хитомаро>	463
1188. «Азалия...»	464

<Семь песен, сложенных Фудзивара Фусасаки>

1189. «О буря, не шуми...»	464
1190. «Причалим корабли...»	464
1191. «В ворота любимой заходят — выходят...»	464
1192. «У горы Мацуги, что сверкает...»	465
1193. «Гора Любимая — Имонояма...»	465
1194. «Когда ты выйдешь к бухте Саига...»	465
1195. «Так приятно сердцу моему...»	465
1196. «Когда милая спросит меня о подарках...»	465
1197. «Раковины „позабудь-любовь“...»	466
1198. «Журавли, что живут возле берега моря...»	466
1199. «Верно, по морю плывут ладьи...»	466
1200. «Моя ладья...»	466
1201. «В океане...»	466
1202. «Не потому ли, что о нем тоскую...»	467
1203. «На каменистом берегу у моря...»	467
1204. «Оттого, что чисты берега...»	467
1205. «Весело на взморье...»	467
1206. «Пусть на берег хлынут...»	467
1207. «Хоть и собирался я приплыть...»	468
1208. «Когда я горы проходил...»	468
1209. «Если бы родились вы людьми...»	468
1210. «Когда в пути...»	468
1211. «У дома твоего, любимая моя»	468
1212. «Пройдя Атэ...»	469
1213. «О Утешения гора!»	469
1214. «И даже листья солнечных деревьев...»	469
1215. «Пока ты здесь, как следует смотри на остров Яшмовый...»	469
1216. «Коль нахлынет прилив...»	469
1217. «Хорошо любоваться...»	470
1218. «Море в Куроуси...»	470
1219. «В вечерний час, когда у бухты Вака...»	470
1220. «Ради милой девы, мной любимой...»	470
1221. «Весла быстрые моей ладьи...»	470
1222. «Я на Яшмовый остров смотрю...»	471
1223. «Глубоко дно в открытом море...»	471
1224. «Подернулась тумана дымкой...»	471
1225. «Спустилась ночь...»	471
1226. «Вот волны поднялись...»	471
1227. «Стоя на скалистом берегу...»	472

1228. «На ладьях, плывущих возле берегов...»	472
1229. «Моя ладья...»	472
1230. «Пусть миновали мы...»	472
1231. «Верно, южный ветер нынче дует...»	472
1232. «Пусть в океане...»	473
1233. «Девы молодые, в руки гребни взяв...»	473
1234. «Стремительна волна в часы прилива...»	473
1235. «Высоко волны поднялись кругом...»	473
1236. «Если ты мне гредишься все время...»	473
1237. «Хоть и тихо...»	474
1238. «Пусть шумят, бушуя, эти волны...»	474
1239. «В океане...»	474
1240. «Словно драгоценным ларчиком любуюсь...»	474
1241. «Словно черные ягоды тута...»	474
1242. «Если б целый день, бродя горами...»	475
1243. «Взглянул кругом...»	475
1244. «Девы молодые...»	475
1245. «Как порой канаты на челнах рыбачьих...»	475
1246. «Там, где рыбаки на берегах Сика...»	475

<Четыре песни из сборника Какиномото Хитомаро>

1247. «Как приятно любоваться мне на горы...»	476
1248. «Когда у водорослей в море...»	476
1249. «Когда собирала, мой друг, для тебя...»	476
1250. «Я, что пошел собирать...»	476

ПЕСНИ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

Поют о птицах

1251. «Тидори, плачущие возле берегов...»	477
1252. «Это только люди равнодушно...»	477

Поют о рыбаках

1253. «О рыбаки из гавани Сига...»	477
1254. «К большому кораблю...»	477

Песни к случаю

1255. «Лунною травой цукигуса...»	478
1256. «Дымка вешняя покрыла поле...»	478
1257. «На краю идущей вдаль дороги...»	478
1258. «Когда слышишь и знаешь...»	478
1259. «Любимая...»	479
1260. «Платья пестрые...»	479
1261. «О горная тропа...»	479
1262. «Ты, что цепи горные прошел...»	479
1263. «В алый час, на рассвете...»	479
1264. «Я на западный базар в столице...»	480
1265. «Дыры на холщовых платьях стражей...»	480
1266. «На корабле большом в бушующее море...»	480

Раздумье у развалин

1267. «Руины столицы, по которой когда-то...»	480
---	-----

<Две песни из сборника Какиномото Хитомаро>

1268. «Руки дев любимых служат изголовьем...»	481
1269. «Как пена на волнах прозрачных рек...»	481

Высказываются мысли по поводу разных вещей

1270. «Среди гор Хацусэ...» 481

В странствии

1271. <Из сборника Какиномото Хитомаро> 482

СЭДОКА

<Двадцать три песни из сборника Какиномото Хитомаро>

1272. «Лезвие меча в ножны вложено...»	482
1273. «В Суминоэ хаги есть...»	482
1274. «В Суминоэ...»	483
1275. «В Суминоэ...»	483
1276. «Там, у берега, где пруд...»	483
1277. «У принцессы, что живет на небесах...»	483
1278. «В пору летнюю в тени...»	484
1279. «Ясневый лук — лук Адзуса натянут...»	484
1280. «Дни работ указывает храм...»	484
1281. «Ту одежду, что я соткала...»	484
1282. «Лестница ведет в амбар — кура...»	485
1283. «Лестница ведет в амбар — кура...»	485
1284. «Лестница ведет в амбар — кура...»	485
1285. «Даже в день весны...»	485
1286. «Здесь, в Ямасиро...»	486
1287. «Хороши из зелени венки...»	486
1288. «В гавани для кораблей...»	486
1289. «Кличешь ли ты теперь собак...»	486
1290. «Там, на дне глубоко под водой...»	487
1291. «Дети, вы, что косите траву...»	487
1292. «Возле бухты...»	487
1293. «Падает на землю град...»	487
1294. «К солнцу, что восходит поутру...»	488
1295. «Из-за гор Микаса голубых...»	488

ПЕСНИ-АЛЛЕГОРИИ

<Пятнадцать песен из сборника Какиномото Хитомаро>

Сравнивают с платьем

1296. «Ныне шитое...»	488
1297. «В ярко-алые цвета хочу...»	489
1298. «Пусть судачат люди...»	489

Сравнивают с жемчугом, с яшмой

1299. «Ах, на море, где утки целой стаей...»	489
1300. «И там, и здесь, на побережье...»	489
1301. «Из-за яшмы прекрасной...»	490
1302. «У морского владыки...»	490
1303. «И хотя тот рыбак...»	490

Сравнивают с деревом

1304. «Сердца тайники...»	490
1305. «Все гляжу и наглядеться не могу...»	491

<i>Сравнивают с цветком</i>	
1306. «Цветок, что рос внизу...»	491
<i>Сравнивают с рекой</i>	
1307. «Говорили напрасно...»	491
<i>Сравнивают с морем</i>	
1308. «Если беда случится...»	491
1309. «Пусть дует ветер и бушует море...»	492
1310. «Оттого что страшны боги островов...»	492
<i>Сравнивают с платьем</i>	
1311. «С тех пор как услышал...»	492
1312. «Если б стал я скверно относиться...»	492
1313. «Надеваю под одеждой верхней...»	493
1314. «Хотя и убого то платье...»	493
1315. «Ведь живу...»	493
<i>Сравнивают с нитью</i>	
1316. Нитям, что окрашены девами в Коти	493
<i>Сравнивают с жемчугом, с яшмой</i>	
1317. «На дне на глубоком многоводного моря...»	494
1318. «Оттого что светло дно глубокого моря...»	494
1319. «Погруженную в воду прекрасную яшму...»	494
1320. «На дне на глубоком многоводного моря...»	494
1321. «О этот мир, мир горя и обмана...»	495
1322. «Жемчужину ту, что в заливе Симацу, в Ама...»	495
1323. «На дне морском среди равнины бесконечной...»	495
1324. «Коль было сказано, что яшмовая нить...»	495
1325. «Тот, кто жемчужину прекрасную берет...»	495
1326. «Жемчужину прекрасную хочу...»	496
1327. «Осенний ветер, я тебя прошу...»	496
<i>Сравнивают с яматогого</i>	
1328. «Вот жемчужное малое кото...»	496
<i>Сравнивают с луком</i>	
1329. «Если натянул бы тетиву...»	496
1330. «Дерево для лука — маюми...»	497
<i>Сравнивают с горой</i>	
1331. «Пусть я знаю...»	497
1332. «К той горе крутой...»	497
1333. «Горой Сахо...»	497
1334. «На скалах каменных, в глубинах гор...»	498
1335. «Слишком велика была любовь...»	498
<i>Сравнивают с травой</i>	
1336. «Скрытое зимой...»	498
1337. «Поле с травами душистыми кая...»	498
1338. «Золотистая трава — цутихари...»	499
1339. «Собираюсь я покрасить платье...»	499
1340. «Цвета мурасаки...»	499
1341. «Нанизали жемчуга на нить...»	499
1342. «Оттого что поднялась гора высоко...»	499
1343. «Оттого что велика молва...»	500

1344. «Как мечтаю я о деве молодой...»	500
1345. «Вечности не знают люди на земле...»	500
1346. «Оминаэси-цветок растет...»	500
1347. «С той поры как только я заметил...»	500
1348. «С той поры...»	501
1349. «Ужели так живя...»	501
1350. «На поле в Ябасэ, в стране далекой Оми...»	501
1351. «Травой цукигуса, травой лунной...»	501
1352. «Сердце мое...»	501

Сравнивают с рисом

1353. «Пусть еще в Фуру, в Исоноками...»	502
--	-----

Сравнивают с деревом

1354. «Роща хаги средь полей Ману...»	502
1355. «Дровосек, что выпесал столбы...»	502
1356. «Дерево момоноки...»	502
1357. «Ведь не раз вскормившая меня...»	503
1358. «Сердцу милый дом мой...»	503
1359. «Ту ветку нежную, что стала зеленеть...»	503

Сравнивают с цветком

1360. «Ко мне, что любит...»	503
1361. «Цветок камелии в полях Асасава...»	504
1362. «Кто мог сорвать...»	504
1363. «У хаги, что цветет...»	504
1364. «Осеннее дерево хаги...»	504
1365. «Осенний хаги, что растет у дома...»	504

Сравнивают с птицами

1366. «Даже птицам, что приюта ищут...»	505
---	-----

Сравнивают со зверьком

1367. «Как зверек мусасаби, что живет на верхушках деревьев...»	505
---	-----

Сравнивают с облаком

1368. «Пусть стану облаком...»	505
--	-----

Сравнивают с громом

1369. «Ты словно грома бог...»	505
--	-----

Сравнивают с дождем

1370. «Ах, дождь не лил...»	506
1371. «Ведь не надеваю это платье...»	506

Сравнивают с луной

1372. «Нет ночи, чтоб я на него не глядела...»	506
1373. «Горы Касуга...»	506
1374. «Так мучительна...»	507
1375. «Жизнь, тающую так легко...»	507

Сравнивают с красной глиной

1376. «Глина красная из местности Уда...»	507
---	-----

Сравнивают с богами

1377. «О, нет, не потому что лег запрет меж нами...»	507
1378. «Даже в храмах...»	508

Сравнивают с рекой

1379. «Если Асука-река...»	508
1380. «Хоть в текущих струях Асука-реки...»	508
1381. «У реки у Хиросэ...»	508
1382. «О, если даже перестанут течь...»	509
1383. «Если бы я вздыхал о тебе...»	509
1384. «Пусть под водой...»	509

Сравнивают с закопанным деревом

1385. «Рубанок в руки взяв, стругают...»	509
--	-----

Сравнивают с морем

1386. «К большому кораблю...»	510
1387. «Из Фусигоэ — страшных мест...»	510
1388. «Омывая скалы, набегают в бухте...»	510
1389. «В бухте с моря на скалистый берег...»	510
1390. «Думать лишь о том, что в море, в Оми...»	511
1391. «В затишье утреннем...»	511

Сравнивают с песком бухты

1392. «Мурасаки-травы знаменита...»	511
1393. «Там, в Тоёкуни...»	511

Сравнивают с водорослями

1394. «Не трава ли ты морская...»	512
1395. «На каменистом диком берегу...»	512
1396. «Травы мурасаки знамениты...»	512
1397. «Заливающие дикий берег волны...»	512

Сравнивают с кораблем

1398. «В Садзанами...»	513
1399. «Сотни раз проходят...»	513
1400. «От одного к другому острову идя...»	513
1401. «К островку, лежащему в открытом море...»	513
1402. «Если расставаться...»	514

СЭДОКА

1403. «Там, в долине вечных криптомерий...»	514
---	-----

ПЛАЧИ

1404. «Тебя, которым любовалась я...»	514
1405. «Когда сказали люди мне...»	514
1406. «Когда исчезло, уплывая...»	515
1407. «В скрытой ото всех...»	515
1408. «Не обман ли это все...»	515
1409. «Все жду любимую, что удалилась в горы...»	515
1410. «О бренный мир!»	515
1411. «Кого среди людей назвать счастливым?»	516
1412. «Думая, что, верно, милый мой...»	516
1413. «У домашних птиц — у петухов...»	516
1414. «О, если бы была жива...»	516
1415. «Приславшая мне яшмовую ветку...»	516
1416. Из неизвестной книги	517
1417. Песня странствования	517

КОММЕНТАРИИ	519
Список библиографических сокращений	627
Словарь географических названий	628

МАНЪЁСЮ

том 1

*Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. А. Кукушкина*
Художник *А. И. Калашников*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *В. В. Антонова*

Сдано в набор 5/XI 1969 г.
Подписано к печати 19/VIII 1970 г.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1
Печ. л. 42,5. Уч.-изд. л. 35,96
Тираж 7000 экз. Изд. № 136
Заказ № 2978. Цена 2 р. 36 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16

манъёсю

萬葉集

1

манъёсю

